

ВВЕДЕНИЕ

УСТОЯВШЕЙСЯ терминологии в избранной нами области нет, поэтому прежде всего определимся с исходными и ключевыми понятиями.

Принудительные миграции — это перемещения значительных масс людей, принятые государством по отношению к своим или чужим гражданам **путем принуждения**. Само принуждение может быть при этом **прямым** или **косвенным**.

В первом случае мы имеем дело с **насильственными миграциями**, или **депортациями**¹, во втором — с **добровольно-вынужденными миграциями**, когда государство «влияет» на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решения о переселении именно таким образом, каким оно, государство, хотело бы его видеть. Иными словами, в первом случае мы имеем дело с откровенно репрессивным (карательным) характером воздействия государства на гражданина (или иноподданного), во втором — с целенаправленным административным давлением на его волеизъявление.

Существует тонкий, но важный нюанс: давление государства на граждан есть универсальное свойство их отношений, оно как бы естественно и нормально. Но само решение тем не менее остается за гражданином, и оно, при всех оговорках, является добровольным. Поэтому нерепрессивные, или добровольно-вынужденные, миграции не входят в предметную сферу настоящей работы и фигурируют в ней скорее как материал для сравнения с миграциями репрессивного плана. Интерпретация таких миграций как принудительных допустима лишь в некоторых исключительных случаях, когда государство как бы «пережимает» (примерами таких исключений могут служить переселение демобилизованных красноармейцев по путевкам военкоматов или большая часть так называемых «плановых переселений на плоскость», длительное время практиковавшихся в народно-хозяйственной практике высокогорных районов Кавказа и Средней Азии).

Депортации (насильственные миграции) — это одна из специфических форм или разновидностей **политических репрессий**². Они являются и своеобразной формой уче-

¹ От лат. «*deportatio*» — изгнание, ссылка.

² От лат. «*repressio*» — карательная мера, наказание, имеющая целью подавить, пресечь что-либо. Ср.: «*Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворение из страны и лишение гражданства, выселение групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или*

та и принуждения государством его не индивидуальных, а групповых политических противников (не столь важно, подлинных или мнимых). Случаи, когда депортации подвергается не часть группы (класса, этноса, конфессии и т. д.), а практически вся она полностью, называются **тотальной депортацией**.

Мы сознательно избегаем употребления вошедшего (благодаря событиям в Югославии) в 1990-е гг. в широкий обиход термина «**этническая чистка** (ethnic cleansing)»: на наш взгляд, он слишком нечеток и расширителен. К тому же многие виды депортаций, именуемые ниже «**зачистками**»³ (территории или границ), не носили этнической окраски.

Определяющими же особенностями именно **депортаций как репрессий** являются их *административный* (внесудебный) *характер* и их *списочность*, то есть направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Решения о депортациях принимались, как правило, руководителями партии и правительства, по инициативе органов ОГПУ–НКВД–КГБ и ряда других ведомств. Это ставит депортации вне компетенции и правового поля советского судопроизводства⁴ (как и вне международного и союзного законодательства о военнопленных) и резко отличает систему спецпоселений от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также системы лагерей для военнопленных и интернированных («архипелаги» ГУЛАГ и ГУПВИ).

СССР — страна традиционно высокой мобильности населения. Однако в ее основе — не простой и свободный выбор гражданами своего местожительства, обусловленный их индивидуальными предпочтениями и особенностями факторов рынков труда и жилья, но совершенно иной тип мобильности, носящей плановый, массовый и приказной — одним словом, принудительный — характер. Кульминацией такого рода «мобильности» и являлись депортации населения, по праву ставшие одной из главных составных частей сталинских репрессий.

Эта недвусмысленная установка на *отрыв масс людей* от их устоявшейся и привычной среды обитания и, стало быть, на *перемещение в пространстве* (подчас на многие тысячи километров) является еще одной принципиальной особенностью, объединяющей проблематику принудительных миграций с исследованиями «классических» миграций и придающей ей априори **географический характер**.

иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями» (Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991, статья 1).

³ В то же время термином «зачистка», самим по себе ярким и точным, мы пользуемся достаточно широко, даже несмотря на то, что он практически не употреблялся в документах описываемой эпохи.

⁴ При этом ни Уголовный, ни Гражданский кодекс не принимался во внимание, и даже такие суррогаты советского судопроизводства, как «тройки» или «Особое Совещание», не были задействованы (другое дело, что частыми были такие их судебные решения, которые предусматривали «ссылку в отдаленные местности СССР» после отбытия срока в том или ином учреждении ГУЛАГа и под надзором органов спецпереселения, ответственных и за «просто» ссыльных).

Отдельные и, на первый взгляд, локальные операции по принудительному переселению тех или иных групп населения начались в СССР в ходе или сразу же после окончания Гражданской войны. В 1930–40-е гг. принудительные миграции в СССР практиковались с такой интенсивностью и энтузиазмом, что не приходится удивляться поистине впечатляющим достижениям первого в мире рабоче-крестьянского государства в этом деле. Тем не менее говорить о специфичности принудительных миграций исключительно для СССР (или социалистического строя) было бы, на наш взгляд, не корректно: ни первооткрывателем, ни тем более монополистом в области депортаций СССР не является, скорее, это наиболее последовательный и целеустремленный их **претворитель в жизнь**.

В то же время нельзя не отметить незаурядную *органичность* их сочетания и глубокую *соприродность* друг другу, что и предопределило в общем-то феноменальное распространение принудительных миграций в СССР, их отлаженную *технологичность* и как следствие — неслыханную прежде *масштабность*. Вообще легкость жонглирования миллионами душ, манипулирования судьбами столь многочисленных групп людей, как, скажем, целые *народы* (например, немцы или чеченцы) или *классы* (например, кулаки или дворяне), — по-настоящему потрясает!

Искажениям подвергалась даже семантика понятий. Из-за того, что происходило, например, с миллионами бывших остарбайтеров и советских военнопленных в послевоенное время, понятия *репатриация* и *репатриант* сами по себе утратили свой нейтральный смысл и окрасились в «цвет» прилагательного, с которым оно по справедливости сочеталось: термины «репатриация» и «насильственная репатриация» стали как бы синонимами.

Представляется, однако, что использование депортаций как репрессивных методов воздействия к гражданским лицам есть специфическая черта **тоталитаризма** в целом: ведь и у немецких национал-социалистов рука не дрогнула ни при угоне миллионов остарбайтеров и эвакуированных в Третий Рейх, ни при депортации и методической ликвидации евреев и цыган!

Думается, права Т. Ф. Павлова, утверждая: «...Только тоталитарное общество могло породить такое явление, как принудительная высылка народов».⁵ Уместно вспомнить и П. Сорокина, его ценное и прозорливое замечание о том, что тоталитарные режимы чувствуют себя в своей тарелке только в условиях кризисов и катаклизмов. Чем кризис глубже, тем сильнее тоталитарная инверсия бытия.⁶

Настоящая работа является **историко-географическим исследованием принудительных миграций в СССР**, осуществлявшихся, во-первых, уполномоченными органами советской власти как на территории СССР (*внутренние принудительные миграции*), так и, во-вторых, за ее пределами; сюда же относятся и депортации, осуществленные уполномоченными органами Третьего Рейха с территории СССР (*международные принудительные миграции*).

⁵ Павлова, 1992, с. 28.

⁶ Цит. по: Исупов, 1990, с. 181.

Внутренние принудительные миграции в целом, начиная от депортации казаков в 1919 году и до депортаций «тунеядцев» в середине 1950-х гг., — это масштабное историческое явление, затронувшее около 6 млн. человек. Они являлись составной частью тоталитарной государственной системы миграций в СССР, обусловленной сложным сочетанием политических и экономических факторов. Их основными и определяющими элементами, или эпизодами, являлись так называемые *«кулацкая ссылка»* и тотальные депортации *«наказанных народов»* в годы Великой Отечественной войны.

На еще большее количество людей выходят **международные принудительные миграции**. Так, поистине огромно число советских граждан, депортированных немецкими оккупантами на принудительные работы в Третий Рейх, — более 3,2 млн. чел. Большинство из них в первые же послевоенные месяцы было репатрировано, причем, как правило, с отчетливыми элементами принуждения или насилия. Общее число репатрированных значительно превосходит число угнанных гражданских рабочих, поскольку возвращались и другие категории советских граждан (военнопленные, беженцы и т. д.), находившиеся в Третьем Рейхе. Депортация же лиц немецкой национальности из стран Юго-Восточной Европы (численно не самая значительная, особенно на фоне остальных контингентов) чрезвычайно важна типологически, как целенаправленная попытка Сталина распространить советские правила игры на оккупированные страны Европы, а заодно и получить дополнительный контингент рабочих рук.

Все эти многочисленные и, на первый взгляд, хаотические перемещения миллионов людей имели самые серьезные демографические и экономические последствия для регионов прибытия и выбытия, а также для страны в целом.

С момента своего осуществления и чуть ли не до конца 1980-х гг. принудительные миграции были в СССР одной из самых табуированных тем. До середины 1950-х гг., когда прозвучали первые хрущевские разоблачения, из общественного (а в значительной мере и из государственного) обихода были исключены не только какие бы то ни было сведения о депортациях и депортированных, но и сами упоминания о высланных народах.

Непосвященный мог бы догадаться о существовании в СССР, например, ингушей или калмыков лишь посредством сличения аналогичных справочных источников (энциклопедических изданий, административных карт), датированных временем до и после депортаций. Да и после частичной реабилитации запрет на «лишнюю» информацию не был снят и фигура умолчания оставалась преобладающей. Помимо официозной интерпретации допускались — и то лишь изредка — единичные глухие ссылки фактографического характера (как правило, в контексте мажорного анализа деятельности партийных и советских органов тех или иных регионов в те или иные периоды).

Впервые во весь голос о принудительных миграциях в СССР заговорили на Западе. Первые специальные упоминания, первые постановочные и обобщающие исследования, посвященные этим вопросам, появились именно там, причем на удивление рано. Так, уже в 1960 году, то есть спустя всего три года после начала процесса реабилитации

«наказанных» этносов, в США вышла книга Роберта Конквеста «Советские депортации народов».

Этнические депортации военного времени в СССР он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и «сухопутностью» Российской Империи. Основывался он при этом на чрезвычайно скудных источниках — советском официозе (включая упомянутые сравнения административных карт и энциклопедий, переписи 1926, 1939 и 1959 гг., кампанию по разоблачению Шамиля как агента английского империализма и даже перечни подписных изданий Союзпечати!), показаниях австрийских военнопленных, репатриированных из Казахстана (где они сталкивались, по крайней мере, с чеченцами), и даже отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 года в Приэльбрусье (куда уже начали возвращаться балкарцы)⁷. Многое почерпнуто из признаний советского перебежчика, подполковника Бурлицкого, участника всех операций по депортациям (кроме балкарской)⁸, а также из «секретного» доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС (в котором, кстати, остались не упомянутыми советские немцы и крымские татары)⁹.

Несмотря на эту скудность источников, Р. Конквест сумел дать первый — и к тому же весьма реалистичный — набросок хронологии и статистики депортаций «наказанных народов», и даже — частичный и несколько более условный — набросок статистики смертности в ходе их осуществления. Он же сделал и напрашивавшийся обобщающий вывод о том, что привилегированными народами, в наибольшей степени «выигравшими» от депортаций, стали грузины и осетины на Кавказе и украинцы в Крыму.

Р. Конквест построил и первую (весьма условную и даже не совсем точную) карту депортаций «наказанных народов» в СССР.¹⁰ В 1972 году вышло первое издание «Атласа русской истории» Мартина Гильберта, где была представлена и карта обобщенных направлений этнических депортаций в СССР (более точная, чем у Р. Конквеста, но все еще весьма приблизительная).

В общем контексте сталинских репрессий о раскулачивании и об этнических депортациях написал в своем «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. По существу, каждая контингентная депортация непременно «делегировала» в ГУЛАГ (так сказать, на индивидуальной основе) своих наиболее ярких и «опасных» лидеров и представителей. В «Истории нашей канализации» (второй главе первой части «Архипелага») А. Солженицын рассказал о подавляющем большинстве депортационных «потоков», прекрасно укладывающихся в заданные им себе — с 1918 по 1956 гг. — временные рамки. При этом, несколько, может быть, расширяя рамки «компетенции» ГУЛАГа как структурного

⁷ См.: Jones R. Climbing wit the Russians // Geographical Magazine. 1959. June.

⁸ Были опубликованы в журнале «Life» за 5.07.1954.

⁹ Кроме того, информацией располагали и представители депортированных народов из числа советских «невозвращенцев», избежавших послевоенной репатриации. В частности, по информации Р. Конквеста, особенно активной и организованной была калмыцкая диаспора во главе с Наминовым, постоянно обращавшаяся в международные организации и взывавшая к общественному мнению как в странах Запада, так и на Востоке.

¹⁰ *Conquest*, 1970, p. 94.

подразделения НКВД, он несколько не преувеличил его собирательного значения и нарицательного звучания. О резонансе, который этот поистине эпический «копыт художественного исследования» имел во всем мире, включая и СССР, можно и не говорить: с учетом многочисленных переводов солженицынского «Архипелага» на все массовые литературные языки мира тема сталинских депортаций была обнародована поистине в планетарном масштабе.

Особого упоминания заслуживает вышедшая в 1978–1979 гг. (сначала на русском, а затем и на английском языках) книга Александра Некрича «Наказанные народы», написанная еще в первой половине 1970-х гг., когда автор жил в СССР. Впервые этнические депортации в СССР рассматривались здесь как целостная, малоизученная и, подчеркнем, *научная* проблема. Отдельные главы посвящены депортациям из Крыма, Калмыкии и Северного Кавказа, пребыванию «наказанных народов в статусе «спецпоселенцев» и процессу их возвращения (или невозвращения) на покинутые земли. Фактографической основой для А. Некрича послужили немногочисленные советские и зарубежные публикации по истории Второй мировой войны (напомним, что архивы в те годы были наглухо закрыты даже для большинства историков-партийцев¹¹), а также работы по истории партийного строительства в национальных окраинах СССР в годы войны и в послевоенное время, подчас содержавшие «крупницы» сведений, ценных для проблематики «наказанных народов», а также устные свидетельства представителей самих репрессированных народов. В качестве «первопроходцев темы» и своих предшественников А. Некрич называет А. Х. Дзукаева (писавшего о чеченцах) и Х. И. Хутуева (о балкарцах), а также Ч. С. Кулаева (о карачаевцах), Д.-Ц. Д. Нодинаханова и М. Л. Кичинова (о калмыках), В. И. Филькина и С. Н. Джугурьянца (о чеченцах и ингушах) и Р. И. Музафарова (о крымских татарах). Отдавая должное этим ученым, сосредоточенным, как правило, на истории исключительно одного народа или региона, подчеркнем еще раз заслугу самого А. Некрича, выдвинувшего проблематику «наказанных народов» как самостоятельную научную задачу и сделавшего первые, и потому особенно трудные, шаги к ее решению.

Первые советские научные статьи и публикации по этой проблематике появились только в конце 1980-х гг., уже во время перестройки. Постепенное открытие соответствующих фондов в центральных и региональных архивах России и других стран СНГ привело к всплеску интереса к этой проблематике и многочисленным публикациям с начала 1990-х годов, среди которых выделяются работы С. У. Алиевой, В. А. Аумана и В. Г. Чеботаревой, Н. Ф. Бугая, М. А. Вылцана, А. Е. Гурьянова, В. П. Данилова, А. Н. Дугина, И. Е. Зеленина, В. Н. Земскова, Х. М. Ибрагимбеили, Н. А. Ивницкого, В. А. Исупова, Г. Н. Кима, А. И. Кокурина, С. А. Красильникова, В. Н. Максеева, О. Л. Миловой, Т. Ф. Павловой, В. С. Парсадановой, В. И. Пассата, Д. В. Шабаева и других исследователей (главным образом историков, архивистов и этнографов), а также воспоминания самих депортированных. Особенно следует отметить публикации Н. Ф. Бугая, В. Н. Земскова, О. Л. Миловой и В. И. Пассата (археографически подготовленные сборники материалов), сделавших достоянием гласности сотни важнейших документов. Весьма

¹¹ Уже по одной этой причине весьма некорректным является выставление А. Некричу упреков в незнакомстве с архивными данными (см.: *Бугай, Гонов*, 1998, с. 25, 26).

ценными являются тематические сборники о репрессиях против поляков и немцев, подготовленные историками общества «Мемориал». Среди работ, посвященных последствиям депортаций, в частности ходу реабилитации репрессированных народов и этническим конфликтам, выделяются книги А. Г. Здравомыслова и, в особенности, А. А. Цуциева об осетино-ингушском конфликте, а также работы А. Г. Осипова об этнической дискриминации турок-месхетинцев в Краснодарском крае.

В российских публикациях 1990-х гг. содержится поистине богатейший эмпирический материал, отражающий юридический, этнический, статистический, организационный, народнохозяйственный и многие другие аспекты принудительных миграций. Но, как правило, эти публикации остро нуждаются в дальнейшем археографическом и смысловом комментарии, а также в исторической интерпретации. Попытки обобщения накопленного эмпирического материала встречаются гораздо реже, среди них особенно значимы монографии о депортированных народах Н. Ф. Бугая «Л. Берия — И. Сталину: „Согласно Вашему указанию...“» (1995) и о кулацкой ссылке Н. А. Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» (1996), а также серия статей о «кулацкой ссылке» В. Н. Земскова.

На фоне темы сталинских репрессий в целом и, в особенности, исправительно-трудовой системы проблематика принудительных миграций на Западе до известной степени ушла в тень. Можно привести лишь несколько имен историков, посвятивших ей монографическое исследование или хотя бы серию статей. Сочетая анализ новодобытых в СССР эмпирических данных с традиционной приверженностью к литературным источникам (главным образом мемуарного характера), они нередко ближе, нежели их коллеги из России и Украины, подходили к обобщающим оценкам и выводам.

Более или менее интенсивно разработка этой темы продолжается в ФРГ и США. Немецкие историки изучали депортации поволжских немцев (А. Айсфельд, В. Гердт, Д. Дальман), а также историю «кулацкой ссылки» (С. Мерль). Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных и разношерстных источников отличаются статьи американских ученых, в частности М. Гелба (о депортациях корейцев, финнов и других национальных меньшинств) и П. Холквиста (о депортационной политике царской России в годы Первой мировой войны, а также большевистской России — в первые годы советской власти; большой заслугой этого автора является показ той преемственности, которая четко прослеживается между депортационной политикой России до- и после-революционной). Депортациям, а точнее, депортированным большое внимание уделено в монографии Й. О. Поля о тюремной системе СССР. Рассмотрение депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в самом общем и широком контексте этнических чисток в Европе в XX веке, как это сделали Н. Наймарк и Т. Мартин (причем с привлечением и введением в научный оборот и значительного эмпирического материала из российских архивов), также дало новую и интересную перспективу.

Недостаточно изученным оставался и вопрос о **«вестарбайтерах»** — о депортации в последние месяцы войны и использовании в первые послевоенные годы в СССР труда «интернированных» гражданских немцев иностранного подданства. На Западе уже

вышли исследования, прямо или косвенно затрагивающие эту тему (монографии Г. Вебера с соавторами, С. Карнера и др.). В России первые публикации на эту тему увидели свет в 1994 году (статьи В. Б. Конасова и А. В. Терещука, П. Н. Кнышевского, М. И. Семиряги).

В то же время **сводных** работ, охватывающих весь диапазон принудительных миграций, ни в России, ни на Западе до сих пор не было, как не было и аналитических публикаций, специально посвященных их **географическому** аспекту. Однако сегодня отмечается настоятельная научная потребность в обобщении всей этой эмпирики, в выявлении определенно стоящей за всеми фактами и событиями логики, в поиске общих, и в том числе географических, закономерностей.

Откликом на эту потребность, хочется надеяться, и стала настоящая книга. Она посвящена репрессивным принудительным миграциям населения СССР, начавшимся в первые же годы советской власти и получившим мощнейший импульс в годы раскулачивания и не менее интенсивное развитие во 2-й половине 1930-х гг., в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Фактически принудительные миграции в СССР продолжались до середины 1950-х гг. Рассматриваются как внутрисоюзные, так и международные принудительные миграции населения СССР, а также те, которые осуществлялись СССР и на территорию СССР, но объектом которых выступали иностранные граждане (в частности, Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Германии и Польши). В то же время за рамками книги остаются те международные принудительные миграции, субъектом которых выступал не СССР, а Германия (в частности, угон гражданского населения оккупированных областей в Третий Рейх).

Особенно пристальное внимание уделяется **территориальному аспекту** и **историко-географическим особенностям** и закономерностям принудительных миграций в СССР, их эволюции и итоговой пространственной картине, а также характеру воздействия на хозяйство районов выбытия и прибытия как на момент депортации, так и на современном этапе.

При этом пространственные рамки имеют как бы несколько уровней: прежде всего это СССР в его довоенных и послевоенных границах. Но, говоря о международных депортациях военного времени на территорию СССР, мы вынуждены затрагивать и общеевропейские рамки. Хронологические рамки основного исследования охватывают добрую треть столетия — начиная с 1919–1920 гг. и вплоть до середины 1950-х гг. (впрочем, историческая преамбула не имеет временных ограничений, а в 4-й главе, где обсуждаются проблемы реабилитации «наказанных народов» и последствия депортаций, учтены и самые актуальные, вплоть до 1999 года, факты и события).

Работая над книгой, мы стремились к решению следующих взаимосвязанных и достаточно конкретных задач:

1. Выявление литературной и архивной информации по отдельным операциям и этапам принудительных миграций, ее критическое осмысление и систематизация.

2. Создание банка данных по принудительным миграциям в СССР (по типу: «период» — «юридическое основание» — «контингент, его количество и административный статус» — «районы выбытия» — «районы прибытия»), организованного хронологически и имеющего, по возможности, строгую пространственную привязку.

3. Анализ депортационной политики и определение масштабов принудительных миграций в СССР как по отдельным операциям и этапам, так и по их совокупности.

4. Анализ истории и географии принудительных миграций в СССР и их эволюции, степени и особенностей их социального и пространственного охвата.

5. Историко-географическая характеристика результатов принудительных миграций в СССР, выявление их пространственных закономерностей.

Методологически исследование строится на следующей триаде:

- а) правдивые, достоверные факты;
- б) приведение их в систему;
- в) поиск закономерностей, анализ и интерпретация.

В опоре на разработанную классификацию и пространственно-временную систематизацию дается структурно-географическое описание принудительных миграций в СССР, ведется поиск их особенностей и обобщающих географических закономерностей в увязке с политическим, социальным и экономическим развитием СССР, а также с их влиянием на современную ситуацию в странах СНГ и Балтии.

В книге делается попытка анализа и обобщения репрессивной миграционной политики и практики СССР, а также оценка их воздействия на политическую и экономическую ситуации в стране в целом и в отдельных ее регионах как во время их проведения, так и в настоящее время (некоторые современные очаги напряженности, например, осетино-ингушский конфликт и другие, имеют свои корни именно в депортационной политике советского государства).

Восстанавливая богатейший исторический «опыт» одной из ведущих тоталитарных стран XX столетия — Советского Союза, раскрывая его репрессивную систему и ее механизмы, книга вместе с тем представляет собой и весьма актуальное исследование. Прежде всего это применимо к тем регионам, где процесс реабилитации депортированного населения еще не завершен и создает немало проблем. Несомненно, злободневности книге прибавляет и повышенная на излете XX века «популярность» идеи разрешения этнических конфликтов путем депортаций и иных способов «чисток» территорий (события последних лет в Африке, на Балканах и, как это ни прискорбно, снова на территории бывшего СССР).

Информационную базу нашего исследования составили главным образом архивные материалы и литературные источники, при этом их соотношение в раскрытии внутренних и международных миграций противоположное.

Так, международные миграции характеризуются, в основном, первичными архивными источниками (преимущественно из фонда ГУПВИ в РГВА), тогда как миграции внутренние документируются материалами, опубликованными российскими учеными за последние годы (опорными являются монографии Н. Ф. Бугая и Н. А. Ивницкого). Архивные же материалы привлекаются лишь эпизодически, в частности там, где рассматриваются в сравнительном плане добровольно-вынужденные миграции. В этом случае мы опираемся на обширный фонд Главного переселенческого управления Минсельхоза СССР, где собраны воедино материалы всех предшественников указанной организации, начиная с 1924 года — конечно, с пробелами и лакунами, связанными в том числе с бесконечными реорганизациями структуры и ведомственной принадлежности штаба переселенческого дела в стране (РГАЭ, ф. 5675).

Сами по себе документы, относящиеся к истории принудительных миграций в СССР, имеются и во многих других архивохранилищах федерального и регионального уровня. Так, основные массивы документов по раскулачиванию, по «наказанным народам» и спецпереселенцам хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве социально-политической истории (ГАСПИ), Архиве внешней политики РФ (АВП), в многочисленных других центральных и местных архивах. В частности, из материалов ГАРФ исключительную ценность для этой темы представляют фонды Президиума Верховного Совета СССР (ПВС), его комитетов и комиссий (ф. 7523), СНК—СМ СССР (ф. 5446), Отдела спецпереселений НКВД—МВД СССР (ф. 9479), различных «Особых папок» (ф. 9401, оп. 2) и др. В ГАСПИ — это прежде всего фонды ЦК КПСС (ф. 17) и ГКО (ф. 644).

Уже в начале 1990-х гг. начался процесс освоения и региональных архивов, в которых нередко содержатся документы той степени подробности и детальности, какая не встречается в центральных архивах. В этой связи особо следовало бы отметить работы С. А. Красильникова и его коллег, а также В. А. Исупова и В. Н. Макшеева, использовавших материалы Государственного архива Новосибирской и Томской областей. К сожалению, по-прежнему затруднен, хотя и остро необходим, доступ в некоторые ведомственные архивы, без чего получение исчерпывающей картины невозможно.

Ссылки на различного рода указы, постановления, решения, приказы и иные юридические основания тех или иных операций и акций властей по принудительным миграциям в СССР в тексте, как правило, опускаются: их сводный аннотированный хронологический перечень, составленный главным образом в результате обработки литературных источников, дается в Приложении.

В списке литературы монографии и сборники обозначены прописными буквами, статьи — строчными. В список включены только фундаментальные исследования по данной теме, а также публикации, ссылки на которые встречаются в книге не менее двух раз. Все остальные источники даются в примечаниях к главам.

Проблематикой принудительных миграций автор занимается более 10 лет. За это время он подходил к ней с нескольких и разных сторон: сначала — занимаясь горным

расселением Кавказа — в связи с так называемым «плановым переселением» горцев из горных районов на равнину («на плоскость»). Затем — в связи с разработкой классификации принудительных миграций, а также сбором данных по различным типам принудительных миграций в СССР, главным образом по этническим депортациям и компенсационным миграциям. Особенно интенсивным было изучение принудительных миграций в 1991–1996 гг., когда шла работа над книгой «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация» (1996), посвященной насильственному вывозу германскими властями советских военнопленных и гражданских лиц с территории бывшего СССР на территорию бывшего Рейха, а также их последующей репатриации на родину, носившей, согласно Ялтинским соглашениям, принудительный характер. Одновременно шел сбор и анализ материалов по депортации гражданских немцев, «интернированных и мобилизованных» СССР в ряде европейских стран.

Монография писалась **на стыке географии, истории и демографии** и рассчитана в основном на специалистов этого профиля. Но она адресована и многочисленным жертвам депортаций в СССР или же членам их семей, испытывающим естественный интерес к пониманию и осмыслению своих индивидуальных судеб в полноформатном контексте советского периода российской истории.

Книга создавалась на основе докторской диссертации «География принудительных миграций в СССР», защищенной автором в апреле 1998 года. По сравнению с диссертацией текст монографии серьезнейшим образом переработан, но в то же время опущена часть глав, посвященных международным принудительным миграциям, достаточно подробно раскрытым в книге «Жертвы двух диктатур» (1996).

Работа над книгой шла в тесном контакте с российскими историками, этнографами, демографами и архивистами, с такими, например, как Н. Бугай, А. Вишневский, А. Гурьянов, В. Данилов, С. Захаров, Ж. Зайончковская, В. Земсков, Н. Ивницкий, Р. Кулиев, Ш. Мудуев, Д. Нохотович, Н. Охотин, Н. Петров, Т. Плохотник, Н. Поболь, А. Рогинский и др. Немало ценных советов, замечаний и сообщений сделали и зарубежные коллеги — С. Дебский (Краков), Г. Кляйн (Фрайбург), Г. Суперфин (Бремен), Ф. Тер (Берлин), П. Холмквист (Итака, США), П. Гетрелл и Н. Барон (Манчестер) и др. Большую помощь в подборе иллюстраций оказали сотрудники общества «Мемориал», Государственного архива Российской Федерации, А. Айсфельд (Геттинген) и А. Никольский (Москва).

Всем им адресуются слова искренней благодарности и признательности.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Принудительные миграции до Гитлера и Сталина: исторический экскурс

Мировая история знает вдоволь примеров «депортаций» или «принудительных миграций». Достаточно вспомнить событийный ряд Ветхого Завета, во многом построенный на описании избранных эпизодов из жизни еврейских «спецпереселенцев» в Египте, Вавилоне и других странах ветхозаветной Диаспоры.

На другом конце материка еще в III в. до н. э. китайский император Цин Шихуаньди казнил около 500 ученых и насильно переселил с Севера на Юг Китая сотни тысяч семей. Принудительное переселение существовало и у инков.

Между межконтинентальным «переселением» негров-рабов из Африки в Америку и угоном остарбайтеров в Третий Рейх, между сталинским раскулачиванием и кампанией «Лицом к деревне» в маоистском Китае — немало общего. За века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели: за ними стоит то или иное **сочетание политических и прагматических факторов**.

Политические мотивы — предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения или вселения и т. д. — чаще бывают приоритетными, но и роль **экономического** фактора огромна, и со временем, как правило, она затмевает первоначальный политический импульс: дешевая (а еще лучше — бесплатная, точнее, почти бесплатная) рабочая сила, переброшенная, по усмотрению субъекта депортации, в нужное для него место и время.

Достаточно очевидной представляется связь между вспышками принудительных миграций и историческими катаклизмами, например, мировыми войнами.

Прекрасным тому примером является африканская **работоторговля**. Начиная с XVI века и вплоть до середины XIX века в Америку было переправлено приблизительно 11 млн. черных рабов. Если же учесть погибших при поимке или перевозке, то цифру «затронутых» ею людей следует увеличить до 15 млн.¹ В таблице 1 — с разбивкой по векам и основным колониальным империям — приведены округленно-ориентировочные «итоги» депортации чернокожих рабов из Африки:

¹ Оценка Ф. Куртэна. См.: *J. Mejer*, 1991, s. 6.

Таблица 1. Депортации негров-рабов из Африки некоторыми странами Европы в XVI–XIX вв. (по векам, тыс. чел.)

СТРАНЫ	С Т О Л Е Т И Я				
	XVI	XVII	XVIII	XIX	Всего
Португалия	50	600	2000	1200	3850
Испания	75	300	600	600	1575
Англия	–	300	1800	–	2100
Франция	–	160	1400	50	1610
Голландия	–	н.д.	н. д.	н. д.	1000
ИТОГО:	125	более 1360	более 5800	более 1850	10035

Источник: Meyer J. Sklaverei und Sklavenhandel // Mitteilungen. AvH-Magazin, Nr. 57, Juli 1991, s. 6.

Европейцы хозяйничали в основном на западном побережье Африки, а на восточном — и существенно раньше, чем европейцы (ориентировочно с VIII века), — тем же самым занимались арабы: черные рабы использовались, в частности, на плантациях сахарного тростника в окрестностях Басры. Понемногу «резервуар» рабов для европейских стран на африканском побережье истощался: «отработанная зона» активной работорговли, образовавшись в районе современного Сенегала, быстро продвигалась в направлении Берега Слоновой Кости, затем Нигерии, а к концу XVIII века — в сторону Конго и далее на юг, вплоть до Анголы, в свою очередь уже истощенной португальцами и бразильцами. Арабская же работорговля не прекратилась и после того, как колонизировавшая Африку Европа официально отказалась и отмежевалась от рабства: в Омане же и на Занзибаре рынки рабов функционировали еще в конце прошлого века.

Весьма «богата» на депортации и вынужденные переселения история **еврейского народа**: вспомним «спецпереселение» в Египет, а также Исход из него, вспомним так называемые Первую (ассирийско-вавилонскую) и Вторую (римскую) Диаспоры и т. д. И в древние, и в новые времена — всегда — интенсивность еврейской миграции была сверхобычайной. И крайне редко добровольной.

В сущности, и вся новая и новейшая история еврейства — это череда непрерывных миграций, вереница массовых скитаний и мытарств, это история «галуты», или изгнанничества.

В 1290 году всех евреев изгнали из Англии, а в 1292 — из Франции: изгнанные осели, в основном, в Испании. Но в 1492 году — под давлением инквизиции — всех евреев (кроме крещеных, или *марранов*) изгнали и из Испании, а в 1497 году — из Португалии: они переселялись в Италию, Северную Африку и Турцию. Примерно в это же время шло массовое переселение евреев из Германии в Восточную Европу, главным образом в Польшу и Литву.

С присоединением большей части этих территорий к России именно ей суждено было стать — и надолго! — демографическим лидером еврейской диаспоры. А по совместительству — и проводником жесткой государственной антисемитской политики, составными частями которой были и черта оседлости, и периодические высылки евреев, всеми правдами и неправдами обходивших дискриминационные по отношению к ним российские законы.

И тут следует подчеркнуть: столь впечатляющая практика советских депортаций имеет вполне «солидную» дореволюционную предысторию. К тому же в качестве жертв фигурировали отнюдь не одни евреи.

Так, еще в самом начале XIX века, во время русско-турецких войн в Причерноморье из Пруто-Днестровского междуречья (или Буджака) в Крым было выселено все мусульманское население (татары, турки, ногайцы)². После победы русского оружия в многолетней Кавказской войне и под влиянием турецкой пропаганды произошло массовое переселение в Турцию так называемых «мухаджиров» — горцев из побежденного Западного Кавказа. Всего за 1863–1864 гг. в Турцию из Кубанской области ушло 398 тыс. адыгов, абазин и ногайцев, потомки которых и по сей день проживают как в Турции, так и в других странах Ближнего Востока, Западной Европы и США.³

И все-таки по массовости и степени личной несвободы евреи в Российской Империи до 1861 года уступали только крепостным крестьянам, а после 1861 года — более никому. Выселения и другие репрессии против них в конце XIX века только усилились, оказав сильнейшее выталкивающее давление и дав толчок началу массовой эмиграции евреев из России, преимущественно в США и, по возможности, в Палестину.

Решающую роль при этом сыграла массовая депортация евреев из Москвы и Ростова-на-Дону в 1891–1892 гг. Еврейское население Москвы состояло из категорий различного статуса: правом *безусловного* проживания пользовались купцы, дипломированные врачи, инженеры и юристы, а также отставные (так называемые «никولاевские») солдаты. Ремесленники же, аптекари, фармацевты и подмастерья могли проживать в ней лишь *условно*, то есть при фактическом занятии указанной в ремесленной книжке профессией, а еще ряд категорий лиц — доверенные, приказчики — могли фактически проживать с разрешения местной администрации.⁴

² Бугай, Гонов, 1998, с. 25.

³ Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь, 1998, с. 96. Именно такое происхождение имела небольшая группа адыгов, проживавших в Косово и после обострения ситуации вокруг Косово в 1998 г. эмигрировавших в Россию, в Республику Адыгея (будучи не политиками, а всего лишь учеными, мы бы не стали в этом случае пользоваться термином «репатриация»).

⁴ Вермель, 1924, с. 20–21. Краткая справка: Вермель Соломон Самойлович (1860–1940) — еврейский врач и публицист. На две его, насколько нам известно, неопубликованные статьи — «Выселение евреев» и «Роль администрации в выселении евреев» — мы и опираемся при описании депортаций евреев в 1914–1915 гг. (рукописи: РГАЛИ, ф. 119).

29 марта 1891 года Александр III издал указ о запрещении евреям-ремесленникам селиться в Москве и Московской области и о выселении оттуда уже проживающих там евреев-ремесленников. Фактически же указ был распространен и на многие другие категории евреев. 14 июля был издан секретный приказ о начале выселения, предусматривавший и право получения отсрочки на различные сроки, но самое большее — на год. Разрешений же остаться практически не было: едва ли не единственное было дано Исааку Левитану. Часть евреев все же оставалась, но, по выражению С. С. Вермеля, ценою «моральной миграции», то есть перехода в христианство (преимущественно в лютеранство).

Начиная с 14 августа 1891 года и вплоть по 14 июля 1892 года⁵ (в зависимости от месяцев отсрочки) массы евреев заполняли московские вокзалы. Многие уезжали в пределы «черты оседлости», главным образом в Область Царства Польского (преимущественно в Варшаву и Лодзь), а также на юг, в Одессу. Из Москвы, по косвенным демографическим оценкам С. С. Вермеля, в течение 1891–1892 гг. было выселено около 38 тыс. чел.⁶

Большинство направлялось прямо за границу, главным образом в порты Германии. Это, на первый взгляд, чисто московское и статистически как бы не такое уж заметное событие имело тем не менее колоссальные последствия, дав решающий толчок массовой еврейской эмиграции в Северную Америку из всей России. Так, в 1891 году, по данным С. С. Вермеля, из России эмигрировало 42 145, а в 1892 году — уже 76 417 евреев. И это — несмотря на временное закрытие американских портов в начале 1892 года в виду угрозы эпидемий!⁷

В 1895 году был издан новый указ о выселении евреев за пределы России, на этот раз евреев — подданных Персии (выходцы из Герата или Мешхеда, они, в количестве нескольких сотен человек, поселились главным образом в районе Мерва); вскоре, однако, высылка была заменена разрешением остаться, но со статусом лиц с правом «временного жительства» в Закаспийской области. Тем не менее в 1910 году гератские евреи практически поголовно были выселены из Российской Империи как евреи-иностранцы⁸.

Совершенно новый масштаб принудительным миграциям в России (как еврейским, так и не-еврейским) придала **Первая мировая война**. Главным (хотя и далеко не единственным) инициатором и проводником «превентивных этнических чисток» и депортаций выступила именно царская **Россия**.

И это не удивительно, поскольку именно Российской Империи принадлежит «честь» многолетней научной и идеологической проработки этих вопросов. Ответственной за это дисциплиной являлась «военная статистика» — традиционный и традиционно один из ведущих предметов в Академии Генерального Штаба. Уже в силу своей зависимости от исполнения воинской повинности армия была крайне заинтересована в достоверных данных и исследованиях по географии населения России.

⁵ Вслед за С. Вермелем поразились совпадению дат: ровно за 400 лет до этого дня, 14 июля 1492 года, завершилось изгнание евреев из Испании!

⁶ Вермель, 1924, с. 44–45.

⁷ Вермель, 1924, с. 38.

⁸ Куповецкий, 1992, с. 57.

Ведущие российские военные статистики конца XIX века — А. Макшеев, Н. Н. Обручев и в особенности В. А. Золотарев — разработали специфическую доктрину, которую правильно было бы обозначить как «**география неблагонадежности**»⁹. Она исходила из реальной географии «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из их соотношения в конкретной местности: к первой группе относилось преимущественно славянское население, ко второй — евреи, немцы, поляки, народы Кавказа, Средней Азии и т. д. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее 50%. Градиент благонадежности, согласно Золотареву, сокращался по мере продвижения от центра к окраинам Империи. Все это слушали, конспектировали и штудировали слушатели Военной академии — будущие офицеры и командиры царской, Белой и Красной Армий.

Не ограничиваясь описаниями и рассуждениями, военная статистика зарекомендовала себя и как прикладная дисциплина, исследующая территориальную дифференциацию неблагонадежности: места скопления ненадежного населения фиксировались и контролировались. На случай войны давались рекомендации по экстренному «исправлению» этого «положения», особенно в приграничных районах. В качестве наиболее эффективных средств назывались взятие гражданских заложников, конфискация или уничтожение имущества или скота, а также *депортации по признакам гражданской и этнической принадлежности*. Под эту доктрину формировались специальные карательные войсковые соединения, со систематической свирепостью подавлявшие в зародыше или в самом начале любые ростки недовольства или мятежа против русской колонизации окраин Империи, в частности в Средней Азии, причем там крайней мерой были все же не депортации, а убийства гражданских лиц.¹⁰

Собственно говоря, и депортация евреев из Москвы в 1891 году была лишь реализацией научно обоснованной военно-статистической концепции о еврейской избыточности в этом городе. Тем более это справедливо по отношению к депортационным операциям на западной границе России по ходу Первой мировой войны. Одной лишь военной необходимостью, как справедливо замечает П. Хольквист, эти меры не объясняются: «*Их смысл становится понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем введения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее*».¹¹ По некоторым оценкам, депортации на западе затронули около 1 млн. чел., половина из которых — евреи, а треть — немцы.¹²

Поразительной могла бы показаться та стремительность и вместе с тем деловитость, с которыми российские власти приступили к операциям по депортациям. Но это совер-

⁹ См.: Хольквист, 1998. Впрочем, аналогичные идеи имели хождение и популярность и в соответствующих кругах Германии и Австро-Венгрии.

¹⁰ Применительно к Средней Азии и, в особенности, Семиречью, яркие примеры приводит П. Хольквист. В результате применения на практике рекомендаций военных статистиков численность коренного населения Семиречья сократилась к январю 1917 г. от 20 до 66% (Хольквист, 1998, с. 35–37).

¹¹ Хольквист, 1998, с. 39–40.

¹² Эта оценка принадлежит Эрику Лору, защитившему в 1999 г. в Гарвардском университете диссертацию о политике России по отношению к инородцам во время Первой мировой войны (см.: Хольквист, 1998, с. 38–39).

шенно естественно и понятно в свете тех идей, которым обучали в Академии Генерального штаба Российской Империи.

Уже в ночь на 18 июля 1914 года (по ст. ст.), то есть еще до официального объявления войны, Россия приступила к арестам и высылкам подданных Германии и Австро-Венгрии.¹³ А их было немало (в общей сложности не менее 330 тыс. чел.), уже десятиками лет они проживали в Петербурге, Москве, Одессе и Новороссии, на Волыни, в Польше и Прибалтике. Высылали их в дальние внутренние районы (в частности, в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губ., а жителей Сибири и Приморья — в Якутскую обл.). Во второй половине 1915 года эта география серьезно «посуровела»: местами высылки стали зауральская часть Пермской губ., Тургайская обл. и Енисейская губ. Депортировали при этом не только «подозреваемых в шпионаже», но и вообще всех лиц призывного возраста (чтобы предотвратить их вступление в ряды армий противника), причем не только немцев, австрийцев или венгров, но и поляков, евреев и др. (исключение делалось чехам, сербам и русинам, давшим подписку «не предпринимать ничего вредного» против России). Особенно сурово обошлись с немецким населением Волыни, летом 1915 года чуть ли не поголовно высланным в Сибирь.¹⁴ Кстати, высылали — за счет самих высылаемых, а при отсутствии у них средств — по этапу, как осужденных.

На практике интернировали и вовсе без особого разбора, весь контингент именовался «гражданскими пленными». Высшей точкой этого беспредела стал приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича¹⁵ от 5 января 1915 года: очистить 100-верстную полосу вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских подданных в возрасте от 17 до 60 лет, причем отказывавшиеся уезжать объявлялись немецкими шпионами. И лишь спустя некоторое время, под давлением общественности и ряда отрицательных последствий, эти репрессии были несколько ослаблены, но только выборочно — главным образом для представителей славянских народов.¹⁶

Кроме того, высылались и подданные Турции (по меньшей мере 10 тыс. чел., среди них немало и крымских татар). По данным С. Нелиповича, их высылали в Олонечскую, Воронежскую, Калужскую, Ярославскую и Казанскую губ., а по данным Э. Лора — в Рязанскую, Калужскую, Воронежскую и Тамбовскую, а также — и в особенности — в район Баку, где для них был создан устрашающий по своим условиям лагерь на 5 тыс. чел.

¹³ А с конца октября 1914 г. — и Турции.

¹⁴ См.: Ауман, Чеботарева, 1994, с. 500. Достаточно распространенным является заблуждение о том, что Николай II якобы подписал Указ о депортации в Сибирь всех «своих», так сказать, чисто российских немцев-колонистов. Такого указа не было, но сама идея действительно существовала: громче других ее «озвучивало» созданное в августе 1914 года Общество «За Россию» (Нелипович, 1996).

¹⁵ После ухода Великого князя с поста Верховного главнокомандующего был заменен генералом М. В. Алексеевым. Ср. характеристику, данную ему П. Г. Курловым: «...всегда ласковый, крайне приветливый, внимательно выслушивавший делаемые ему доклады, быстро дававший соответствующие указания и привлекавший к себе всех ясностью ума, светившегося в его мягком взгляде. В вопросах гражданских генерал Янушкевич был так же неопытен, как и его августейший принципал...» (Курлов, 1992, с. 176).

¹⁶ Нелипович, 1996. См. также: Ther, 1999.

Конечно же, не забывали и про евреев. Так, в 1914–1916 гг. по причине их якобы поголовной нелояльности с территории Польши, Литвы и Белоруссии во внутренние губернии России было выселено 250–350 тыс. евреев, причем на сборы им давалось всего лишь 24 часа. За еще более короткое время оставляемые ими дома и лавки прилежно разграблялись местным населением. (Забавно, что самый факт их выселения не мешал военным взваливать на них же и ответственность за свои чисто военные неудачи.) Первым — уже в начале августа 1914 года и вместе с местными немцами — было выселено еврейское население Яновца Радомской губ., чуть позже — население посада Рыки (по-видимому, той же губернии), Мышенца Ломжинской губ. и Новой Александрии Люблинской губ. (дважды — 23 августа и в начале сентября 1914 года). В октябре все евреи были выселены из местечек Пясечна, Гродзиска и Скерневиц Варшавской губ.; в частности, из Гродзиска было выселено 4000 чел. (включая 110-летнюю старуху). Позднее им разрешили вернуться, но в январе 1915 года, вместе с еврейскими жителями еще приблизительно 40 поселений губернии, они были выселены вновь (причем, как в случае с жителями Сохачева, из их числа брались и заложники, некоторые из которых были повешены). В марте 1915 года, накануне еврейской пасхи, 500 семей было выселено из Радошиц Радомской губ., а также из гмины Мниеев Келецкого уезда. Большинство выселенных польских евреев устремлялось в Варшаву, где их скопилось до 80 тыс. чел., но впоследствии въезд в любые крупные города был для евреев закрыт.

Однако все эти отдельные выселения и бедствия, как отмечал С. Вермель, посвятивший им серию обобщающих статей, «...бледнеют перед грандиозным массовым выселением из Ковенской и Курляндской губернии». 30 апреля 1915 года для Курляндской и 3 мая для Ковенской и частично для Сувалкской и Гродненской губ. — ввиду быстрого наступления немецкой армии — последовали распоряжения русской военной администрации о немедленной и поголовной депортации всех местных евреев. Всего из Курляндии тогда было выселено около 40 тыс. чел.¹⁷, а из Ковенской губ. — от 150 до 160 тыс. чел. Местами их нового поселения были назначены отдельные уезды Полтавской, Екатеринославской и Таврической губ.¹⁸

Против выселения евреев из Курляндии протестовал Прибалтийский генерал-губернатор П. Г. Курлов, специально по этому вопросу ездивший в ставку Верховного главнокомандующего и убедивший его отменить свое распоряжение. В ходе немецкого наступления полномочия в вопросах высылки перешли к войсковым командирам, не имевшим ни желания, ни времени разбираться в этих вопросах: поэтому фактические депортации могли инспирироваться даже второстепенными чинами полиции или даже контрразведки¹⁹.

Тем не менее в июне 1915 года выселение евреев продолжилось, захватив уже юго-западный край — Подольскую и Волынскую губ. И все это — невзирая на то, что почти в каждой еврейской семье кто-нибудь да воевал на войне и что еврейскую молодежь, в том числе и из числа выселенцев, продолжали призывать в действующую армию!

¹⁷ Поводом для репрессий по всей Курляндской губернии явилась гибель русского отряда близ местечка Шавли, случившаяся якобы из-за еврейского шпионажа (Курлов, 1992, с. 214–215).

¹⁸ Выселение допускалось только в черте оседлости, но за исключением губерний, объявленных на военном положении (со временем это стало актуально для большинства губерний).

¹⁹ См.: Курлов, 1992, с. 215–216, 181–182.

(Как бы в скобках и несколько забегая вперед: в советское время, поначалу принесшее евреям освобождение от дискриминации, отдельные выселения евреев были продолжены, но в несравнимо меньшем масштабе. Так, в 1920-х гг. в Дагестане и Азербайджане часть жителей аулов с татским и горско-еврейским населением были «спущены» в Дербент и Кубу. В 1937–1938 годах в рамках кампании по депортации иностранных подданных из приграничной зоны Марыйской области Туркмении в северную, пустынную часть области были депортированы евреи-ираны. В 1940 году с аннексированных СССР польских территорий были депортированы еврейские беженцы из оккупированной Германией западной части бывшей Польши²⁰: приходится отмечать, что это спасло их от фашистского геноцида²¹. Гипотезы о предположительно готовившейся Сталиным в 1953 году депортации евреев в Сибирь мы, ввиду отсутствия прямых документальных доказательств, здесь не касаемся.)

В целом же приходится констатировать, что **подход царского правительства к «враждебно-подданным» интернированным во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства.**

Но самые первые в XX столетии беженцы и депортанты в Европе отмечены не в России, а на Балканах, в результате двух Балканских войн 1912/1913 гг. между Болгарией и Турцией — своего рода прелюдии к Первой мировой войне. По меньшей мере 500 тыс. чел. оказались в их результате изгнанными из мест проживания и стали беженцами. В 1913 году, после завершения Второй Балканской войны, Болгария и Турция подписали первое в мире официальное соглашение, предусматривавшее переселение национальных меньшинств (фактически было «обменено» приблизительно по 50 тыс. чел.²²). В 1914 году аналогичное соглашение заключили Турция и Греция, а в 1919 году — Греция и Болгария.²³ В 1915 году в Турции произошла одна из страшнейших в мировой истории «этнических чисток» — массовая резня армян, сопровождавшаяся бегством спасшихся за границу, в том числе и в Советскую Армению.

Неслыханный прежде по масштабам обмен гражданами произошел согласно греческо-турецкому Соглашению об обмене населением от 30 января 1923 года и Лозаннскому мирному договору от 23 июля 1923 года. Там Турция и Греция договорились об обмене меньшинствами, или, иными словами, о взаимно-мирной «этнической чистке» большей части своих территорий²⁴: около 400 тыс. турок было переселено из Греции в Малую Азию, а оттуда в свою очередь было депортировано около 1,2 млн. греков. Это

²⁰ См. ниже.

²¹ За исключением польских евреев-военнослужащих, проживавших в западных, оккупированных немцами районах Польши и взятых в плен Красной Армией: вместе с другими военнопленными все они, по соглашению между СССР и Германией от 30.10.1939, были обменены на польских военнопленных родом из восточных районов Польши (индивидуальные обращения к советским властям с просьбами не передавать их немцам советской стороной игнорировались).

²² А точнее — 48 570 турок и 46 764 болгарина (*Martin*, 1998, p. 818, со ссылкой на: *Ladas S. P. The Exchange of Minorities: Bulgaria, Greece and Turkey. New York, 1932.*

²³ См.: *Ther*, 1999, со ссылками на: *Djordzevic*, 1989, p. 117 и *Sundhaussen*, 1996, s. 35.

²⁴ Исключения были сделаны для греков, проживавших в Стамбуле до 30.10.1918, и для мусульман, проживавших в Восточной Фракии.

создало «многообещающий» прецедент разрешения международных споров и конфликтов посредством этнических чисток.

После поражения Германии в Первой мировой войне и сокращения ее территории на оставшуюся часть Германии из Прибалтики переселилось около 1 млн. немцев. В то же время в Польшу хлынул поток беженцев из восточной Украины и Белоруссии.

Эмиграция из большевистской России, по разным оценкам, составляла от 1,5 до 3 млн. чел. Однако (за исключением разве что «философского парохода» с полутора сотней чел. на борту) это все-таки были беженцы, а не депортанты. В 1921 году под эгидой Лиги Наций была создана Комиссия по расселению беженцев (Refugees Settlement Commission), председателем которой стал Фритьоф Нансен. В 1931 году было основано так называемое «Ведомство Нансена» (Nansen-Amt), а в 1933 году заключена конвенция о беженцах. Международные (так называемые «нансеновские») паспорта, вместе с помощью Фонда Нансена и других организаций, помогли выжить и ассимилироваться миллионам людей, в том числе и еврейским беженцам из Германии.

Принудительные миграции и Вторая мировая война

Но ни с чем не сравнимый бум депортаций принесла **Вторая мировая война** и связанные с ней события. Она «привнесла» в понятие принудительных миграций много нового и трагического. В результате военных действий с места было стонуту в общей сложности — и это только в Европе — около 30 млн. чел. Одних только перемещенных лиц после войны было зарегистрировано около 13,5 млн. чел. Таких масштабов и за столь краткие сроки человечество еще не знало!

Первым мощным толчком послужила охваченная гражданской войной **Испания**. С территории, контролировавшейся войсками генерала Франко, к республиканцам бежало почти 2 млн. чел, а около 0,7 млн. чел. вообще уехали из Испании (главным образом во Францию и ее североафриканские колонии, но частично в Латинскую Америку и в СССР). После окончания войны около 180 тыс. испанцев так и остались во Франции.²⁵

Общее число беженцев внутри самой **Франции** достигало 5 млн. чел., включая 70 тыс. эльзасцев, бежавших в 1940 году от германской аннексии и не слишком домогавшихся боевой славы в униформе вермахта.

Если рассматривать Вторую мировую войну как глобальную схватку двух коалиций, то придется признать, что оба противоборствующих лагеря самым решительным образом «обогатили» соответствующий исторический опыт. Но в первую очередь это относится к тоталитарным лидерам коалиций — коммунистическому режиму Сталина и национал-социалистическому режиму Гитлера.

²⁵ Сведения из доклада Р. Тосторфа «Испанские беженцы после конца Гражданской войны в Испании» на симпозиуме «Высылка. Бегство. Депортация» (Vertreibung — Flucht — Deportation), состоявшемся в Вене 22–23.10.1993.

Только в СССР под понятие «принудительные миграции» подпадало около 15 млн. чел., считая и тех, кого депортировала на свою территорию Германия. Но поскольку СССР будет посвящено, по существу, все последующее изложение, то охарактеризовать депортационную политику его противников (прежде всего Германии и Японии) и даже союзников (например, США) было бы крайне интересно уже теперь.

Именно **Германия** как никакая другая страна была главным «соперником» Советского Союза на ниве принудительных миграций. При этом первоочередную и решающую роль играл, в случае нацистской Германии, именно **этнический** аспект. Двумя народами, пользовавшимися усиленным и особенным вниманием нацистов, были **немцы** и **евреи**.

Применительно к **немецкому населению**, проживавшему вне пределов Рейха (так называемые «*фольксдойче*»), гитлеровское государство строило — и упорно претворяло в жизнь! — весьма масштабные и претенциозные переселенческие планы.

6 сентября 1939 года (то есть сразу же после оккупации вермахтом Западной Польши) Гитлер произнес в Рейхстаге зажигательную речь: между европейскими народами должны быть четкие и ясные границы, ради чего Германия должна переселить на новые места сотни тысяч «*фольксдойче*». Назавтра был создан специальный Рейхскомиссариат по вопросам укрепления немецкой народности во главе с Гиммлером, в задачи которого входило: а) осуществление скорейшей репатриации в Рейх всех «*рейхсдойче*» и «*фольксдойче*», проживавших вне Рейха; б) исключение и пресечение каких бы то ни было вредоносных влияний, опасных для «немецкой народности», и в) формирование новых ареалов расселения немецкого народа посредством переселения в них репатрируемых немцев, прежде всего из восточной и юго-восточной Европы.

Так началась кампания под девизом «*Heim ins Reich!*» («Домой в Империю!»). Для ее успешного завершения недоставало всего лишь двух вещей — научного способа отличать немца от не-немца и уточнения понятия «*Рейх*», — лучше всего путем некоторого расширения его границ.

Уже давно начав со второго (аннексия Австрии и Судетской области), не забывали и о первом. Между 11 и 13 октября 1939 года было создано Центральное Бюро по иммиграции (EWZ)²⁶. В его компетенцию входили прежде всего вопросы иммиграции и натурализации «*фольксдойче*»²⁷.

²⁶ Einwanderungszentralstelle (или EWZ). Организационно — в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА) и в подчинении СД.

²⁷ Процедура была приблизительно одинаковой для всех групп немецких репатриантов: пофамильно и индивидуально их регистрировали, фотографировали и тестировали по признакам здоровья, расы и политических взглядов. Те, кто благополучно прошел расовую проверку, имел право на получение немецкого гражданства. Кроме того, EWZ занималось практическими вопросами разработки и применения тех критериев «арийской расы», над которыми уже давно и усердно трудились немецкие специалисты по расовым вопросам: предполагалось, что с помощью этих критериев можно будет не только четко отличать немецкое население от не-немецкого, но и выделять внутренние разновидности среди немцев. В частности, официально существовало две категории «качества немецкой крови», соответствующие как бы «сильной» и «ослабленной» ее разновидностям, — «O» (или «*Ost-Fall*») и «A» (или «*Altreich-Fall*»): немцы категории «O» признавались годными к переселению на восток, где их сильная кровь будет способствовать германизации ареала проживания, тогда

Первоочередное внимание было обращено на немцев, проживающих в зоне советского влияния, какой она представлялась после заключения пакта Молотов — Риббентроп. В секретном протоколе от 28 сентября 1939 года имелся пункт о взаимном содействии лицам немецкой национальности, проживающим в советской зоне влияния, в случае их желания переехать в зону немецкого влияния (то же самое было действительным для украинцев и белорусов, намеревавшихся переселиться в СССР).

Не случайно первый региональный орган EWZ был открыт уже 12 октября(!) в Готенхафене (совр. Гдыне) на Балтийском море и носил название «Северо-восточное бюро по иммиграции» (Einwanderungsstelle Nordost)²⁸. Отсюда же — и та стремительность, с какой Германия приступила к переговорам с СССР по вопросам эвакуации немцев из Прибалтики и Транснистрии: в Берлине не питали иллюзий относительно того, как с ними поступит Сталин в ситуации войны или непосредственной подготовки к ней.

Уже в октябре 1939 года была создана смешанная германо-советская комиссия по делам эвакуации, а 16 ноября было подписано соответствующее соглашение. Главноуполномоченными с советской и немецкой стороны были Я. Н. Синчин и Хофмайер, оба имели резиденцию в Луцке; кроме того, на немецкой стороне было два советских представительства — в Хелме (С. Н. Троицкий) и Ярославле (В. С. Жегаров). По имеющимся данным, к 8 февраля 1940 года было эвакуировано на запад до 128 тыс. лиц немецкого происхождения, в том числе 15 тыс. поляков, претендовавших на «немецкость»; число желающих эвакуироваться в противоположном направлении составляло около 40 тыс. чел., в том числе немало евреев, но советская сторона согласилась принять только 20 тыс. чел.²⁹

Согласно советско-германским договорам о репатриации в Германию немцы, проживавшие на территориях, аннексированных СССР в 1939–1940 гг., имели право «репатриироваться» из СССР. Эта репатриация носила строго этнический характер: ни славяне, ни евреи, — даже если они были членами «карийских» семей, — под ее действие не попадали: арийцам настоятельно рекомендовали разводиться со столь «нежелательными» супругами³⁰.

Переселение декларировалось как сугубо добровольное, однако по сути таковым не являлось: было совершенно очевидно, что те, кто останутся, будут рассматриваться советской стороной как немецкие агенты и подозрительный элемент. Это же понимали и сами «фольксдойче», поэтому немецкой пропаганде не пришлось чрезмерно усердствовать в представлении этих «добровольно-вынужденных» миграций в качестве совершенно свободных. Тем не менее нельзя не отметить редкостное в истории совпадение интересов основных заинтересованных сторон — СССР, Германии и самих немцев.

как немцы категории «А» к большему, нежели к проживанию внутри Рейха, годными не признавались. См.: *The Holdings...*, 1994, p. 10–18.

²⁸ Этот орган совмещал региональные функции с центральными. Любопытно, что он и сам по себе «мигрировал»: в ноябре 1939 г. из Готенхафена он переехал в Позен (Познань), в январе и феврале 1940 г. — в Лодзь и Берлин, в августе 1940 г. — снова в Лодзь (теперь уже Литцманнштадт), где оно и просуществовало до января 1945 г.

²⁹ Искренне благодарю своего польского коллегу С. Дебского (Краков, Польша) за любезное разрешение воспользоваться найденными им в советских и польских архивах сведениями об этих событиях.

³⁰ *Passat*, 1994, с. 21, 99–121.

Согласно первому советско-германскому соглашению от 16 ноября 1939 года, с бывшей польской территории, аннексированной СССР (то есть из Западной Украины и Западной Белоруссии), была произведена первая эвакуация лиц немецкой национальности³¹.

Немцы этот опыт сочли успешным и торопились распространить его так же и на Бессарабию и Северную Буковину, где проживало не менее 110 тыс. немцев³². 25 июня 1940 года посол Шуленбург встречался с Молотовым, а 9 июля обратился в НКВД СССР с памятной запиской, где предлагалось немедленно начать переговоры по этому вопросу, с тем чтобы осуществить переселение до зимних холодов. В итоге договор об эвакуации был подписан в Москве 5 сентября 1940 года.³³

Подготовка всей операции возлагалась на Смешанную советско-германскую комиссию по эвакуации, причем практически по всем спорным вопросам советская сторона, как правило, уступала. Уже к концу октября 1940 года операция по переселению из Бессарабии и Северной Буковины в основном завершилась: к этому времени из зарегистрированного количества в 126 242 чел. автотранспортом, морем или гужом выехало 106 872 чел., а не переселенных (главным образом из Северной Буковины) оставалось около 17 тыс. чел. С учетом 260 чел., эвакуированных в 1941 году, общее число «фольксдойче», переселенных из этих районов, составило 124 тыс. чел.³⁴

10 января 1941 года был подписан другой аналогичный договор между Германией и СССР, затрагивающий Прибалтику (см. ниже). Всего же из западных районов СССР было эвакуировано 392 тыс. «фольксдойче»³⁵ (по другим данным — 350 тыс. чел.³⁶).

³¹ *Пассат*, 1994, с. 18, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 3, д. 216, л. 5.

³² По данным на конец 1930 года, в Бессарабии (правобережной Молдавии) проживало 81 тыс. (в том числе 56 тыс. в Аккерманском районе), а в Северной Буковине — 29 тыс. немцев. Еще 11 тыс. немцев проживало в 1928 году в левобережной Молдавии, имевшей тогда статус Молдавской АССР в составе Украины (*Пассат*, 1994, с. 65).

³³ «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Германии об эвакуации лиц немецкой национальности с территории Бессарабии и Северной Буковины на территорию Германии». Подписано д-ром В. Нельдеке и Васюковым (РГВА/ЦХИДК, ф. 1458, оп. 40, д. 195). Эвакуационный аппарат германской стороны насчитывал 600 чел., из них 60, по данным НКВД, являлись разведчиками. В свою очередь и НКВД использовало переселение для внедрения в Германию своей агентуры (*Пассат*, 1994, с. 20–21).

³⁴ С собой колонисты увезли 22 613 лошадей и другое оговоренное в договоре имущество. В то же время они оставили 59 тыс. га земли, 22 425 домов, более 5000 лошадей, около 16 тыс. голов крупного рогатого скота, около 60 тыс. овец, 2 тыс. свиней и 147 тыс. голов домашней птицы, 4 млн. рублей, а также значительное количество сельхозпродукции, в том числе и на корню. Освобожденные земли были переданы безземельным и малоземельным крестьянам, а также на организацию колхозов и совхозов. К весне 1941 г. в порядке внутривнутриреспубликанского переселения из северных районов Молдавской ССР в Кагульский, Бендерский и Кишиневский районы, где ранее проживали немцы, было переселено 1718 малоземельных хозяйств (*Пассат*, 1994, с. 21).

³⁵ *Марианьский*, 1966. Следует заметить, что одновременно эвакуировалось и немецкое население из Румынии.

³⁶ По данным польского исследователя Я. Собчака, за 1939–1940 гг. из СССР (в послевоенных границах) выехало не менее 350 тыс. этнических немцев, в том числе (тыс. чел.): из Латвии и Эстонии — 77,2, из Литвы — 51,1, из Галиции — 10,4, с Волыни — 67,5, из Белоруссии — 43,9, Северной Буковины — 43,7 и из Бессарабии — 93,4 (*Кабузан*, 1996, со ссылкой на: *Sobczak*, 1966, с. 321).

Все эти эвакуации назывались «договорными переселениями», поскольку относительно каждой группы «фольксдойче» Германия стремилась заключать международные договоры. Первый такого рода договор Германия заключила с Эстонией (15 октября 1939 года), потом с Италией (21 октября; относительно немцев из Альто Адиге в Южном Тироле), затем с Латвией (30 октября) и дважды с СССР: 16 (по другим данным — 11) ноября — относительно немцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, а 5 сентября 1940 года — по немцам из Бессарабии и Северной Буковины. Следующей на очереди была Румыния (22 октября 1940 года), а затем опять СССР (два договора от 10 января 1941 года: один — по немцам из Эстонии и Латвии, другой — по переселению в Литву литовцев, русских и белорусов из Мемельской и Сувалькской областей), затем еще раз Италия (31 августа — о переселении «фольксдойче» из провинции Лайбах) и, наконец, Хорватия (30 сентября 1942 года). Общее количество «договорных переселенцев» составило 751 460 чел.³⁷

До того момента как Лодзь был освобожден Красной Армией³⁸ и EWZ, соответственно, прекратило свое существование, в ее картотеку было занесено 1 055 400 этнических немцев. Различалось 16 категорий, среди которых самой массовой были немцы из Советского Союза (очевидно, в границах по состоянию на 17 сентября 1939 года) — 275 тыс. чел. Далее следовали (в порядке убывания; чел. — данные округлены): немцы из Бессарабии и Добруджи и их родственники — 118 000; лица, находящиеся в процессе германизации (im Deutschstdmmigenverfahren) — 113 000; лица, находящиеся в процессе переселения (im Umsiedlungsverfahren) — 107 000; немцы из Буковины — 96 000; немцы из Волини и района Нарева — 79 400; немцы из Латвии и Эстонии — 72 200; немцы из Галиции — 57 800; немцы из Литвы — 51 100; «фольксдойче» из Франции — 19 800; немцы из Боснии — 18 500; переселенцы (Absiedler) из Словении — 15 900; немцы из Готшее (Gottschee) в Словении — 15 000; лица немецкого происхождения (Deutschstämmige) из Франции — 5600; немцы из Сербии, Греции и Словакии — 3400; немцы из Болгарии — 2300; особые переселенцы из Нового Света — 550 и «германские возвращенцы» («Germanische Einwanderer») — 150 чел. Кроме того, от 10 до 12 тыс. чел. получили немецкое гражданство по приказу Гитлера от 19 мая 1943 года, предоставлявшему соответствующие льготы лицам, вступившим в действующую армию или СС.

Не следует упускать из виду и тех, чьи «расовые дела» еще находились на разных стадиях рассмотрения: их общее количество — от 120 до 126 тысяч, из них около 110 тыс. — немцы из СССР и 10–15 тыс. — из Судетской области³⁹. Таким образом, общее число представителей «фольксдойче», признанных или зафиксированных в EWZ, составляло 1180 тыс. чел.

³⁷ *The Holdings...*, 1994, p. 34, 37. По другим данным, относящимся к январю 1944 г., их число составляло 770 577 чел. Еще до начала войны с СССР это число уже составляло 583 тыс. чел. (*The*, 1999, со ссылкой на: *Bierschenk*, 1954).

³⁸ Архив EWZ был эвакуирован в Бад-Ворисхофен под Аугсбургом. В коллекции заявлений на натурализацию, хранящихся в BDC, — примерно 110 тыс. дел, заведенных на граждан СССР, 100 тыс. — на польских немцев, 82 тыс. — на немцев из Румынии, 73 тыс. — из Прибалтики, 23 тыс. — из Югославии, 14 тыс. — из Франции и 700 — из Болгарии. См.: *The Holdings...*, 1994, p. 17–19.

³⁹ См.: *The Holdings...*, 1994, p. 17–19 и 40.

Около 400 тыс. расовопригодных «фольксдойче» предполагалось расселить на новых восточных территориях — в вновь созданных гау «Данциг — Западная Пруссия» и в гау «Вартеланд», в основном, на территории бывшей Польши. И кое-что из этого было осуществлено: за годы войны было переселено в общей сложности 650 тыс. «фольксдойче», в том числе 80 тыс. из Южного Тироля.⁴⁰

Согласно планам Гитлера, со временем (в течение примерно двух послевоенных десятилетий) на Востоке должна была возникнуть самая настоящая колония Рейха, для чего его восточные границы предполагалось перенести не менее чем на 500 км восточнее имеющихся. «Сегодня — колонии, завтра — районы расселения, послезавтра — Рейх!», — так откровенно и цинично выражался по этому поводу Гиммлер.⁴¹ Для начала же предстояло зачистить и освоить своеобразные «коридоры», разделяющие немецкие очаги расселения — восточнее Варшавы и на юге Польши, в Бескидах.

Но территории, на которые положил глаз Гитлер во имя «завтра» и «послезавтра», уже «сегодня» следовало бы предварительно очистить от местных жителей — очистить частично (если речь шла о славянском населении) или же полностью (если об еврейском). Во втором случае речь шла уже не об «этнических чистках», как в первом, а о **геноциде**: именно польские евреи из Вартегау стали одними из первых, кого отправили в лагерь смерти. Впрочем, на самом верху раздавались и голоса сторонников тотальных депортаций славян, например, чехов из Чехии и Моравии⁴².

Так что зловещая связь переселенческих игривых теоретизирующего национал-социализма с практикой Холокоста — на самой поверхности⁴³. Собственно административными вопросами высвобождения подходящей территории занимался организационный «двойник» EWZ — Центральное бюро по переселению⁴⁴. Эту организацию, с учетом ее роли в судьбах еврейского населения Польши и других стран, без преувеличения следовало бы отнести к числу преступных.

В то же время и многоуспешная деятельность в Польше немецких органов по добровольно-принудительной вербовке поляков на работы в Рейх, казалось бы не имевшая прямой связи с переселенческими программами Рейха, уже в силу одной многочисленности вовлеченных в нее контингентов (в Рейх было отправлено не менее 2,8 млн. чел.), немало поспособствовало разуплотнению населения Польши — и без того не самой густонаселенной страны в Европе.

⁴⁰ Подробнее см.: *Stuhlpfarrer*, 1985.

⁴¹ Из речи Гиммлера, произнесенной 23.11.1942 в юнкерской школе СС в Тельце (цит. по: *BDC*, р. 40).

⁴² В частности, «голос» генерала Фридрици, предшественника Гейдриха на высшем оккупационном посту в Протекторате. См. в неопубликованном докладе А. Шмидта «Экспериментальный сад: применение расовой теории в чешских землях», сделанном им на конференции «Вторая мировая война» в Сиенском колледже (июнь 1999 г.).

⁴³ См.: *Aly*, 1995.

⁴⁴ *Umwanderungszentrale (UWZ)*. Создано в 1940 г. в качестве преемника Службы по переселению поляков и евреев (*Amt für die Umsiedlung der Polen und Juden*). Занималось также и отбором поляков, расово пригодных для германизации.

Не были оставлены вниманием и прочие народы и районы. Например, согласно плану генерал-комиссара К. фон Готберга, казаки, вынужденные, вслед за отступающим вермахтом, оставить свои родные станицы на Дону и на Кубани, были размещены в своеобразных «военных поселениях», или «станицах», в лесных районах Западной Белоруссии, где были задействованы для вооруженной борьбы с противниками режима, в данном случае с партизанами. При этом обширная территория в 180 тыс. кв. км, отданная им под контроль, должна была быть освобождена от «ненадежного» местного населения и заменена «надежным» пришлым (в основном, беженцами от Красной Армии). Для этого «...отдельные деревни объединялись в оборонительные районы с сильными военными гарнизонами и разветвленной системой децентрализованных опорных пунктов»⁴⁵.

Но все же основным предметом «забот» Рейха были, конечно, не казаки и даже не поляки, а **евреи**. Еще в 1919 году Гитлер писал о необходимости «очистить» от них Германию, а в 1933 году, придя к власти, он вплотную занялся этим вопросом. И хотя в силу «прелестей» национал-социалистической политики евреи и сами стали стремительно покидать Германию, все же расчет на их «принудительно-добровольную» эмиграцию из Германии оправдался только частично. После того как страну покинуло в общей сложности более 400 тыс. немецких евреев (около $\frac{3}{4}$ ее еврейских граждан), власти Третьего Рейха сделали ставку на «депортационный» принцип.

«Тотальная депортация», наряду с созданием системы гетто и лагерей смерти, была важнейшей составной частью нацистского плана «окончательного решения» еврейского вопроса, контуры которого прояснились на зловещей конференции в Ваннзее 20 января 1942 года. План был многоступенчатым и в конечном счете имел мишенью практически все 10-миллионное еврейство Европы.⁴⁶

По мере территориальной экспансии Третьего Рейха в 1938–1939 гг. под действие германского антиеврейского законодательства подпадало все большее число евреев. Именно в Вене, вскоре после аннексии Австрии, в том же марте 1938 года было организовано специальное Центральное управление по еврейской эмиграции. Занимаясь в первую очередь рутинными вопросами легальной еврейской эмиграции, оно уже в 1938 году попробовало себя в «жанре» депортаций. Именно им 28–29 октября 1938 года было депортировано около 70 тыс. евреев — польских граждан, постоянно проживавших в Рейхе: 31 октября истекал установленный польским правительством срок обмена ими польских паспортов, и лица, прибывшие после этого срока, уже не пропускались в Польшу, а накапливались на ничейной территории в районе Збашина.

⁴⁵ См. примечание № 1 А. Огорокова к публикации воспоминаний полковника А. И. Медынского (Материалы по истории РОА, 1999, с. 473).

⁴⁶ «Окончательное решение» при этом не обязательно означало немедленную физическую ликвидацию всех евреев Европы: после победного завершения войны евреев из Германии и западноевропейских стран предполагалось депортировать на оккупированные восточноевропейские территории, которые к этому времени постепенно должны были быть «очищены» (буквально) от собственного еврейства. И здесь, как и в случае с этническими немцами, ключевым вопросом являлся: кого следует и кого не следует считать евреем (см.: *Martin*, 1998).

После оккупации Польши в сентябре 1939 года нацисты «наверстали упущенное», и с лихвой. Для вселения евреев ими была выделена 20-тысячекилометровая резервация между Вислой, Бугом и Саном со столицей в Люблине⁴⁷. Сюда должны были отправить всех евреев со всей Европы, но в первую очередь из Германии, Австрии, Чехии и Польши. Уже в конце октября 1939 года первые эшелоны — около 22 тысяч человек из Вены, Моравской Остравы и Катовиц — были свезены в лагерь Ниско на реке Сан, откуда многие бежали на советскую территорию⁴⁸.

Спустя некоторое время эти, по выражению самих нацистов, «дикие депортации» была приостановлены и возобновлены только в начале 1941 года: ими, тем не менее, было охвачено, по состоянию на март 1941 года, около 380 тыс. польских граждан (как евреев, так и поляков). В октябре 1940 года на территорию вишейской Франции были депортированы все евреи из Эльзаса и Лотарингии (70 тыс. чел.), а заодно и из Бадена и Саар-Пфальца (6,5 тыс. чел.). После нападения на СССР около 50 тыс. евреев из Германии и других европейских стран депортировали в Лодзь или даже на оккупированную территорию СССР, в Риге и Каунасе часть из них уничтожили.

С началом реализации программы по физическому истреблению евреев и открытием лагерей смерти их депортации, распространившиеся теперь и на население многочисленных гетто, приобрели предельно злобещий оттенок. Они осуществлялись не постоянно, а своеобразными волнами (в частности, с середины января по середину мая и в сентябре 1942 года, в первые месяцы 1943 года и в 1944 году⁴⁹). Не будет преувеличением рассматривать депортации как неотъемлемую и во многом решающую часть нацистской технологии массового истребления евреев.

Следует заметить, что накануне и во время Второй мировой войны политику принудительного переселения и трудоустройства, весьма схожую с гитлеровской и советской, проводили и другие страны, главным образом союзники Германии по «антикоминтерновской» коалиции (в особенности Румыния). Так, вновь (как и в 1913 году) попробовала себя в жанре этнических депортаций и обменов **Болгария**: в 1940 году,

⁴⁷ Интересно, что в качестве альтернативы Люблину одно время обсуждался ни много ни мало... — остров Мадагаскар!

⁴⁸ *Browning*, 1995, p. 366. С собой разрешалось брать до 50 кг багажа, помещающегося в сетке вагона над занятым местом. Приборы и инструменты можно было сдать в багаж. Разрешалось иметь: 2 теплых костюма, зимнее пальто, плащ, 2 пары сапог, 2 пары нижнего белья, платки, носки, рабочий костюм, спиртовку, керосинку, столовый прибор, ножик, ножницы, карманный фонарик с запасной батарейкой, подсвечник, спички, нитки, иголки, тальк, рюкзак, термос, еду. Денег — не более 200 рейхсмарок. Освобождение от явки на переселение возможно либо по причине болезни (официально засвидетельствованной), либо из-за наличия документов на миграцию в другую страну. Приходится отмечать, что планы нацистов находили «поддержку» у части русской эмиграции в Германии, в частности у Национально-Трудового Союза. См.: *Заборовский Д.* Опыт разрешения еврейского вопроса // *За родину*. 1939. № 95. 15 декабря (см.: *Синтаксис*. Париж. 1991. № 31. С. 179–182).

⁴⁹ Крупнейшей операцией в 1944 году была депортация 437 тыс. венгерских евреев в мае-июле 1944 года. По иронии истории, когда рабочие руки в Рейхе начали кончаться, немцы были вынуждены пойти даже на то, чтобы часть евреев из Венгрии, в частности из Будапешта... завезти в Германию!

после включения в ее состав Добруджи, Восточной Македонии и Западной Фракии (ранее входивших в состав Румынии и Греции), она выселила около 100 тыс. румын, 300 тыс. сербов и 100 тыс. греков, переселив на их место 125 тыс. болгар. Тысячи сербов были депортированы в 1940 году также и из Хорватии.⁵⁰ В 1943–1944 гг. новые договоры об обменах населением заключили между собой и три восточноевропейских союзника Германии — **Румыния, Венгрия и Болгария**: суммарное число затронутых этими переселениями людей составило около 500 тыс. чел.⁵¹

Но совершенно особенного упоминания заслуживает **Япония**, чья политика по отношению к депортированным гражданским лицам (так же как и к военнопленным) даже на фоне Германии и СССР отличалась какой-то особенной брутальностью. Ее главным (но не единственным) этническим объектом были *корейцы*⁵². Принудительно в годы войны — прежде всего на территории самой Кореи — трудилось около 4,6 млн. корейцев: с 1944 года обязательному труду подлежали уже все дети, начиная с 4-го класса.

К депортациям же корейцев фактически приступили уже в 1939 году (по некоторым сведениям — даже раньше, что послужило своеобразным «сигналом» и для советских органов), но только в конце 1941 года был издан соответствующий законодательный акт⁵³. В 1939 году в Японию были угнаны первые 49,8 тыс. корейских рабочих. В 1940 году количество угнанных несколько возросло — 59,4 тыс. чел. (вместе с угнанными на Сахалин). В 1941 году депортации подверглись еще 67,1 тыс. чел., причем впервые корейцев вывезли на острова южной части Тихого океана (1,8 тыс. чел., а всего за военное время — 5,8 тыс. чел.). В 1942 и 1943 гг. число угнанных корейцев достигло уже, соответственно, 120,0 и 128,4 тыс. чел. Последние 16,4 тыс. чел. были угнаны в 1944 году. Всего за 1939–1944 гг. из Кореи было депортировано 444,3 тыс. чел.⁵⁴ Главной сферой трудоустройства корейцев в Японии была угледобыча.

⁵⁰ См.: *Martin*, 1998, p. 820.

⁵¹ См.: *Ther*, 1999, со ссылкой на: *Magocsi*, 1993, p. 166.

⁵² См.: *Buruma J. Erbschaft der Schuld. Vergangenheitsbestätigung in Deutschland und Japan.* München, 1994, s. 349–368.

⁵³ *Die Geschichte Koreas. Bd. 22. Die Entwicklung der nationale Bewegung. Seul*, 1978, s. 435–442 (на корейском языке). Благодарю госпожу Зен Сук Хан за любезно присланные материалы.

⁵⁴ *Die Zeit des nationalen Leidens // Die Zeitgeschichte Koreas. Bd. 4. Seoul*, 1969, s. 46 (на корейском языке). Ближнюю цифру — 422,3 тыс. депортированных корейцев — встречаем в: *Tae-Woon Moon. Die japanisch-koreanischen Beziehungen nach dem Zweiten Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Nationalstereotypen / Reihe Geschichtswissenschaft. Bd. 11. — Centaurus-Verlagsgesellschaft, Pfaffenweiler*, 1989, s. 16–17 (со ссылкой на: *Chen Ching-Chin. Police and Community Control Systems in the Empire // M. Peattle, R. Myers (Hrsg.). The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton*, 1984, p. 232; но кроме того, еще 2616,9 тыс. корейцев отбыли так называемую трудовую повинность — там же, со ссылкой на: *Han, Woo-Keun. The History of Korea. Honolulu*, 1976, s. 496). Совершенно иную цифру — 661,7 тыс. чел. — встречаем в труде Г. Вонтробы и У. Менцеля (*Wontroba G., Menzel U. Stagnation und Unterentwicklung in Korea. Von Yi-Dynastie zur Peripherisierung unter japanischer Kolonialherrschaft / Transfines. Hrsg. von M. Mols, D. Nohlem u. P. Waldmann. Bd. 9. Verlag Anton Hain, Meisenheim am Glan*, 1978, s. 192–193, со ссылкой на: *Pak Sung-Jo. Die Wirtschaftsbeziehungen zwischen Japan und Korea. Wiesbaden*, 1969, s. 80). Весьма непохоже на вышеприведенное и погодное распределение депортированных корейцев, причем особенно поразительно огромное рассогласование для 1944 г. (тыс. чел.): 1939 г. — 38,7; 1940 г. — 59,9; 1941 г. — 53,5; 1942 г. — 112,0; 1943 г. — 122,2 и 1944 г. — 280,3. Интересно, что, как

Впрочем, следует отметить, что и **США**, опасаясь нападения японцев, в годы Второй мировой войны переселили в глубь страны около 400 чел. (преимущественно эскимосов), составлявших все население Алеутских островов и острова Прибылова⁵⁵. После нападения японской авиации на Пирл-Харбор в США были интернированы и депортированы также и американские японцы (кстати, как и советские немцы, не давшие особых поводов для обвинений в нелояльности новой родине): 120 тыс. японцев, проживавших на востоке страны, вывезли на запад, ограничив при этом срок их депортации четырьмя годами. Уже после окончания войны им были принесены официальные извинения и выплачена компенсация.⁵⁶

Немецкий исследователь Ф. Тер, кажется, первым обратил внимание на следующее обстоятельство: в точности тем же самым, что и «большие» и легитимные государства того времени, то есть этническими чистками и депортациями «враждебных» национальностей, в годы войны с не меньшим энтузиазмом занимались и подпольно-партизанские образования, реально контролировавшие большие территории в тылах уязвляющей на востоке Германии и ее союзников. Они воевали не только с вермахтом или Красной Армией, но и, как правило, друг с другом, причем с не меньшей жестокостью и безо всякой оглядки на международное право. В качестве особенно жестоких противников Ф. Тер называет сербских и хорватских партизан, а также польских и украинских: взаимные счета их жертв составляют, как он утверждает, сотни тысяч человек, причем точка зрения украинских националистов по еврейскому вопросу практически совпала с немецкой.⁵⁷

В конце и после войны и **немецкому** населению выпало претерпеть самые масштабные и насильственные в своей истории перемещения в пространстве. Но с описанными выше претенциозными планами фюрера ничего общего они не имели, кроме того что прямо вытекали из близящегося военного поражения и полного краха всей германской политики, частью которой, собственно, эти переселенческие планы являлись. Более того, по отношению к этим «планам» они являли собой их полную противоположность: «восточное направление» инспирированного Гитлером немецкого переселения резко перевернуло свой знак прямо на противоположное — на западное.

С выходом советских (в июле 1944 года) и англо-американских (в сентябре) войск на рубежи Рейха перед Германией со всей остротой встала проблема эвакуации немецкого гражданского населения в глубь страны. В январе 1945 года в Берлин пошли эшелоны с беженцами из Верхней Силезии. За считанные недели фактическое население городов и сел западнее Одера возросло в 1,5–3 раза. По данным ОКВ на 19 февраля,

и в Германии, в Японии существовали свои плановые установки. Соответствующая сумма должна была бы составить за 1939–1944 гг. 937,3 тыс. чел. (по другим сведениям — 907,7 тыс. чел.), из них только на 1944 год было «запланировано» 400 тыс. чел. В то же время в 1942–1943 гг. «плановые задания» были почти — на 80–90% — выполнены.

⁵⁵ Бугай, 1995, с. 4.

⁵⁶ Критчлоу, 1991, с. 11.

⁵⁷ Ther, 1999. См. также: Snyder T. «To resolve the Ukrainian Problem Once and for All». The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland. 1943–1947 // Journal of Cold War Studies. 1999. Vol. 1, No. 2. P. 86–120.

в Германии скопилось 8,35 млн. беженцев, а к середине марта — более 10 млн. Мероприятия по эвакуации населения с запада Германии были приостановлены с 20 февраля, в то время как эвакуация из восточных районов продолжалась до конца апреля, то есть фактически до конца войны.⁵⁸ Среди эвакуированных были и сотни тысяч «фольксдойче» — этнических немцев из Румынии, Югославии, Венгрии, Словакии, среди них и около 350 тыс. чел. из оккупированных районов СССР.⁵⁹

Послевоенной же судьбе этнических **немцев** не позавидуешь, особенно если родом из Восточной Пруссии или Верхней Силезии — немецких территорий, отошедших к Польше. До войны там проживало примерно 11,5 млн. немцев, и почти всем им пришлось покинуть свои дома в последние месяцы боевых действий, опасаясь проявлений мести и насилия со стороны славянского населения Польши и Чехословакии, но в особенности — из страха перед наступающими частями Красной Армии. Часть немецкого населения сочла за благо эвакуироваться или просто бежать на территорию Германии. В количественном отношении разные оценки этого движения колеблются между 5 и 5,7 млн. чел.⁶⁰

При этом, как справедливо указывает Ф. Тер, различаются как бы три этапа этого побегства–полуизгнания: первый (с конца 1944 до весны 1945 г.) — *эвакуация*, предпринятая самими немецкими властями, второй (с марта-апреля до июля 1945 года) — так называемое «*дикое*» изгнание и третий (после подписания Потсдамского договора и ряда вытекающих из него соглашений) — этап, на котором изгнание было легитимизировано и приобрело относительно цивилизованные формы⁶¹.

Тем не менее общий уровень «цивилизованности» изгнания немцев из Польши, Чехословакии и других стран был не слишком высоким, особенно если вспомнить цифры погибших при этом людей. До недавнего времени в качестве официальной признавалась столь колоссальная цифра, как 2,2 млн. чел.⁶² Но, как показали новейшие исследования Р. Оверманса, с определенностью можно говорить примерно о 400 тыс. погибших во время изгнания⁶³, что и так, бесспорно, является потрясающей воображение цифрой.

Относительно «цивилизованного этапа» переселения немцев Директоратом военнопленных и перемещенных граждан СКК был выработан план, а 22 мая 1945 года

⁵⁸ Якушевский, 1995, с. 56–57.

⁵⁹ Якушевский, 1995, с. 49, со ссылкой на: Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, 1991, p. 913–915. Тем не менее в Восточной и Западной Пруссии, Данциге, Померании, Вартеланде и Силезии остались неэвакуированными по меньшей мере 3 млн. чел. «рейхсдойче» и 0,4 млн. «фольксдойче».

⁶⁰ См.: Ther, 1999, со ссылками на: Schieder T. (Hrsg.). Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ostmitteleuropa. Band I/1–3. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neiße. Bonn, 1953–1961; Bd. I/1; Magocsi P. R. Historical Atlas of East Central Europe. Seattle and London, 1993, p. 168.

⁶¹ См.: Ther, 1996, p. 786.

⁶² По официальным данным Федеральной статистической службы, в процессе переселения погибло 1 618 400 чел. из общего числа 2 239 500 жертв среди мирных граждан Третьего Рейха, так или иначе связанных с депортациями. См.: Ther, 1996, p. 785 (см. также: Neimark, 1997, s. 190).

⁶³ См.: Overmans, 1994.

(в Потсдаме) было заключено соглашение, согласно которому немцы из Польши распределяются между советской (2 млн. чел.) и английской (1,5 млн.) зонами, а немцы из Чехословакии — между американской (1,75 млн.) и советской (0,75 млн.) зонами. Кроме того, 500 тыс. немцев из Венгрии предназначались в американскую зону, а немцев австрийского происхождения (150 тыс. чел.) предполагалось расселить во французской оккупационной зоне. Само это переселение планировалось осуществить между декабрем 1945 и августом 1946 г.⁶⁴ В частности, переселение из Польши в английскую зону началось в феврале 1946 года (по маршрутам Штеттин — Любек и Корфорд — Гельманнштадт) и с весьма высокой интенсивностью — 22 поезда в неделю. Но, будучи не в силах справиться с таким потоком, англичане в середине августа прикрыли свою границу и ограничили прием поездов только двумя в неделю и даже обратились за помощью к советским властям с просьбой временно приостановить этот поток, поскольку поляки по-прежнему и в том же режиме продолжали посылать на запад эшелоны с немцами⁶⁵.

Однако в целом реализация этого плана сталкивалась с большими политическими и организационными трудностями, в результате чего суммарно было переселено около 3,5 млн. чел. Иными словами, намеченные цифры были достигнуты лишь немногим более чем наполовину (в американской зоне — на 50%, в советской — на 52%, а в английской — на 63%). К 1 октября 1947 года было переселено уже 5,4 млн. чел., причем по степени выполнения плановых заданий лидировала уже советская зона (92,7%), на 0,3% опережавшая английскую, далее шли американская (72,4%) и французская (5,9%) зоны. Еще 4,5 млн. немцев были перераспределены между зонами, согласно местам их довоенного проживания⁶⁶.

По взаимной договоренности Англии, США, Франции и СССР в подконтрольных им оккупационных зонах 29 октября 1946 года была проведена специальная перепись немецких беженцев и переселенцев. Она зафиксировала более 9 млн. чел. перемещенных «рейхсдойче», из которых большинство — около 6,15 млн. чел. — до войны проживали в утраченных после войны восточных землях Рейха: 3, 5 млн. в Польше и 2,5 млн. в Чехословакии.

Такие вот «рейхсдойче», в результате военных или послевоенных действий насильственно выселенные из мест своего довоенного проживания, получили в Западной Германии статус **изгнанных** (Vertriebenen)⁶⁷ — в отличие от так называемых **выселенных** (Zugewanderte), то есть немцев, которые на территории Рейха до войны не проживали: к последним, в частности, относились около 500 тыс. немцев из Венгрии и 150 тыс. из Австрии. Около 400 тыс. немецких беженцев (главным образом из бывшей Чехослова-

⁶⁴ См.: ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 1, л. 56–57.

⁶⁵ См. запись переговоров между полковником Брюхановым и начальником Отдела по делам военнопленных и перемещенных лиц в английской оккупационной администрации подполковником Брэм от 10.09.1946 (ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 64, л. 98–99).

⁶⁶ См.: ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 1, л. 60–80.

⁶⁷ Позднее он был закреплен в Федеральном законе об изгнанных (Bundesvertriebenengesetz) от 1953 г.

кии и Югославии) было сосредоточено в Австрии⁶⁸, еще около 160 тыс. чел. — в Дании, а приблизительно 40–50 тыс. чел. уехали за океан.

В оккупационных зонах западных стран находилось в общей сложности около $\frac{2}{3}$ немецких беженцев (около 5,94 млн. чел., из них 3 млн. — в Нижней Саксонии). Перепись ФРГ, проведенная в сентябре 1950 года, зафиксировала уже 14 447,0 тыс. беженцев, из них 8077,6 тыс. выселенцев и 6369,4 приселенцев⁶⁹, включая и немцев, переехавших из советской оккупационной зоны. Максимальной — около 33% — была их доля в населении земли Шлезвиг-Гольштейн.

Между 1944 и 1949 гг. в советскую оккупационную зону Германии было вселено около 4,3 млн., а в западные оккупационные зоны, по данным на 1950 год, — около 8 млн. изгнанных немцев. В первом случае доля изгнанных в общем числе населения, проживающего на этой территории, немного не дотягивала до четверти (24,2%), во втором — составляла 17%⁷⁰. Впоследствии эти показатели сблизились, поскольку около 800 тыс. чел. изгнанных из Восточной Германии, осмотревшись, сочли за благо бежать еще дальше — в Западную Германию.⁷¹

На освобождающиеся в результате изгнания немцев земли переселялись представители титульных народов тех стран, где они проживали. Переселялись иногда добровольно, как многие жители Центральной Польши, поспешившие на освободившиеся немецкие угодья, но чаще принудительно, как это было со многими поляками из восточных областей Польши, аннексированных в 1939 году и окончательно отошедших к СССР после войны, а также с частью украинцев оттуда же.

⁶⁸ Так, в июне 1945 г. из словенской провинции Краина в Югославии на территорию австрийской провинции Штирия (находившуюся тогда под советскими оккупацией и управлением) осуществлялись массовые принудительные выселения так называемых «готшееров» — немецких колонистов, проживавших на территории Югославии на протяжении многих поколений. До оккупации Югославии в 1941 г. они имели югославское гражданство, а после ее захвата автоматически получили немецкое (рейхсдойче). Эти депортации осуществлялись югославами в одностороннем порядке и не были согласованы ни с центральным австрийским правительством, ни с советскими оккупационными органами. Австрийская сторона протестовала против нарушения Югославией суверенитета Австрии и заявила, что ни по признаку гражданства, ни по признаку национальности готшееры не имеют отношения к Австрии и австрийцам. Общее число готшееров в Словении составляло перед войной несколько десятков тысяч человек, из них, по состоянию на 7.06.1945, в Штирию поступило уже 1700 чел. (900 размещено в лагере Кайзервальд близ Вильдена, 500 — в Лейбнице и 300 — в Граце, на городском вокзале). (См. политдонесение начальника политотдела 57 армии генерал-майора Цинева от 13.06.1945 начальнику политуправления 3-го Украинского Фронта генерал-лейтенанту Аношину. — ЦАМО, ф. 413, оп. 10389, д. 46, л. 35–37).

⁶⁹ При этом, разумеется, были нарушены и перемешаны те культурные и языковые (диалектные) общности, которые существовали до войны на местах выселения. См.: *Die Vertrebenen in Deutschland*, s. 69–123.

⁷⁰ Ther, 1996, p. 779, со ссылкой на: *Reichling G.* Die Heimatvertriebenen im Spiegel der Statistik. Berlin, 1958, p. 14–15, а также: *Reichling G.* Die deutschen Vertriebenen in Zahlen: 40 Jahre Eingliederung in der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1989, s. 30–34.

⁷¹ Эта цифра относится к периоду между образованием обоих немецких государств в 1949 г. и радикальным закрытием границ между ними в 1961 г. Эти 800 тыс. составили примерно $\frac{1}{3}$ общего числа беженцев из ГДР в ФРГ. См.: Ther, 1996, p. 800, со ссылкой на: *Heidemeyer*, 1993.

Как точно подметил Ф. Тер, определенная историческая ирония скрывается за тем, что именно их, покидающих свои родные дома в результате **оптации** (то есть вытекающего из обмена территорией обмена и населением), польская и советская пропаганда именовала «репатриантами», то есть людьми, возвращающимися на родину⁷². При этом сами по себе оптации носили отнюдь не добровольно-цивилизованный, а по-советски насильственно-унизительный характер.⁷³

Впрочем, это была совместная советско-польская акция: СССР освобождался от подозрительных чужаков, Польша заселяла ими свои новые, только что очищенные от немцев западные границы и земли, чтобы навечно закрепить их за собой. Ее «совместность» не помешала старшему из партнеров неоднократно унизить младшего. Так, первоначально договоры о репатриации заключались — от имени Польши — Польским Комитетом Национального Освобождения (с демонстративным игнорированием легитимного польского правительства в изгнании!) — не с СССР, а с его отдельными республиками: 6 сентября 1944 года — с УССР, 22 сентября 1944 года — с Литовской ССР и т. д.; и только 6 июля 1945 года, когда «формальности» со статусом Польши были утрясены, соответствующий рамочный договор был заключен и с Советским Союзом в целом.⁷⁴

Так, по состоянию на 31 октября 1946 года, из СССР в Польшу переселилось почти 1,1 млн. чел. (из них 789 982 чел. с территории Украины, 231 152 — Белоруссии и 69 724 — из Литвы), а из Польши в СССР переместилось около 515 тыс. чел. (в том числе 482 109 чел. — на Украину, 35 961 — в Белоруссию и 14 — в Литву).⁷⁵ Мало кто из «репатриантов в СССР» уезжал добровольно: их переселение велось в духе лучших «советских традиций», и одних только погибших по его ходу, по некоторым данным, насчитывалось до 4 тыс. чел. Тем не менее, несмотря на нажим польских властей, весной 1947 года около 150 тыс. украинцев все еще оставались в Польше: практически все они были переселены между 20 апреля и 31 июля 1947 года, но уже не на восток, в СССР, а на запад, на новые польские территории. Эта операция, получившая кодовое название «Акция Висла», по сути была не чем иным, как «этнической зачисткой» вдоль восточных границ Польши.⁷⁶

⁷² См.: *Ther*, 1996, p. 782–783.

⁷³ Тем не менее им, как правило, предоставлялся транспорт и позволялось брать с собой до 2 тонн домашнего скарба и другого груза, тогда как немцам, в чьи дома они переселялись, чаще всего приходилось передвигаться пешком, имея при себе не более чем одно багажное место на человека (*Ther*, 1996, p. 786).

⁷⁴ См.: *Ther*, 1996, p. 785–786 и *Ther*, 1997, p. 514–515, со ссылками на места хранения этих договоров в Польше: Архив Новых актов, Варшава (Archivum Akt Nowych, или AAN), фонд Генерального Уполномоченного Правительства Республики Польша по делам репатриации (Generalny Pełnomocnik Rządu RP do Spraw Repatriacji, sygn. 1, p. 16–21, 28–37 и др.). Точную дату договора с СССР Ф. Тер не приводит, но скорее всего она близка или идентична дате договора с УССР. Тексты самих договоров не публиковались в печати.

⁷⁵ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 139, л. 299–303. См. также: *Ther*, 1999, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 545, л. 47–51.

⁷⁶ *Ther*, 1999, со ссылкой на: *Chojnowska A.* «Operacja Wsła» (prziedlenie ludności ukraińskiej na ziemię zachodnie i północne w 1947 r.) // *Zeszyty Historyczne*. 1992. No. 102. P. 3–102.

В результате степень этнической гомогенизация населения восточноевропейских стран еще весной 1945 года необычайно возросла. Но к этому же сводилась и послевоенная политика таких государств, как Польша и Чехословакия: в титульной этнической гомогенизации этим странам виделось их наиболее безопасное будущее. Уже к 1948 году уровень такой гомогенизации (доля титульных народов) в этих странах составлял около 94–95% — против примерно 67% в 1938 году.

Несколько иное, чем Польша или Чехословакия, политическое видение имело первое послевоенное венгерское правительство, но фактически оно было вынуждено действовать в том же ключе: советские оккупационные власти принудили их к депортации полумиллионного немецкого населения, и только югославская версия гомогенизации была изначально осложнена федерализмом Югославии, внутри которой прорисовывалась ярко выраженная сербская доминанта.

Интересно, что Чехословакия выселяла со своей территории не только немцев, но и венгров. Так, 89 660 венгров, главным образом из Братиславы и других словацких городов, были переселены в Венгрию между 1945 и 1948 гг., за то же время из Венгрии в Словакию было перемещено 73 273 словаков⁷⁷. Что-то похожее происходило и вдоль югославско-итальянской (Истрия) и югославско-венгерской границ (Воеводина): во втором случае объем взаимных переселений составил «всего» около 40 тыс. чел.⁷⁸ В этом же ключе понятнее становится и политика Польши по отношению к уцелевшим на ее территории евреям: Польша не сделала фактически ничего для пресечения антисемитских настроений и действий (в ряде случаев, как, например, в Кельце, переходивших в погромы), что привело к быстрому оттоку остатков еврейского населения из страны.

В результате перемещенные лица еврейской национальности постепенно покидали восточно-европейские страны и, если им не удавалось попасть в Палестину, концентрировались преимущественно в западных зонах оккупации Германии (в течение 1946 года численность еврейского населения в них увеличилась с 50 до 185 тыс. чел.) и Австрии (45 тыс. в конце 1946 года), а также в Италии (20 тыс.).⁷⁹ Часть из них осела в этих странах, часть со временем переехала в США, Англию или другие страны, но большинство дождалось того времени, когда эмиграция в Палестину или же репатриация в Государство Израиль (после образования последнего) стали возможными.

Обобщая предысторию принудительных миграций, выскажем осторожное предположение, что в глобально-историческом плане наиболее пострадавшим от депортаций этносом были евреи. В XX веке их репутация «гонимых» в очередной раз — и беспримерно страшным образом — была подтверждена, а в число народов, претерпевших массовые депортации не в одной, а в двух или нескольких странах, вошли немцы, поляки, греки, турки, корейцы, а также русские, украинцы и белорусы, составлявшие костяк и «кулацкой ссылки», и оstarбайтерского угона.

⁷⁷ См.: *Ther*, 1999, со ссылками на: *Sutaj S. Madarska Mensina na Slovensku v Rokoch 1945–1948. Bratislava, 1993, p. 138, 139.*

⁷⁸ *Magocsi*, 1993, p. 168.

⁷⁹ *Lavski H. Displaced Persons, Jewish // Encyclopedia of the Holocaust. Vol. 1. New York, 1990. P. 377.*

Классификация принудительных миграций

Случаи принудительных миграций в мировой истории столь многочисленны, что при всей их общности наблюдаются и серьезные типологические различия. Для их учета и осмысления в свое время мы предложили **классификацию** принудительных миграций⁸⁰, которую впоследствии несколько модифицировали и усовершенствовали (табл. 2). В ее основу положено принципиальное различие репрессивных и нерепрессивных миграций.

Отличительным признаком **репрессивных** миграций, помимо карательной функции, является их **прямое действие**, основывающееся на некоем верховном политическом решении (реже — на международном соглашении, как, например, на Ялтинском в случае насильственной репатриации), как правило, не подлежащем ни обжалованию, ни даже обсуждению.

Классификация, конечно, в высокой степени условна, в жизни встречались и смешанные, переходные формы: к какому, например, — «классовому» или этническому? — типу отнести депортации эстонских, латвийских и литовских «кулаков» накануне войны?

В целом же изучение принудительных миграций весьма недвусмысленно обнаруживает поразительную и со временем все усиливавшуюся приверженность советского строя преимущественно не к классовому, а к **этническому** критерию репрессий (своего апогея она достигла при Сталине). Иными словами, государство с неустанно декларируемыми интернационализмом и классовым подходом на практике тяготеет к сугубо **националистическим** целям и методам.

Наиболее яркий пример — так называемые «**наказанные народы**», причем наказанием, собственно говоря, и являлась **депортация**. Представителей этих народов выселяли целиком и не только с их исторической родины, но и изо всех других районов и городов, а также демобилизовывали из армии, так что фактически такими этнодепортациями была охвачена вся страна (напомним, что такого рода репрессии мы называем **тотальными депортациями**). Вместе с родиной у «наказанного народа» отбиралась, если она была, национальная автономия, то есть его относительная государственность.

В сущности, в СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов. Из них семь — немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары — лишились при этом и своих национальных автономий (их общая численность — около 2 млн. чел., площадь заселенной ими до депортации территории — более 150 тыс. кв. км.). Согласно сформулированным выше критериям под определение тотальной депортации подпадают еще три народа — финны, корейцы и турки-месхетинцы.

Таким образом, с точки зрения предложенной классификации, может быть несколько уточнен и конкретизирован объект настоящего исследования. К нему относятся пер-

⁸⁰ См.: Полян, 1990в; 1990г; 1992 и др.

Таблица 2. Классификация принудительных миграций в СССР

А. РЕПРЕССИВНЫЕ МИГРАЦИИ (ДЕПОРТАЦИИ)	<p>I. ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Расказачивание (1919–1920)2. Раскулачивание (1930–1933)3. Выселение «дворян» (1935) <p>II. ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. В порядке «политической подготовки театра военных действий» и «зачистки границ»:<ol style="list-style-type: none">а) тотальные,б) частичные.2. Тотальные депортации «наказанных народов»:<ol style="list-style-type: none">а) превентивные,б) депортации «возмездия»3. Компенсирующие миграции4. Принудительная оседлость <p>III. ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Конфессии в целом (истинно православные христиане, иеговисты и др.)2. Духовенство разных конфессий <p>IV. ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРИЗНАКУ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Члены запрещенных партий и организаций2. Члены семей врагов народа3. «Социально опасные» элементы4. Договорные репатрианты5. Иностранцы подданные <p>V. ВОЕННОПЛЕННЫЕ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Военнопленные2. Гражданские интернированные <p>VI. ОСУЖДЕННЫЕ</p> <ol style="list-style-type: none">1. Политические (узники совести)2. Уголовные <p>VII. ПЛАНОВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ «ПО ПРИЗЫВУ»</p> <ol style="list-style-type: none">1. В отдаленные и неосвоенные районы2. С гор на «плоскость»3. Вследствие военного, промышленного, энергетического и других видов строительства4. Переселения «демобилизованных» <p>VIII. ЭВАКУИРОВАННЫЕ (РЕЗВАКУИРОВАННЫЕ), БЕЖЕНЦЫ, ДОБРОВОЛЬНЫЕ РЕПАТРИАНТЫ</p> <ol style="list-style-type: none">1. В результате военных действий2. В результате геноцида, межэтнических и межконфессиональных конфликтов3. Вследствие стихийных бедствий и экологических катастроф
Б. НЕРЕПРЕССИВНЫЕ («ДОБРОВОЛЬНО-ВЫНУЖДЕННЫЕ») МИГРАЦИИ	

Примечание. Курсивом выделены виды принудительных миграций, специально рассматриваемые в настоящей работе.

вые четыре класса репрессивных миграций, или депортаций: **по социальному, этническому, конфессиональному и политическому признакам.**

Принудительные перемещения военнопленных и осужденных, как политических, так и уголовных, остаются за его рамками. В то же время внутри этих границ оказывается случай **остарбайтеров**, но его следует отнести к разряду **смешанных**. Пожалуй, ближе всего депортация остарбайтеров соотносится с типом «переселения по призыву». Была создана соответствующая «правовая база», выработан стабильный механизм и даже ритуал вербовки. Так что недаром цветущий и лежащий в центре Европы Третий Рейх видные нацисты⁸¹ в сердцах сравнивали с Сибирью!

Отметим еще несколько особенностей. В частности, остарбайтеры как некий единый контингент имели достаточно регламентированную этническую структуру.⁸² Их статус распространялся исключительно на украинцев, русских и белорусов: не только евреям и цыганам, но и кавказцам и среднеазиатам в этой «чести» было отказано. Национальность довела и при отборе девушек: в помощь немецким домохозяйкам лучше всего подходили украинки.

В то же время после Сталинградской и, в особенности, после Курской битвы безусловно учитывался и фактор **«подготовки театра военных действий»**, то есть *принудительной эвакуации* мирного населения — или, как это еще тогда называлось, очисткой территории. Немецкие власти стремились обезопасить себя от мобилизации гражданского населения в ряды наступающего противника и одновременно использовать их труд на пользу Германии.

Под конец войны ярко проявились и элементы другого типа. К миллионам классических остарбайтеров добавились сотни тысяч беженцев и так называемых «эвакуированных». Когда война закончилась, военнопленные, остарбайтеры и беженцы — вместе — составили некое и весьма нетривиальное единство: *советские граждане, подлежащие репатриации*.

Сама же **репатриация** советских граждан после войны относится к разряду принудительных миграций не потому, что никто не хотел, а всех заставляли ехать на родину. Ее неукоснительно насильственный характер был предопределен соглашениями в Ялте, принципиально игнорирующими индивидуальные волеизъявления.

В нерепрессивных принудительных миграциях факт принятия решения на высшем уровне не являлся принципиальным; механизм приведения его в действие был совершенно иной — **косвенный** (как бы настоятельно-намекающий), но оттого в большинстве случаев ничуть не менее властный. Никто не приходит с ордером на выселение, но тебя ставят в условия, когда ты сам принимаешь нужное властям решение. Для государства это и проще, и выгоднее: большая часть расходов по переезду в таких случаях скорее всего ляжет на самих «добровольцев». В действительности, разумеется, степень добровольности может приближаться к нулю.

⁸¹ В частности, А. Розенберг.

⁸² Нацисты были достаточно равнодушны к социальному, конфессиональному, но только не к этническому, национальному — основополагающему для себя признаку.

Включение в эту схему еще и эвакуированных вызвано тем, что в реальной жизни многие из них, не сумев преодолеть административных преград, не смогли вернуться в свои, отнюдь не по своей воле брошенные, жилища. К тому же это один из самых массовых видов миграции, когда-либо имевших место в мире: в течение 1941–1942 гг. в восточные районы СССР было вывезено около 25 млн. чел.⁸³

Аналогичным образом в нашу схему (но не в предмет исследования!) включено и так называемое плановое, или организованное, или сельскохозяйственное, переселение, призванное выправить **внутреннюю диспропорцию** трудовых и земельных ресурсов, сложившуюся в пределах СССР (отчасти исторически, отчасти в результате перегибов национальной и экономической политики). Формально это переселение велось на «добровольной основе», в действительности же — в условиях тоталитарного режима — все было совершенно иначе: недаром к реализации этой политики были привлечены не только органы внутренних дел, но и система военкоматов, а вся документация по этому вопросу велась в режиме секретности.

Методы «добровольной» вербовки, особенно в 1930-е годы, не оставляют и тени сомнений в принудительном и неэффективном характере этих переселений. Так, в «Докладе об итогах переселения красноармейских хозяйств на Северо-Кавказский край» за 10.12.1933 читаем: *«Отдельные воинские части, в погоне за выполнением „контрольных цифр“, — при вербовках допускали по существу насильственные методы вербовок, в приказном порядке. У части коммунистов отбирались партбилеты за отказ от выезда на Кубань; исключали из партии. В эшелоне № 170 у переселенца отобрана подписка о невыезде его с Кубани; отдельных красноармейцев снимали с постов, приказывали грузиться в эшелоны и выезжать».*⁸⁴

Вместе с тем закономерно возникает вопрос о соотношении типологических, организационных и, в особенности, географических черт между системами планово-добровольного, депортационного и тюремно-лагерного (ГУЛАГ) переселения и т. д. Депортационная политика тесно связана с общей политикой принудительного труда в СССР и может быть понята только в единстве с практикой принудительного трудоустройства осужденных в ГУЛАГе и планово-добровольного переселения.

В частности, провал планового переселения в 1920-е гг. в сочетании с валютноприносящим экспортом древесины во многом предопределили принудительные формы и методы переселения и трудоустройства, на которые государство перешло в 1930-е гг. как по линии заключенных (исправительно-трудовая система ГУЛАГа), так и по линии депортированных (спецпереселенцев, административно-высланных и т. д.). При этом считалось, что принудительный труд мог быть более эффективным, чем свободный. Между планово-добровольным, депортационным и тюремно-лагерным

⁸³ В течение июля-декабря 1941 г. на восток страны переместилось 17 млн. чел. Вторая волна эвакуации началась летом 1942 г., в связи с наступлением фашистских войск на Южном фронте (см.: Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирувания производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966, с. 13).

⁸⁴ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 49. Не менее выразительно и то, что по пути контакты с местным населением не допускались.

Принудительные миграции: предыстория и классификация

типами переселений отмечалось не всегда четкое, но все же ощутимое макрогеографическое разделение труда: так, плановое переселение «отвечало» за переселение в трудodefицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, на Северный Кавказ или в отдельные районы юга Дальнего Востока), тогда как «Архипелаг ГУЛАГ» специализировался на освоении районов с экстремальными природными условиями (как, например, на Колыме) или же обеспечивал физическим трудом сверхсекретные объекты (урановые рудники, закрытые города и т. д.).

Что же касается системы спецпоселков и комендатур для депортированных, то она занимала промежуточное положение между ними, в результате чего основными ареалами вселения депортированных были Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, за исключением самых обжитых или приграничных районов.

РАЗДЕЛ I

ВНУТРИСОЮЗНЫЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1919–1939)

Первые советские депортации и переселения в 1919–1929 гг.

Бытует мнение, что к таким мероприятиям, как депортации, советская власть приступила только в 1930-е гг. На самом же деле ими отмечены уже самые первые годы правления большевиков, когда повсюду еще полыхала или дотлевала Гражданская война.

В западной части Северного Кавказа она была во многом предопределена многолетним противостоянием «белого» казачества и союзных ему осетин, с одной стороны, и вайнахской безземельной бедноты, с другой, наивно рассчитывавшей, благодаря союзу с большевиками, осуществить передел земель в свою пользу. Первое в этом духе решение было принято Съездом Советов Терской обл. в апреле-мае 1918 года: к выселению были намечены четыре станицы — Тарская, Сунженская, Воронцово-Дашковская и Фельдмаршальская.¹ А 24 января 1919 года ЦК РКП(б) — уже на всероссийском уровне — принял Директиву о расказачивании, одним из способов которого явилось и принудительное переселение.²

В марте 1920 года, с окончательной победой красных, советизация стала проводиться всерьез. Первыми, кого стали выселять в ответ на выступления против советской власти, не могли не быть **терские казаки**. 17 апреля 1920 года выселили жителей трех равнинных станиц — Сунженской, Воронцово-Дашковской и Тарской (а также, по-видимому, Тарского хутора). В октябре 1920 года, по приказу Г. К. Орджоникидзе (члена Реввоенсовета Кавказского фронта), та же участь постигла жителей станиц Ермоловской, Романовской, Самашкинской, Михайловской и Калиновской³ в возрасте от 18 до 50 лет (остальных тоже переселяли, но поблизости, в хутора и другие станицы в радиусе не ближе 50 км от прежнего места проживания). В общей сложности около 9 тыс. семей (или примерно

¹ *Цуциев*, 1998, с. 49–50.

² Так, начальник Отдела гражданского управления Донбюро С. И. Сырцов в марте 1919 г. требовал отправить на принудительные работы в Воронежскую губернию и др. районы всех казаков-мужчин от 18 до 55 лет; одновременно планировалось — и велось! — переселение на Дон крестьян из Центральной России. Уже в апреле 1919 г. в Донецкую область прибыли первые 700 переселенцев из Тверской, Череповецкой и Олонецкой губерний, по всей видимости, поголовно истребленные белоказаками.

³ Более вероятно, что это станица Кохановская, тогда же разрушенная (см.: *Цуциев*, 1998, с. 180).

45 тыс. чел.) выселили в Донбасс и на Север Европейской части (в частности, в Архангельскую обл.). Самовольное же возвращение выселенных казаков пресекалось⁴.

Освободившийся земельный фонд (около 98 тыс. десятин пашни) был передан красным казакам и нагорной ингушской и чеченской бедноте, что способствовало переселению значительной ее части с гор на равнину и делало ее, пожалуй, самой верной опорой режима в регионе. Режима, но не порядка, так как после выселения казаков в округе резко усилились бандитизм.⁵ Это разорвало некогда компактный ареал проживания русских на Кавказе. Позднее были ликвидированы и сами казачьи округа как административные единицы (округа Сунженский, Казачий, Зеленчукский и Ардонский).

Весьма примечательно, что уже тогда, в самые первые советские депортации, в ходу были и топонимические репрессии. Если станица не разрушалась, а просто высылалась, то ей присваивался статус аула и давалось новое название. Например, по Назрановскому округу: станица Сунженская была переименована в аул Акки-Юрт, Воронцовско-Дашковская — в Таузен-Юрт, Тарская — в Ангушт, Тарский хутор — в Шолхи, Фельдмаршальская — в Алхасте (по Чеченскому округу: станицу Михайловскую переименовали в аул Асланбек, Самашкинскую — в Самашки, Романовскую — в Закан-Юрт, Ермоловскую — в Алхан-Юрт).⁶

Весной и летом голодного 1921 года — в ходе реформы землеустройства, фактически проводившейся под лозунгом борьбы с «кулацким шовинизмом» и ликвидации неравноправных отношений между пришлым европейским и коренным населением (первых рассматривали как исторических «обидчиков» вторых), — состоялось выселение зажиточных русских крестьян-казаков из Семиречья. Последние расселились в Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях сравнительно недавно — в 1906–1912 гг., в ходе столыпинской аграрной реформы, когда в Туркестан было переселено 438 тыс. семей. В Семиречье они основали около 300 крестьянских и казачьих поселков, причем случаи самозахвата ими лучших земель действительно имели место.

Постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня и от 5 декабря 1920 года по этому вопросу предусматривали систему высылки и даже отправки кулаков в концентрационные лагеря «карательным порядком», но все же не на контингентной, а на индивидуальной основе.

Инициатор всей этой кампании Г. И. Сафаров был содокладчиком Сталина по национальному вопросу на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 года: говоря о земельной реформе в Туркестане, он с гордостью упомянул и о высылке целых кулацких поселков. Первая документированная высылка состоялась 16 апреля 1921 года из с. Высокое Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области: соответствующая «комиссия

⁴ См.: Бугай, 1994а.

⁵ См.: Бугай, 1994а. С. Алиева приводит цифру 70 тыс. казаков, выселенных в Казахстан и на Урал (Алиева, 1993, т. 1, с. 27, со ссылкой на публикацию «Независимой газеты» от 12.05.1991). В то же время попытки интерпретации казачьих высылки как составной части большевистской политики «решения русского вопроса» на Кавказе, как «руссофобии» и чуть ли не как «геноцида русского народа» (см., например, Бугай, Гонов, 1998, с. 81–103) не убедительны. Несмотря на это, они широко используются для откровенно шовинистических провокаций, что не только прискорбно, но и опасно.

⁶ Согласно приказу ЦИК Горской республики от 25.04.1922 (Цуциев, 1998, с. 180).

по расслоению <Sic! — П. П.> выслала тогда более 20 семей. Выслали их, как правило, за пределы Туркестанского края, официально почему-то в Калужскую губ., куда, разумеется, в то время никто и доехать не мог.⁷

Следующая по времени депортация состоялась осенью 1922 года: два знаменитых «**философских парохода**» доставили из Петрограда в Германию (Штеттин) около 50 выдающихся российских гуманитариев (вместе с членами их семей — примерно 115 чел.).⁸ Это был первый в советской истории пример относительно массовой международной принудительной миграции.

По всей видимости, к пассажирам этих кораблей был применен Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 года, предусматривавший три вида высылки из данной местности как альтернативные аресту меры изоляции: а) высылку с восприятием проживания в других определенных пунктах РСФСР, б) высылку в определенные местности РСФСР и в) высылку за границу. Срок высылки — в интервале от 2 месяцев до 3 лет. Решение о высылке принималось в индивидуальном порядке⁹, а высланные в пределы РСФСР поступали под надзор местного органа ГПУ, который определял конкретное местожительство высланного (где тот должен был регистрироваться каждые три дня). Согласно дополнению к этому декрету, специальной комиссии при НКВД предоставлялось право некоторые категории граждан (в частности, деятелей антисоветских политических партий) не только высылать, но и заключать в лагерь принудительных работ на те же сроки.¹⁰

Сведения о других принудительных миграциях в 1920-е гг., и особенно за их первую половину, более чем отрывочны. Как правило, они носили местный, внутрирегиональный характер. Так, например, известно, что часть населения **горско-еврейских аулов** в Дагестане и Азербайджане была принудительно «спущена» в Дербент и Кубу, что начался активный процесс вытеснения **армянского населения** из Тифлиса и т. д.

Иными сведениями о депортациях или насильственных переселениях в СССР в 1920-е гг., вплоть до начала коллективизации, мы не располагаем. Можно упомянуть разве что датированные концом 1926 года, но так и не осуществившиеся планы по переселению корейцев с юга Дальнего Востока на его север, в районы, расположенные за Хабаровском, к северу от 48,5 широты.¹¹ Практически те же планы были вновь озвуче-

⁷ См.: *Генис*, 1998, с. 44–58. См. также: *Martin*, 1998, р. 827, со ссылками на материалы *ГАРФ* (Ф. 3316, оп. 64, д. 177 и 220; Ф. 1235, оп. 140, д. 127).

⁸ 28.09.1922 отплыл и 30.09.1922 приплыл пароход «Обербургомистр Хакен» с учеными из Москвы и Казани (30 или 33 чел., с членами семей — около 70), а 15.11.1922 отплыл и 18.11.1922 приплыл пароход «Пруссия» с учеными из Петрограда (17 чел., с членами семей — 44). Всех депортированных предварительно арестовывали (см.: *Хоружий С. С.* После перерыва. Пути русской философии. — СПб, 1994, с. 188–208; *Гелер М.* Первое предупреждение: удар хлыстом // Вестник Русского Студенческого Христианского движения. Париж, 1979. Вып. 127. С. 187–232).

⁹ Персонализированный характер этой высылки ставит ее несколько в стороне от основного ряда депортаций, рассматриваемых в настоящей работе.

¹⁰ См.: *Зайцев*, 1993, с. 104–106. Что касается высылки и ссылки по суду, то действия осужденных и административных органов регулировались специальным Пост. ВЦИК и СНК от 10.01.1930 г. (см. там же, с. 106–107).

¹¹ См.: *Martin*, 1998, р. 825, со ссылками на книгу Д. Аносова «Корейцы в Уссурийском крае» (Хабаровск — Владивосток, 1928, с. 6–7) и на: *ГАРФ*, ф. 1235, оп. 120, д. 60, л. 17–20.

ны весной 1928 года, только на этот раз к переселению (намеченному на 1930 год) предназначались не все, а только нелояльные корейцы. Фактически же в 1930 году было переселено 1342 корейца, из них 431 чел. — насильственно (в 1931 году, когда число переселенных корейцев достигло около 2,5 тыс. чел., от этой идеи отказались).¹²

И все-таки для этого периода принудительные миграции были скорее исключением, нежели правилом. За совокупностью локальных операций еще не ощущается той жесткой политической воли, той системы и методичности, которые обнаружат себя и разовьются в 1930-е гг. Однако такие мотивы, как «наказание» насильственной высылкой одних групп населения (в частности, казаков) за нелояльность в годы Гражданской войны или за социально несправедливое, с большевистской точки зрения, распределение земель, с одной стороны, и поощрение передачей земель депортированных в руки их более «лояльных» и обездоленных землями соседей (национальной горской бедноты), с другой, были достаточно выразительными и грозными симптомами.

Такие же факторы переселения, как осуществление в 1920-е гг. земельной реформы или национально-административное обустройство РСФСР (и позже СССР), требовавшее в ряде случаев оседлости и подпитки соответствующим этническим населением тех или иных новообразуемых административных единиц, обуславливали принципиально иные, нежели при депортациях, характер и организационную структуру переселения.

На последнее обстоятельство обратил внимание американский исследователь Терри Мартин¹³. Он же тонко подметил противоречивую связь между внутренней и внешней политикой молодого и территориально ущемленного Советского государства в приграничных районах. С одной стороны, просматривалась определенная тенденция к организации этнических автономий вдоль границ с государствами с соответствующим этническим доминированием (например, Карельской автономии на границе с Финляндией и Молдавской на границе с Румынией). На примере борьбы различных сил и группировок за или против создания аналогичной корейской автономии на Дальнем Востоке он показал механизм возможной причинно-следственной связи этого процесса с последующими депортациями. Сам по себе этот механизм он обозначил как «**принцип Пьемонта**», намекая тем самым на процесс консолидации итальянского государства вокруг северной провинции Пьемонт в конце XIX века (хотя, на наш взгляд, не менее выразительным является прецедент мирного, путем референдума, отторжения части северо-западных итальянских земель, а именно Савоя и Ниццы, от Италии в пользу Франции). При этом, по мнению американского исследователя, «принцип Пьемонта» был альтернативой тому, что он называет «советской ксенофобией», понимая под последним традиционную советскую подозрительность к иностранцам, закрытость границ и т. п.¹⁴

¹² См.: *Martin*, 1998, p. 825, со ссылками на: *ГАРФ*, ф. 3316, оп. 16а, д. 384, л. 41–42; ф. 1235, оп. 141, д. 1356, л. 18–19 и др. (Ввиду отсутствия указания на точную дату этой операции она опущена в Приложении 1).

¹³ Он упоминает при этом евреев, цыган и калмыков. См.: *Martin*, 1998, p. 825, со ссылками на: *ГАРФ*, ф. 1235, оп. 128, д. 2, л. 110, 166; оп. 141, д. 1531, л. 103.

¹⁴ *Martin*, 1998, p. 829–832.

Из противостояния и комбинаций «принципа Пьемонта»¹⁵ и «советской ксенофобии» Т. Мартин выводит практически всю советскую политику в области этнических чисток, в том числе и депортационную политику. Реальная консолидация украинцев и белорусов в рамках УССР и БССР действительно произошла в 1939 году, но не в результате торжества того или иного принципа, а в результате временного геополитического сговора между СССР и Германией, опиравшегося к тому же не столько на контуры этнических ареалов, сколько на линию Керзона. Это, во-первых, потребовало дополнительных обменов населением, а во-вторых, новой зачистки западной границы — на сей раз германо-советской.¹⁶

Все это весьма тонкие и изящные построения, базирующиеся к тому же на новом и богатом российском архивном материале. Но, на наш взгляд, они неизбежно уводят в смежные исследовательские сферы (в такие, например, как «Большой террор и этничность») и в конечном итоге все же не обладают необходимой степенью объяснительности и непротиворечивости.

Так, по логике Т. Мартина, буферные этнические автономии как проводники советского влияния на границу должны были бы непременно возникнуть (хотя бы в 1920-е гг.) на границах с Турцией, Ираном и Афганистаном, чего, однако, не произошло. Наоборот, тех же курдов из Закавказья до войны, как и турок-месхетинцев во время войны, превентивно депортировали из приграничных с Турцией районов. И здесь уже было бы труднее объяснить их депортацию аналогией с депортацией корейцев с Дальнего Востока, где корейская автономия (в компромиссном варианте национальных «района» и «уездов» все же была создана) могла стать не проводником российского влияния на оккупированную японцами Корею, а в силу общей слабости России на Дальнем Востоке, наоборот, проводником японского влияния на Приморье.

На наш взгляд, гораздо более реальным и значимым фактором переселения была иная иллюзия большевиков — их устойчивая, материалистическая вера в рациональную возможность «выправить» все «ошибки» природы и общества, в частности, и путем плановых переселений, преодолевая с их помощью исторически сложившееся несоответствие между природными и демографическими ресурсами такой гигантской страны, как Россия–СССР¹⁷.

В литературе, как и в жизни, за такими подвижками населения закрепилось понятие **планового, или организованного, переселения** (иногда его называли еще *сельско-*

¹⁵ В определенную связь с которым можно было бы поставить и такие теоретические конструкты большевизма (или, по крайней мере, его троцкистской разновидности), как «раздувание мирового пожара», или попросту экспорт революции вовне России. Не случайно основными сторонниками «принципа Пьемонта» в реальной политике были, по наблюдениям самого Т. Мартина, Коминтерн и национальные коммунистические партии.

¹⁶ Подробнее см. выше (в главе 1) и ниже (в этой главе).

¹⁷ Те районы, освоение которых считалось необходимым, но на планово-добровольной основе признавалось все-таки нереальным, подлежали однозначно насильственному освоению (классический пример — Колыма).

хозяйственным). Формально оно являлось добровольным, и, несмотря на условность во многих случаях этой «добровольности», смешивать его с «классическими» депортациями ни в коем случае не следует.

По крайней мере в 1920-е гг. (особенно во 2-ю их половину) именно на плановые переселения делался явный внутривластный акцент. Для их планирования и осуществления в 1924 году был создан специальный государственный орган — Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР (ВПК)¹⁸.

Среди принципов, которыми ВПК руководствовался в своей деятельности, наряду с *плановостью*, было и некоторое *сочетание элементов экономического стимулирования* (например, предоставление переселенцам минимальных льгот и компенсаций) *с элементами административного принуждения*.

Логика организованной миграции диктовалась, с одной стороны, избыточностью сельскохозяйственного населения в центральных районах и связанной с этим безработицей, а с другой — возрастающей необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот колоссального массива пустующих земель Дальнего Востока и Сибири. Пустовали земли и в Европейской части страны (в частности, в Поволжье — в результате голода 1921 года), и на Северном Кавказе — в том числе вследствие мер по расказачиванию. Действительно, в четырех центральных областях РСФСР 34% сельскохозяйственного населения занималось отхожим промыслом, а всего по трем республикам (РСФСР, Украина и Белоруссия), как это ни парадоксально звучит сейчас, насчитывали 13,5 млн. «лишних крестьян».¹⁹

В то же время, например, в Карелии и Мурманской обл. для рыболовецких промыслов и лесоразработок не хватало рабочих рук. Здесь работало 20–25 тыс. чел. из других районов страны. Еще хуже обстояло дело на Урале, где потери в ходе революции и гражданской войны составляли 20–25% населения региона. Колоссальные потери в рабочей силе в ходе гражданской войны понесла и Западная Сибирь: сотни деревень были полностью уничтожены, и огромный регион некогда высокопродуктивного сельскохозяйственного производства в экономическом плане практически перестал существовать.

Важность и необходимость переселенческой кампании была подтверждена целым рядом государственных постановлений. Она началась в 1924 году переселением в Поволжье, продолжилась в 1925 году переселением в Сибирь и на Дальний Восток, а в 1926 году — на Урал и Северный Кавказ.

4–8 марта 1927 года в Москве состоялось Первое Всероссийское совещание работников по переселенческому делу, обосновавшее, в частности, заселение Дальнего Востока (в том числе Сахалина), Сибири и Карело-Мурманского края с одновременным развертыванием в этих районах железнодорожного и промышленного строительства. Поэтому в таких регионах, как Карелия, выказывалась особенно большая заинтересованность в заселении малоосвоенных территорий.

¹⁸ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 2, 3, 4.

¹⁹ Следует отметить, что в 1926 г. вся промышленность страны смогла «освоить» только 0,4 млн. чел. сельскохозяйственного населения.

Однако вскоре выявилась очевидная несостоятельность самого проекта, согласно которому за 10 лет предусматривалось переселить 5 млн. чел. из 13,5 млн. «лишнего сельскохозяйственного населения». По республикам это выглядело бы следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3. Избыточное население РСФСР, БССР и УССР (млн. чел.)

Республика	Избыточное население	Планы переселения	
		за 5 лет	за 10 лет
РСФСР	6,9	1,5	2,5
БССР	1,2	0,3	0,5
УССР	5,4	0,7	2,0
Всего	13,5	2,5	5,0

Любопытный пример попытки планового переселения являет собой ситуация с еврейским аграрным населением (дискриминационные царские законы запрещали им заниматься сельским хозяйством). Во второй половине 1920-х гг. имелось два альтернативных проекта, оба ставили политическую цель противопоставить нечто конструктивное сионистской идее сосредоточения евреев в Палестине и оба, по существу, провалились. Первый — предусматривал переселение полумиллиона еврейской бедноты на Украину и в Крым и даже создание в последнем еврейской автономии²⁰: местным русским, украинским и татарским населением он был встречен в штыки. Второй — переселение еврейских аграриев на плодородные и незаселенные земли на Дальнем Востоке, в район рек Бира и Биджан в левобережье Амура. Но за первые два года (считая от 1928 года) туда не переселилось и 2 тыс. евреев. Не помогли ни принудительная мобилизация евреев–красноармейцев, ни рекламные кампании за рубежом, ни даже провозглашение в этом районе Еврейской национальной автономии. За 1928–1933 гг. сюда переселилось около 20 тыс. советских евреев и 1,5 тыс. евреев из Литвы, при том что более 11,5 тыс. (или $\frac{3}{5}$) переселенцев успели покинуть «Красный Сион» в Приамурье.²¹ Конкуренции с сионизмом большевизму выдержать не удалось.

Нередко перераспределение населения диктовалось и крупными проектами гидроэнергетического и мелиоративного строительства, например на Кавказе или в Средней Азии, что в конечном итоге было призвано ликвидировать зависимость народного хозяйства СССР от импорта хлопка и других технических культур. Оно носило, по возможности, *внутрирегиональный* характер, что в условиях горно–долинного расселения в большинстве случаев означало переселение из горных районов в равнинные, или, на языке того времени, *переселение с гор на плоскость*.

²⁰ См.: Калинин М. И., Смидович П. С. О земельном устройстве трудящихся евреев в СССР. М., 1927.

²¹ См.: Abramsky Ch. The Biro-Bidzhan Project // Kochan L. (ed.). The Jews in the Soviet Russia since 1917. Oxford, 1978, p. 74.

Так, в 1925–1926 гг. подобные переселения прошли в Таджикистане: около полутора десятилетия декханских хозяйств из высокогорного Гармского вилаята на Памире переселились на осваиваемые земли в Курган-Тюбинском и Джиликульском вилаятах. 5 марта 1927 года были введены льготы для таких переселенцев (в том числе право на сохранение за собой земельного участка в горах на три года), а 15 марта был создан Переселенческий комитет при ЦИК Таджикской АССР. В результате в 1927–1928 гг. этот поток стал еще более массовым (свыше 4,5 тыс. переселенных хозяйств), что позволило создать десятки новых переселенческих кишлаков, колхозов и совхозов и заметно нарастить посевные площади под хлопчатником²².

Надо отметить, что сходная политика переселения в Вахшскую долину была продолжена и в 1930-е гг., особенно после выхода поздней осенью 1932 союзного постановления «Об освоении ирригационных приростов Вахшских земель в 1933 году» и республиканского «О переселении на Вахш»: для освоения к весне 1933 года 21,6 тыс. га новых земель ими устанавливался 6-тысячный контингент переселения на 1933 год, причем источниками населения в равной доле должны были служить квалифицированные хлопководы из Узбекистана, внутриреспубликанские перемещения (то есть горцы) и демобилизованные красноармейцы²³. А на 1935–1938 гг. потребность определялась в 12 360 хозяйств, исходя из расчета 3 га на одно хозяйство²⁴. Всего же, по подсчетам Ш. И. Курбановой, за годы организованного переселения, начиная 1925/1926 и заканчивая 1940 гг., в Вахшскую долину было переселено 48,7 тыс. декханских хозяйств (без учета хозяйств реэмигрантов и строителей). Примерно 12,2 тыс. из них (или 24% от общего количества) не вынесли тягот переселения и покинули места нового проживания.²⁵

Вместе с тем финансовое и информационное обеспечение переселенческих программ было совершенно недостаточным. Государство фактически пыталось переложить расходы по переселению на самих переселенцев, так что нечего и удивляться тому, что в реальности на переезд решались не более 5% от планируемого количества.

Так что вполне допустимо считать, что **политика добровольного планового переселения — провалилась.**

В то же время фронты неосвоенных работ в непривлекательных для свободных граждан районах оставались. Особенно «эффективной» была лесозаготовка: экспорт древесины обеспечивал солидный и стабильный приток валюты в страну, ее доля в структуре экспорта неуклонно повышалась. В этой ситуации идея **недобровольного переселения и недобровольного труда** как бы сама стучалась в дверь.

²² См.: Курбанова, 1993, с. 61–64.

²³ См.: Курбанова, 1993, с. 66–67, со ссылкой на: ЦГА РТ (Центральный государственный архив Республики Таджикистан), ф. 18, оп. 3, д. 14, л. 9.

²⁴ См.: Курбанова, 1993, с. 73, со ссылкой на: АКПТ (Архив Коммунистической партии Таджикистана), ф. 3, оп. 6, д. 306, л. 10–11.

²⁵ Курбанова, 1993, с. 75–77.

Кажется, первым ее озвучил в 1928 году заместитель наркома рабоче–крестьянской инспекции РСФСР Н. М. Янсон, предложивший энергичнее использовать труд осужденных («уголовно–арестованных») при освоении отдаленных земель, в особенности на лесоповале. В 1930 году он же (уже будучи наркомом юстиции РСФСР), анализируя новейшие тенденции тюремно–лагерной системы РСФСР за 1929 год, отмечал, в частности, общий рост количества осужденных (до 1,2 млн. чел.), сокращение доли приговоренных на малые (до 1 года) сроки, резкий рост приговоренных к принудительным работам (до 50,3% против 15,3% в 1928 году), начало перевода заключенных из тюрем и исправительных домов в исправительно–трудовые лагеря ОГПУ, создаваемые на принципах самоокупаемости (за год число заключенных в них достигло 166 тыс. чел.; еще около 60 тыс. осужденных трудились в исправительно–трудовых колониях НКВД РСФСР). При этом он и нарком внутренних дел НКВД В. Н. Толмачев утверждали, что труд «зэка» эффективен, а трудоотдача — часто выше, чем у вольнонаемных.²⁶ Понятно, что столь удачно начавшийся эксперимент ожидало «большое будущее».

Перестраивались и органы переселения. В конце 1929 года ВПК разослал Наркомземам союзных республик циркуляр «Об организации работы по объединению переселенцев в производственные коллективы»²⁷. В нем плановое переселение прямо рассматривалось как явление, призванное способствовать реорганизации сельского хозяйства страны на началах *коллективизации* и обещающее дать большой хозяйственный эффект на двух направлениях — освоения необжитых пространств и ослабления аграрной перенаселенности ряда районов.

Тем самым идеология переселенческого дела перекрещивалась и скрещивалась с идеологией коллективизации, раскулачивания и кулацкой ссылки — центральной политической кампании большевиков. К ее практической разработке ЦК ВКП(б) приступил по сути тогда же, в декабре 1929 года, когда Сталин провозгласил переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике его ликвидации как класса.²⁸ Все же отметим, что несистематическое раскулачивание имело место уже и в 1929 году, в ходе хлебзаготовок и кампании по сбору налогов.

Интересно, что в это же самое время впервые стала практиковаться и такая разновидность принудительных миграций, как **«зачистка границ»**²⁹. Первые постановления

²⁶ См.: Красильников, 1991, с. 183–185. Диссонансом звучало лишь мнение А. Сольца: «Мы караем за любой пустяк... НКЮст и НКВД держат курс на превращение наших мест заключения в коммерческие предприятия».

²⁷ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 9, л. 1–2.

²⁸ «Сигналом» послужило выступление Сталина на конференции аграрников–марксистов 27.12.1929. 5.01.1930 было принято Постановление ПБ ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», законодательно оформленное 1.02.1930 в постановлении ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

²⁹ Вслед за Т. Мартином обращаем внимание на разнообразное наполнение самого понятия «граница» и «погранполоса»: в 1923 г. были узаконены пограничные полосы разного типа, режима и, соответственно, ширины (в 500 и 800 м, 7,5, 16 и 22 км). С точки зрения депортационной политики, наиболее

о переселение социально опасного элемента на западной границе СССР, из пограничных районов УССР и БССР были приняты в конце 1929 года и, как ни странно, не союзным, а республиканскими совнаркомками. В частности, в постановлении СНК Украины от 13 ноября 1929 года говорится о *«наискорейшем оздоровлении хозяйственных условий погранполосы УССР и облегчении проведения в ней реконструктивных мероприятий»*, для чего в переселенческие контингенты в «добровольном» порядке включались граждане, признанные социально-опасными для дальнейшего пребывания в 22-километровой погранполосе (причем вне зависимости от их социального статуса: среди них были и середняки, и бедняки). Переселенцев из погранполосы направляли исключительно в Сибирь, преимущественно в таежную зону³⁰. В статистике высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии их почему-то называли «одиночками особого назначения», депортировали же их практически в рамках единой кампании с «кулацкой ссылкой» (так, за 1930 год было выслено 18 473 чел.). Впоследствии к ним разрешили присоединиться и членам их семей.

Интересно решение вопроса о судьбе освобождающихся в ходе этих зачисток приграничных земель: ясно, что кого попало туда уже не пустят. Решение было найдено в конце 1920-х гг. и заключалось в организации вдоль границ СССР так называемых **«красноармейских колхозов»**, формируемых из демобилизующихся красноармейцев и членов их семей. Эти колхозы, в глазах Т. Мартина (кажется, первым обратившего на них внимание), являются символической формой проявления «советской ксенофобии»³¹.

Раскулачивание и «кулацкая ссылка» в 1930–1931 гг.

История **«кулацкой ссылки»** является составной и неотъемлемой частью истории **раскулачивания и коллективизации**, центральными идеями которой были недопущение кулака в колхозы, экспроприация его имущества, изоляция и депортация (а при сопротивлении — и уничтожение) кулачества как класса. Районами сплошной коллективизации, откуда осуществлялась и высылка, являлись основные зернопроизводящие районы страны.

Связанные с переселением директивы ОГПУ издало еще 18 января 1930 года. Но именно Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года задало репрессиям против крестьянства неслыханные прежде глубину и масштаб³². К массовому раскулачиванию приступили уже в январе 1930 года: при официальной среднестатистической доле кулацких хозяйств, равной 2,3%, во многих районах число раскулаченных достигало 10–15% населения (вместо «запланированных» 3–5%). Понятно, что установочные цифры по аресту

релевантной является последняя — 22-километровая — полоса, откуда, собственно, и проводились депортации населения по типу «приграничной зачистки» (см.: Martin, 1998, p. 830, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 3316, оп. 16а, д. 22, л. 3–12 и ГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 339, протокол 53, п. б).

³⁰ См.: РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43.

³¹ Martin, 1998, p. 840–842.

³² Была разработана секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4.02.1930.

кулаков первой категории были перекрыты уже к середине февраля. Раскулачивание проводилось даже там, где оно не планировалось: в Северном крае, например, и в том числе среди малых народов Севера, отмена чего потребовала отдельного постановления ЦК³³. Решавшиеся как бы попутно задачи колонизации малоосвоенных или неосвоенных районов за счет практически бесплатного трудоустройства кулаков на лесоповале, горнодобыче или в сельском хозяйстве, хотя и являлись, особенно поначалу, «второстепенными», но со временем выдвигались на первый план. «...В последующее время, — писал Сталину секретарь Севкрайкома ВКП(б) С. А. Бергавинов 12 марта 1930 года, — это «направление в край сотен тысяч раскулаченных. — П. П.» является огромнейшим фактором, не только решающим проблему колонизации края, не только гигантским усилением края трудовыми ресурсами, но и фактором развития производительных сил новых районов, ибо 250–300 тыс. человек — это же сила крепкая».³⁴

Конвейер «кулацкой ссылки» был налажен только в феврале, но директивы ОГПУ в связи с предстоящими массовыми депортациями были посланы в районы сплошной коллективизации на места еще в январе³⁵. Осуществлять мероприятия надлежало особоуполномоченным райисполкомов (совместно с ОГПУ и местными комитетами), причем уже в *феврале-мае*, то есть, в основном, до весеннего сева. Самых раскулачиваемых поделили при этом на три категории: 1) «контрреволюционный актив»: их заключали без суда в концлагеря и даже расстреливали (членов их семей могли отправить на спецпереселение, причем первоочередным порядком, но могли и оставить дома; позднее, в 1931–1932 гг., представителей первой категории как бы перевели во вторую, отправив и их на спецпереселение и по возможности с семьями); 2) «остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики»: их выселяли в отдаленные местности СССР или отдаленные местности данного края; 3) *оставляемые в пределах района кулаки*: их сселяли в небольшие поселки на землях за пределами колхозных угодий. Разумеется, у всех трех категорий конфисковывалась большая часть их имущества и денежных накоплений, полученные таким образом средства шли в погашение кулацких «долгов» государству или поступали в неделимые фонды колхозов.

Были даны и количественные, и географические разнарядки: по первой категории депортации подлежало 60 тыс. семей кулаков, по второй — 150 тыс. С добавлением к ним в конце февраля 1930 года «ограничительных контингентов» из так называемых «потребляющих районов РСФСР» (Московская, Ленинградская, Западная и Иваново–Вознесенская области, Нижегородский край и Крымская республика), а также из национальных районов Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа общее количество намеченных к депортации достигло 245 тыс. хозяйств³⁶.

³³ Ивницкий, 1996, с. 127.

³⁴ Ивницкий, 1996, с. 228, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 393, оп. 2, д. 1796, л. 306. Примерно столько кулаков (около 55 тыс. семей) и переселили в Северный край в течение 1930–1931 гг. (там же, с. 192–194).

³⁵ Раскулачивание и расселение кулаков третьей категории было отложено до осени (Ивницкий, 1996, с. 130).

³⁶ Ивницкий, 1996, с. 69–70.

Принудительные миграции до начала второй мировой войны (1919–1939)

Первыми к переселению должны были приступить на Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге (10 февраля), затем — на Украине и в ЦЧО (15 февраля) и позже всех — в Белоруссии (1 марта). Завершить переселение в целом планировалось к июню, а первый этап — к 15 апреля³⁷.

Таблица 4. Число кулаков первой и второй категории, по районам выселения (тыс. семей)

Районы	Категория	
	первая	вторая
Средняя Волга	3–4	8–10
Нижняя Волга	4–6	10–12
Северный Кавказ и Дагестан	6–8	20
ЦЧО	3–5	10–15
Сибирь	5–6	25
Урал	4–5	10–15
Казахстан	5–6	10–15
Украина	15	30–35
Белоруссия	4–5	6–7
Потребляющие районы РСФСР	17	15
Национальные районы Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа	2,95	

Источник: Ивницкий, 1996, с. 69–70.

Районами приема кулацких масс из зоны сплошной коллективизации были первоначально намечены Северный край (наряд на 70 тыс. семей³⁸), Сибирь (50 тыс., не считая 25 тыс. семей «своих», сибирских, кулаков), Урал и Казахстан³⁹ (по 20–25 тыс.), причем оговаривалось, что имеются в виду необжитые или малообжитые районы, где раскулаченные должны были заниматься в первую очередь промыслами (лес, рыба) и только во вторую очередь — сельским хозяйством. Плановая «матрица» депортаций выглядела при этом следующим образом: в Северный край высылались кулаки с Украины и из ЦЧО, в Сибирь — с Нижней и Средней Волги и из Белоруссии, а на Урал и в Казахстан — с Северного Кавказа (соответственно, 23 и 5 тыс. чел.).

Внутри Северного края план расселения выглядел так: Архангельский округ — 30 тыс. семей, АО Коми — 12 (в них предполагалось развивать рыболовные и пушные

³⁷ Ивницкий, 1996, с. 133.

³⁸ ОГПУ первоначально запрашивало о возможности принять до 100 тыс. хозяйств. Севкрайком согласился на 50–70 тыс., поставив при этом ряд условий, среди которых были, в частности, расселение контингента в малообжитых районах с дефицитом рабочих рук и предоставление на первое время «голодных норм снабжения» (см. в письме С. А. Бергавинова Л. М. Кагановичу от 14.01.1930 — цит. по: Ивницкий, 1996, с. 132).

³⁹ Казахстан и Сибирь были включены в этот перечень по личному указанию Сталина.

промыслы), Вологодский округ — 10 (животноводство и хлебопашество), Северо-Двинский — 9,5 (льноводство) и Няндомский — 8,5 тыс. семей⁴⁰. При расселении в Сибири пришлых намечалось разместить в Приангарском районе (30 тыс. семей) и по трассе Томско-Енисейской железной дороги (20 тыс. семей), а «своих» — в Васюганье, или Нарымском крае⁴¹: «*Эти районы... в настоящее время представляют из себя почти безлюдное пространство, которое без предварительной, хотя бы минимальной, подготовки заселить невозможно... Устройство земельной территории не предполагается. Можно обойтись только указаниями мест заселения, так как все указанные районы обследованы в большей своей части*»⁴². Расселение на Урале осуществлялось в Верхнекамском, Коми-Пермяцком, Нижнетагильском, Ирбитском и Тобольском округах с трудоустройством преимущественно на лесозаготовках и рыбных промыслах⁴³. В Сибири и на Урале часть депортаций носила преимущественно внутрикравевой характер.

В целом в этой плановой установке просматривалась несколько размытая, но все же тенденция: игнорировать природно-климатические условия проживания (и, соответственно, хозяйственные навыки) депортируемых кулаков и избегать их расселения в регионах, смежных с районами выселения. Особенно наглядно это было в случае с кулаками Нижней и Средней Волги, для которых оказались «закрытыми» и Казахстан, и Урал (в 1931 году ситуация изменилась: роль экономического фактора к этому времени заметно возросла).

Жизнь, правда, перемешала карты: одно дело — *поломать* жизнь кулака (раскулачить и даже загнать на сборный пункт) и совсем другое — перевезти его в район вселения и хоть как-то там *обустроить*. В результате Сибирь и Казахстан заявили о своей неготовности к приему кулаков, после чего всю их высылку решили разбить на три этапа. Первый, рассчитанный на завершение к маю 1930 года, охватывал 60 тыс. кулацких хозяйств (или около 300 тыс. чел.), три четверти из которых направлялись в Северный край (20 тыс. семей с Украины, по 8 тыс. — из ЦЧО и Средней Волги, 6 тыс. — с Нижней Волги и 3 тыс. из Белоруссии) и одна четверть — на Урал (10 тыс. семей с Сев. Кавказа и 5 тыс. из Белоруссии, но, подчеркнем еще раз, не из Поволжья). Однако вскоре (16 февраля) и этот план был откорректирован, причем самим Сталиным: Северному краю — 70 тыс. семей раскулаченных, Уралу — 20 тыс., Сибири — 15 тыс.⁴⁴

⁴⁰ Ивницкий, 1996, с. 227–229.

⁴¹ Парабельский район, или Чае-Парабельское пространство с рр. Вах, Тым и Кеть.

⁴² См. в докладной записке зам. зав. Сибирского ГПУ Никитина на имя т. Рындина из Переселенческого управления НКЗ СССР от 7.02.1930 (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 26–27). Ср. также в письме секретаря Томского окружкома ВКП(б) Нусинова и председателя Томского окрисполкома Решикова секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе и председателю крайисполкома Клименко от 7.03.1930, где говорится о 20 тыс. кулацких хозяйств, или ок. 100 тыс. чел. из разных округов Сибири, подлежащих вселению в 1930 г. в Нарымский край (Макишев, 1997, с. 15–16, со ссылкой на: ГАНУ, ф. 47, оп. 5, д. 104, л. 153–154). Центр настоял также на приеме Сибири еще 18,5 тыс. семейств из пограничных районов Украины и Белоруссии и даже дал рекомендацию расселить их по северным районам бассейнов Енисея и Оби (Ивницкий, 1996, с. 230).

⁴³ Ивницкий, 1996, с. 235.

⁴⁴ Ивницкий, 1996, с. 133–134. В дальнейшем в план был снова возвращен Казахстан и добавлены другие регионы.

Таблица 5. Депортации кулаков второй категории, по районам выселения (на 1.01.1930; семей и чел.)

Районы выселения	Намечено		Выселено		Примечания
	семей	чел.	семей	чел.	
Украина	20 000	100 000 15 000	20 761	98 743 14 894	Одиночки «особого назначения»*
Белоруссия	8 000	40 000 3 500	9 231 44 083	3 579	Одиночки «особого назначения»*
ЦЧО	8 000	40 000	8 237	42 837	Будет еще 700 семей
Нижняя Волга	8 000	40 000	7 931	40 001	
Средняя Волга	6 000	30 000	5 566	29 211	Будет еще 350 семей из Мордовии
Северный Кавказ	10 000	50 000	10 595	51 577	Без Дагестана
Крым	3 000	15 000	3 179	14 029	
Татария	2 000	10 000	650	3 310	4 эшелона в пути
Средняя Азия	400	2 000	80	281	
Закавказье	200	1 000	—**	—**	
ИТОГО:	65 600	346 500 18 500	66 445	342 545 18 473	Одиночки «особого назначения»*

Примечание. * Выселенные из пограничной полосы Украины и Белоруссии независимо от социальной принадлежности.

** Из Закавказья, ввиду обострения политического положения, выселение не производилось.

Источник: *Ивницкий, 1996, с. 141.*

Для выработки конкретных рекомендаций по вселению, расселению, хозяйственному устройству и трудоустройству спецпереселенцев 9 марта 1930 года была создана комиссия при СНК РСФСР (под председательством наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачева), а 1 апреля — для самого общего руководства этими вопросами — еще и спецкомиссия при СНК во главе с зам. председателя СНК В. В. Шмидтом⁴⁵. Аналогичные комиссии учреждались и на краевом уровне.

В результате к 1 мая было депортировано 66 445 семей, или 340 753 чел., по линии межкраевого переселения и 31 557 семей, или 158 745 чел., по линии переселения внутрикраевого. Вместе это составляет 98 002 семьи, или 499 498 чел.⁴⁶

⁴⁵ В ее состав вошли также зам. председателя ОГПУ с. А. Мессинг, нарком внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев, с. С. Лобов (ВСНХ), А. И. Муралов (НКЗем) и др. На усмотрение комиссии передавался, в частности, и вопрос о финансировании из центрального бюджета выселения кулаков третьей категории, вскоре решенный отрицательно (*Ивницкий, 1996, с. 231–232*).

⁴⁶ *Ивницкий, 1996, с. 233–234*. Ср. несколько иную цифру числа межкраевых депортированных — 342 545 чел. (*Ивницкий, 1996, с. 140*).

Раскулачивание и «кулацкая ссылка» в 1930–1931 гг.

За исключением Средней Азии и Закавказья, план выселения кулаков второй категории в установленный срок был практически выполнен (см. табл. 6).

Таблица 6. Депортации кулаков второй категории, по районам вселения
(6.01.1930; семей и чел.)

Районы вселения	Районы выселения	Число	
		семей	чел.
Северный край		46 562	230 065
	Украина	19 658	93 461
	ЦЧО	8 237	42 837
	Нижняя Волга	7 931	40 001
	Средняя Волга	5 566	29 211
	Белоруссия	4 763	22 810
	Крым	407	1 745
Урал		31 343	151 249
	Северный Кавказ	10 595	51 577
	Белоруссия	4 468	21 273
	Крым	2 722	12 284
	Урал	13 708	66 115
Сибирь		17 196+	100 481
		ок. 14 894 одиночек	
	Украина	1 135+	20 176
Казахстан		ок. 14 894 одиночек	
	Сибирь	16 061	80 305
		1 421	7 816
	Средняя Азия	80	281
Дальний Восток	Казахстан	1 341	7 535
		1 280	7 352
	Татария	650	3 310
	Белоруссия	183	1 787*
	Дальний Восток	447	2 235

Примечание. * Вместе с одиночками «особого назначения».

Источник: *Ивницкий, 1996, с. 141–142, 233–234, 236.*

Из таблицы видно, что ни Сибирь, ни Казахстан как регионы межкраевого вселения кулаков сколь-либо значительной роли на данном этапе не сыграли. Иными словами,

Сталинская рекомендация от 16 февраля 1930 года была фактически проигнорирована, и большинство раскулаченных отправили на европейский Север и на Урал, причем именно в пропорции 3:1. Новыми «уральцами» стали поголовно все кулаки с Северного Кавказа, большинство крымских и половина белорусских кулаков. В Северный край было депортировано кулачество Украины, ЦЧО и Поволжья (не считая половины белорусских и части крымских кулаков). Из таблицы видно, что дальше всех отправляли обитателей западных границ («одинок особого назначения»): их переселяли в Восточную Сибирь и даже на Дальний Восток.

Расселяли кулаков небольшими поселками под управлением комендантов (так называемые «**трудовые поселки**»), именуя их при этом «**спецпереселенцами**» (до 1934 года), затем «**трудпоселенцами**» (в 1934–1944 гг.), а с 1944 года — «**спецпоселенцами**». Права и обязанности спецпереселенцев и административное управление спецпоселками регламентировались особыми положениями и инструкциями центральных и местных органов власти, а с 20 мая 1931 года — органов ОГПУ⁴⁷. Управлялись спецпоселки спецкомендатурами, во многих случаях фактически являвшимися неформальными низовыми органами советской власти на местах.

Точное число спецпоселков в 1930 и 1931 гг. неизвестно, ориентировочно их было более 2000, из них в одной только Уральской области — 574⁴⁸. Считалось, что спецпоселки раскулаченных должны были состоять из 30–50 дворов и только в исключительных случаях превышать 100 и более дворов⁴⁹ (правда, существовали спецпоселки в 250 и даже в 500 дворов).

Разумеется, значительный процент депортированных, даже с точки зрения установленных ОГПУ правил и критериев, был выселен неправильно или сомнительно. Этим вопросом в мае 1930 года занималась комиссия ЦК, возглавляемая с. А. Бергавиновым. Несмотря на то, что половина членов комиссии пришла к выводу, что число неправильно и сомнительно высланных превышает в среднем 41%, Бергавинов настаивал на 6% неправильных и 8% сомнительных раскулаченных: именно эти цифры и были утверждены ПБ. Но даже из этих 6% правом возвращения на родину наделялись только те «кулацкие семьи», у кого есть революционные заслуги или чьи члены служат в Красной Армии, остальных же не-кулаков надлежало оставить в Северном крае, но на вольных и особо льготных условиях⁵⁰. Иными словами, выслали так выслали, обратного хода нет, да и масштабы своего произвола сталинское ПБ признавать не хотело бы.

⁴⁷ 20.05.1931 все спецпоселки были переданы в ведение ОГПУ. 25.10.1931 Г. Ягода и прокурор ОГПУ Катанян утвердили «Временное положение о правах поселковой администрации в районах расселения спецпоселенцев». В нем, в частности, указывалось, что комендатуры ОГПУ осуществляют административное управление, организацию труда и быта поселенцев. Поселковые комендатуры подчиняются или непосредственно отделам по спецпереселенцам при полномочных представительствах ОГПУ, или участковым районным комендатурам (в зависимости от местной структуры). Комендатуры ОГПУ в спецпоселках, помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций, осуществляют и обычные административные функции советских органов — сельсоветов; в этом случае они работают под руководством райисполкомов.

⁴⁸ *Ивницкий*, 1996, с. 242–243.

⁴⁹ Так, в Северном крае верхним потолком людности спецпоселка считались 120 семей (*Ивницкий*, 1996, с. 232)

⁵⁰ *Ивницкий*, 1996, с. 142–146.

Можно только предполагать, сколь большим был процент «ошибок» при раскулачивании **третьей категории** кулаков и при проведении в марте–апреле 1930 года их внутрикраевого переселения. Единообразных критериев, в отличие от межкраевых «депортаций», тут просто не существовало⁵¹. Так, в Нижегородском крае всех подлежащих выселению (512 семей, или 2451 чел.) из всех районов собрали в одном и весьма отдаленном и малолюдном Синегорском районе Вятского округа, образовав там три поселка с трудоиспользованием на лесозаготовках⁵², а на Урале — в различных северных отдаленных районах с трудоиспользованием на торфоразработках, каменоломнях и в строительстве. На Северном Кавказе была проведена своеобразная «рокировка» кулацких хозяйств из плодородных районов и бедняцких из засушливых и неурожайных районов с образованием двух сплошных массивов кулацких хозяйств, с трудоиспользованием в сельском хозяйстве: один массив — Дивенский и Аргизский (по другим данным — Прикумский) районы (около 10 тыс. семей), другой — в Донецком и Шахтинском округах (около 2000 семей). На Дальнем Востоке и в ЦЧО «рокировка» производилась в пределах одного села или района (кулаки — в бедняцкие дома, бедняки — в кулацкие), спецпоселков не создавалось, расселенные фактически работали по найму в колхозах (эта «модель», при которой кулаки политически не были «обезврежены», чрезвычайно не понравилась ОГПУ). В остальных районах сплошной коллективизации практиковалось переселение за пределы коллективизированных сел на заповольные участки колхозных массивов.

Масштабы кулацкой ссылки по третьей категории таковы: к августу 1930 года, по данным ОГПУ, по 11 районам СССР было расселено 51 889 семей, то есть около 250 тыс. чел. В дальнейшем это число только снижалось (к февралю 1931 года, например, оно сократилось до 44 990), что объяснялось повышенной легкостью бегства у кулаков этой категории (со временем доля бежавших достигла 72%). Массами бежали они в города и на стройки⁵³, которых в годы первой пятилетки по всей стране было немало: Донбасс, Кузбасс, Магнитка, даже Метрострой. Бежали при этом не только кулаки, но и середняки и даже бедняки. Уже к лету 1930 года таких «самораскулачившихся» насчитывалось не менее 250 тыс. чел.⁵⁴

Всего же к концу 1930 года из районов сплошной коллективизации было переселено 77 795 семей, насчитывавших 371 645 человек, в том числе 123 807 мужчин, 113 653 женщины и 134 185 детей⁵⁵. Большинство из них (почти $\frac{3}{5}$) выслали в Северный край, причем, напомним, даже тех, кого признали высланными ошибочно, домой не возвращали, а оставляли там, куда их привезли, но как вольных граждан. С учетом внутрикраевой ми-

⁵¹ Правда, существовали примерные параметры поселений: поселки от 20 до 100 дворов, расселение по хуторскому принципу запрещалось; отводимые земли, естественно, должны быть худшего качества (см.: *Ивницкий*, 1996, с. 237–241).

⁵² *Ивницкий*, 1996, с. 238.

⁵³ *Ивницкий*, 1996, с. 240.

⁵⁴ *Ивницкий*, 1996, с. 149.

⁵⁵ В целом это составило лишь около $\frac{1}{5}$ всех раскулаченных в 1930 г. (весной выселение было временно приостановлено в связи с начавшимся севом и «перегибами» в коллективизации и раскулачивании).

рации (по состоянию на 1 января 1931 года) общее количество депортированных в 1930 году кулаков составило 109 352 семьи, или 530 390 чел., а с учетом переселений кулаков третьей группы — 161 241 семью и около 780 тыс. чел. Формально из этого числа следовало бы вычесть 18 473 «одиночек особого назначения», высланных из пограничных районов Украины и Белоруссии, хотя и одновременно с раскулаченными, но совершенно по другой линии — в порядке «зачистки границ» и вне зависимости от социального статуса (среди них, напомним, были и середняки, и бедняки). Таким образом суммарное число лиц, раскулаченных и депортированных в течение 1930 года, составляло около $\frac{3}{4}$ млн. чел.

На местах тем не менее оставалось не менее 1 млн. уже раскулаченных кулаков, судьба которых была, в сущности, предрешена: их ждали голодная зима и неминуемая ссылка. Многих, естественно, это не устраивало, и по всей зоне сплошной коллективизации прокатились крестьянские волнения, убийства колхозных активистов и агитаторов. Но большинство все же бунту предпочитало иную форму протеста — бегство на отхожие промыслы.

ОГПУ вообще склонялось к мнению, что третью категорию кулаков (по крайней мере трудоспособную ее часть) стоило бы слить с первыми двумя и переселить в трудпоселки в отдаленных районах с трудоиспользованием на лесо- и торфоразработках, в камноломнях и на добыче апатитов, в железнодорожном строительстве.⁵⁶ Что фактически и было сделано в следующем году, когда категории кулаков, не будучи формально отменены, практически перестали что-либо значить.

Июньский 1931 года пленум ЦК констатировал завершение коллективизации в основных зерновых районах. Однако насильственная коллективизация привела к резкому падению сельскохозяйственного производства.

25 января 1931 года была проведена операция по внутрикраевой депортации кулачества на Северном Кавказе. Около 9 тыс. семей (или около 45 тыс. чел.) из приморских и лесогорных районов Кубани и Черноморья были выселены в засушливые районы Ставрополя и Сальской степи; одновременно оттуда на освободившиеся в Прикубанье места добровольно заселилось около 8,5 тыс. семей членов коммун и артелей из Ставропольского и Сальского районов. Собственно говоря, это было не столько началом «кулацкой ссылки» 1931 года, сколько завершением высылки 1930 года, поскольку решение об этом было принято Северокавказским крайкомом ВКП(б) еще в августе 1930 года.⁵⁷

Принятое 1 февраля 1931 года Постановление ЦИК и СНК СССР «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам союзных республик права выселения кулаков из пределов сплошной коллективизации сельского хозяйства» фактически открыло зеленый свет новым, еще более массовым, чем в 1930 году, депортациям крестьянства. При этом внутрикраевые переселения отменялись, причем не только для третьей, но и для второй категории (за исключением Сибири, Урала и Дальнего Востока).⁵⁸

⁵⁶ *Ивницкий*, 1996, с. 146–147, 240–241.

⁵⁷ *Ивницкий*, 1996, с. 180–181.

⁵⁸ *Ивницкий*, 1996, с. 242.

«В 1931 году, — пишет С. А. Красильников, — темпы и масштабы раскулачивания уже не увязывались с коллективизацией и в значительной мере определялись заявками хозорганов».⁵⁹

Новая волна депортаций фактически развернулась в середине марта 1931 года. Кроме прошлогодних районов выселения она затронула также республики Средней Азии (в частности, районами сплошной коллективизации были объявлены Кокандский, Янгиюльский, Дейнаууский, Сарыаусский, Гиждуванский, Акдарьинский и Мирзачульский районы Узбекистана и Чарджоуский, Фарабский, Саятский и Ашхабадский районы Туркмении⁶⁰), Казахстан (Арысский, Лбищенский и другие районы), Закавказье⁶¹, Дальний Восток, Северный и Нижегородский края, Башкирию, Московскую, Ленинградскую⁶² и Ивановскую промышленные области. Выселение производилось с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 года (то есть с традиционным перерывом на сев).

Возникла настоятельная потребность в некоем едином координирующем органе по наблюдению и руководству работой по выселению, расселению и трудоустройству кулаков. Таким органом стала созданная 11 марта 1931 года так называемая «комиссия Андреева» — специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе с заместителем председателя СНК А. А. Андреевым.⁶³ Предложения комиссии, как правило, оформлялись в виде решений Политбюро.

Одним из таких решений было и Постановление ЦК ВКП(б) «О кулаках» от 20 марта 1931 года. Оно предусматривало дополнительную высылку в течение мая–июля 1931 года 150 тыс. кулацких хозяйств — в Казахстан (в б. Акмолинский и Каркалинский округа, а также по р. Токрау южнее оз. Балхаш), где их ждало не столько сельское хозяйство, сколько добыча полезных ископаемых (угля, меди и железной руды) и железнодорожное строительство, и еще 40 тыс. — в северные районы Западно-Сибирского края, главным образом, в Нарым⁶⁴ — для освоения местной пахотопригодной целины и на лесо-

⁵⁹ Красильников, 1991, с. 188. В 1931 г. ГУЛАГ ОГПУ охватывал практически весь технологический цикл трудоустройства, создав трехуровневую и по-своему действенную систему договоров (на верхнем уровне ГУЛАГ договаривался с головными организациями, на среднем уровне договор с одним из территориальных отделений ОГПУ заключали ведомства и тресты, наконец, на нижнем — спецкомендатура и предприятие (например, леспромхоз или рудник).

⁶⁰ См. *Ивницкий*, 1996, с. 186–188. При этом в Ср. Азии основную часть байского элемента предполагалось выселить внутри районов, но на худшие земли.

⁶¹ Соответственно, 350 и 400 семей первой и второй категорий, высылаемых в Казахстан (*Ивницкий*, 1996, с. 189).

⁶² В частности, из Пригородного района Ленинградской обл. намечалось выселить 100 кулацких хозяйств немецких колонистов. Кроме 5 тыс. семей, подлежащих высылке на Урал, еще 4 тыс. семей планировали переселить внутри области, для использования на хибинских апатитах и Нивострое. Вместе с тем расселение в 150–200-километровой погранполосе строжайше запрещалось, например на Синявинских торфоразработках близ Шлиссельбурга (*Ивницкий*, 1996, с. 185, 190).

⁶³ Комиссия заседала еженедельно. Ее членами были также секретарь ЦК ВКП(б) П. П. Постышев и зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода; с 5.10.1931 Андреева в комиссии заменил зам. председателя СНК и СТО СССР, председатель ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР Я. Э. Рудзутак. Комиссия была распущена только в марте 1932 г.

⁶⁴ Каргасовский, Парабельский, Колпашевский, Чаинский, Кривошеинский, Баксинский, Ново-Кусловский, Зырянский и др. (см.: *Ивницкий*, 1996, с. 182–183; *Адибеков*, 1994, с. 153). Интересно, что,

повал. Всего в результате депортаций кулаков в комендатурах Сиблага (Западная Сибирь) было размещено более 80 тыс. семей общей численностью 363 тыс. чел., из них в Нарымском крае — 68 тыс. семей, или 284 тыс. чел. Доля своих, «сибирских», составляла здесь более $\frac{3}{4}$, и чем севернее, тем она была выше. В результате население Кузбасса удвоилось, а северных районов Западной Сибири — даже утроилось, достигнув около 300 тыс. чел.⁶⁵

В 1931 году намечалась высылка и в Восточную Сибирь, но ее масштабы не указывались. В общей сложности ЦК поручил ОГПУ (а именно его представители на местах — Л. Заковский, Е. Евдокимов — ставили вопросы о переселении кулаков) подготовить к переселению более 200 тыс. семей⁶⁶. Но это оказалось технически невозможно, и около 110 тыс. семей поровну распределились между Казахстаном и Уралом, не считая переселенцев **внутри** таких регионов, как Урал и Западная Сибирь (по 12 тыс. чел.). При этом главными «поставщиками» кулацкой массы для Урала были Украина и Северный Кавказ (соответственно, 30 и 15 тыс. семей), а для Казахстана — различные регионы вдоль всей Волги (в том числе, на этот раз, и пограничные с Уралом, схожие с ним по природным условиям), а также Центрально-Черноземная и Московская обл.⁶⁷ Кроме того, еще 6 тыс. байских семей из Средней Азии переселили в хлопкоперспективные районы на юге Украины и на Северном Кавказе⁶⁸.

Можно сказать, что главным изменением географии выселения кулаков в 1931 году, по сравнению с 1930 годом, было резкое расширение пространства раскулачивания, а в географии вселения — резкое сокращение удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урала⁶⁹).

Обустройство и трудоустройство кулаков в местах вселения было не просто плохим, а безобразным, их численность на местах неуклонно (и вплоть до 1935 года) сокращалась, соответственно, не росла и трудоотдача. Это привело к тому, что все хозяйственные, административные и организационные функции были переданы в один, но весьма

после того как намеченные 40 тыс. хозяйств к 1 июля были доставлены, краевой ОГПУ не остановился на достигнутом и, даже не испросив санкции в Москве, приступил к дополнительному выселению еще почти что 47 тыс. хозяйств, на что из Москвы последовал «сердитый окрик» (см. письмо ОГПУ — тт. Ягоды и Евдокимова — полномочному представителю ОГПУ в Западно-Сибирском крае т. Заковскому от 4.07.1931 в: *Красильников, Кузнецова, 1993, с. 47, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 3, л. 60*). Тем не менее в течение июля были вывезены ок. 10 тыс. семей из Башкирии и Московской обл. (кулаки 2-й категории и члены семей кулаков 1-й категории). Всех их трудоустроили в Кузбассе — Кузнецкстрой, Прокопьевские и Анжеро-Судженские копи (см. там же, с. 48, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 3, л. 66*).

⁶⁵ Данилов, Красильников, 1993, с. 4.

⁶⁶ Адиебеков, 1994, с. 146–155.

⁶⁷ Адиебеков, 1994, с. 158. Интересно, что решение о переселении в Казахстан 4 тыс. кулацких семей из Ленинградской обл. было отменено; вместо этого их направили в северные районы области для хозяйственного использования на Нивстрое и Хибинских апатитовых разработках (Адиебеков, 1994, с. 159, со ссылкой на: *ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 68, 74*).

⁶⁸ Данилов, Ивницкий, 1989, с. 39.

⁶⁹ На Урал в 1931 г. планировалось переселить 55 тыс. семей, из них 30 тыс. из Украины, 15 тыс. с Сев. Кавказа и по 5 тыс. из Белоруссии и Ивано-Вознесенской обл. (Ивницкий, 1996, с. 191–192).

властный и заинтересованный орган — в руки ОГПУ⁷⁰. Интерес этого органа в рационализации трудоустройства и повышении производительности раскулаченных был самым что ни на есть прямым и непосредственным: отчисления в его пользу составляли до августа 1930 года — 25%, до февраля 1932 года — 15%, а далее — 5%.⁷¹ Тем самым в 1931 году, как отмечает Г. Адиев, «репрессивный орган превратился в экономического монстра с развитой инфраструктурой».⁷²

В Постановлении ПБ от 20 июля 1931 года «О кулаках» сказано, что задание о массовом выселении кулацких хозяйств в основном выполнено и что в будущем из районов сплошной коллективизации кулаков следует выселять только в индивидуальном порядке.⁷³ В действительности, запрета на массовую депортацию кулаков не было, и, хотя решения комиссии Андреева на высылку стали реже, они отнюдь не пресеклись. Так, в июле-августе было санкционировано выселение кулаков и баев из Казахстана (5000 семей, причем было разрешено их *внутрикраевое* переселение), Средней Азии (6000 семей) и Калмыкии (1100 семей); внутрикраевое переселение разрешалось и Средне-Волжскому краю (2500 хозяйств), и Башкирии (6 тыс.); 3000 спецпереселенцев из Башкирии, Татарии и Нижегородского края переселялись в Бельский район Северного края.⁷⁴

12 октября 1931 года Ягода сообщал Сталину, что в 1931 году было раскулачено около 200 тыс. хозяйств, то есть вдвое меньше, чем в 1930 году, зато выслано было вдвое больше: 162 962 семьи, или 787 241 чел., в том числе 242 776 мужчин, 223 834 женщины и 320 731 ребенок. Всего же за 1930–1931 гг. было выселено 240 757 семей, или 1 158 986 чел.⁷⁵

С учетом внутрикраевого переселения, по данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выселено 388 336 семей, или 1 803 392 чел.⁷⁶, — тем самым число кулаков первой и второй категории, депортированных в течение 1931 года, равняется 1 273 002 чел. По данным Н. А. Ивницкого⁷⁷, в 1930–1931 гг. все-

⁷⁰ См. «Протокол заседания комиссии А. А. Андреева» от 15.05.1931 (Адиев, 1994, с. 155, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 51–54). Комиссия указывала «Союзлеспрому», «Цветметзолоту» и др. лесозаготовительным организациям на «недопустимое положение дела с хозяйственным использованием спецпереселенцев, ... с их устройством и обеспечением жильем, снабжением, выплатой зарплаты...» как на «результат полного невнимания» (там же, с. 161–164).

⁷¹ Положительное годовое сальдо между отчислениями от зарплаты и затратами на содержание аппарата и административное обслуживание трудпоселенцев было весьма значительным (см.: Земсков, 1994, с. 119–120).

⁷² Адиев, 1994, с. 146.

⁷³ Адиев, 1994, с. 160. Прекращение массовой «кулацкой ссылки» было закреплено и в «Инструкции о порядке дальнейшего выселения кулацких семей» от 23.08.1931 (Адиев, 1994, с. 171–172, со ссылкой на: ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 176, 180–181. Утверждена ПБ 30.08.1931).

⁷⁴ Ивницкий, 1996, с. 194–195.

⁷⁵ Ивницкий, 1996, с. 194.

⁷⁶ Земсков, 1994, с. 118, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 89, л. 205 (в более ранней работе он приводит несколько иное число семей — 384 334: см. Земсков, 1990, с. 3). Число прибывших на место всегда было меньше числа высланных, чему виной высокая смертность при транспортировке и побегу.

⁷⁷ См. сводную таблицу «Выселение крестьян в 1930–1931 гг.» (Ивницкий, 1996, с. 192–194).

го было выселено 381 026 кулацких семей, или те же 1 803 392 чел., из них 133 717 семей (или 35%) были подвергнуты внутрикраевому переселению, а 247 309 семей — межкраевому. С учетом приблизительно 250 тыс. кулаков третьей категории, переселенных в 1930 году, суммарное количество депортированных за два года кулаков составило около 2,05 млн. чел.! Основные направления «кулацкой ссылки» представлены на рис. 1.

В докладной записке Ягоды Сталину от 4 января 1932 года приводятся суммарные цифры наличных спецпереселенцев-кулаков по 14 районам СССР: ее итог составляет 1 421 380 чел. Разница между двумя цифрами (0,6 млн. чел.) так или иначе распределена между тремя основными составляющими «кулаков»: смертностью, успешным бегством и выводом из статуса спецпереселенца по тем или иным причинам (по установлению неправильности высылки, по браку с вольным и др.). Для лучшего понимания всей грандиозности «кулацкой ссылки» как вида административных репрессий приведем численность заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ: на 1 января 1932 года она составляла всего лишь 268 700 чел.,⁷⁸ или менее одной пятой от числа наличных спецпереселенцев-кулаков.

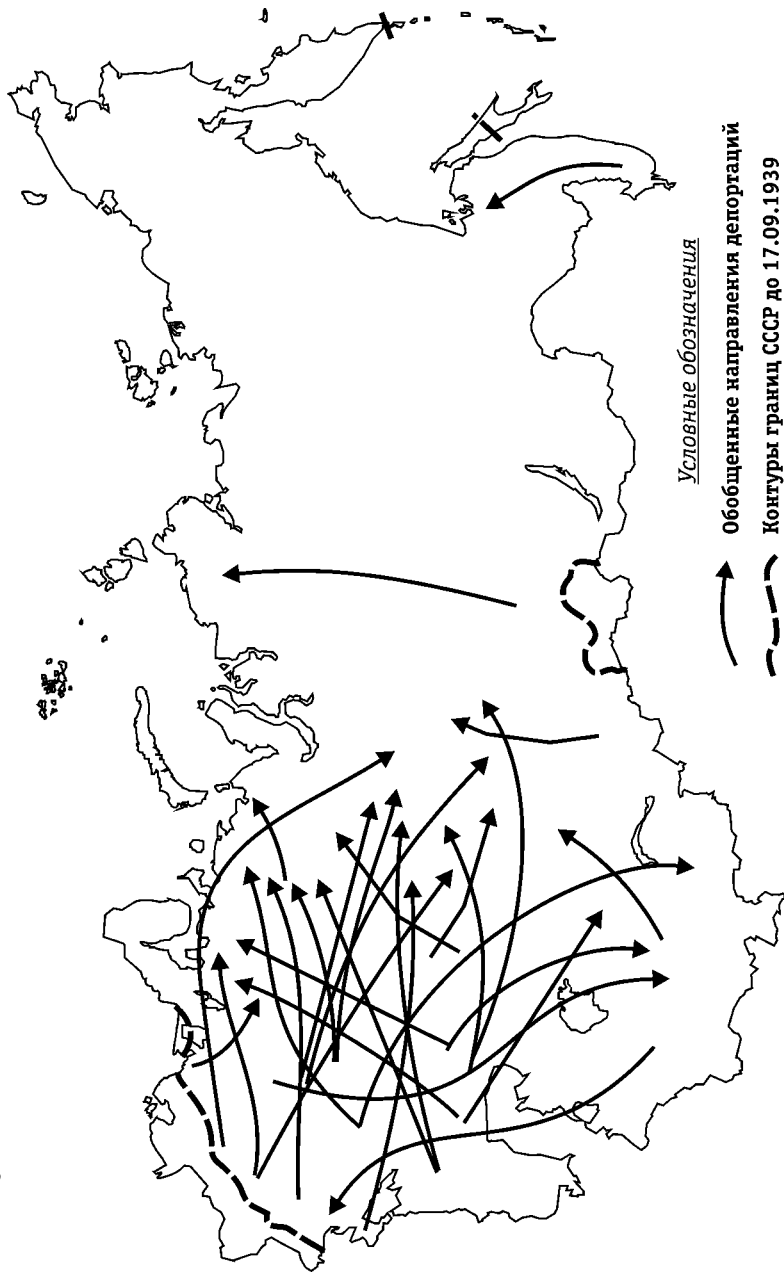
Больше всего раскулаченных за 1930–1931 гг. «поставила» Украина — 63,7 тыс. семей; из них больше половины (32,1 тыс.) выселили на Урал, а еще около 20 тыс. — в Северный край. На втором месте — уже Западная Сибирь (52,1 тыс. семей), но в пяти регионах — Северном, Западно- и Восточно-Сибирских и Дальневосточном краях, а также в Казахстане — переселения были исключительно внутрикраевыми. Сюда же можно добавить Урал, где на внутрикраевое переселение приходилось около 95%, и Башкирию (около половины). Тем самым вся Азиатская и существенная часть Европейской части СССР стали зоной внутрикраевого характера «кулацкой ссылки». Это и не удивительно, если вспомнить, сколь обширными были соответствующие административные единицы.

Третьим по масштабу высылки регионом был Северный Кавказ (38,4 тыс. семей), и здесь в качестве района вселения превалировал Урал (26 тыс. семей), более чем вдвое опережая внутрикраевое переселение (12,4 тыс.). Далее шли Нижневолжский край (30,9 тыс. семей), Урал (28,4), ЦЧО (26,0) и Средняя Волга (23,0 тыс.).

⁷⁸ РГАНИ, ф. 89, пер. 16, д. 1. л. 7. См. также: *Иванова*, 1997, с. 87, со ссылками на: *Земсков*, 1994, с. 146.

По состоянию на 1.03.1940 ГУЛАГ состоял из 53 лагерей (считая и лагеря, занятые постройкой железных дорог), 425 ИТЛ, или исправительно-трудовых колоний (в т. ч. 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских»), т. е. подраженных на стройки и в хозяйства других ведомств) и 50 колоний для несовершеннолетних. Кроме того, существовали БИРы, или «Бюро исправительных работ», обеспечивавшие не «кизоляцию», а «трудообеспечение» осужденных. Общий контингент заключенных ГУЛАГа вырос, по сравнению с 1932 г., более чем в 6 раз и составлял 1 668,2 тыс. чел., из них 352 тыс. чел. содержались в ИТЛ, в т. ч. 192 тыс. чел. в промышленных и сельскохозяйственных ИТЛ. Здесь следует оговориться, что общая численность населения СССР в 1940 г. составляла около 194 077 тыс. чел.; иными словами, узники ГУЛАГа составляли 0,86% населения страны — почти каждый сотый гражданин был лишен гражданских прав! Разумеется, не все они были «политическими» преступниками, но в структуре преступлений по их характеру именно «контрреволюционная» деятельность занимает первую позицию — 28,7% (плюс 5,4% преступников «против порядка управления»).

Рис. 1. Кулацкая ссылка в 1930–1931 гг.

Кроме Украины и Северного Кавказа, Урал оказался самым «привлекательным» также для Западной области, БССР, Крыма, Ивановской промышленной обл., Татарии и Нижегородского края. Заметную роль играл Урал и в структуре высылки из Московской обл., лишь немного уступая Западной Сибири.

Вторым после Урала центром (точнее, очагом) притяжения «кулацкой ссылки» стал Казахстан. Он доминировал или лидировал среди районов вселения кулаков у таких регионов, как Нижняя Волга, ЦЧО (тут он, правда, лишь незначительно опережал Северный край) и Закавказье.

Западная Сибирь между тем оказалась наиболее притягательной не только для Московской, но и для Ленинградской обл. и Башкирии. Большую часть среднеазиатских кулаков и баев распределили между Украиной и Северным Кавказом, что во многом объяснялось упорными попытками наладить в этих регионах хлопководство.

«Кулацкая ссылка» и последствия голода в 1932–1934 гг.

20 июля 1931 года ПБ ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос о массовом выселении кулаков, сочло, что это стратегическое задание партии в основном выполнено. Все последующие высылки рекомендовалось осуществлять строго в индивидуальном порядке. Но, несмотря на это, массовые депортации кулаков продолжались — в порядке исключения или в виде чистки колхозов от кулацких элементов и саботажников — и в 1932, и в 1933 гг., и даже позднее. Более того, 13 февраля 1933 года ОГПУ обратилось в ПБ с предложением дополнительно расселить в Западной Сибири и Казахстане по 1 млн. чел. (!) таких контингентов, как, во-первых, раскулаченные, виновные в срыве хлебозаготовительной и иных кампаний, во-вторых, горожане, не желающие в связи с паспортизацией выезжать из городов, в-третьих, крестьяне, бежавшие в города и промцентры от раскулачивания и коллективизации и, в-четвертых, выселяемые из приграничной полосы и осужденные ОГПУ на сроки от 3 до 5 лет. Следствием этой инициативы стало постановление ПБ об организации трудовых поселений ОГПУ от 17 апреля 1933 года, но испрашиваемые суммы выделены не были.

И хотя планы по депортациям (в расчете на «довывявленных кулаков») ставились сравнительно скромные, тем не менее выдвигались все новые или подтверждались старые хозяйственные задачи: Хибины, Караганда, Алдан и Нарым (Сиблаг). Но если в первых трех случаях речь шла об освоении крупных промышленных месторождений (апатиты, уголь и золото), то в случае Нарыма к освоению предназначалось более 855 тыс. га пахотопригодных залежей с таким расчетом, чтобы за 2 года перевести этот край на самообеспечение зерном, фуражом и овощами. В сельском хозяйстве планировалось использовать 55,7 тыс. чел. (из них 25 тыс. работоспособных), проживающих в Галкинской, Парбигской⁷⁹, Тоинской и Шегарской комендатурах, а еще 160,2 тыс. чел. (из них 60 тыс. работо-

⁷⁹ Именно в этой комендатуре в конце июля 1931 г. вспыхнуло стихийное восстание спецпереселенцев (Данилов, Красильников, 1993, с. 8).

способных) ставились на лесоповал на огромных пространствах от Васюгана до Чулыма⁸⁰. Но эти планы к маю 1932 года были отменены и выполнены лишь отчасти; мало того, дефицит рабочих рук в Кузбассе заставил вернуть из нарымских комендатур около 2 тыс. чел.⁸¹

Можно сказать, что в 1932 году положение со спецпереселенцами–кулаками начало стабилизироваться (к началу 1933 года практически весь этот контингент состоял из раскулаченных). Причем если в 1930 году государство привлекали даже не столько они сами, сколько их конфискованное имущество и земли, то в 1931–1932 гг. и их самих стали рассматривать как вполне бесполезную «рабсилу», отчего стали больше беречь и даже защищать от произвола «работодателей». Само по себе образование комиссии Андреева, как и ее аналогов на местах (например, комиссии Заковского в Западно-Сибирском крае), — не что иное, как попытка внести экономическую рациональность в политическую стихию кулацкой ссылки.

Это нашло свое отражение и в географии вселения раскулаченных спецпереселенцев. Тут, как нам кажется, наблюдается аналогичная тенденция: от «политики» — к «экономике», от «сверхэкстенсивности» — к просто «экстенсивности» и от размашистых и жестоко–романтических планов Г. Ягоды по колонизации насильственным трудом заключенных и спецпоселенцев Севера и других «отдаленных местностей» (подчас и вовсе не освоенных территорий, откуда и бежать некуда) — к более локализованным, более прагматичным и интенсивным проектам конкретного регионального развития, что скорее соотносится с тактическими, нежели стратегическими задачами (см. ниже).

Поэтому отчетливое преобладание севера Европейской части в начале коллективизации в 1930 году сменилось ориентацией на заселение Урала и Казахстана в 1931 году, а затем и Западной Сибири (Нарымский край) в 1931–1933 гг. Последнее, впрочем, может быть воспринято и как рецидив экстенсивного освоения. В нашем аспекте весьма существенна такая деталь: север Западной Сибири осваивался, в основном, кулаками из южных районов края в ходе внутрикраевого переселения, тогда как «южные» комендатуры (они же и более промышленные: Кузбасс, Кузнецкстрой и др.) заселялись выходцами из центра Европейской части страны.

В 1932 году на спецпоселение поступило 71 236 чел.⁸² из других регионов (то есть без учета внутрикраевого переселения), причем большая их часть (39,4%) несколько неожиданно была направлена в Среднюю Азию, опередившую Казахстан (16,2%) и Урал (14,2%). В 1933 году число поступивших спецпоселенцев составило 268 091 чел., из них большинство (140 697 чел., или 52,5%) — прибыло в Западную Сибирь⁸³, 55 107 (или 20,6%) — в Казахстан, 33 920 (или 12,6%) — на Урал, 16 659 — в Северный край, 15 517 — на строительство Беломорканала, 3927 — в Горьковский край и т. д.⁸⁴ В 1935 г.

⁸⁰ См. соответствующее Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 28.12.1931 (*Макшеев*, 1997, с. 17–18).

⁸¹ *Данилов, Красильников*, 1993, с. 4.

⁸² *Ивницкий*, 1996, с. 196.

⁸³ Не вполне ясно, входят ли в эти цифры «местные», западносибирские, кулаки. Голоса об их отселении в более отдаленные округа и зачислении в спецпереселенцы в 1933 г. звучали особенно громко (см.: *Макшеев*, 1997, с. 47, со ссылкой на: ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 15, л. 7).

⁸⁴ Интересно, что в 1933 г. Ср. Азия не получила ни одного спецпереселенца!

из районов Северного Кавказа было выселено еще 4711 семей, или 22 496 чел., а всего за 1933–1940 гг. выселили 418 586 чел.⁸⁵

Суммирование этой цифры с числом кулаков, депортированных в 1930–1932 гг. (с учетом кулаков третьей категории в 1930 году, но без учета внутрикраевого переселения в 1932 году), дает гигантский итог приблизительно в 2540 тыс. чел., из которых 81% приходится на первые два года.

Зимой 1932/1933 г. возник еще один миграционный фактор, непосредственно вызванный коллективизацией, оторвавшей от земли наиболее эффективного ее собственника: недополученный урожай и изъятие «хлебных излишков» в конечном итоге и привели к повальному голоду на юге страны, в частности, на Украине, Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, где голодало не менее 25–30 млн. чел. Посланные в эти регионы комиссии ЦК находили на местах «подкулачников» и прочих виновников, исключали из партии мелких партийных и советских деятелей⁸⁶, арестовывали десятки и сотни тысяч крестьян, в том числе и по печально известному «закону о колосках» от 7 августа 1932 года⁸⁷, а целые станицы и села заносили на «черную доску»: так, в декабре 1932 года около 5 тыс. хозяйств из ряда кубанских станиц (в частности, Медведовской, Урупской и Полтавской, переименованной после этого в Красноармейскую) общей людностью более 11 тыс. чел. — выселили, главным образом, в Северный Казахстан и на Урал.⁸⁸ На их место принудительно заселяли демобилизованных красноармейцев.⁸⁹

За период с осени 1932 и по апрель 1933 года население СССР сократилось на 7,7 млн. чел., в том числе на Украине на 4 млн. чел. и примерно по 1 млн. чел. потеряли Северный Кавказ, Поволжье и Казахстан.⁹⁰

⁸⁵ *Ивницкий*, 1996, с. 202. В их числе и 999 кулацких семей, или 5317 чел., из Дагестана и Чечено-Ингушетии, в 1936 г. отправленных в качестве трудопоселенцев в совхозы Киргизии и Казахстана (см. в письме зам начальника ГУЛАГ НКВД И. И. Плинера наркому внутренним дел Ежову и его замам Агранову и Берману от 07.11.1936: *ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 36, л. 33*).

⁸⁶ Всех бывших коммунистов, исключенных за срыв хлебозаготовок, высылали, наравне с кулаками, в северные области (*Ивницкий*, 1996, с. 215).

⁸⁷ См.: *Ивницкий*, 1996, с. 203–225. Этот закон предусматривал и расстрел и не предусматривал амнистии.

⁸⁸ См.: *Зеленин*, 1989, с. 11; *Ивницкий*, 1996, с. 211. Н. В. Палибин (возможно, ошибочно) приводит несколько другой перечень занесенных на черную доску станиц: Темиргоевская, Уманская и Полтавская. Описывая процесс выселения из Полтавской, свидетелем чего он являлся, он подчеркивал, что в данном случае высылке, причем под угрозой расстрела, подверглись также колхозники — середняки и бедняки. См. приказ № 1 коменданта станицы Полтавской Славянского района Северо-Кавказского края Кабаева от 17.12.1932 о выселении за саботаж хозяйственных мероприятий советской власти всех жителей станицы, кроме «доказавших на деле свою преданность» (*Палибин*, 1988, с. 152–153 и 193–196). Судя по всему, ту же операцию имеет в виду и Т. Мартин, но он пишет примерно о 60 тыс. кубанских казаков, выселенных в январе 1933 г. (*Martin*, 1998, p. 946–847, со ссылкой на: *РГВА, ф. 9, оп. 36, д. 613, л. 6, 46* и на кн.: *Осколков Е. Н. Голод 1932/1933: хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991, с. 55–60*).

⁸⁹ Сама по себе практика принудительного расселения демобилизованных началась еще раньше, по крайней мере в 1929–1930 г., когда прорабатывалась идея создания «красноармейских колхозов» вдоль границ СССР. Так, например, в 1931 г. ЦК ВКП(б) и Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) приняли совместное решение о направлении двух полков демобилизованных красноармейцев на строительство Вахшской ирригационной системы в Таджикистане (см.: *Курбанова*, 1993, с. 59).

⁹⁰ *Ивницкий*, 1996, с. 224.

Исключительно тяжелая ситуация сложилась в 1933 году в Казахстане, где в результате голода и коллективизации поголовье скота сократилось на 90%. «Большой скачок» в животноводстве (вплоть до поголовного обобществления скота, даже мелкого) и политика принудительного «оседания»⁹¹ кочевого и полукочевого казахского народа обернулись не только голодом и гибелью от 1 (по Зеленину) до 2 (по Абылхожину и др.) млн. чел., но и **массовой откочевкой казахов**. Ею, по данным Зеленина, было охвачено не менее 400 тыс. семей, или около 2 млн. чел., а по данным Абылхожина и др. — 1030 тыс. чел., из которых 414 тыс. вернулось в Казахстан, примерно столько же осело в РСФСР и республиках Средней Азии, а остальные 200 тыс. ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. Разумеется, это был достаточно длительный процесс, начавшийся в конце 1931 года и нараставший от весны 1932 к весне 1933 года.⁹² Покинутые же людьми места приходили в упадок, все постепенно разрушалось⁹³.

По-видимому, это послужило одной из причин бросающейся в глаза **концентрации** в последующем **этнически депортированных спецпереселенцев и административно высланных именно в Казахстане, а также в республиках Средней Азии.**

Голодомор 1932–1933 гг. имел самые разные последствия и принес множество проблем. Не последней среди них была проблема заселения территорий, особо пострадавших от голода и раскулачивания, где в результате попросту не хватало рабочих рук. Такими регионами, в частности, оказались Украина, Северный Кавказ (главным образом Кубань) и Поволжье. Естественный прирост в них (а также в Центрально-Черноземной обл.) в 1933 году был феноменально отрицательным как по городскому, так и по сельскому населению. Суммарный же недород населения составил по одной только УССР 1459, по Северному Кавказу — 278 и по Среднему и Нижнему Поволжью — 175 тыс. чел.⁹⁴

По данным на декабрь 1933 года, мероприятиями по переселению было охвачено около 16 тыс. семей по линии внутриукраинского переселения, 3 тыс. семей из ЦЧО и 300 еврейских семей из Западной обл.⁹⁵ Иными словами, речь здесь шла почти о 100 тыс. чел.

Одновременно (в 1933–1934 гг.) принимался ряд решений по переселению на Кубань и в Причерноморскую полосу завербованных через военкоматы **переселенцев–красноармейцев**. К началу декабря 1933 года сюда вселилось всего 31 458 чел., в том числе 16 997 мужчин⁹⁶. На 1934 год планировалось вселение еще около

⁹¹ Правильнее было бы сказать — по «оседланию»!

⁹² Абылхожаев, Козыбаев, Татимов, 1989, с. 67–69.

⁹³ За 1926–1939 гг. число казахов сократилось на 867,4 тыс., составив всего 3100,9 тыс. чел. (см.: Зеленин, 1989, с. 6). Ср. другую оценку — 1321 тыс. чел. — в: Абылхожаев, Козыбаев, Татимов, 1989, с. 65–67.

⁹⁴ См.: Осокина, 1991. Примечательно, что данные по естественному приросту в Казахстане в центральные статорганы не поступили.

⁹⁵ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 57, л. 29.

⁹⁶ Перевозка была организована так, что многие приезжали завшивленными или с чесоткой (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 23–25).

50 тыс. семей⁹⁷. Несмотря на то что в этом районе отмечалась высокая заболеваемость малярией, никакой профилактики (хинизации) переселенцев не проводилось; не было лекарств и на тот случай, если человек заболел. Вместе с тем даже «вольному» переселенцу собраться и уехать было не так-то просто.⁹⁸

Тем не менее с июля 1934 года началось массовое бегство красноармейцев–переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее осенью уровня 30% (это явление в переписке называется «**обратничеством**»)⁹⁹. 27 сентября 1934 года уже сам секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) М. Малинов писал в ЦК Сталину, Кагановичу и Жданову о бедственном положении переселенцев-красноармейцев, их неоправданно высокой смертности и массовом бегстве из края. Причины крылись не только во вспышках малярии и в недостатке внимания к переселенцам со стороны руководства, но и во враждебном к ним отношении местного населения, в основном казаков, рассматривавших их как непрошенных гостей¹⁰⁰.

За период с 1933 по 1937 гг. ВПК и Переселенческим отделом НКВД было переселено 77 304 семей, или 347 866 чел. Примечательно, что 221 465 чел., или 63,6%, переселилось не куда-нибудь, а на Украину! Заметно отстают Восточная Сибирь, Азово-Черноморский край и Еврейская АО с их 38–39 тыс., не говоря уже о Дальне-Восточном крае и Бурят-Монгольской АССР с их примерно 6 тыс. переселенцев.

Почти 83% этих переселенцев пришлось на 1933–1934 гг., причем на один 1933 год — более половины. В эти годы практически все переселенцы направлялись в украинские житницы — в Одесскую, Донецкую, Днепропетровскую, Харьковскую (в основном из Центральной России и Верхнего Поволжья, но также из БССР и из таких областей самой УССР, как Киевская, Винницкая и Черниговская). Исключение составили только неполные 2 тыс. жителей Московской обл., переселенные в 1934 году в Сталинградскую обл., и так называемые «красноармейские семьи из разных областей», или, попросту, демобилизованные, принудительно (через военкоматы) распределенные следующим образом: в 1933 году весьма значительное их число (более 36 тыс. чел.) направили на Северный Кавказ, а в 1934 году — и всего 1 тыс. чел. — на Дальний Восток.

Начиная с 1935 года Украина как место вселения в отчетах более не фигурирует, и весь поток переселенцев поделили между собой регионы Восточной Сибири и Даль-

⁹⁷ Письмо Северо-Кавказского краевого переселенческого комитета т. Рудю, Центральный переселенческий комитет, от 28.11.1933 — РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 56, л. 41.

⁹⁸ Ср.: «...мы несколько раз хотели сняться с учета, нас не снимают — Вы говорят теперь местные жители, но мы не хотим. Мы решили уйти, взяли свои учетные карточки, нас задержали, отобрали все документы и сказали, что вы никуда не поедите. Мы сказали — мы не будем здесь жить. Нас арестовали и говорят, что мы вас под суд отдадим. Запугивают нас лишить всех политических прав. Это для нас говорят, что мы не посмотрим, что вы служили в армии. В общем мы живем плохо...» (Письмо красноармейцев И. С. Крынина, Н. П. Страфилова и Н. А. Агапова наркомпо по военным и морским делам от 10.11.1933, станица Ново-Малороссийская Тихорецкого р-на (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 56, орфография подлинника сохранена).

⁹⁹ См. в письме Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по краю О. Шадунца секретарю ЦК ВКП(б) Жданову от 25.09.1934 (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 55, л. 32–34).

¹⁰⁰ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 55, л. 35–37.

него Востока, к которым в 1937 году присоединился Азово-Черноморский край, причем к традиционным регионам-«донорам» (Воронежская и Горьковская обл.) добавились Татарская АССР и Курская обл.¹⁰¹

Хорошее представление о том, что стоит за этими «цифрами», дает весьма характерная докладная записка № 800 от 20 марта 1938 года «О плане переселения из Курской области», посланная начальником УНКВД по Курской области капитаном гб т. Боециным на имя зам. наркома внутренних дел СССР старшего майора гб т. Жуковского¹⁰². Интересно, что в ноябре того же 1938 года, невзирая на описанное капитаном Боециным положение в Курской обл., начальник Переселенческого отдела УНКВД Читинской области, мл. лейтенант гб т. Скоринков обратился к начальнику Переселенческого отдела НКВД СССР дивизионному интенданту т. Плинеру с предложением о ходатайстве перед ЦК ВКП(б) и СНК о дополнительном переселении в 1938 году 1000 хозяйств переселенцев из Курской и Воронежской обл. Необходимость этого мотивируется, по его словам, тем, что *«...вербовка красноармейцев в колхозы сорвана и вербовать больше некого»*¹⁰³.

Поистине, как писал О. Мандельштам в статье «Гуманизм и современность» (1923): *«...египетские строители обращаются с человеческой массой как с материалом, которого должно хватить, который должен быть доставлен в любом количестве!»*

Следует отметить, что начиная с марта 1933 года «монополия» раскулаченных крестьян на статус спецпереселенца закончилась, поскольку начались и участились (главным образом в западных и центральных районах) разнообразные «чистки» больших го-

¹⁰¹ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 185.

¹⁰² См. Приложение 2.2.1.

¹⁰³ РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 196, л. 26. Представление о характере этой «вербовки» дает, например, датированная 9.08.1938 докладная записка инспектора Д. Н. Янкова, адресованная помощнику начальника Переселенческого отдела НКВД т. Гринбергу: *«По вопросу проведения вербовки красноармейцев в частях Забайкальского ВО мною написано отношение и отправлено за подписью пом. нач. УНКВД тов. Слюсаренко в Полит. Упр. Забайкал. ВО 20.VII сего года. Перед отъездом из Читы 28.VI сего года по этому вопросу я беседовал с нач. Политуправления дивизионным комиссаром тов. Леоновым, который заявил мне, что дали указание комиссарам частей о проведении вербовки. Снизить сроки когда будут демобилизованы красноармейцы не может, дескать и сам не знает. Отпустить ранее также не сможет до окончания боевой учебы. Непосредственно вопросами вербовки красноармейцев занимается зам. нач. Политуправления полковой комиссар тов. Сорокин»* (РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, ед. пр. 196, л. 136). В этой же записке говорится и о плохой подготовке районов Читинской обл. к приему переселенцев: *«Председатели многих райисполкомов вместо принятия реальных мер по обеспечению своевременного выполнения ремонта домов и надворных построек, выделенных для переселения, стали на путь очковтирательства... Во многих колхозах и сельхозетах переселенцы занимают руководящие посты, а в ряде районов часть переселенцев выселены из погранполосы как враги-народа за шпионаж. В целях получения причин обратничества и выяснения хозяйственного устройства переселенцев, вселение прошлых лет в этом году необходимо произвести сплошное обследование всех переселенцев и заострить этот вопрос в областных организациях во всю ширь. Без проведения этого мероприятия и изучения всех причин обратничества в дальнейшем трудно будет производить переселение и тем более бесполезно тратить столько средств, отпускаемых для этой цели Правительством. По существу на сегодня получается **живой конвейер**, одни переселенцы уходят из колхозов, а мы снова вселяем в эти же дома новых переселенцев»*.

родов и приграничных территорий от «социально–опасных» и «деклассированных» элементов. Чистки нередко напоминали облавы, людей хватали на улицах и бросали в теплушки, уже подготовленные для отправки в Сибирь. В одном только Томске, по данным В. Макшеева, в мае 1933 г. собралось около 25 тыс. москвичей, ленинградцев, сочинцев и т. д. В обиходе появился и такой термин, как «**новый контингент**», призванный отделить «новичков» от «старого» контингента раскулаченных¹⁰⁴.

К 1935 году все **пограничные районы** в обязательном порядке были очищены от кулаков и прочих неблагоденных. 17 января 1935 года Г. Ягода писал Сталину о «политической нежелательности» возвращения восстановленных в гражданских правах трудпоселенцев в места, откуда они были выселены. При этом он предлагал внести уточнение о том, что восстановление в правах не подразумевает права выезда из мест вселения¹⁰⁵.

Анализ сведений, собранных В. Н. Земсковым, говорит о высокой динамичности и структурной неоднородности контингента спецпоселенцев ГУЛАГ¹⁰⁶. Так, по состоянию на 1 июля 1938 года, на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГ НКВД СССР числился 1741 трудпоселок (позднее — спецпоселки), в которых проживало 997,3 тыс. трудпоселенцев (в более поздней терминологии — спецпоселенцев), или в среднем около 573 чел. на поселок. Подавляющее большинство — это крестьяне, раскулаченные в 1930–1933 гг., но несколько десятков тысяч — «неблагоденные элементы», выселенные из погранзон и крупных городов в середине 1930-х гг., особенно после убийства Кирова.

¹⁰⁴ Макшеев, 1997, с. 52–65. Там же см. письмо В. А. Величко Сталину, секретарю Р. И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К. И. Левицу от 22.08.1933 и вызванную этим письмом докладную записку комиссии Запсибкрайкома о чудовищной судьбе 6114 чел. из двух эшелонов с деклассированными элементами, отправленных из Москвы и Ленинграда 29 и 30.04.1933 и доставленных 18 и 26.05.1933 через Томск на баржах на остров Назино на Оби напротив устья р. Назина (в живых из них осталось не более 2 тыс. чел., а сам остров назвали после этого Смерть–островом или островом Людоёдов). В докладной записке сообщенные Величко факты подтверждены, кроме того приводится следующая статистика: в комиссию поступило 914 заявлений от неправильно высланных. Из 840 живых людей, пропущенных через комиссию, 174 чел. было немедленно освобождено, а 231 чел. — направлено для дополнительной проверки в Новосибирск; 240 заявлений отправлено для проверки через аппарат Сиблага, отказано — 51 чел. Приводится и список из 22 чел. наиболее характерных из неправильно высланных: среди них — москвичи и иногородние, отпускники-транзитники или командированные в Москву, схваченные при выходе из трамвая, по месту службы, в булочной, на вокзале, в собесе, просто на улице после театра; все при себе имели, как правило, паспорта или справку из колхоза (*ГАНУ, ф. 3–П, оп. 1, д. 540а, л. 89–100 и 132–151*).

¹⁰⁵ См. Бугай, 1992, с. 42, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1668, л. 1*.

¹⁰⁶ «Ведал» ими постоянно один и тот же отдел, название которого, так же как, впрочем, и самого министерства, постоянно менялось. Впервые Переселенческий отдел НКВД был образован 22.07.1936 на базе Всесоюзного Переселенческого комитета при СНК (в 1937–1938 гг. его возглавлял И. И. Плинер); 9.08.1939 отдел был выведен из состава НКВД и передан в ведение Переселенческого управления при СНК. Обслуживанием спецпоселенцев занимался Отдел спецпоселений НКВД, организованный 28.08.1941 и расформированный 14.11.1942 (начальник И. В. Иванов); его функции были переданы в отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГ НКВД. 17.03.1944 Отдел спецпоселений НКВД-МВД был создан вновь, а в последующем он именовался: с 16.11.1950 — 9-е Управление МГБ; с 14.03.1953 — Отдел «П» МВД; с 30.10.1954 — 4-й спецотдел МВД. 27.03.1959 отдел был расформирован, а его функции переданы в Главное управление милиции МВД (см.: *Кокурин, Петров, 1997*).

Как выглядело в 1938 году распределение трудпоселенцев в макрорегиональном разрезе, иллюстрирует табл. 7. Как видим, основной поток довоенных «трудпоселенцев» ушел на европейский и азиатский «север» СССР — в районы действительно малоосвоенные и суровые. Урал и Западная Сибирь, вместе вобравшие около 0,5 млн. людей, далеко оторвались от лидировавшего в начале Европейского Севера, Казахстана и Восточной Сибири. В то же время поселки в Западной Сибири вдвое мельче уральских, что косвенно выражает их разные хозяйственные профили — лесной и промышленный. И в областном разрезе наблюдается «двоевластие»: заметно выделялись Новосибирская и Свердловская области, в каждой из которых насчитывалось по 170–195 тыс. трудпоселенцев, причем в Новосибирской области (в то время в ее состав входила и сегодняшняя Томская обл. с ее печально знаменитым «Нарымом») число трудпоселков составляло около $\frac{1}{3}$ от их общесоюзного количества.¹⁰⁷ Обращает на себя внимание «крупнонаселенность» трудпоселков на Северном Кавказе и в Казахстане.

Таблица 7. Расселение трудпоселенцев (1938)

Регионы	Число поселков	Численность поселенцев (тыс. чел.)	Ср. людность поселка (чел.)
Урал	299	244,3	817
Западная Сибирь	648	242,7	375
Север Европейской части	204	135,1	662
Казахстан	100	134,7	1347
Восточная Сибирь	248	119,7	483
Северный Кавказ (Ставропольский край)	10	45,5	4550
Средняя Азия	56	35,2	629
Дальний Восток	128	29,3	229
Украина	44	7,5	170
Поволжье (Куйбышевская обл.)	4	3,3	825
Итого:	1741	997,3	573

Рассчитано по: Земсков, 1994, с. 126, с ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 48, л. 9–10.

¹⁰⁷ Со временем это «двоевластие» исчезло: так, если численность трудпоселенцев в Новосибирской обл., по состоянию на 1.10.1944, составляла 170 645 чел., или всего лишь на неполных 5 тыс. чел. меньше, чем во всем Казахстане, то число трудпоселенцев в Свердловской обл. — лишь 86 640 чел. (Земсков, 1992, с. 18).

Интересно и несколько неожиданно, что за период с 1932 по 1940 гг., по данным В. Н. Земскова¹⁰⁸, число убывших со спецпереселения (2 563 401 чел.) существенно — на 0,4 млн. чел. — опережало число прибывших (2 176 600 чел.)¹⁰⁹. Обратная картина наблюдалась только в 1935 (44 800 чел.) и 1938–1939 гг. (60 901 и 58 931 чел.), а в остальные же годы «убыль» спецпереселенцев стабильно перекрывала их «прибыль» (в 1932 году — на 174 938 чел., в 1933 — на 69 538, в 1934 году — на 98 835 и т. д.). И дело здесь не только в высокой смертности и естественной депопуляции (число родившихся впервые превзошло число умерших в 1935 году, но в целом за тот же период с 1932 по 1940 гг. отрицательное сальдо их естественного прироста было весьма значительным — 159 263 чел.). Впечатляющими показателями характеризуются **побеги**: 629 042 чел. (при том что возвращенными из бегов проходило только 235 120 чел., то есть менее $\frac{2}{5}$). Были и другие категории «убывших»: осужденные (53 212 чел.), освобожденные по разным причинам (130 991, в том числе 33 055 — в порядке пересмотра, как «неправильно высланные»¹¹⁰), переданные на иждивение (36 286), переданные в организации (696 395)¹¹¹ и «прочие», среди которых, по всей видимости, большинство составляли вышедшие замуж за нетрудоспособных (627 954 чел.).

При этом доля трудоспособных в общем числе репрессированных (заключенных и трудоспособных) в конце 1930-х гг. оставалась более или менее стабильной: в 1937 году — 34,4%, а в 1939 — 31,6%. За этот же малый отрезок времени сократилась — и весьма резко — доля заключенных в тюрьмах (с 20,5 до 11,8%), тогда как доля заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа выросла с 45,1 до 56,6%¹¹².

Так что идеи, озвученные в 1928 году Янсоном, не пропали втуне и за истекшее десятилетие не утратили актуальности.

Пограничные зачистки и другие принудительные миграции в 1934–1939 гг.

Тридцатые годы — период отнюдь не начала, но резкого усиления внешнеполитической самоизоляции Советского Союза. Именно тогда начал выстраиваться тот «занавес», который впоследствии был назван «железным». Государственные границы, по точному наблюдению А. Рогинского, все больше приобретали характер «**линии фронта**». И это весьма ощутимо отразилось на депортационной политике Сталина (см. рис. 2).

¹⁰⁸ См.: Земсков, 1994.

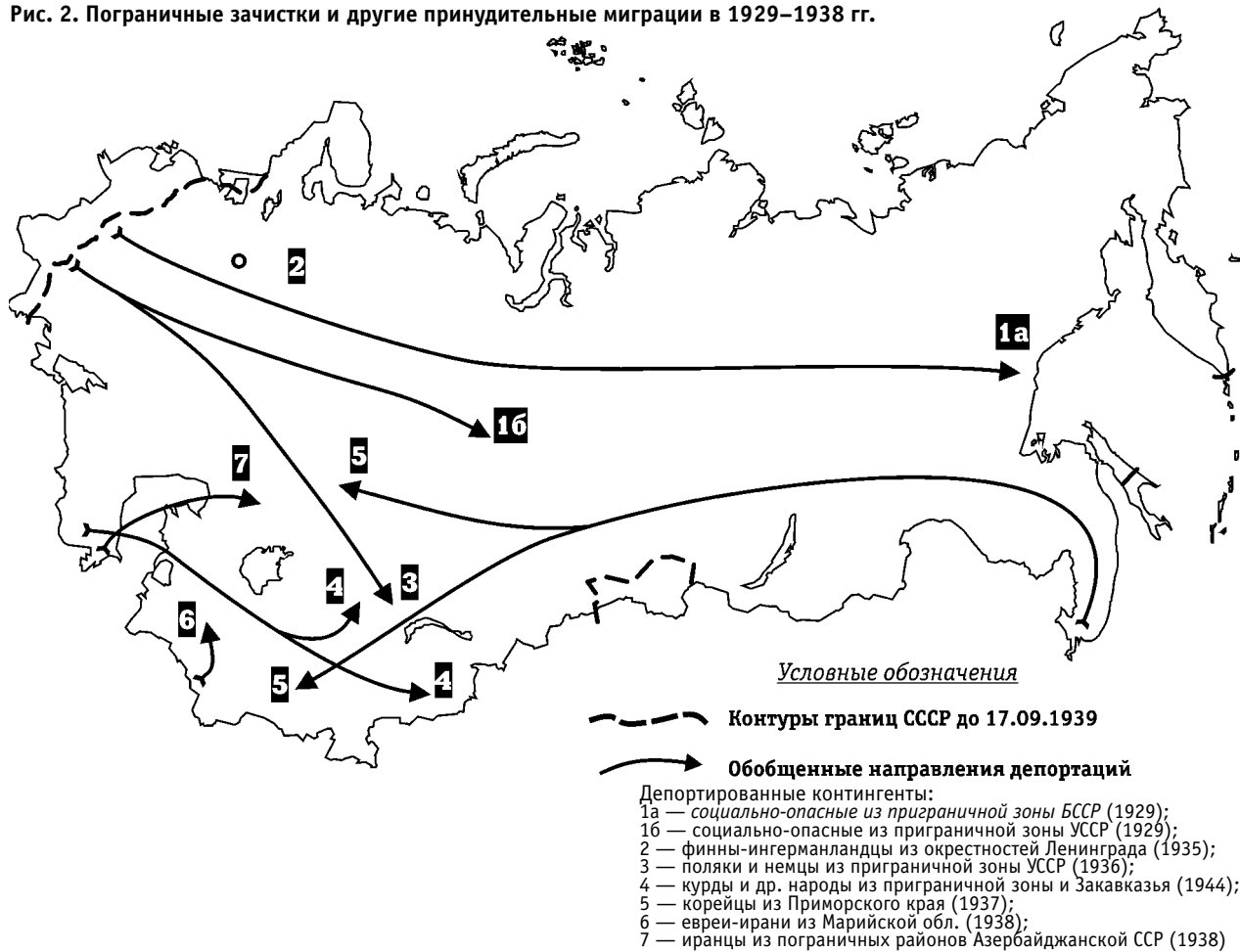
¹⁰⁹ Статистически оно различалось как прибытие из регионов и как прибытие из организаций (например, поступившие после отбытия сроков наказания в системе ГУЛАГа), но данные по второй группе начинаются только с 1934 г. (см.: Земсков, 1994, с. 124–125).

¹¹⁰ Остальные, по всей видимости, составляют «балласт» — нетрудоспособные женщины с детьми, старики и инвалиды. НКВД рассматривал их не иначе как «иждивенцев комендатуры» предлагал «рассосать» накануне их освобождения из мест ссылки (см., например, директиву зам. начальника ОТП УНКВД по Западносибирскому краю Анастасенко и нач. I отделения Гладышева секретарю Нарыжского окружного ВКП(б) К. И. Левицу от 2.01.1935 — Махшеев, 1997, с. 76–77).

¹¹¹ Это означало, как правило, не более чем чисто формальную и к тому же временную передачу части спецконтингента из управления ОГПУ под управление другого ведомства (например, Наркомлеса).

¹¹² См.: Земсков, 1991б, с. 74–75.

Рис. 2. Пограничные зачистки и другие принудительные миграции в 1929–1938 гг.

В середине 30-х гг. началась серия акций, а точнее, продуманная и последовательная кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий посредством их «зачистки» (часто классовой, но еще чаще — этнической) от «социально опасных», то есть неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов. Мы уже отмечали, что первые решения о «зачистках» на западных границах с Литвой и Польшей датируются еще 1929 годом, а сами «зачистки» — 1930 годом. Существенно, что эти первые зачистки еще не были ни «классово», ни «этнически» окрашенными¹¹³.

Не забудем и того, что введение 27 декабря 1932 года в СССР паспортной системы в первую очередь обосновывалось необходимостью разгрузки Москвы, Ленинграда, Харькова и других крупных городов и промышленных центров от контрреволюционных, кулацких, уголовных и прочих антисоветских и «лишних» элементов¹¹⁴.

С концом 1934 — началом 1935 г. принято связывать резкое усиление всяческих репрессий, формальным поводом для чего послужило убийство 1 декабря 1934 года С. М. Кирова. Впрочем, такой разновидности репрессий, как депортации, это коснулось все же в сравнительно малой степени. Тут достойна быть отдельно упомянутой **высылка из Ленинграда** так называемых **«бывших людей»** — дворян, фабрикантов, домовладельцев, чиновников, «церковников» (священнослужителей), офицеров армии и флота, жандармов и полицейских и т. д.

Эта акция, осуществлявшаяся в конце февраля – начале марта 1935 года и только в Ленинграде, показалась бы, на фоне всего остального, мерой до чрезвычайности мягкой: затронутых ею граждан просто выслали на три года из Ленинграда в другие города по их собственному выбору. Но в действительности их выслали из родного города навсегда: Ленинград шел вторым в списке «минус двенадцать», состоявшем из 12 крупнейших городов, запрещенных и к последующему проживанию.

На выселение 5 тыс. «бывших» семей, согласно циркуляру Управления НКВД по Ленинградской области от 27 февраля 1935 года «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов», отводился один месяц.¹¹⁵ Всего было «изъято» — и осуждено Особым совещанием при НКВД¹¹⁶ к высылке — свыше 11 тыс.

¹¹³ Тем не менее нельзя не признать справедливости замечания Т. Мартина о гораздо более тесной, чем это принято считать, корреляции между раскулачиванием и этничностью. Отдельные народы, особенно немцы и поляки, воспринимались чуть ли не как поголовные кулаки, да и русские на фоне корейцев или казахов тоже смотрелись явными кулаками. Среди отправленных в «кулацкую ссылку» из числа раскулаченных в Белоруссии и на Украине доля поляков была непропорционально высока, и отдельные антикулацкие операции носили почти беспримесно антипольский характер (Martin, 1998, p. 837–840).

¹¹⁴ См., например, проекты Постановлений ЦИК и СНК СССР «О введении единой паспортной системы в городах СССР» (РГАНИ, ф. 89, оп. 48, д. 25, л. 1–2).

¹¹⁵ Иванов, 1998, с. 118–119.

¹¹⁶ Сам факт этого «индивидуального» осуждения, строго говоря, должен выводить эту категорию репрессированных из числа принудительных мигрантов, однако налицо все остальные их признаки, в том числе списочность.

«бывших людей», из которых 4833 являлись «главами семей», из них 1434 дворян и примерно по 1000 бывших царских офицеров и священнослужителей. Всем им, на языке НКВД, были «выданы путевки»¹¹⁷.

Еще с ноября 1929 года Ленинград и область входили в число местностей, в которых категорически запрещалось проживание лиц, ранее осужденных Особым совещанием, в том числе и тех, кто до осуждения проживал здесь.¹¹⁸

Одним из первых крупных актов «зачистки» границ стало Постановление Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1935 года о выселении финского населения из приграничной полосы, в то время вплотную примыкавшей к Ленинграду с северо-запада. В области в то время проживало около 200 тыс. **финнов-ингерманландцев** (или финнов-инкери, или ижорских финнов), существовали один национальный финский район (Куйвазовский) и десятки сельсоветов, около 500 финских колхозов (снабжавших ленинградцев овощами и молоком), 322 финские школы, сельхозтехникум, финское отделение в пединституте им. А. И. Герцена, рабфак при университете, финские газета и издательство.

Весной 1935 года практически все это было ликвидировано: первоочередной депортации подлежали все финны из 22-километровой приграничной полосы (3547 семей), а те, кто проживал в 100-километровой полосе в Ленинградской обл. и в 50-километровой в Карелии, тоже выселялись, но во вторую очередь. «Первая очередь» выселялась между 1 и 25 апреля, людей направляли в Таджикистан (около 1000 семей), Казахстан и Западную Сибирь (316 семей из Карелии)¹¹⁹. Во «вторую очередь» из одного только национального Куйвазовского района в течение суток выселили 22 тыс. чел., разорив таким образом более 100 деревень (выселяли, впрочем, не так далеко, главным образом в Вологодскую обл.)¹²⁰. Общее число депортированных можно оценить приблизительно в 30 тыс. чел.

Той же весной 1935 года (между 20 февраля и 10 марта) значительная депортация была проведена и на Украине: из бывших тогда приграничными Киевской и Винницкой областей в восточные области республики переселили 41 650 чел., или 8329 семей, причем около 60% переселенного контингента составляли поляки и немцы¹²¹. Около 1500 семей (почти сплошь поляки), судя по всему, были дополнительно высланы осенью 1935 года¹²².

¹¹⁷ Иванов, 1998, с. 119.

¹¹⁸ Иванов, 1998, с. 130.

¹¹⁹ См.: Бугай, 1991д.

¹²⁰ См.: Кууру, 1992. См. также: Martin, 1998, p. 849–850.

¹²¹ В частности, 2.886 польских и 1.903 немецких семей. При этом польский и немецкий национальные районы Мархлевски и Пулин (оба на Волини) были ликвидированы. См.: Martin, 1998, p. 848–849, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 5446, оп. 16а, д. 265, л. 14. См. также: Бруль, 1999, с. 97, со ссылкой на: Евтух В., Чирко В. Німці в Україні (1920-і–1990-і роки). Київ, 1994, с. 47. В отличие от Т. Мартина, В. Бруль пишет о депортации в Сибирь, а не на восток Украины.

¹²² См.: Martin, 1998, p. 848–849, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 5446, оп. 16а, д. 265, л. 14–15.

С января 1936 года руководство НКВД Украины и Казахстана обсуждало вопрос о выселении еще 15 тыс. **польских** и **немецких** хозяйств (около 45 тыс. чел.) из приграничной зоны Украины в Казахстан¹²³. Переселению подлежали поляки и немцы (но главным образом поляки), проживавшие в 800–метровой полосе вдоль тогдашней государственной границы с Польшей, на территории полигонов или укрепрайонов, к строительству которых тогда только приступали. Очевидно, что главной целью было обезопаситься от нежелательных свидетелей, ведь и по ту сторону границы проживали такие же поляки, часто родственники, и скрыть, скажем, строительство аэродрома было нелегко, если вообще возможно.

Судя по дате постановления (28 апреля), видимо, предполагалось, что указанный контингент успеет закончить посевную (посевы им предписывалось оплатить), а на новом месте урожая от них никто не ждал (очевидно, с расчетом, что за лето и начало осени они успеют собраться, переехать и обустроиться на новом месте).

Официально считалось, что «переселяемый контингент» в своих гражданских правах при этом не ограничивался (подумаешь — переселили!), за ним даже сохранялось право передвижения, правда... только в пределах административного района вселения. На местах их расселяли «по типу существующих трудовых поселков НКВД», причем их жилищное, бытовое и трудовое (сельскохозяйственное) обустройство, — разумеется, с привлечением сил и средств самих переселяемых — возлагалось на ГУЛАГ НКВД. Фактически это были самые что ни на есть «нормальные» спецпоселенцы¹²⁴. На местах их обеспечивали землей, общественным скотом и техникой для создания трех МТС. Из них организовывались сельхозартели, на 3 года освобождавшиеся от всех налогов и поставок; личный скот они могли брать с собой.¹²⁵

Согласно решению ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины» от 16 февраля 1936 года, в Южноказахстанскую обл. должно было быть направлено 5500 семей, в Алма-Атинскую и Карагандинскую — по 3000 семей, в Восточноказахстанскую — 2000, в Актюбинскую — 100 семей. Главной хозяйственной задачей, которая при этом ставилась, было расширение площадей под сахарную свеклу, развитие сахарной промышленности и табаководства. В принятом 28 апреля 1936 года уже союзным совнаркомом постановлении о сахарной свекле и табаке говорилось о расселении польских

¹²³ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 25–27. По некоторым сведениям, в действительности было переселено 63 976 чел. (см.: *Бруль*, 1999, с. 98, со ссылкой на: Из истории немцев Казахстана (1921–1935). Алма-Аты — М., 1997, с. 85).

¹²⁴ Их статус «спецпереселенцев» был подтвержден в 1952 г. приказом МГБ и ГП № 001871164сс от 20.03.1952 (*Бугай*, 1995, с. 11, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 4475, л. 74*).

¹²⁵ Впрочем, этот удар, был хоть и неожиданным, но не последним. Так, еще 20.07.1937 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «предложить т. Ежову об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах» (соответствующий приказ был издан Ежовым за № 00439 от 25.07.1937). В августе появились аналогичное решение и приказ относительно поляков, а затем и относительно корейцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, китайцев, иранцев, румын и т. д. Достойны быть упомянутыми и массовые аресты советских граждан и польских политэмигрантов в рамках кампании Большого террора — так называемая «польская операция» НКВД 1937–1938 гг., являющаяся своего рода связующим звеном между высылками 1936–1937 и 1940–1941 гг. Подробнее см.: *Охотин, Рогинский*, 1999.

*По материалам Вестника
Органы безопасности
Гуз у К*

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

143
19

гов. ЯГОДА

На числа 15.000 польских и немецких семей, переселенных из Западной Украины в Северный Казахстан, в июне месяце 1936 г. переселено 5.535 семей - 26.778 человек, в сентябре месяце отправлено 7.440 семей - 32.740 человек. Всего 12.975 семей - 59.518 человек.

При этом вместе с немецкими до состоявшим в 20-ые сентября месяце, вместе с живыми переселенцем, 7.910 семей - 37.213 человек.-

в пути - 5.063 семьи - 22.045 человек.-

В числе пришедших имеются случаи заболевания скарлатиной, корью и тифом.-

В связи с массовыми заболеваниями переселенцев, даки указывая НКВД СССР и УНКВД Северного Казахстана о необходимости принятия решительных мер и усиления профилактических мероприятий на месте погрузки, в пути следования переселенцев, а также в местах поселения.-

ЗАМ НАЧ ГУЛАГ НКВД СССР
ДВЯНТЕНКО
(ПЛИНЕР)

26 сентября 36г.
-0-

Т. Александрович
1936

Письмо зам. начальника ГУЛАГ НКВД И. И. Плинера наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде от 26.09.1936 о переселении 15 тыс. польских и немецких семей

и немецких колхозников на землях трех молочно–мясных совхозов Карагандинской обл. — Летовочного, Красноармейского и Тарангульского.¹²⁶ В отчетных документах, помимо Карагандинской, фигурирует также Североказахстанская обл.

Переселено было 14 048 семей (в два приема — в июне и сентябре 1936 года) и заложено 37 новых поселков¹²⁷. Согласно Н. Ф. Бугаю, в первую группу депортированных вошло 35 820 поляков, в том числе 23 334 совершеннолетних, что составило до 10% населения соответствующих районов. Лишь несколько десятков из них (по всей видимости, номенклатура и агентура) переехали в РСФСР, а остальных отправили «по государственному заданию» в Казахстан (причем не только в Карагандинскую и Североказахстанскую, но и в Алма-Атинскую, Кокчетавскую и Талды-Курганскую области).¹²⁸

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 года на границах СССР вводились специальные защитные полосы, или пограничные зоны. Для их организации из пограничных районов Армении и Азербайджана в 1937 году было выселено 1325 курдов, в том числе 812 в Киргизию и 513 в Казахстан (в порядке депортации в существующие совхозы и колхозы Алма-Атинской и Южноказахстанской областей).¹²⁹

Тогда же, в июле 1937 года, ЦК вспомнил и об «экстритерриториальных» врагах — «**троцкистах**» и «**диверсантах**», а также о членах их семей. Последним, впрочем (если они проживали до этого в столичных или курортных городах), место для нового проживания разрешалось почему-то выбрать самим.¹³⁰

Но основным фронтом операций по депортации в 1937 году стала не западная, а дальневосточная граница, а их главной жертвой были, несомненно, **корейцы** — первый этнос в СССР, подвергнутый тотальной депортации.

Первые корейцы появились в Приамурье и Приуссурье еще в XIX в. После 1917 года значительное число корейцев переселилось в Приморье, в том числе и спасаясь от японской оккупации своей родины. В результате российской аннексии Дальневосточной республики 15 ноября 1922 года и объявления всех ее жителей советскими гражданами число последних пополнилось и сотнями тысяч корейцев, китайцев и японцев. Ареалом их расселения были Посыетский и Сучанский (впоследствии объединенные во Владивостокский) и Суйфунский районы Дальневосточного края. Посыетский национальный корейский район с его 55 корейскими сельсоветами был одним из 15 национальных районов Дальнего Востока. На них приходилось не менее половины сельскохозяйственной продукции, производимой в крае.

¹²⁶ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 27–29. Интересно, что в финансировании этого переселения участвовал ВПК.

¹²⁷ См.: *Eisfeld, Herdt*, 1996, s. 30–31.

¹²⁸ *Бугай*, 1995, с. 11–12.

¹²⁹ *Бугай, Гонов*, 1998, с. 104, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 3144, л. 65.*

¹³⁰ *Бугай*, 1995, с. 18.

Согласно переписи населения СССР 1926 года, в Дальневосточном крае проживало 169 тыс. корейцев (против 56 тыс. в 1917 году¹³¹), 77 тыс. китайцев и около 1 тыс. японцев. Относительно низкая обеспеченность корейцев сельхозугодьями, по сравнению с русскими, ставила их в объективно конфликтные отношения с последними, что несомненно сыграло свою роль в не осуществившихся планах первоначальной депортации корейцев на север, за 48,5 параллель¹³².

В 1937 году, когда границы уже были «на замке» и инфильтрация через границу закончилась, в СССР, согласно «забраванной» Переписи населения, проживало примерно столько же корейцев (все на Дальнем Востоке), сколько и в 1926 году, — 167 259 чел.¹³³ Однако, пренебрегая экономическими интересами, с политической точки зрения власти находили, что во второй половине 30-х гг. корейцы на советском Дальнем Востоке — это питательная среда для японского шпионажа в регионе и что их пора выселять. Тем более что и японцы уже приступили к депортациям корейцев (на Сахалин и в глубь Корейского полуострова): они, правда, рассматривали корейцев несколько иначе — как питательную среду для советского шпионажа.

23 апреля 1937 года «Правда» выступила с разоблачениями японского шпионажа на Дальнем Востоке: агентами японцев, оказывается, были преимущественно китайцы и корейцы. В августе 1937 года краевой НКВД возглавил небезызвестный Г. С. Люшков, будущий перебежчик¹³⁴. По существу в кармане он привез с собой Постановление СНК и ЦК от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края», предусматривающее завершение всей операции к 1 января 1938 года. Любопытно, что один из пунктов постановления гласил: *«Не чинить препятствия переселенным корейцам к выезду при желании за границу, допуская при этом упрощенный переход границы»*. Одновременно в Японию высылались все японские граждане, в том числе и корейцы по национальности.

В первую очередь были депортированы 11 807 чел., возможно из числа стоящих под прямым подозрением в шпионаже. В целом же за сентябрь было отправлено 74 500 корейцев из Спасска, Посьета, Гродеково, Биробиджана и других мест. 27–28 сентября 1937 года был расширен круг районов, подлежащих очистке от корейцев: в их число вошли Владивосток, Бурят–Монгольская АССР, Читинская обл. и Хабаровский край. Тем самым была санкционирована вторая «очередь» корейцев на переселение. В частности, для Хабаровского края, где проживало всего 1155 корейцев (практически все — на Северном Сахалине), установленными сроками проведения операции были две недели с 5 по 20 октября¹³⁵.

¹³¹ См.: Martin, 1998, p. 833–835. Он же приводит данные о том, что только 32,4% корейцев, проживавших в Дальневосточном крае в 1922 г., являлись советскими гражданами.

¹³² См. выше.

¹³³ См.: Бугай, 1992; Бугай, 1994.

¹³⁴ См. о нем в: Папчинский А. А., Тумшиш М. А. «Я счастлив, что принадлежу к числу работников кадральных органов...», или истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон // Новый часовой. — 1998. — № 6–7. — с. 132–146. Указом ПВС «О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС» от 6.02.1938 был награжден за эту операцию.

¹³⁵ В конце октября всех северосахалинских корейцев вывезли во Владивосток. См.: Пашков, Дударец, 1994, с. 15, со ссылкой на: Государственный архив Хабаровского края, ф. 2, оп. 1, д. 1316, л. 148–150.

С заданием, даже и увеличенным, дальневосточники справились задолго до Нового года, уже к 25 октября 1937 года: к этому времени 124 эшелонами было выселено 36 442 корейских хозяйства, или 171 781 чел. (оставалось в крае — и то ненадолго — всего 700 чел. корейцев, неполный эшелон). Эшелоны формировались по принципу «хозяйственно сложившихся коллективов». Вместе с корейцами были «прихвачены» 7 тыс. китайцев, по несколько сот немцев, поляков и прибалтов, около 1000 харбинских репатриантов.

В 1937 году переселяемым семьям выплачивалась мизерная, но компенсация. Так, суммарно на одну семью она составляла в среднем 6 тыс. руб., что покрывало путевые расходы, оплату оставленных посевов, построек, инвентаря и прочего имущества, ссуду на строительство дома на месте вселения и даже покрытие расходов на обустройство в местах выселения!¹³⁶

Путь был долгим (в среднем около месяца) и изматывающим. Большинство выгружалось в Казахстане (20 170 семей, или 95 526 чел.), главным образом в городах и поселках, в том числе 9350 чел. на севере Казахстана, в поселках польских и немецких переселенцев с западных границ СССР. Остальные оседали в Узбекистане (16 272 семьи, или 76 525 чел.), некоторые — в других среднеазиатских республиках и, в небольшом количестве, даже в Сталинградской обл. Часть из них в декабре еще погоняли по Узбекистану — из-за закрытия навигации по Аму-Дарье и Аральскому морю (в результате вместо 7 районов их раскидали по 44).

Переселенцев встречали континентальные зимние холода, безответственность и беспечность начальства (так, 4000 корейцев, прибывших 31 декабря 1937 года в Кустанай, около недели провели на вокзале без малейших признаков внимания к себе со стороны местных властей), недостаток жилья, воды, хлеба, медикаментов, поначалу — и недостаток хоть какой-нибудь работы (в ряде мест возникла угроза голодомора). В несколько лучшем положении находились колхозники (еще до переезда с ними рассчитались продуктами и деньгами), но рабочим и служащим пришлось особенно тяжело (расчет с ними был отложен до весны, но на деле не завершился и осенью 1938 года). Со временем все же налаживалась и хозяйственная жизнь: корейские колхозы занимались рисом и овощами, рыбой, в меньшей степени — хлопком и животноводством, тем более кочевым (хотя и к этому делу их, без особого успеха, тоже пытались приспособить).

Итак, целые районы на Дальнем Востоке основательно опустели. Лучшие помещения — школы — заняли красноармейцы и пограничники. Но с заселением опустевших земель дело шло туго, несмотря на создание в местном НКВД специального Переселенческого отдела. Кое-кто приезжал из Европейской части, кое-кто — по линии демобилизации 1936 года. На 1938 год планировался приезд на Дальний Восток 17,1 тыс. крестьянских хозяйств, из них 7500 — в Дальневосточный край (сам край был поделен в 1938 году на два — Приморский и Хабаровский). На деле же приехало всего 1027 хозяйств, а за 1937–1939 гг. — в общей сложности без малого 3700 хозяйств. Так что с хо-

¹³⁶ См.: Пашков, Дударец, 1994, с. 16, со ссылкой на: Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (Томск), ф. Р-2413, оп. 2, д. 804, л. 29, 183–184.

ду компенсировать демографический и хозяйственный урон от высылки корейцев не удалось. Не вполне удалось это и в годы войны, когда появились эвакуированные: из 27 тыс. завезенных в край хозяйств осело — без малого 17 тыс.

Переселение корейцев и их стягивание в Центральной Азии продолжалось в военные и послевоенные годы. Небольшое их число подселялось из других областей, в частности из Мурманской и Сталинградской (из Астрахани), а 10 января 1943 года Постановлением ГКО около 8 тыс. корейцев были демобилизованы из армии с последующей мобилизацией в рабочие батальоны и колонны (корейцев направили трудиться на шахты Мосбасса). После войны этих и остальных корейских трудармейцев переселили в места нового проживания основной массы корейцев. Не вполне ясно, что происходило с сахалинскими корейцами, оставленными японцами на острове после его передачи СССР.

Споры вызывал (и вызывает до сих пор) вопрос о статусе депортированных корейцев. Фактически их режим ничем не отличался от режима «спецпоселения». Однако, хотя в служебной переписке НКВД и СНК их нередко так и называют («спецпоселенцами»), все же в число спецпоселенцев они, по крайней мере строго формально, не входили. Более того, они не являлись и административно-высланными, поскольку мотивом их высылки была не репрессия, а «принудительное очищение» границы с Японией, оккупировавшей Корею и Манчжурию. В правовом поле 1930–х гг. ограничения свободы передвижения корейцев формально были незаконными. Но и этого мало: даже приказ Л. Берия по НКВД от 2 июля 1945 года, ставивший корейцев на учет как спецпереселенцев (правда, сроком на 5 лет, с проставлением соответствующей отметки в паспорте), не был «освящен» решением СНК или постановлением ПВС, так что вопрос об этой нелепой «формальности» обсуждался в кругах НКВД вплоть до 1949 года. Практическую ясность внесла только директива министра МВД С. Н. Круглова от 3 марта 1947 года, разрешавшая выдавать корейцам новые паспорта, но только с правом проживания в пределах Средней Азии, исключая, разумеется, приграничные районы.

Разумеется, в 1937–1938 гг. «зачистка» проводилась не только на западных и восточных границах Союза, но и на южных, в частности с Турцией, Ираном и Афганистаном. В июле 1937 года в **Средней Азии и Закавказье** на границах были организованы специальные запретные полосы, из которых отселялось население. К освобождению от «неблагонадежного элемента» предназначалось в общей сложности 40 приграничных районов Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. В частности, в Киргизию и Казахстан было выселено 1325 «приграничных» курдов.¹³⁷ В конце 1937 года из Армении и Азербайджана в Казахстан (в Алма-Атинскую и Южноказахстанскую обл.) прибыла 1121 семья курдов и армян¹³⁸.

По имеющимся данным, общее количество «нового контингента» депортированных в 1933–1937 гг. можно оценить примерно в 260 тыс. чел. Подавляющее большинство из

¹³⁷ Бугай, 1995, с. 17.

¹³⁸ Бугай, 1994в, с. 150–153.

Принудительные миграции до начала второй мировой войны (1919–1939)

них составили депортации типа «пограничных зачисток», около двух третей пришлось на операцию по выселению корейцев.

С точки зрения принудительных миграций 1938 и 1939 годы оказались более или менее спокойными. Так, 19 января 1938 года было принято решение о переселении 2 тыс. семей (или 6 тыс. чел.) **иранцев**, оформивших советское гражданство, из пограничных районов Азербайджанской ССР в Алма-Атинскую и Южноказахстанскую обл. Казахстана¹³⁹. Еще пример: **евреи-ираны** из Марыйской обл. Туркмении в 1938 году были депортированы в северную, пустынную часть области, в мало приспособленный для жизни человека природный пояс.

Но это затишье было зловещим. Положение резко изменилось с началом Второй мировой войны и вступлением в реальную силу геополитического сговора СССР и Германии относительно судеб стран Восточной Европы.

¹³⁹ Бугай, 1994в.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ (1939–1953)

Выборочные депортации с аннексированных территорий Польши, Прибалтики и Румынии в 1939–1941 гг.

Общепринято, что 1 сентября 1939 года, с нападения Германии на Польшу с запада, началась Вторая мировая война. 17 сентября, напад на Польшу с востока, в нее вступил и Советский Союз.

После оккупации Красной Армией в сентябре 1939 года восточных воеводств Польши, тотчас же превращенных в западные области «воссоединенных» Украины и Белоруссии, «зачистки» начались и в них. Испытать их на себе теперь предстояло польским, украинским, еврейским и прочим «националистам».

За действиями советских властей в Польше стояла мрачная двойная тень пакта Молотова–Риббентропа. По крайней мере основные контингенты на депортацию были предусмотрительно интернированы, иные даже осуждены; в их число входили, во-первых, пленные офицеры и солдаты (советская сторона их в качестве военнопленных не признавала), во-вторых, все жители пограничной полосы, от Вильно до Львова, а также лесники, железнодорожники, даже арестанты, в-третьих, все не успевшие скрыться «социально далекие» — воеводы, чиновники, полицейские, помещики, промышленники, торговцы. Их судили «тройки» и приговаривали к срокам от 8 до 20 лет по 54 или 58-й статье Уголовного кодекса.

Слухи же о грядущих депортациях **поляков** ходили еще с ноября 1939 года. Однако операции по их массовому выселению начались только в 1940 году (можно предположить, что помехой их более скорому осуществлению стала советско-финская война¹) и продолжены в 1941 году. Всего, согласно А. Гурьянову, было четыре последовательных и тщательно подготовленных операции, каждая практически осуществлялась за одни сутки: три в 1940 г. (10 февраля², 13 апреля (точнее, 9 и 13 апреля) и 29 июня — и одна в 1941 г. — в мае-июне). Этапирование эшелонов в глубь СССР отнимало от 2 до 4 недель. А. Гурьянов, изучавший этот вопрос на уровне отдельных эшелонов (всего их потребовалось 211), оценивает общее число депортированных по трем операциям 1940 года в 275 тыс. чел., из них 139–141 тыс. — в феврале, 61 — в апреле³ и 75 — летом.⁴

¹ Началась 30.11.1939.

² Интересно, что на середину февраля было намечено начало паспортизации местного населения аннексированных территорий (см.: *Филитов*, 1997, с. 56–57).

³ Н. Ф. Бугай называет иную цифру — 22–25 тыс. чел. (*Бугай*, 1995, с. 13)

⁴ *Гурьянов*, 1997а, с. 115.

Подготовка первой депортационной операции началась еще в 1939 году: так, 2 декабря 1939 года Берия предложил Сталину выселить до 15 февраля 1940 года из присоединенных районов всех «осадников» (своего рода польский вариант «казачества») и членов их семей.⁵ Официально контингент первой депортации так и назывался — «**спецпереселенцы-осадники**» (или, точнее, «осадники и лесники»). «Осадники», по официальной советской версии, — это «злейшие враги трудового народа»: бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года и получившие за это в 1920–1930-е гг. от благодарного отечества земельные наделы в восточных районах, населенных преимущественно белорусами и украинцами (85% «осадников» составляли поляки, но среди них было немало украинцев и белорусов).

Операции проводили ночью, между двумя и шестью часами. Не догадаться о приготовлениях было трудно, поскольку «скрыть» тысячи подвод с кучерами из местных жителей, сотни грузовиков и вагонов невозможно. Не застигнутых облавами на месте часто записывали выбывшими и оставляли в покое.

Еще 29 декабря 1939 года СНК утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Для их трудоустройства предполагалось создать подведомственные Наркомлесу спецпоселения в районах лесных разработок — преимущественно на Севере Европейской части, на Урале и в Сибири: в частности в Коми АССР, в Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Ивановской, Ярославской, Свердловской и Омской обл., в Алтайском и Красноярском краях⁶. С учетом того, что «по наводке» 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко⁷ в контингент были добавлены «лесники», как бы самой природой предназначенные для Наркомлеса, Берия предложил часть осадников использовать в системе Наркомцветмета на добыче золота и медной руды, что и было закреплено Постановлением СНК от 14 января 1940 года.

Часть самих «осадников», естественно, попала не в спецпоселки, а в лагеря и тюрьмы. Членов их семей, членов семей военнопленных, проституток, а также беженцев, оказавшихся на территории восточной Польши после 1 сентября 1939 года и изъявивших желание выехать на территорию, оккупированную немцами, но принять которых Германия отказалась, также надлежало выселить в глубь СССР. 10 апреля 1940 года было принято Постановление СНК и выпущена инструкция о порядке проведения выселения: семьи репрессированных и военнопленных — направлялись на 10 лет в Казахстан, беженцы — в северные районы, в спецпоселки при лесозаготовках, проститутки — в Казахскую и Узбекскую ССР.

Несмотря на распутицу, 13 апреля 1940 года состоялась вторая массовая облава и отправка «освобожденных» поляков: этот контингент назывался «**административно-высланные**». В него входили члены семей репрессированных польских офицеров,

⁵ Гурьянов, 1997а, с. 117.

⁶ Бугай, 1995, с. 12.

⁷ Именно он 23.12.1939 предложил включить в число переселяемых так называемых «лесников», или «сторожевую охрану лесов».

полицейских, жандармов, госслужащих, помещиков, фабрикантов и участников повстанческих организаций; среди них были и учителя, мелкие торговцы и даже крестьяне побогаче, пресловутые «кулаки». Интересно, что накануне, 9 апреля 1940 года, чести быть депортированными, причем отдельно от остальных, удостоились проститутки.⁸

Как вспоминала О. Хребтович-Бутеневич, в каждый дом посылали одну-две подводы и, как правило, двух солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, старались не грубить, даже паковать и грузиться помогали: брать с собой разрешалось до 100 кг, но фактически можно было и больше. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны: в вагоне — железная печка, нары в три этажа, у задней стены складываются вещи. Как выразился сотрудник НКВД в Актюбинске: *«Из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!»*⁹

Осужденных направляли в Северный Казахстан (в Актюбинскую, Кустанайскую, Североказахстанскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Акмолинскую обл., — как правило, на 10 лет), проституток — в Казахстан и Узбекистан, всех прочих беженцев — на север России¹⁰.

Что же касается депортации беженцев (этот контингент именовался **«спецпереселенцы-беженцы»**), то она была отложена на лето: только после 5 июня 1940 года — даты отъезда немецкой комиссии, принимавшей индивидуальные заявления граждан о переселении на территорию, контролируемую Германией, — к ней предстояло вернуться.¹¹ Это, в основном, были те бывшие польские граждане, которые бежали на восток от наступающего вермахта, подавляющее их большинство (около 85%) — евреи. В данном случае следует напомнить, что отказ немцев принять их и эта депортация спасли им жизнь.

Их рассматривали не как заклятых врагов (каковыми, кстати, считались «осадники»¹²), а как «интернированных эмигрантов», но некоторых, по их желанию и с согласия (а иногда и по требованию) немцев, передавали им. Соответствующее совместное Постановление СНК и ЦК ВКП(б) было издано 14 мая 1941 года. Одновременно оно предусматривало арест и 20-летнюю ссылку на поселение в отдаленные районы СССР членов семей «участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций» (в дальнейшем намечалось обсудить вопрос об аналогичной операции и в Западной Белоруссии).

Собственно говоря, депортации с территории аннексированных польских земель продолжались вплоть до нападения Гитлера на СССР. По расчетам А. Гурьянова, число

⁸ Филиппов, 1997, с. 53.

⁹ См.: Хребтович-Бутеневич, 1984, с. 48–53.

¹⁰ Бугай, 1995, с. 13.

¹¹ Гурьянов, 1997а, с. 120, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 57, л. 40–41. Именно на этот контингент и распространялись позднейшие Указ ПВС от 17.08.1941 об освобождении от спецпоселения поляков и директива НКВД от 19.07.1941 о разрешении им проживать на территории СССР, за исключением пограничных и запретных зон, а также мест, объявленных на военном положении и режимных городов.

¹² Это различие в отношении закономерно отразилось и в том, что смертность среди «осадников» была в несколько раз выше, чем у беженцев (см.: Земсков, 1990а, с. 5; Гурьянов, 1997а).

поляков, депортированных с февраля 1940 по июнь 1941 гг., составило в общей сложности от 309 до 321 тыс. чел.¹³ По данным Земскова, всего было депортировано 380 тыс. польских «осадников» и беженцев, хотя в таком случае на удивление низкой представляется оценка по состоянию на 1.04.1941 — 210 559 чел., из них осадников — 134 491 и беженцев 76 008 чел. Самый значительный контингент бывших польских граждан находился в Архангельской (около 51 тыс. чел.) и Свердловской (около 27 тыс.) обл., а также в Новосибирской обл., Коми АССР, Красноярском крае, в Вологодской, Ивановской и Молотовской обл. (от 20 до 10 тыс. чел.)¹⁴.

По некоторым самооценкам, всего из довоенной Польши в СССР было вывезено 1,6–1,8 млн. чел., не считая белорусов, литовцев и евреев. Количественно эта оценка, конечно, преувеличена, но качественно она безошибочна: польской администрации, польской армии и польской интеллигенции более не существовало.

Тем не менее нельзя не отметить, что вскоре после нападения Гитлера на СССР и установления официальных отношений с польским правительством в Лондоне Указами ПВС от 12 июля и 17 августа 1941 года многие поляки¹⁵ были амнистированы и освобождены из спецпоселения: им разрешалось свободное проживание, кроме пограничных и запретных зон, а также режимных городов. Из 389 382 подвергнутых репрессиям бывших польских граждан насчитывалось 120 962 осужденных и 243 106 спецпоселенцев. Из них 119 865 чел. — военнослужащих армии Андерса — в 1942 году были **эвакуированы в Иран**, а остальные 269 176 поляков были вывезены в более южные (по сравнению с теми, где они были ранее) районы и практически сосредоточены в Казахстане, Средней Азии, в Алтайском и Красноярском краях, а также в Свердловской и Челябинской обл. В январе 1943 года бывшие польские граждане были паспортизированы, большинство из них (более 165 тыс. чел.) получили советское гражданство, а около 26 тыс. — сохранили польское. По соглашению между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1943 года амнистия была распространена на всех бывших польских граждан на территории СССР, после чего на территории СССР начала формироваться еще одна польская армия¹⁶.

Летом 1940 года тень Молотова и Риббентропа накрыла самый северный и самый южный сектора европейской границы СССР. Следует подчеркнуть: **новой** европейской границы. Сосредоточенность на западном участке границы сохранилась, но депортации охватили уже, кроме территории бывшей Польши, еще и Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину.

¹³ Гурьянов, 1997а, с. 116.

¹⁴ Земсков, 1990а, с. 5, 7. Из 177 043 польских спецпоселенцев, по состоянию на 1.04.1941 (без учета 35 539 чел., проживающих в Казахстане, Красноярском крае и Вологодской обл.), около 97 тыс. составляли собственно поляки (54,6%), далее шли евреи (59 тыс. чел., или 33,3%), украинцы и белорусы — по 9 тыс. (5,1–5,3%). См.: Земсков, 1990а, с. 8.

¹⁵ Исключение составляли депортированные до 17.09.1939, дезертиры и преступники (Бугай, 1995, с. 192–193).

¹⁶ Бугай, 1995, с. 194–195.

14 июня СССР предъявил ультиматум Литве, а 16 июня — Латвии и Эстонии. Условия ультиматумов были приняты правительствами этих стран, соответственно, 15, 16 и 17 июня, и уже 17, 20 и 21 июня (в той же последовательности) в этих странах были созданы просоветские правительства¹⁷. 27–28 июня аналогичные события произошли и с Румынией, с той лишь разницей, что аннексии подверглась лишь часть ее территории — Бессарабия и Северная Буковина, причем вскорости (2 августа) Бессарабия была объединена с левобережной Молдавией в Молдавскую ССР.

23 июня 1940 года Берия издал приказ о переселении между 5 и 10 июля из Мурманска и Мурманской обл. **«граждан инонациональностей»**, к которым были причислены не только соседние народы — **финны, шведы и норвежцы** (их, в количестве 2540 семей, или 6973 чел., переселили в Карело-Финскую АССР), но и китайцы, немцы, поляки, греки, корейцы и т. д. (всего 675 семей, или 1743 чел.), направленные на Алтай.

В Прибалтике и Молдавии для организации депортаций потребовалось дополнительное время, поэтому здесь они начались несколько позже. Новая — краткая, но чрезвычайно мощная — волна депортаций развернулась только в конце мая 1941 года, всего лишь за месяц до начала войны.

Впрочем, подготовка к ним шла уже давно. Инструкция о проведении депортации антисоветских элементов из прибалтийских республик была подписана И. Серовым еще 11 октября 1939 года и дожидалась своего часа чуть ли не полтора года.¹⁸ В середине мая 1941 года Берия согласовал со Сталиным проект постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» (на стадии согласования к Литовской ССР были добавлены Латвийская и Эстонская).¹⁹ На этот раз «погромить» предлагалось бывших членов различных националистических партий, полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников, офицеров и уголовников, ведущих антисоветскую деятельность и используемых иностранными разведками в шпионских целях. Таких надлежало арестовывать, конфисковывать их имущество и направлять в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением на 20 лет в отдаленных местностях СССР. Там их дожидались бы уже члены их семей²⁰ (кроме уголовников), а также члены семей тех, кто осужден к высшей мере наказания или скрылся от правосудия и перешел на нелегальное положение (сюда же добавлялись прибывшие из Германии в порядке репатриации и немцы, записавшиеся на репатриацию, но в конце концов отказавшиеся выехать). Для интернированных предлагалось организовать специальные лагеря, где вершилось бы сталинское правосудие (или, как сказано в проекте постановления, — «оформление

¹⁷ Во главе с Ю. Палецкисом, А. Кирхенштейном и И. Варесом; советскими представителями при них были, соответственно, В. Деканозов, А. Вышинский и А. Жданов.

¹⁸ Ее текст, попавший в руки к немцам, стал достоянием гласности еще в 1941 г. (см.: These Names Accuse, 1982, р. XVIII и XXXVI–XXXI).

¹⁹ См. соответствующий проект от 16.05.1941 (РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 3, лл. 2–5).

²⁰ Интересно, что здесь же некоторое время должны были находиться и главы семей, предназначенные к аресту. Об их разделении, во избежание эксцессов, им, разумеется, заранее не сообщалось. Но и при депутации поляков вес предметов первой необходимости и продуктов, которые разрешалось взять с собой, не превышал 100 кг (см.: *Макшеев*, 1997, с. 106–108).

решений Особого совещания»). По обыкновению, несколько особый контингент составляли зарегистрированные проститутки: их направляли в северные районы Казахстана сроком на 5 лет.

На первый взгляд, более «экспромтной» выглядела молдавская операция. Но и к ней подготовка началась задолго до того, как ее официальный инициатор, уполномоченный ЦК и СНК по Молдавской ССР С. А. Гоглидзе попросил у Сталина разрешение на выселение около 5 тыс. активных контрреволюционеров с семьями (активистов буржуазных партий, помещиков, полицейских и жандармов, офицеров белой, царской и румынской армий, крупных торговцев, домовладельцев и примарей, или волостных старшин)²¹. Подготовка к операции была завершена к началу июня, и бериевская директива от 14 июня фактически лишь подводила черту под уже состоявшимися событиями.

Директива называлась «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР». План предусматривал арест и выселение около 30 885 бывших фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств из республик Прибалтики и Молдавии (все они, как правило, имели статус «**ссылнопоселенцев**»), а также 46 557 членов их семей. Их предполагалось депортировать: из Литвы — в Коми АССР, из Латвии — в Красноярский край, из Эстонии — в Алтайский край и Южноказахстанскую обл., из Молдавии (их в данном случае было большинство) — в Казахстан (Актюбинскую, Карагандинскую, Кустанайскую и Кызыл-Ординскую обл.) и Новосибирскую обл.

А вот краткий общий «график» фактических предвоенных депортаций 1941 года. 22 мая «контрреволюционеров и националистов» выселяли из Западной Украины, в ночь с 12 на 13 июня — из Молдавии, Черновицкой и Измаильской обл. УССР, 14 июня — из Литвы, Латвии и Эстонии, а в ночь с 19 на 20 июня — из Западной Белоруссии.

Из Западной Украины и Западной Белоруссии было выселено, соответственно, около 11 и 21 тыс. чел. (в первом случае — в Южноказахстанскую обл., в Красноярский край, в Омскую и Новосибирскую обл., во втором — в Красноярский и Алтайский края и в Новосибирскую обл.)²².

Из Молдавии и Черновицкой и Измаильской обл. УССР было переселено в Казахскую АССР, Коми АССР, Красноярский край, Омскую и Новосибирскую обл. более 30 тыс. чел. Применительно к Молдавии имеются более подробные данные. Там, в частности, к аресту и переселению было намечено 8–8,5 тыс. активных молдавских контрреволюционеров: 5 тыс. направлялись в Козельщанский лагерь и 3 тыс. в Путивльский. Членов же их семей (в количестве 33 тыс. чел.) ждало выселение, в основном, в Казахстан и Западную Сибирь: в Южноказахстанскую, Актюбинскую и Карагандинскую обл. направлялись 11 тыс. чел., в Новосибирскую обл. — 10 тыс. и в Кустанайскую, Кызыл-Ординскую и Омскую — еще 6 тыс. чел. (в качестве 6-тысячного резерва определялась Кировская обл.)²³.

²¹ См.: *Пассат*, 1994, с. 23.

²² Здесь и далее (если не оговорено иное) мы ориентируемся на округленные данные, впервые полученные А. Гурьяновым на основании поэшелонного анализа (*Гурьянов*, 1997б).

²³ См.: *Пассат*, 1994, с. 24–25.

Рис. 3. Принудительные миграции из районов, аннексированных СССР, 1940–1941 гг.

Условные обозначения

--- Контурь границ СССР до 17.09.1939

→ Обобщенные направления депортаций

Депортированные контингенты:

1 — спецпереселенцы-«косадники» из б. Вост. Польши (10.02.1940); 2 — административно-высланные из б. Вост. Польши (9–13.04.1940); 3 — спецпереселенцы-беженцы из б. Вост. Польши (29.06.1940); 4 — граждане и национальностей из Мурманской обл. (5–10.07.1940); 5 — ссыльнопоселенцы из Зап. Украины (22.05.1941); 6 — ссыльнопоселенцы из Молдавии, Измаильской и Черновицкой обл. (12–19.06.1944); 7 — ссыльнопоселенцы из Эстонии (14.06.1941); 8 — ссыльнопоселенцы из Латвии (14.06.1941); 9 — ссыльнопоселенцы из Литвы (14.06.1941); 10 — ссыльнопоселенцы из Зап. Белоруссии (19–20.06.1941)

Операция была начата в полтретьего ночи с 12 на 13 июня (по некоторым сведениям — 11 июня), на сборы давалось всего 2 часа. Несмотря на внезапность, фактически было арестовано и выслано гораздо меньше людей, чем планировалось (в частности, по состоянию на середину сентября 1941 года, из 85 716 высланных в ходе этой последней перед войной операции на выходцев из Молдавии приходилось 22 848 чел.). Кстати, и реальная география мест их вселения также отличалась от плановой: в Казахстане их было зарегистрировано 9954, в Омской и Новосибирской обл. — 6085 и 5787 чел., добавились Красноярский край (470 чел.) и Коми АССР (352 чел.)²⁴.

Из Литвы (17,5 тыс. чел.) депортировали в Новосибирскую обл., Казахстан и Коми АССР, из Латвии (около 17 тыс. чел.)²⁵ — в Красноярский край и Новосибирскую обл., а также в Карагандинскую обл. Казахстана, а из Эстонии (около 6 тыс. чел.) — в Кировскую и Новосибирскую обл.

Тем самым общее число депортированных из новых западных областей СССР достигало около 380–390 тыс. чел.²⁶ Регионами вселения стали Север Европейской части, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Казахстан и Узбекистан (см. рис. 3).

«Громадьё» депортационных планов этим далеко не исчерпывалось.

Но осуществиться им во всей полноте помешала война. На сей раз, после того как на рассвете 22 июня немцы перешли Буг, — война Великая и Отечественная.

Тотальные превентивные депортации советских немцев, финнов и греков в 1941–1942 гг.

То, что начало главной войны фактически совпало с одной из ставших рутинными операций по депортации граждан в отдаленные районы великого отечества, — в высшей степени примечательно. Чекистов, в отличие от пограничников, война врасплох не застала, и со своими задачами они справлялись довольно успешно и почти без потерь.

Уже в Указе ПВС «О военном положении», выпущенном 22 июня, военным властям в местностях, где было объявлено военное положение, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными. Соответствующую директиву НКВД Берия разослал 4 июля 1941 года: в ней, правда, было сказано, что при выселении указанных лиц следует проявлять осторожность, проверять имеющиеся данные и не выселять нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет²⁷.

²⁴ См.: *Пассат*, 1994, с. 25–26.

²⁵ В изданном в Стокгольме в 1951 г. и переизданном, с дополнениями, в 1982 г. мартирологе латвийских жертв сталинских репрессий 1941 г., включая и расстрелянных, и заключенных в тюрьмах и лагерях, содержится около 30 тыс. имен (см.: *These Names Occuse*, 1982).

²⁶ По данным С. Парсадановой, из этих районов было депортировано 1 173 170 чел., из них в промышленности были заняты 318 564, а в сельском хозяйстве — 418 569 чел. Смертность среди спецпоселенцев составляла более 16% (*Парсаданова*, 1989, с. 36).

²⁷ *Зайцев*, 1993, с. 112.

Тем не менее заложенная в указе идея — убрать подальше всех, кого побаиваемся или кому не доверяем, — оказалась в годы военного лихолетья весьма востребованной и результативной.

Приказом Военного Совета Западного фронта № 017 от 12 августа 1941 года была установлена 5-километровая *полоса боевых действий* (впоследствии расширенная до 25 км), с территории которой все гражданское население подлежало выселению²⁸.

17 ноября 1941 года — за подписями И. Сталина и Б. Шапошникова, начальника Генштаба, — вышел Приказ № 0428. Цитирую:

*«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать».*²⁹

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспрецедентным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, но победительной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения.

Классическим примером этого являются так называемые **«наказанные народы»**. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, **превентивные депортации** — это наказание даже не за потенциальное предательство, а за «...*принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война*»³⁰. В этом и заключается принципиальное отличие ситуации Второй мировой войны от Первой, когда депортации угрожали исключительно «враждебно-подданным», то есть гражданам государств, с которыми шла война. На этот раз удары пришлись по собственным гражданам, национальность которых совпала с титульной нацией врага, причем это относится не только к СССР, но и к США.³¹

Однако известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР — и те, кого превентивно или задним числом депортировали, и те, кого «не тронули». Так, в первые же месяцы войны были мобилизованы более 17 тыс. чеченцев и ингушей³², на фронт ушли 40 тыс. турок-месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тыс.

²⁸ Выполнять приказ должны были органы местной власти и «особисты» — работники особых отделов соединений и частей.

²⁹ Скрытая правда, с. 210–211, со ссылкой на: ЦАМО, ф. 353, оп. 5864, д. 1, л. 27.

³⁰ Бугай, 1985, с. 136.

³¹ Примечательно, что в самой Германии интернированию подверглись только граждане СССР, тогда как русские эмигранты первой волны никаким репрессиям или ограничениям не подвергались.

³² Бугай, 1990б, с. 33.

погибли³³. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 году на войне погибли 57 тыс.³⁴. Среди Героев Советского Союза — десять чеченцев и ингушей³⁵, девять немцев³⁶, восемь калмыков³⁷, один балкарец³⁸ и т. д.

Поэтому обвинения в «предательстве» были не только несправедливы, но и лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60–65 млн. чел. По меньшей мере более миллиона из них делали это весьма активно (а многие и просто с энтузиазмом), запятнав себя невымысленной изменой и кровью соотечественников: каждый из них по отдельности заслуживал обвинения в предательстве и пособничестве врагу, судебного разбирательства и, после выяснения всех обстоятельств, сурового наказания. Несомненно, что среди таких граждан были и представители позднее «наказанных народов», но подавляющее большинство среди них составляли украинцы и русские, за что эти народы в целом, как известно, тотального наказания тем не менее не понесли.

Но несправедливость не в этом, а в самом прецеденте «наказания народа», подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание **коллективной вины** и применение **коллективного наказания** по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.

Рассмотрим же последовательность принудительных миграций в СССР периода Великой Отечественной войны.

Самый первый депортационный удар пришелся по советским **немцам**, отнесенным к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла война. Подвергнуть перемещению пришлось около 1,2 млн. из примерно 1,5 млн. советских немцев. В СССР, по данным переписи 1939 года, насчитывалось 1 427 222 немцев, из них в городах проживало всего лишь около 1/5. Расселены по стране они были достаточно широко, тем не менее особенно крупные немецкие колонии (тыс. чел.) сложились в России (862,5), на Украине (392,7), в Казахстане (92,7), в Азербайджане (23,1) и Грузии (20,5). Внутри РСФСР они концентрировались в АССР Немцев Поволжья (366,7), в Омской обл. (59,8), в Крыму (51,3), в Орджоникидзевском (45,7) и Краснодарском (34,3) краях. За Уралом крупные немецкие колонии, как видим, были только в Казахстане, в Омской обл. и на Алтае.

Вопрос о высылке немцев, по всей видимости, возник не заблаговременно, а по ходу войны. Иначе трудно объяснить такой, например, факт, как приговор к шести годам лишения свободы, вынесенный 31 июня 1941 года Верховным Судом АССР НП заведую-

³³ Бройдо, Прохоров, 1994, с. 343.

³⁴ Алексеева, 1992, с. 93.

³⁵ Такаев, 1997, с. 98.

³⁶ Ауман, Чеботарева, 1994, с. 45.

³⁷ Бугай, 1995, с. 67.

³⁸ Мухажир Умаев (Азаматов, Темиржанов и др., 1994, с. 8).

щему овцеводарной фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусову с формулировкой: «за шовинистический выпад против немцев, проживающих в СССР». Между 13 июля и 15 августа в республике, как и повсюду, формировались отряды народного ополчения: в них записалось 11 193 чел., в том числе 2635 женщин. Обком ВКП(б) повсеместно проводил митинги, на которых принимались обращения к немецкому народу; еженедельно в Москву отсылались отчеты «о фактах патриотического и трудового подъема трудящихся АССР НП»³⁹, а 3 августа был создан республиканский фонд обороны страны, куда поступали пожертвования граждан. Не исключено, что некоторая «задержка» с депортацией немцев была связана с общими контрпропагандистскими иллюзиями советского командования по разложению вермахта, хотя такого рода нередко звучащих подозрений в избыточной наивности и доверчивости («не знал», «не мог себе представить» и т. п.) ни лично Верховный главнокомандующий, ни его испытанные политорганы не заслуживают.

Более рациональным объяснением задержки с депортацией представляется экономическое, а именно «виды на урожай»: сама АССР НП была весьма развитым аграрным районом, и ее плановое задание по хлебопашению на 1941 год было определено только 27 июня 1941 года. Будь наступление вермахта менее стремительным, вряд ли Сталин стал бы оставлять в Поволжье необуранный хлеб.

Но темпы наступления не согласовывались с Москвой. В тот же самый день, когда в Энгельсе был создан фонд обороны (3 августа), Сталин получил от командования Южного Фронта шифрограмму, где, в частности, сообщалось: «1. *Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.1941 встречались хлебом-солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов. Тюленев, Запорожец, Романов».*

Реакция Сталина была мгновенной и не оставляющей разночтений: «*Товарищу Берия. Надо выселить с треском*»⁴⁰. Тов. Берия подхватил образ и несколько расширил сферу действия «треска». Однако не исключено, что само по себе принципиальное решение о ликвидации немецкой автономии и о депортации всех немцев было принято еще в конце июля, в ходе негласного визита в республику Берии и Молотова⁴¹. После этого якобы НКВД был устроен провокационный «десант» парашютистов в немецкой форме, а в республике начали сворачиваться или закрываться газеты и журналы.

Непосредственная подготовка к депортации началась только после принятия 12 августа 1941 года совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о расселении немцев Поволжья в Казахстане. Но и тут произошла заминка, связанная, как мы думаем, с необходимостью хотя бы частично убрать урожай.

³⁹ Герман, 1996, с. 135–142.

⁴⁰ Кригер, 1997.

⁴¹ Документальных подтверждений визита нет.

Но факт остается фактом: практические распоряжения по «операции» были отданы только 26–27 августа. Всю операцию Л. Берия приказал провести между 3 и 20 сентября и создал оперативный штаб во главе со своим заместителем И. А. Серовым. АССР НП была объединена с Саратовской и Сталинградской обл. в единый с точки зрения депортации немецкий район, в который был направлен особый отряд в 13 100 бойцов под началом комбрига Кривенко, состоявший из сотрудников НКВД (около 1,5 тыс. чел.), милиции и красноармейцев. Все три области в тот же день были извещены, и на завтра Бюро обкома ВКП(б) приняло решение центра о депортации к неуклонному исполнению.

28 августа 1941 года в составе центрального аппарата НКВД был образован Отдел спецпоселений, создававшийся исключительно для приема и размещения перемещаемых немцев.⁴² И в тот же день (28 августа) вышел известный Указ ПВС «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: он был, собственно говоря, не более чем формальной данью «парламентской процедуре», как бы легитимизирующей и закрепляющей решения, уже принятые на Лубянке и в Кремле.

Этот Указ было бы чрезвычайно любопытно сравнить с высказываниями безвинно осужденного И. Белоусова, бывшего заведующего овцетоварной фермой бывшего колхоза им. Куйбышева бывшего Старо-Полтавского кантона. Во всяком случае он примечателен серьезным новаторством в области аргументации государственных решений: то, что раньше было применимо к отдельной личности — недоносительство, например, — впервые было отнесено к целому народу.

«...По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются десятки и тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, и случится кровопролитие, Советское Правительство по всем законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий ПВС СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

⁴² Его начальником был назначен И. В. Иванов. Отдел просуществовал недолго, и 14.11.1942 был упразднен, а его функции переданы Отделу трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД (Кожури, Петров, 1997, с. 31, 270–271).

"УТВЕРЖДАЮ"
НАУЧНЫЙ РАЙОННЫЙ
ИНТЕРНИКАЛ
15 АВГУСТА 1941г.

РЕСТРУКЦИЯ

ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ ПЕРЕСЕЛЕНИИ в АССР
НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ, САРАТОВСКОЙ и СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.

1. Переселение подлежат все граждане, по национальности немцы, проживающие в городах и сельских местностях АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.

Члены НКВД и НКВДН переселяются одновременно вместе с остальными.

2. Немцы, проживающие в указанных районах, исключаются из территории Кавказской ССР, Краснодарского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей.

3. Члены семей военнослужащих Красной Армии рядовыми и низшего звена подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах размещения преимущественно в первую очередь в жилищном и бытовом устройстве.

Полномочия и обязанности.

1. Утвержденные списки НКВД СССР области оперативные органы составляют и утверждают индивидуальные переселенческие профили, в состав которых входят: национальн РС НКВД, начальная фамилия

2. За несколько дней до операции вычисления оперативных органов по указанным областям оперативных троек выписывают посылки о возможности к отправке, разъясняя им порядок переселения. При этом ни в коем случае не допускать никаких споров и коллизийных вопросов, связанных с переселением.

Перечень лиц, подлежащих в немцах
семьях, подлежащих вывозу из области.

1. Члены семей, по национальности не являющиеся немцами, переселению не подлежат, в том числе по национальности солдаты с остальной частью семьи.

Например, русский военнослужащий, ушедший с фронта за границу. В призывном пункте исключен из списка, но имеет право выезда с семьи за границу.

4. В семьях, где глава семьи (муж) не является по возможности немцем, а жена - немка, в таком случае ~~семья не вывозится~~

2. В том случае, если отдельные члены семьи, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (выключены в больницу, командированы и т.п.), то также лица берутся на учет органами НКВД для последующего направления в какой-либо пункт отселения семьи.

Прожиточные операции.

1. Разрешать переселенцам брать с собой базовое имущество, личный хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается).

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим ГКО предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах».

30 августа, по распоряжению И. Серова, указ напечатали республиканские газеты «Большевик» (на русском языке) и «Nachrichten» (на немецком). Эта публикация позволила 1-му секретарю Обкома С. Малову (русскому по национальности) обратиться к Сталину с докладной запиской, где открыто говорилось о критическом отношении значительной части немецкого населения к указу, особенно к той его части, где утверждалось сокрытие в немецкой среде врагов советской власти. 5 сентября высшие должностные лица немецкой национальности в АССР НП — председатель СНК республики А. Гекман, председатель ВС К. Гофман и 3-й секретарь Обкома ВКП(б) Г. Корбмахер — были сняты с занимаемых постов⁴³, а 6-7 сентября была ликвидирована сама немецкая автономия на Волге (интересно, что при этом официально она так и не была упразднена!). Территория бывшей АССР НП была распределена между Саратовской (г. Энгельс и 15 кантонов) и Сталинградской (7 кантонов) обл. (переименования кантонов и населенных пунктов с немецкими названиями последовали 19 мая 1942 года).

К этому времени войска НКВД уже давно (с 29 августа) заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема осуществляемой ими депортации была следующей (раскроем ее в деталях, поскольку она, в общем и целом, выдерживалась и при других операциях).

В регионах комплектовались оперативные **тройки**, утверждаемые приказами НКВД СССР (в составе начальника местного НКВД, начальника милиции и секретаря комитета партии). Они, в свою очередь, комплектовали участковые оперативные тройки, составляли графики подачи вагонов, организовывали прием и посадку переселенцев.

Для составления списков депортируемых участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую выселяемую семью, с перечислением всех ее членов. Не подлежали депортации немки, бывшие замужем за представителями других народов⁴⁴. В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи. Главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи: в случае перехода кого-нибудь из них на нелегальное положение, он и остальные члены семьи будут репрессированы в уголовном порядке. На основании данных, полученных от участковых троек, областные тройки составляли графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава.

⁴³ 16 сентября А. Гекмана и Г. Корбмахера — «за дискредитацию указа» от 28.08.1941 — исключили из партии.

⁴⁴ Этот принцип выдерживался и при всех последующих депортациях. По другим данным, этот принцип впервые был применен только в октябре 1941 г. к немцам из Закавказья (*Бугай*, 1995, с. 41, со ссылкой на инструкцию, утвержденную приказом НКВД № 001487 от 11.10.1941).

Помимо оперативных троек, повсеместно создавались Комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев⁴⁵. В них включались председатель райисполкома, заведующий районным земельным отделом, уполномоченный Наркомата заготовок, представители конторы «Заготскот», районного финансового отдела или конторы Госбанка (им в помощь в каждом районе мобилизовали в порядке трудовой повинности не менее 50 счетных работников). Имущество переселяемых колхозов и МТС принималось по актам: колхозные постройки; сельскохозяйственные машины; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная продукция, как в убранном виде, так и на корню; подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, готовой продукцией, сырьем; денежные средства колхозов и т. д.⁴⁶ Кроме того, уполномоченные Наркомата мясомолочной промышленности СССР осуществляли приемку от колхоза и колхозников в счет выполнения «мясообязательств» по поставкам 1941 года, взыскания недоимок по мясу прошлых лет и замены мясом поставок других видов сельскохозяйственной продукции⁴⁷.

Для усиления охраны имущества колхозов на время проведения операции в помощь оперативным группам создавали группы работников из партийно-советского и комсомольского актива, а для последующей охраны имущества, ухода за скотом, посевами до вселения и создания новых колхозов выделялись группы колхозников, мобилизованных в порядке трудовой повинности из соседних областей или из лиц, прибывших по эвакуации из прифронтовой полосы.

Оценка личного имущества переселяемых немцев производилась особой Оценочной комиссией в составе уполномоченного НКЗема СССР, председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие имущество получали акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку⁴⁸.

⁴⁵ Соответствующая инструкция была утверждена СНК 30.08.1941 года в связи с депортацией из Поволжья, но без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР и в дальнейшем.

⁴⁶ Несмотря на фактическую ликвидацию немецких колхозов, государство предполагало получить от них все обязательные поставки. При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3% от оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом выработанных трудодней. Зерно, оставшееся после зачета в выполнение государственных обязательств и вычета подлежащего выдаче переселенцам, сдавалось уполномоченным НКЗема СССР государству по закупочным ценам. Часть сдаваемого зерна оставалась в колхозах как семенной и фуражный фонд для вновь вселяемых колхозников. В случаях задолженностей колхоза долг переносился на вновь создаваемое на этой территории хозяйство. Неубранный урожай сельскохозяйственных культур принимался со скидкой 30% на расходы по уборке урожая, его хранения и транспортировке. Средства, полученные от реализованной продукции, обращались в погашение всех взятых у государства денежных ссуд (независимо от сроков их погашения), налогов, сборов и страховых платежей. Денежные средства колхозов поступали в распоряжение местных органов власти для укрепления вновь образующихся в данной местности колхозов.

⁴⁷ На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живой массы. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот. На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчиком обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам.

⁴⁸ По свидетельству немцев — жителей колоний Каново, Карлсфельд (х. Зеленая Роща), колхозов Ленинфельд, Роте-фане, Рот-фронт (с. Кочубеевское), г. Ставрополя — акт приемки личного имущества носил формальный характер (сообщено Т. Н. Плохотник).

Принудительные миграции в годы и после окончания второй мировой войны (1939–1953)

ЗАПИСНИК НА ГЛАВУ СЕМЬИ

1-14

1. Имя <u>Борн</u>	Абт.
2. Имя, фамилия <u>Карлос Борн Каскович</u>	Голуб.
3. Год рождения <u>1886</u> 4. Место рождения <u>с. Гольдберг, Рязанская обл. СССР</u>	Родн.
5. Профессия <u>Кочер</u>	Служ.
6. Место рождения (страна) <u>с. Гольдберг, Рязанская обл. СССР</u>	Служ.
7. Год рождения <u>1911</u>	Дата рождения
8. Место рождения <u>Улан-Удэ, Бурятия, СССР с 24 августа 1949</u>	Служба (содержание)

Подпись: М. А. Айфельд

Для этой фамилии записаны:

1. Имя <u>Борн</u>	Абт.
2. Фамилия, ветеранское имя <u>Карлос Борн Каскович</u>	Голуб.
3. Год рождения <u>1886</u> 4. Категория <u>Служба</u>	Родн.
5. Категория <u>Кочер</u>	Служ.
6. Место рождения (страна) <u>с. Гольдберг, Рязанская обл., СССР</u>	Дата рождения
7. Год рождения <u>1911</u>	Дата рождения
8. Место рождения <u>Улан-Удэ, Бурятия, СССР с 24 августа 1949</u>	Дата рождения

Карточка создана
(подпись)
31. Август 1941

Имя, фамилия	Год рождения	Служба
<u>Борн Карлос Борн Каскович</u>	<u>1886</u>	<u>Кочер</u>
<u>Борн Карлос Борн Каскович</u>	<u>1911</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Александр Каскович</u>	<u>1926</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1924</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1926</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1930</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1938</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1939</u>	<u>Служба</u>
<u>Борн Карлос Каскович</u>	<u>1941</u>	<u>Служба</u>

Общая сумма: Служба

Члены семьи:

Имя, фамилия, ветеранское имя	Год рождения
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1880</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Александр, Карлос</u>	<u>1922</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1921</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Вильгельм, Карлос</u>	<u>1900</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>
<u>Борн Людвиг, Вильгельм</u>	<u>1901</u> <u>Служба</u>

Зем. № 002 10.0.41 Бурятия

Бюро: Улан-Удэ, Бурятия, СССР с 24 августа 1949

Учетная карточка на главу семьи немецких спецпереселенцев (собрание А. Айфельда, Геттинген)

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие на один месяц — всего весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы были крайне сжаты, и перед отправкой успевали подготовить минимальный запас продуктов (забивали скот, делали колбасы, выпекали хлеб).

Несмотря на отдельные сбои, операция по выселению осуществлялась в целом по плану, в намеченные сроки, то есть между 3 и 20 сентября. Всего было выселено 438,7 тыс. чел., в том числе из АССР НП — 365,8, из Саратовской обл. — 46,7 и из Сталинградской обл. — 26,2 тыс. чел. (см. рис. 4). Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую обл.: плановые показатели составляли, соответственно (но без Казахстана), 21,5, 27,2, 28,6 и 24,3 тыс. семей. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания, но известны и отдельные исключения (например, Томск, входивший тогда в состав Новосибирской обл.)⁴⁹.

По всей видимости, первыми физически депортированными советскими немцами стали все же не поволжские, а крымские. Их уже в конце августа в спешке вывозили из **Крыма** в Ростовскую обл. и в Орджоникидзевский край⁵⁰. Чисто юридически эта депортация, вероятно, имела видимость *эвакуации*, но несколько необычной эвакуации — по этническому признаку. Позднее — уже из Ставропольского края — их депортировали еще раз.

Практически сразу же вслед за Указом от 28 августа власти приступили к аналогичным репрессиям против немцев в других регионах страны. Первой в этой «региональной» серии стала операция по немедленному переселению немцев и финнов из Ленинградской обл. Подавляющее большинство тут составляли финны (89 из 96 тыс. чел.⁵¹). Переселили их из Ленинградской обл. — в Красноярский край и Новосибирскую обл. (по 24 тыс. чел.), Омскую обл. (21), Казахстан (15) и Алтайский край (12 тыс. чел.). Соответствующее донесение Сталину было датировано 29 августа⁵², а приказ по НКВД — 30 августа, после чего вал антинемецких операций покатился дальше.

В сентябре было еще три постановления ГКО: первое (от 6 сентября) было посвящено переселению немцев из *Москвы* и *Московской обл.* (8617 чел.) и *Ростовской обл.* (21 400 чел.) в Казахстан⁵³, причем городских жителей расселяли в городах, но не выше райцентра. Эта операция осуществлялась практически синхронно с выселением из Поволжья — между 10 и 20 сентября⁵⁴.

⁴⁹ См.: Чебыкина, 1999, с. 120–121.

⁵⁰ Бугай, 1995, с. 39–40.

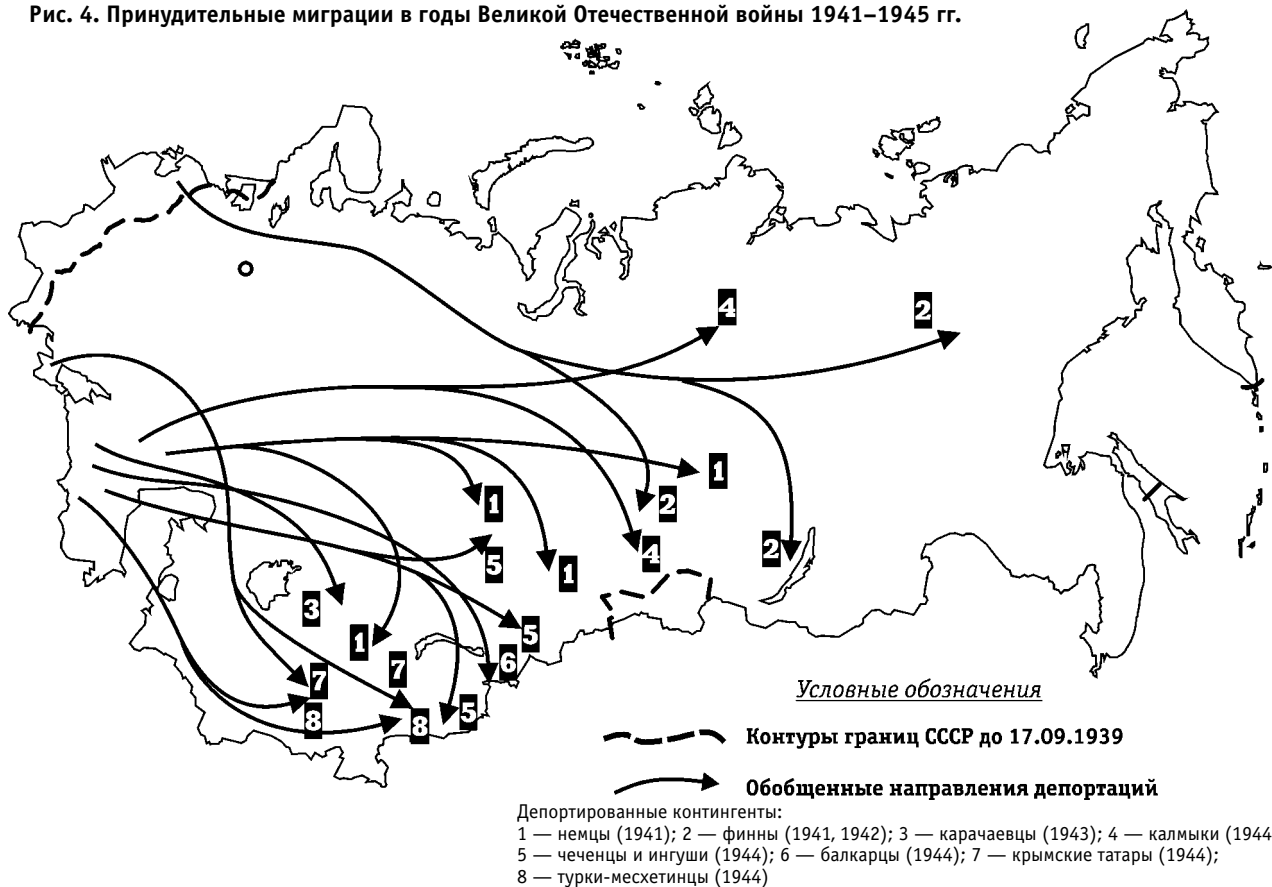
⁵¹ См.: Eisfeld, Herdt, 1996, s. 58.

⁵² См. донесение В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина и А. А. Жданова И. В. Сталину от 29.08.1941 (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.)

⁵³ По другим данным (Бугай, 1995, с. 44–45, табл. 2), немцы из Ростовской обл. поступали также в Новосибирскую обл. и Алтайский край.

⁵⁴ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 161–162, 164 (по данным Т. Н. Плохотник, между 15 и 20 сентября). При этом допустимый вес имущества и провизии составлял всего 200 кг (против 1000 кг в Поволжье).

Рис. 4. Принудительные миграции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Постановление от 21 сентября касалось немцев *Северного Кавказа* и *Тульской обл.* Выселению — в срок с 25 сентября по 10 октября — подлежали: в Орджоникидзевском крае — 95 489 (в Красноярский край), в Краснодарском — 34 287 (в Новосибирскую обл.), в КБ АССР — 5327, в СО АССР — 2929, в Тульской обл. — 3208 чел.⁵⁵

Постановление от 22 сентября было по *Запорожской обл.* (63 000 чел.), *Сталинской* (41 000) и *Ворошиловградской* (5487): всех выселяли в Казахстан, первыми — между 25 сентября и 2 октября — из Запорожской в Актюбинскую обл. (по пути их оставили в Астраханской обл. для строительства дороги), остальных — между 25 сентября и 10 октября — в Кустанайскую обл.⁵⁶ Добавим, что 8 сентября 1941 года Сталин распорядился и об «изъятии» *военнослужащих* немецкой национальности из действующей армии.

Еще три постановления ГКО вышли в октябре, из них два — датированы 8 октября. Первое посвящено немцам, высылаемым между 15 и 22 октября из *Воронежской обл.* в Новосибирскую и Омскую (5125 чел.), второе — немцам, высылаемым между 15 и 30 октября из *Закавказья* в Казахстан и Новосибирскую обл. (в том числе из Грузии — 23 580, Азербайджана — 22 741 и из Армении — 212 чел.). Отдельного постановления — от 22 октября 1941 года — удостоились *Дагестан* и *Чечено-Ингушетия*: соответственно, 4000 и 574 немцев оттуда выселялись между 25 и 30 октября в Казахстан⁵⁷.

Еще два распоряжения СНК аналогичного содержания вышли в ноябре — о переселении немцев из *Калмыцкой АССР* (2 ноября 1941 года) и *Куйбышевской обл.* (21.11.1941) в Казахстан и из пограничных районов в тыловые в пределах *Читинской обл.* (21.11.1941)⁵⁸. В марте 1942 года выселения немцев производились в *Харьковской*, *Крымской*, *Одесской*, *Днепропетровской*, а также в *Калининской обл.*⁵⁹

Таким образом, немцев в СССР депортировали практически отовсюду, откуда это было возможно по обстоятельствам войны. Все немецкое население, кроме доставшегося врагу, было вынуждено сконцентрироваться к востоку от Урала. К 25 октября 1941 года из 873 578 немцев, подлежащих выселению «по государственному заданию», действительно депортировано было 856 168, или 98%. К началу 1942 года на спецпоселении числилось 1031,3 тыс. немцев, из них 800 тыс. составляли те, кого депортировали из Европейской части СССР (почти поровну поделались они между Казахстаном и Сибирью), а 231,3 тыс. — «местные» немцы (те, кого депортации подвергать не стали)⁶⁰: переведя в спецконтингент, их физически не трогали, оставляли на месте. Всего же за 1941–1942 гг. было взято на учет 1 209 430 чел., из них 856 340 — переселенные «по государственному заданию», 48 001 — мобилизованные и 203 796 репатриированные

⁵⁵ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 164–165. Место высылки не указано.

⁵⁶ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 165. См. также: Бугай, 1995, с. 44.

⁵⁷ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 166–168 (по другим данным, между 22 октября и 10 ноября 1941 г.).

⁵⁸ Бугай, 1995, с. 45.

⁵⁹ Бугай, 1995, с. 45.

⁶⁰ Накануне войны на этих территориях проживало 226 тыс. немцев, из них большинство в Казахстане (92 тыс. чел.), в Омской обл. (59 тыс. чел.) и на Алтае (29 тыс. чел.). См.: Eisfeld, Herdt, 1997, с. 45–46.

(представляется, однако, что это скорее всего «местные»)⁶¹. Около 36,7% (444 005) разместились в Казахстане, из них «по государственному заданию» — 333 775 чел.⁶² (главным образом, в казахских, реже в русских или украинских колхозах). Таким образом, огрубленная оценка численности собственно **депортированных немцев** составила около 905 тыс. чел.

Существенным вопросом стало трудоустройство немцев в местах нового расселения. Одним из способов его «рационального решения» стала трудовая мобилизация немцев и формирование на время войны так называемой Трудовой армии⁶³, «бойцы» которой направлялись для трудоустройства в районы, как правило, удаленные от мест учета их семей на спецпоселении. Трудармейцы организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа, что с самого начала до чрезвычайности напоминало позднейшую организацию трудоустройства совершенно других немцев, а именно: военнопленных, а также интернированных. Смертность среди трудармейцев была выше, чем просто на спецпоселении, хотя и оставленным без них немцам-старикам и детям приходилось очень тяжело в полугодных колхозах военного времени⁶⁴.

К формированию трудармии приступили еще в сентябре 1941 года, когда строительные батальоны НКВД были реорганизованы в рабочие колонны с казарменным проживанием и лагерным распорядком. За этими формированиями неофициально закрепился термин, ныне бытующий уже вполне официально: **«трудармия»**. Первыми «мобилизованными» в нее немцами стали отозванные из действующей армии немцы-красноармейцы. Их сначала зачисляли в спецпоселенцы, но не демобилизовывали, а направляли в «трудармию», сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудовой деятельности и лагерного режима содержания⁶⁵.

К началу 1942 года трудармия насчитывала уже 20,8 тыс. немцев. Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 года (а также от 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 года)⁶⁶ придали этому совершенно новое измерение и означали практически сплошную «мобилизацию» трудоспособных немецких спецпоселенцев в трудармию. При этом если в первых двух случаях речь шла только о мужчинах от 17 до 50 (в первом случае — о депортированных, во втором — о «местных»), то в третьем — о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных и имеющих малолетних (до 3-х лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботажи карали сурово, вплоть до расстрела.

Для многих это означало фактически вторую за короткий промежуток депортацию.

⁶¹ К концу войны на спецпоселении числилось уже 949 829 немцев, а за послевоенное время к ним прибавилось 120.192 чел. репатриированных (Земсков, 1990а, с. 8).

⁶² Бугай, 1995, с. 42, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 641, л. 76; д. 83, л. 148.

⁶³ Официального употребления термин «трудармия» не имел, на основании чего член Коллегии Министерства юстиции СССР О. В. Бойков в датированной 20.09.1990 «Справке» отказал имевшему широкое хождение термину «трудармеец» в статусе особой категории работников (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 333–334).

⁶⁴ См.: Вылцан, 1995, с. 32–33, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 271.

⁶⁵ См.: Чебыкина, 1999; Маламуд, 1999.

⁶⁶ См.: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 168–175.

Первая мобилизационная «волна» (проводилась с 10 по 30 января) рассчитывалась на 120 тыс. чел. (из них 45 тыс. — для использования на лесозаготовках, 40 тыс. — на строительстве железных дорог и 35 тыс. — на строительстве Бакальского и Богословского заводов), вторая — на 40–45 тыс. чел., а третья — принесла 123,5 тыс. чел., в том числе 52,7 тыс. — женщин: немки направляли по разверстке Наркомнефти, а немцев (среди них преобладали, естественно, подростки 15–16 и мужчины 51–55 лет) — на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь».⁶⁷ Четвертая волна (с мая по сентябрь 1943 года) «нацедила» всего-навсего 5,3 тыс. мужчин и 9,8 тыс. женщин, причём под горячую руку забирали и беременных, и малолеток 14 лет, и стариков.

К началу 1944 года в рабочих колоннах НКВД числилось около 222 тыс. немцев-трудармейцев, из них 101 тыс. чел. трудились на стройках НКВД, а труд остальных использовался другими наркоматами. Ко времени ликвидации рабочих колонн (и, соответственно, лагерного режима) в январе 1946 года⁶⁸ через них прошло в общей сложности 316,6 тыс. советских немцев. Исходя из допущения, что по крайней мере треть из них принадлежала к контингентам демобилизованных из Красной Армии или «местных» и, следовательно, до этого не была затронута принудительными миграциями, мы получаем приблизительно суммарную оценку депортированных советских немцев, равную 1,05 млн. чел.

Статус же спецпереселенцев для всех советских немцев был еще раз подтвержден Постановлением СНК от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом ПВС от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (самовольный побег, согласно этому указу, карался 20 годами каторжных работ). Трудармия была ликвидирована в начале 1946 года, но «освободившиеся» при этом трудармейцы оставались прикрепленными к тем предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом переехать в общежитие за зоной и выписать к себе семьи.

Отметим, что кроме немцев в трудармию мобилизовывались также **финны, румыны, венгры и итальянцы** — граждане СССР титульных национальностей противника: их общее число составляло около 400 тыс. чел., из них 220 тыс. использовалось в системе НКВД и 180 тыс. чел. — в других наркоматах⁶⁹.

Кроме немцев депортации превентивного характера подверглись также **финны-ингерманландцы**, в первый раз — напомним, выселенные из приграничных районов Ленинградской обл. и Карелии еще в 1935 году, а во второй — вместе с немцами —

⁶⁷ Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» и «О развитии промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (октябрь 1942 г.) немцы привлекались на работу и в рыбные промыслы.

⁶⁸ См. Пр. НКВД № 3/0-39 от 5.01.1946 о ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности (*Бугай*, 1995, с. 55, со ссылкой на: *ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 148, л. 162*).

⁶⁹ *Кокурин*, 1995, с. 64. Отметим, что фактически трудармейцы находились на учете в ГУЛАГе, а не в Отделе спецпоселений НКВД.

выселенные из Ленинградской обл. в сентябре 1941 года. Но финнов тогда эвакуировали не всех, а оставшихся, по решению Военсовета Ленинградского фронта, выселяли из Ленинграда и его окрестностей в марте 1942 года, в частности 9 и 26 марта: так, с 27 по 29 марта 1942 года было выселено 3,5 тыс. семей, или около 9 тыс. чел.⁷⁰ Их направляли, в основном, в весьма отдаленные районы — в Иркутскую обл., Красноярский край и Якутскую АССР, многих использовали в рыболовецких колхозах на Лене и ее притоках. Финны при этом считались административно-высланными, и лишь после 29 декабря 1944 года они были поставлены на учет как спецпереселенцы⁷¹. 3 апреля 1942 года ГКО постановил очистить ряды действующей армии от финнов и перевести их в рабочие колонны НКВД.

По не вполне понятным причинам к числу превентивно депортированных народов были отнесены и **греки**⁷². Директивой Берии от 4 апреля 1942 года предписывалось очистить от иностранноподданных и от «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» города и районы традиционного проживания греков в Крыму и на Кавказе — Керчь, Темрюк, Таманский полуостров, Анапу, Новороссийск. Постановление ГКО от 29 мая 1942 года расширило этот список за счет Армавира, Майкопа, а также ряда районов и станций Ростовской обл. и Краснодарского края; кроме того, оно существенно обогатило и контингент высылаемых (в административном порядке) лиц — за счет внесения в их перечень, кроме немцев, еще и **греков-иностранноподданных, румын и крымских татар**⁷³.

С учетом этих контингентов, а также финнов, выселенных в 1941 году, и не-немецких трудармейцев, общее число превентивно-депортированных в 1941–1942 гг. можно оценить в 1,2 млн. чел.

Вместе с тем заметим, что в военное время линия фронта соответствует государственной границе, поэтому с некоторой долей условности превентивные депортации финнов, греков, румын, татар (и в гораздо меньшей степени немцев) можно рассматривать и как своего рода пограничные зачистки, предупреждающие нежелательные для «зачищающих» последствия.

Тотальные депортации «возмездия» народов Северного Кавказа и Крыма в 1943–1944 гг.

Последующие операции носили уже не профилактический характер, а были как бы акциями «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства. Непосредственно они затронули еще шесть народов — карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар⁷⁴.

⁷⁰ По др. данным — около 40 тыс. финнов (см.: *Курапцева Н.* «...И Мухин, сын Суокаса» // Смена (Ленинград). 1991. 26 июня).

⁷¹ *Бугай*, 1995, с. 192.

⁷² *Земсков*, 1990а, с. 16.

⁷³ См.: *Коцонис*, 1997, с. 83–88.

⁷⁴ Тут, возможно, было бы уместно хотя бы в сноске упомянуть еще об одном вероятном депортационном замысле НКВД — датированном 22.06.1944 плане выселения всех проживавших под оккупа-

Еще в 1943 году вторыми и третьими (вслед за немцами) карающий удар органов НКВД/МГБ приняли **карачаевцы** (в ноябре) и **калмыки** (в самый канун Нового года).

Так, карачаевцы пострадали за то, что они (в указе сказано «многие карачаевцы») — вели себя «...предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь».⁷⁵

«Вина» же калмыков была в том, что они «...изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам советской власти по восстановлению разрушенного немецкого хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население...».

Согласно Всесоюзной переписи 1939 года, на территории Карачаевской АО (в составе Орджоникидзевского края) проживало 75 763 карачаевца. С начала августа 1942 и по конец января 1943 года она находилась под оккупацией. Партизанское антигерманское движение было пресечено, чему активно способствовал и сотрудничавший с оккупантами так называемый «Карачаевский национальный комитет» (уже после ухода немцев, в январе-феврале 1942 года, этот Комитет организовал восстание против Советской власти в Учкуланском районе).

После того как Микоян-Шахар (современный Черкесск) и остальные районы области были освобождены, операциями по борьбе с антисоветскими партизанами (в частности, с «Балыкской армией» в верховьях реки Малки и др.) руководил лично заместитель Берии И. Серов. 15 апреля 1943 года НКВД и Прокуратура СССР издали совместную директиву, на основании которой 9 августа 1943 года за пределы области было выслано 110 семей (472 чел.) карачаевских «бандглаварей» и «активных бандитов» вместе с се-

цией украинцев, причем не из западных областей УССР, а из Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и др. (см.: Алиева, 1993, т. 3, с. 140–141, со ссылкой на: ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 70, спр. 997, арк. 91; к сожалению, уточнить даже название архива не удалось), а резонанс на этот, по праву претендовавший бы на подлинную сенсационность, документ отсутствует. В любом случае этот замысел в жизнь воплощен не был.

⁷⁵ Отдельным авторитетным исследователям проблемы депортированных народов такого рода «обоснований» показалось недостаточно, и они прибавили «от себя» сюрреалистический фактор предупреждения дезертирства карачаевцев из Красной Армии. Еще один «неотразимый» аргумент — немецкая агентурная сеть, насчитывавшая, по некоторым сведениям, до 1234 чел. на весь Северный Кавказ: даже из 302 вражеских парашютистов, зафиксированных Управлением НКВД по Ставропольскому краю, около 200 были карачаевцами. (См.: Бугай, Гонов, 1998, с. 121). Страшно подумать, что было бы, узнай Сталин и Берия, что среди «дезертиров» и «агентов» есть и представители русского народа!

мьями⁷⁶. Судя по этой «адресной» акции, направленной против конкретных врагов Советской власти и членов их семей, до осени вопрос о тотальной депортации народа в целом, возможно, еще и не стоял на повестке дня.

В сентябре же, по данным А. С. Хунагова, положение изменилось, и в Москве прорабатывался план тотальной депортации карачаевцев в Джамбульскую и Южноказахстанскую обл. Казахстана и Фрунзенскую обл. Киргизии⁷⁷. И наконец, в октябре первый «опыт» с адресной высылкой получил творческое развитие и был распространен на **весь карачаевский народ**. 12 и 14 октября 1943 года вышли указ и постановление о поголовном выселении карачаевцев, ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории. Вся территория области (9 тыс. кв. км) была поделена между самим Ставропольским краем (районы Зеленчукский, части Микояновского и Преградненского, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский, позднее переименованный в Кисловодский), Грузией (Учкуланский и часть Микояновского районов) и Краснодарским краем (часть Преградненского района). 6 ноября 1944 года было принято Постановление СНК о порядке заселения бывшей Карачаевской АО. Со временем последовали и переименования карачаевских топонимов⁷⁸.

Для силового обеспечения депортации карачаевцев были задействованы войсковые соединения общей численностью в 53 327 чел.⁷⁹ Поскольку план по депортации рассчитывался на 62 842 чел., из них только 37 429 — взрослого населения, то на каждого взрослого безоружного карачаевца, включая женщин, приходилось чуть ли не по два вооруженных чекиста.

Большая их часть предназначалась к отправке в Казахстан и Киргизию. Сама же депортация состоялась 2 ноября 1943 года, и с учетом довыявленных план был даже перевыполнен: выселено 69 267 чел. В Казахстан было завезено 12 342 семей, или 45 501 чел., в основном в Южноказахстанскую и Джамбульскую обл. (25 212 и 20 285 чел.), еще 22 900 чел. привезли в Киргизию, кроме того небольшие группы — в Таджикистан, Иркутскую обл. и на Дальний Восток⁸⁰. Неприкрытой издевкой звучит следующая «статистика»: среди депортированных находилось 53 легализовавшихся бандита, 41 дезертир, 29 уклонившихся от призыва и 184 бандпособников⁸¹.

Впоследствии на месте было довыявлено и депортировано 329, а в других районах Кавказа еще 90 карачаевцев; кроме того, 2543 чел. было демобилизовано из Красной Армии: вместо дома они тоже попали в спецкомендатуры⁸².

Какая угроза советской власти исходила от карачаевских детей и карачаевских красноармейцев — бог весть, но одним из наиболее заслуженных специалистов в области

⁷⁶ Бугай, 1995, с. 61.

⁷⁷ См.: Бугай, Гонов, 1998, с. 127.

⁷⁸ В частности, Микоян-Шахар был первоначально переименован в Микояни, а затем в Клухори, каковое имя он и носил до своего переименования в Черкесск 8.01.1957.

⁷⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 128.

⁸⁰ Бугай, 1995, с. 62–66.

⁸¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 128, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9478, оп. 1, д. 229, л. 70.

⁸² Бугай, Гонов, 1998, с. 129.

№ 115/100^д
10.10.1943

У Н А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации Карачаевской автономной области и
административном устройстве ее территории.

В связи с тем, что в границе существующих совхозно-колхозных административных территорий Карачаевской автономной области, многие карачаевцы вели себя предательски, вступая в преступные союзы с врагами для борьбы с советской властью, предательски помогая частным советским гражданам, сотрудничая и предавая врагу советским рабочим, вступаясь через перевалы на Западном Кавказе, а также вступая в союзы с контрреволюционными элементами советской власти на территории, переходя от органов власти Советов в Карачаевской автономной области, оказывая им помощь и т.д., Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Всех карачаевцев, проживавших на территории области, перенести в другие районы СССР, в Карачаевскую автономную область ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР подолжить распоряжения в необходимых местах поселения охватить и включить на необходимый государственный уровень по административному устройству.

2. В связи с ликвидацией Карачаевской автономной области:

а) Отменить в составе Ставропольского края Зеленчукский, Юго-Донгульский и Мало-Карачаевский районы бывшей Карачаевской автономной области, включая эти районы Ставропольскому краю по административному устройству существующим трудящимся.

Мало-Карачаевский район переименовать в Каландарский районский район.

б) Включить Президиумский район бывшей Карачаевской автономной области в состав Шотландского района, Краснодарского края - с Юга, Югозапад и Востока и существующий граждан, а на Севере определить восточную границу района по линии: начиная от селения Кумана, Краснодарского края, далее через хутора 1104, 1064, включая селение Круглый, хутора 1174, 1030, с западом на границу западной Карачаевской автономной области в районе хутора 1248.

Остаточную территорию Президиумского района со ставкой Президиумской волости в состав Зеленчукского района, Ставропольского края.

в) Переименовать часть Мезенковского района бывшей Карачаевской автономной области в составе Грузинской ССР, образованная на указанных районах новой Кабардинский район с центром в г.Новая-Шахаре.

г.Новая-Шахара переименовать в город Едугора.

Уточнить в Кабардинском районе существующую границу между РСФСР и Грузинской ССР: с Югозапада - по существующей границе с Мезенковского района, далее на Восток - северные города Едугора, и далее по реке Мира, включая селение Н.Мира, с западом на границу с Грузинского района, далее селения Н.Мира и далее на Юг по существующей восточной границе с Грузинского района.

Отдельную часть территории в северной части с.Мезенковского района включить в состав Юго-Донгульского района Ставропольского края.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - *М.М.Степанов*
(М.М.Степанов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А.И.Степанов*
(А.И.Степанов)

Исполн. Трапезин
12 октября 1943 г.
Л.№ 800/1.

депортаций народов описанная выше многоходовая операция НКВД по депортации карачаевцев квалифицируется всего лишь как «*олицетворение административно-командной системы*» и как «*жесткая форма управления национальными группами и целыми народами*».⁸³ На наш взгляд, это чудовищное беззаконие и преступление против человечности, сродни тем, что рассматривались в далеком от Дзямбульской обл. Нюрнберге международным трибуналом.

Следующими в этой жестокой очереди стояли **калмыки**. Согласно переписи 1939 года, общая численность калмыков в СССР составляла 134 402 чел., кроме Калмыцкой АССР немало калмыков проживало в Сталинградской обл. и в Ставропольском крае. Были они, в основном, кочевниками и животноводами.

В начале августа 1942 года большая часть улусов (районов) Калмыкии, включая ее столицу — г. Элисту, была оккупирована. Около 25% населения ушло вместе со скотом за Волгу и в неоккупированные улусы. Освободили Калмыкию только в начале 1943 года.

Решение о депортации калмыков как «средства урегулирования межнационального конфликта» было ускорено обвинениями в сдаче в плен 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. 27–28 декабря 1943 года были издан Указ ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и Постановление СНК о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую обл. На большей части территории бывшей Калмыцкой АССР была образована Астраханская обл.⁸⁴, по два района были переданы Сталинградской⁸⁵ и Ростовской обл.⁸⁶, один район — Ставропольскому краю⁸⁷, еще 211 га пастбищных угодий («Черные земли») перешли в пользование дагестанских колхозов. Сама Элиста была переименована в г. Степной. Позднее районы с калмыцким населением ликвидировались и в других местах, в частности, Калмыцкий район Ростовской обл. (9 марта 1944 года), Приютнинский район Ставропольского края, отошедший к нему при ликвидации Калмыцкой АССР (15 мая), 4 района в Астраханской обл. (25 мая). Их территория делилась между соседними районами, а калмыцкие названия большинства сельсоветов заменялись русскими.

Сама операция по депортации проводилась 28 и 29 декабря 1943 года под кодовым названием «Улусы». В ней участвовали 2975 офицеров НКВД, а также 3-й мотострелковый полк НКВД, ранее выселявший карачаевцев. Руководил операцией начальник УНКВД по Ивановской обл. генерал-майор гб Маркеев.

⁸³ Бугай, Гонов, 1998, с. 130. Исследователи склонны считать, что «...основой выселения граждан карачаевской национальности... явилось несогласие некоторой части населения с установками партии, неприятие ею коллективизации», а также частичная поддержка немецкого оккупационного режима». Спустя 55 лет после описываемых событий непогрешимость советской власти не подвергается даже сомнению!

⁸⁴ Она была составлена из быв. Кетченеровского, Черноземельского, Троицкого, Бстинского, Приволжского и Каспийского улусов.

⁸⁵ Быв. Молодербетовский и Сарпинский улусы.

⁸⁶ Быв. Западный и Яшалтинский улусы.

⁸⁷ Быв. Приютнинский улус.

Первым заходом было депортировано 91 919 чел., среди них много стариков и детей. За январь 1944 года к ним присоединилось еще 1014 чел. Между районами вселения они были распределены почти что поровну (данные на январь 1944 года): Омская обл. — 24 325, Красноярский край — 21 164, Алтайский край — 20 858 и Новосибирская — 18 333 чел. Больше половины калмыцкого контингента в Омской обл. было расселено в ее северных округах — Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Тобольском⁸⁸. Поскольку выселение происходило в самый разгар зимы, смертность при перевозке была чрезвычайно высокой⁸⁹. К тому же в местах вселения нередко вспыхивали эпидемии (сыпного тифа).

В 1944 году депортации калмыков продолжились за счет выселения тех, кто проживал вне КАССР. В марте их собирали в Ростовской обл. (2536 чел. отправили 25 марта 1945 года в Омскую обл.), в апреле — в Сталинградской обл. (1178 чел. отправили в Свердловскую обл. только 2–4 июня 1944 года). Порциями поступали и демобилизованные из армии — всего 4105 чел. (одним из них был поэт Давид Кугультинов)⁹⁰.

Труд калмыков использовался в сельском хозяйстве, на лесоповале, но чаще всего — в промышленном рыболовстве; их многовековой опыт в области животноводства, в особенности отгонного, оказался невостребованным.

В 1934 году Чеченская АО и Ингушская АО были объединены в единую Чечено-Ингушскую АО, в 1936 году преобразованную в Чечено-Ингушскую АССР. Ее территория практически не была под оккупацией⁹¹, так что обвинить ее народы в прямом предательстве было непросто. Поэтому официальным обвинительным мотивом в этом случае стало — «...активное и почти поголовное участие в террористическом движении, направленном против Советов и Красной Армии». В частности, утверждалось существование массовой повстанческой организации «Объединенная партия кавказских братьев» под водительством Х. Исраилова (Терлоева) и др.⁹²

В октябре 1943 года в республику для изучения ситуации ездил зам. наркома внутренних дел Б. Кобулов, а в ноябре того же года В. Чернышев (видимо, в разгар «занятий» калмыками) провел совещание с начальниками управлений НКВД тех регионов, куда выселяли калмыков. Он, в частности, обсуждал с ними вопросы, связанные с намечаемой операцией «Чечевица» — депортацией около 0,5 млн. **вайнахов (чеченцев и ингушей)**. 200 тыс. чел. планировалось расселить в Новосибирской обл., а еще по 35–40 тыс. чел. — в Алтайском и Красноярском краях и в Омской обл.⁹³ Но эти регионы, видимо, сумели уклониться, и в плане, представленном Берии в середине декабря, дислокация была совершенно иной, напоминающей «карачаевскую»: горцев распределяли между областями Казахстана и Киргизии.

⁸⁸ Бугай, 1995, с. 65–74, 88.

⁸⁹ Бугай, 1995, с. 79–80.

⁹⁰ Бугай, 1995, с. 74–77.

⁹¹ За исключением района г. Малгобек на севере республики, освобожденного 3.01.1943.

⁹² Бугай, Гонов, 1998, с. 135. См. также: Сидоренко, 2000, с. 57–76.

⁹³ Бугай, 1990б, с. 38.

29 января 1944 года Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», а 31 января ГКО издал сразу два постановления, посвященных чеченцам и ингушам, но, правда, в завуалированном виде, не называя их по имени: первое — «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР», второе — «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов».

17 февраля 1944 года Берия доложил Сталину, что подготовка данной операции заканчивается и что на учет как подлежащие переселению взято 459 486 чел., включая проживающих во Владикавказе и Дагестане⁹⁴. В ходе первой же массовой операции (так называемой фазы «первых эшелонов») должно было быть отправлено 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей.

20 февраля 1944 года, вместе с И. Серовым, Б. Кобуловым и С. Мамуловым, в Грозный приезжал Берия и лично руководил операцией, в которой были задействованы небывало крупные силы — до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» и около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности» (не в каждой фронтовой операции бывает столько бойцов!)⁹⁵. 22 февраля Берия встречался с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции, намеченной на завтра, на раннее утро, и предложил провести необходимую работу среди населения⁹⁶.

В отличие от предыдущих, про эту операцию уже не скажешь, что она прошла без эксцессов: цифры 2016 арестованных и 20 072 изъятых единиц огнестрельного оружия говорят за себя. К «эксцессам» можно отнести и погоду: выпавший в горах снег затормозил выселение из горных районов. В частности, в Галанчжойском районе из-за снегопада депортация растянулась до 2 марта.

Тем не менее за 1-й день (23 февраля) было выселено 333 739 чел., из них 176 950 погружено в вагоны. К 1 марта было отправлено 478 479 чел., из них 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей (было среди них и около 500 представителей др. народов, в основном, аварцев, выселенных по ошибке), около 6 тыс. чеченцев из-за снега застряли в горах в Галанчжойском районе.

Но никто не вправе был оставаться, поэтому в ряде сел войска НКВД фактически ликвидировали мирное население, в том числе и таким варварским способом как сожжение⁹⁷. Сравнительно недавно широкую огласку получила операция в ауле Хайбах Галанчжойского района: не будучи в состоянии обеспечить транспортировку его жителей, внутренние войска под командой генерал-полковника М. Гвишиани согнали около

⁹⁴ Бугай, 1995, с. 104, со ссылкой на: ЦХДРЧ, ф. 1, оп. 2, д. 64, л. 167. Некоторые районы, где проживали чеченцы-аккинцы, были присоединены к ДАССР еще в 1922 г.

⁹⁵ Бугай, 1995, с. 103–107. Точную цифру — 96 073 чел. — приводит В. П. Сидоренко (2000, с. 78, со ссылкой на: РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 607, л. 37–41).

⁹⁶ Согласно с этим партийно-советские работники и духовные лица «премировались» увеличением нормы разрешенных к вывозу вещей (см.: Вылцан, 1995, с. 37). Норма эта, кстати сказать, составляла в данном случае 500 кг на семью (Бугай, 1990б, с. 38.)

⁹⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 147.

200 чел. (по другим свидетельствам — 600–700 чел.) в колхозную конюшню, заперли их и подожгли; тех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов. Расстреляли и жителей окрестных хуторов⁹⁸.

Последними — 29 февраля — родные места покидала национальная политическая элита ЧИ АССР: отдельными эшелонами ее отправили в Алма-Ату⁹⁹.

Базовое Постановление ГКО о выселении чеченцев и ингушей датировано 31 января, соответствующий приказ НКВД — 21 февраля 1944 года. А 7 марта 1944 года Указом ПВС была ликвидирована и сама Чечено-Ингушская АССР, и на месте районов, населенных чеченцами, был создан Грозненский округ в составе Ставропольского края. В него вошло, однако, менее 2/3 бывшей территории АССР; одновременно в его состав добавили северо-восточные районы Ставропольского края, населенные ногайцами, даргинцами, кумыками (до 1937 года эти земли входили в Дагестан) и русскими. Позднее Грозненский округ был преобразован в Грозненскую область (с включением в ее состав бывшего Кизлярского округа).

Не включенная в Грозненский округ часть Чечено-Ингушетии — это ее бывшие западные и, отчасти, южные районы (то есть собственно Ингушетия), переданные Грузии и Северной Осетии, а также восточные и юго-восточные (в частности, Веденский, Ножайюртовский, Саясановский, Чеберлоевский в существовавших границах, а также, частично, Курчалоевский, Шароевский и Гудермесский районы), присоединенные к Дагестану.

Большинство районов, населенных **ингушами**, были включены в состав СО АССР, — за исключением Сунженского и Галашкинского (Ассинская долина) районов, включенных в Грозненский округ, а также южной части Пригородного района (Джераховская долина), отошедшей к Грузии (кстати, к Северной Осетии отошла и часть Курпского района Кабардино-Балкарии, где до депортации также проживали ингуши; еще раньше — Указом от 1 марта 1944 года — к Северной Осетии из Ставропольского края был отнесен город Моздок с русским населением). «Освободившиеся» после депортации земли заселены в основном осетинами из Грузии (в Пригородном районе)¹⁰⁰ и русскими (в Сунженском).

Соответственно, репрессированы были и все ингушские названия, их заменили осетинскими или русскими. Так, Указом ПВС РСФСР от 29 апреля 1944 года районы, отошедшие от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии, были переименованы: а) Пседахский — в Аланский; б) Назрановский — в Коста-Хетагуровский; в) Ачалукский — в Нартовский (с переносом центра из с. Ачалуки в с. Нартовское — быв. Кантышево). Другим Указом ПВС РСФСР (от 30 августа 1944 года) переименованы были все районы и их центры в Грозненской обл.

⁹⁸ Первая комиссия по расследованию этой «операции» работала еще в 1956 г. М. Гвишиани, кстати, был награжден Орденом Суворова II степени. (См.: Казнь в колхозе имени Берии // Общая газета. 25 февраля — 3 марта 1999 г. № 8. С. 15.) В то же время в официальном отчете Гвишиани об операции в Галанчжойском районе говорится лишь о нескольких десятках убитых или умерших в пути (Сидоренко, 2000, с. 79–80, со ссылкой на: РГВА, ф. 38660, оп. 1, д. 1, л. 15).

⁹⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 147.

¹⁰⁰ Всего из осетинских районов в Грузии по разнорядке было переселено от 25 до 35 тыс. чел. Те, кто проработал на новом месте более пяти лет, получали казенную землю в свою собственность (Цуцнев, 1998, с. 72–73, со ссылкой на: Материалы по переселению осетин: Отчет о насильственных переселениях осетин. — Владикавказ: Северо-Осетинский институт государственных исследований, 1991, с. 7–9).

Подавляющее большинство вайнахских переселенцев было направлено в Казахстан (239 768 чеченцев и 78 470 ингушей) и Киргизию (70 097 чеченцев и 2278 ингушей). Районами сосредоточения чеченцев в Казахстане стали Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Семипалатинская и Алма-Атинская обл., а в Киргизии — Фрунзенская и Ошская¹⁰¹. Сотни спецпоселенцев, работавших на родине в нефтяной промышленности, были направлены на месторождения в Гурьевской обл.

Со временем в места спецпереселения потянулись дополнительные контингенты вайнахов, в частности осужденные (из СО АССР их перебросили в Карагандинский лагерь), демобилизованные¹⁰², проживавшие в городах Европейской части СССР, выявленные на Кавказе¹⁰³, уклоняющиеся, репатрианты¹⁰⁴ и др.

...Завершив операцию с чеченцами и ингушами, Берия и его свита не торопились покинуть Кавказ. Нет, не случайно кабардинец З. Д. Кумехов (1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома) 25 февраля 1944 года ездил в Грозный, где встречался с Берией, И. Серовым и Б. Кобуловым. Следующей на очереди была Кабардино-Балкария, вернее, ее горная южная половина — Приэльбрусье, где проживали **балкарцы**.

В вину этому народу Берия не нашел ничего лучшего как вменить неспособность защитить Эльбрус¹⁰⁵ и намерение объединить Балкарию с Карачаем. В августе 1942 года началась кратковременная немецкая оккупация части территории КБ АССР, а 11 января 1943 года она была уже полностью освобождена от немцев.

24 февраля 1944 года Берия предложил Сталину выселить балкарцев, а 26 февраля 1944 года он уже издал приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения»¹⁰⁶. К участию в операции было привлечено 4 тыс. оперативников и 17 тыс. военнослужащих войск НКВД. Руководил операцией генерал-майор И. И. Пияшев, его заместителями были генерал-майор М. И. Сладкевич и два местных наркома (госбезопасности и внутренних дел) — С. И. Филатов и К. П. Бзиава. Район выселения был поделен на 5 оперативных секторов — Эльбрусский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский, Черекский и Нальчикский.

¹⁰¹ *Бугай*, 1995, с. 107–108. Переселенными в др. среднеазиатские республики и в Восточную Сибирь и на Дальний Восток ввиду их незначительности можно пренебречь.

¹⁰² У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты и заменялись временными справками; их направляли в Алма-Ату, в распоряжение отдела спецпоселений НКВД КазССР, дававшего им дальнейшие направления. Но в мае 1944 г. ок. 11 тыс. запасников — чеченцев, ингушей и карачаевцев — поступило в распоряжение УНКВД Ярославской и Ивановской обл. (*Бугай*, 1995, с. 109–111). Всего на спецпоселение из армии было принято ок. 157 тыс. чел. — представителей «наказанных народов», в том числе 5943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовой (*Бугай*, 1990б, с. 41).

¹⁰³ В том числе 2741 чел. из Грузии, 121 из Краснодарского края и т. д. (*Бугай*, 1990б, с. 42).

¹⁰⁴ См. в главе 5.

¹⁰⁵ После освобождения Эльбрус на некоторое время был даже переименован в Иалбузи (груз.).

¹⁰⁶ Его полный текст см.: *Шабиев*, 1994, с. 47–51.

2 марта Берия (в сопровождении Б. Кобулова и С. Мамулова) и сам пожаловал в Нальчик, съездил к Эльбрусу. Он сообщил З. Д. Кумехову о намерении выселить балкарцев, а их земли передать Грузии, чтобы та могла иметь оборонительный рубеж на северных склонах Большого Кавказа; Кабарде же это было бы «компенсировано» землями Карачая и Черкесии.

5 марта вышло Постановление ГКО о выселении из КБ АССР. Днем начала операции установили 10 марта, но провели ее даже раньше: 8–9 марта. Провели, видимо, играючи: после Чечни и Ингушетии все показалось бы легкой прогулкой. За выселение 37 107 балкарцев Берия отчитался перед Сталиным уже 11 марта, а 14 марта — перед Политбюро ЦК ВКП(б), после чего, кстати, был снят З. Д. Кумехов.

8 апреля 1944 года вышел Указ ПВС о переселении балкарцев и переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Освободившиеся земли указано заселить «колхозниками из малоземельных районов Кабардинской АССР», то есть кабардинцами. Юго-западные районы республики (около 2 тыс. кв. км при общей площади в 12,5 тыс. кв. км) были переданы Грузинской ССР.

Вслед за административно-территориальными репрессиями последовали, по обыкновению, топонимические: 29 мая 1944 года вышел Указ ПВС РСФСР, согласно которому: а) Хуламо-Безенгиевский район переименован в Советский, его центр — с. Кашкатау — в с. Советское; б) перенесены центры: Нагорного района (из с. Каменноостское в с. Сармаково); Урванского района — из с. Ст. Черек — в рабочий поселок Докшукино (ныне г. Нарткала); Чегемского района — из с. Н. Чегем в Чегем I; в) ликвидирован Черекский район (его территория передана в Советский и Лескенский районы). Позднее (в декабре 1944 года) аналогичным Указом ПВС Грузинской ССР были переименованы 5 населенных пунктов в Земо-Сванетском районе, также образованном на землях, переданных из КБ АССР.

Общее число депортированных в местах вселения составило 37 044 чел. (не считая 562, умерших по дороге), направленных в Киргизию (около 60%) и в Казахстан. К октябрю их оставалось 33 100. Разницу следует списывать не только на смертность, но и на то, что среди балкарцев, как оказалось, было изрядно и кабардинцев, прихваченных с собой по оплошности (их, как правило, отправляли назад).

С 5 по 10 мая 1944 года было депортировано два десятка балкарских семей, проживавших на территории быв. Карачая (в то время Клухорского района Грузии).

А в мае-июне тучи сгустились и над кабардинцами. Так, в точном соответствии с «балкарским» сценарием, на 20 июня 1944 года была намечена высылка в Казахстан 2492 членов семей «активных немецких ставленников, предателей и изменников» из числа кабардинцев и, в малой доле, русских. После освобождения от переселения родственников служивших в Красной Армии и стариков старше 70 лет, оставшиеся 1672 кабардинца были депортированы в Джамбульскую и Южноказахстанскую обл.¹⁰⁷ Однако массовой депортации кабардинцев не последовало.

¹⁰⁷ Бугай, 1995, с. 216.

Зато разработка **крымских татар**, начатая еще в апреле 1944 года на Кавказе¹⁰⁸, была реализована сполна.

Немецкая оккупация Крыма продлилась с конца октября 1941 (Керчь и Севастополь продержались до мая и июля 1942 года) и до апреля-мая 1944 года. За это время немцами было уничтожено около 92 тыс. чел., или 10% населения полуострова. И коллаборационизм, и антинемецкое партизанское движение в Крыму были весьма сильными, причем как с той, так и с другой стороны было немало крымских татар¹⁰⁹.

13 апреля 1944 года, сразу же после освобождения Крыма, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от антисоветских элементов. Практически это означало реальную угрозу поголовного выселения крымских татар. 10 мая — *«учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза»* — с письменным предложением о депортации к Сталину обратился Берия¹¹⁰. Вскоре Серов и Кобулов разработали план операции, намеченной на период с 18 по 22 мая. Никогда еще зазор между освобождением от оккупации и депортацией не был так короток: всего лишь месяц с небольшим.

Постановления ГКО о выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года. Аналогичное постановление о выселении крымских татар (и греков!) с территории Краснодарского края и Ростовской обл. датировано 29 мая 1944 года. Во всех операциях в Крыму участвовало около 32 тыс. оперативников, офицеров и бойцов НКВД¹¹¹.

Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. К 16 часам 20 мая было выселено 180 014 чел., из них 173 287 чел. были уже в пути¹¹². По окончательным данным из Крыма было депортировано 191 014 крымских татар (более 47 тыс. семей). В результате к лету 1945 года в Крыму оставалось всего 379 тыс. чел. (против 875 тыс. перед войной).

Около 37 тыс. семей (151.083 чел.) крымских татар увезли в Узбекистан: самые многочисленные «колонии» осели в Ташкентской (около 56 тыс. чел.), Самаркандской (около 32 тыс.), Андижанской (19 тыс.) и Ферганской (16 тыс. чел.) обл. Остальных рас-

¹⁰⁸ Об этом, в частности, свидетельствует датированное 5.04.1944 и направленное из Пятигорска указание начальника внутренних войск НКВД Северокавказского округа генерал-майора Головки и начальника его штаба полковника Табакова в Краснодар командиру 1-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД генерал-майору Ветрову (его часть предназначалась к переброске в Крым). Документ посвящен организации чекистско-войсковых операций и тактике боевых действий при ликвидации бандитизма в горных условиях и является, в сущности, попыткой обобщить опыт, накопленный на Кавказе, для его «грамотного» применения в условиях горного Крыма. См. также датированный июлем 1944 года проект «Указаний войскам, участвующим в операции по ликвидации бандитизма в горных районах Северного Кавказа», подготовленный за подписью начальника внутренних войск НКВД генерал-лейтенанта Шередеги («Бандиты стремились... сохранить фашистский порядок» / Публ. В. Б. Вепринцева и И. А. Мочалина // ВИЖ. 1996. № 5. С. 83–89, со ссылками на: РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 129, л. 1–8 и 71–86).

¹⁰⁹ См.: Некрич, 1978, с. 24–40.

¹¹⁰ Бугай, 1991г, с. 107.

¹¹¹ Бугай, 1991г, с. 110.

¹¹² Бугай, 1995, с. 152–153.

пределили на Урале (Молотовская и Свердловская обл., Удмуртская АССР) и в Европейской части СССР (Костромская, Горьковская, Московская и др. области, Марийская АССР).

Интересно, что первоначально Узбекистан давал согласие на прием у себя только 70 тыс. крымских татар¹¹³, но позднее ему пришлось «пересмотреть» свои планы и согласиться с цифрой 180 тыс. чел., для чего в республиканском НКВД был организован отдел спецпоселений, которому надлежало приготовить 359 спецпоселков и 97 комендатур. И хотя время переселения крымских татар, по сравнению с другими народами, было относительно комфортным, однако о том, каково пришлось им на новом месте, достаточно выразительно говорят данные о заболеваемости и высокой смертности: около 16 тыс. еще в 1944 и около 13 тыс. в 1945 году.¹¹⁴

До «топонимических репрессий» в Крыму дело дошло только в конце года. 20 октября 1944 года вышло Постановление Крымского обкома ВКП(б) о переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения, а 14 декабря¹¹⁵ — Указ ПВС РСФСР о переименовании 11 районов и райцентров Крымской области, согласно которому русскими были заменены все татарские, немецкие и почему-то даже крымчакские названия. До административного обозначения самого Крыма руки дошли еще позже: 30 июня 1945 года Указом ПВС Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР.¹¹⁶ Указами ПВС от 21 августа 1945 и от 18 мая 1948 гг. (к годовщине депортации!) было переименовано, соответственно, 327 и 1062 крымско-татарских селения.¹¹⁷ В результате даже Ялта на время стала Красноармейском, а Ай-Петри — горой Петровской!

Отголоски «репрессивной топонимики» раздавались и позже: так, 14 января 1952 года Указом ПВС на территории Крымской области были переименованы еще и железнодорожные станции: вместо татарских им присвоили русские названия.

Превентивные принудительные депортации из Закавказья и другие депортации на заключительном этапе войны в 1944–1945 гг.

Массовые весенние выселения из Крыма в 1944 году могут рассматриваться не только как тотальная этническая депортация, но и как своего рода «пограничная зачистка». Ведь Крым — тоже земля пограничная. Именно о нежелательности такого этноса как крымские татары «на пограничной окраине Советского Союза» (выделено нами. — П. П.) писал Сталину Берия 10 мая 1944 года¹¹⁸.

¹¹³ См. в телеграмме А. Кобулова В. Чернышеву от 22.02.1944 (*Бугай*, 1995, с. 151).

¹¹⁴ *Бугай*, 1995, с. 156, 159. По другим данным (за период с 05.1944 и 01.1945) — 13 592 чел. (*Некрич*, 1978, с. 97)

¹¹⁵ По Некричу — 21.08.1945 (за № 619/3).

¹¹⁶ Годом позже, 25.06.1946, был принят закон ВС РСФСР об упразднении Крымской АССР и ее преобразовании в Крымскую область (С. М. Червонная пишет о законе ВС СССР от 26.06.1946 — см.: *Червонная*, 1994, С. 15).

¹¹⁷ См.: *Червонная*, 1997, с. 164–165.

¹¹⁸ *Бугай*, 1995, с. 149–150.

Сталин с этим, видимо, не спорил, а крепко и от души «погромил» народы **Крыма** и **Кавказа**, во многих сводках именуемые как «прочие». Среди попавших в немилость были и крымские **болгары**, проживавшие между Симферополем и Феодосией и виноватые уже тем, что жили и работали при немцах (*«активно участвовали в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии»*)¹¹⁹.

В течение мая-июня 1944 года из Крыма и с Кавказа было депортировано дополнительно около 66 тыс. чел., в том числе из Крыма — 41 854 чел. (среди них 15 040 советских греков, 12 422 болгар, 9620 армян, 1119 немцев, итальянцев, румын и пр.; их направляли в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую и Кировскую обл., а также в Гурьевскую обл. Казахстана); кроме того — около 3,5 тыс. иноподданных с просроченными паспортами, в том числе 3350 греков, 105 турок и 16 иранцев (их направляли в Ферганскую обл. УзбССР)¹²⁰, из Краснодарского края — 8300 чел. (только греков)¹²¹, а из трех закавказских республик — 16 375 чел. (только греков)¹²². Из-за малочисленности «чаша сия» миновала караимов, кроме тех, кого под горячую руку увезли вместе с крымскими татарами¹²³.

Следующей жертвой геополитической концепции Сталина, не признававшего разницы между государственной границей и линией фронта, стала его собственная родина-мать — **Грузия**.

Начав в конце марта 1944 года с 608 курдских и азербайджанских семей (суммарно 3240 чел.) — жителей Тбилиси, переселенных внутри Грузинской ССР, в Цалкинский, Борчалинский и Караязский районы, особенно рьяно Сталин принялся за «мусульманские народы» Грузии, проживавшие близ советско-турецкой границы. Турция, все время державшая около 30 дивизий близ границы с СССР, если и внушала определенное беспокойство как потенциальный агрессор, то только не в это время. Тем не менее в очередной бериевской «справке-объективке», направленной Сталину, Молотову и Маленкову 28 ноября 1944 года, утверждалось, что население Месхетии, связанное «... с жителями Турции родственными отношениями, занималось контрабандой, проявляло эмиграционные настроения и служила для турецких разведорганов источников вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп»¹²⁴.

Вопрос о переселении из приграничья с Турцией возникал еще весной 1944 года. Речь тогда шла примерно о 77,5 тыс. чел., которых намеревались выселить, можно сказать, по соседству — в районы Восточной Грузии. Но 24 июля 1944 года в письме Сталину Берия предложил переселить 16 700 хозяйств «турок, курдов и хемшилов» из при-

¹¹⁹ Из письма Берии Сталину от 29.05.1944 (*Бугай*, 1991г, с. 109). Кажется единственным из всех народов СССР, болгарам вменили в вину и то, что их угоняли в Германию!

¹²⁰ Основные депортации были осуществлены 27–28.06.1944 (см.: *Бугай*, 1995, с. 198–199).

¹²¹ Иностранцев или апатридов (*Бугай*, 1995, с. 198).

¹²² *Бугай*, 1995, с. 197–199.

¹²³ См.: *Бугай*, 1995, с. 201.

¹²⁴ *Бугай*, 1991г, с. 110.

граничных районов Грузии в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР¹²⁵. И 31 июля решение о переселении 76 021 турка (позднее к ним присоединилось еще 3180 чел. «отставших»¹²⁶), а также 8694 курдов и 1385 хемшилов — было принято. «Заменить» их должны были 7 тыс. крестьянских семей из малоземельных районов Грузии и 20 тыс. пограничников. Всей операцией, по приказу Берии, руководили А. Кобулов и грузинские наркомы госбезопасности (Рапава) и внутренних дел (Каранадзе).

Под турками (позднее азербайджанцами) здесь понимались **турки-месхетинцы**, жители грузинской исторической области Месхет-Джавახети. Их и их соседей (как и они, культурно «турецки-ориентированных») — **хемшилов** (армяне-мусульмане), а также **курдов** — выселили из Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов Грузинской ССР, лишь отчасти расположенных вдоль советско-турецкой границы. Турки-месхетинцы проживали на территории, присоединенной к России по Андрианопольскому мирному договору 1829 года. Будучи грузинского происхождения (племена месхов), они весьма долгое время находились под турецким владычеством, в результате чего выработали турецкое самосознание, носили не грузинские, а турецкие имена и говорили на турецком языке, по вероисповеданию — мусульмане-сунниты. Этнически окрашенным репрессиям они уже подвергались в 1928–1937 гг., когда их принуждали менять национальность и брать грузинские фамилии.

Решение об их депортации было принято еще в июле, возможно с расчетом на то, чтобы успеть осуществить его до наступления зимы, но своевременному его выполнению препятствовало бездорожье, а завершение строительства железной дороги Боржом — Вале, по которой месхов впоследствии и увозили, потребовало дополнительного времени. Да и руководители Казахстана, обязанные обеспечить прием, ссылаясь на перегруженность иными контингентами, что называется, «взмолились о пощаде», но понимания в центре не нашли (хотя «плановое задание» Казахстану по туркам все-таки и сократили¹²⁷).

Тем не менее само выселение состоялось только глубокой зимой, спустя 3,5 месяца после издания указа и спустя два месяца после приказа НКВД о переселении. Оно началось утром 15 ноября 1944 года и продолжалось три дня: на сборы в каждом селении отводилось по два часа. Для его осуществления выделялось всего лишь 4 тыс. оперативных сотрудников НКВД. К 16 часам 17 ноября из Грузии уже было отправлено 25 эшелонов с принудительными мигрантами, среди них почему-то было и 2 вагона с цыганами¹²⁸.

Всего за три дня было выселено, по разным источникам, от 90 до 116 тыс. чел. В докладе Берии Сталину от 28 ноября фигурирует цифра 91 095 чел., а в докладе Чернышева и Кузнецова самому Берии приводится цифра 92 307 чел., из них мужчин — 18 903, женщин — 27 399, детей до 16 лет — 45 985 чел. Более половины (53 133) прибыли в Узбекистан, еще 28 598 — в Казахстан¹²⁹ и 10 546 чел. — в Кир-

¹²⁵ Бугай, 1995, с. 169, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 66, л. 19.

¹²⁶ Бугай, 1995, с. 169, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 573, л. 286.

¹²⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 214–215.

¹²⁸ Бугай, 1995, с. 175.

¹²⁹ Интересный случай на сей раз произошел с безотказным обычно Казахстаном. В сентябре 1944 г. его правительство, видимо, и так не справлявшееся с приемом всех прочих контингентов, попро-

гизию¹³⁰. Сферой их хозяйственного использования было преимущественно сельское хозяйство.

Путь из Грузии в Среднюю Азию продолжался как минимум три недели, там их ждали непривычные условия, плохая вода, иногда (как правило, в Узбекистане) — и эпидемии (сыпной тиф). На повышенной смертности этого контингента не могло не сказаться и то, что выселение проводилось зимой. Смертность, по неофициальным данным, составляла до $\frac{1}{3}$, по официальным — 11,8% (по состоянию на июнь 1948 года). Примечательно, что суммарная численность этого контингента неуклонно снижалась вплоть до конца 1940-х гг.

Поскольку госграница проходила и по Аджарии, то «зачистки» не миновали и ее. 9 августа 1944 года грузинские инстанции распорядились о выселении из приграничных районов Аджарской АССР 113 хозяйств, находившихся вблизи укреплений. Сама высылка осуществлялась 25–26 ноября, причем с частью высланных, а именно с грузинами-лазами (числом около 70), произошло невероятное: по ходатайству писателя-министра М. Ванлиши и по указанию Берии их разыскали и вернули в оставленные дома в родных селеньях!¹³¹

Столь же прозрачен и единственный политический резон: «зачистка приграничья», то есть проведение спецмероприятий по усилению границы и подготовка театра боевых действий (и, как правило, действий наступательных). Лишние глаза и уши при развертывании войск или строительстве укрепрайонов всегда нежелательны. Какого бы то ни было прагматического государственного смысла депортации из Южной Грузии не могли иметь, а ущерб от выдворения хозяйствовавших здесь людей достаточно очевиден.

А вот борьба с «оуновцами» (от ОУН — «Организации украинских националистов») и другими украинскими повстанцами на Западной Украине, начавшаяся в 1944 году немедленно после освобождения этой территории Красной Армией, только внешне носила характер пограничной «зачистки» (ожесточенное сопротивление было оказано также в Западной Белоруссии и Прибалтике, особенно в Литве). Это были самые настоящие войсковые операции, с победами и провалами, с тысячами убитых и раненых, и санкционированная 31 марта 1944 года депортация членов семей оуновцев была лишь одним из средств (заметим: одним из важнейших средств) в этой борьбе.

Первый эшелон на 200 семей оуновцев был подготовлен к отправке в Минский и Советский районы Красноярского края еще в апреле 1944 года, то есть даже раньше, чем началась депортация крымских татар. По некоторым данным, уже в 1944 году число депортированных из Западной Украины превысило 100 тыс. чел.¹³²

21 марта 1945 года председатель СНК Эстонии А. Вейнер обратился в Москву с предложением выселить из Таллина 700–750 чел. членов семей враждебного элемента¹³³.

силу у Москвы «повременить с поставкой новых народов на спецпоселение», на что, вместо согласия, получило существенное урезание квот (вместо 28 — всего 6 тыс. чел.).

¹³⁰ Бугай, 1995, с. 178.

¹³¹ См.: Бугай, 1995, с. 179–182.

¹³² Бугай, 1995, с. 204–209.

¹³³ Бугай, 1995, с. 219.

16 июня Берия распорядился о первой после 1941 г. высылке из Прибалтики: речь шла о 323 членах семей «бандглаварей и активных бандитов» из Литвы¹³⁴, а также о 6320 главарях и членах повстанческих групп (последних выселяли в Коми АССР, Молотовскую и Свердловскую обл.)¹³⁵.

Общее число граждан, депортированных в СССР в 1944–1945 гг., помимо наказанных депортированных народов, составило около 260 тыс. чел. Основные направления принудительных миграций в эти годы показаны на карте 3.2.1.

Компенсационные принудительные миграции в 1941–1946 гг.

С выдворением с обжитых мест целых народов рушился вековой уклад их общественной и хозяйственной жизни. Можно себе представить, каково было немецким, кавказским или калмыцким крестьянам в непривычных климатических и бесчеловечных бытовых условиях вписываться в новую для себя экономическую реальность жизни на чужбине, сердцевиной которой были лесоповал и добыча угля и других ископаемых. Но трагичной была и судьба их собственных земель, освоенных трудом многих поколений: фактически они выпадали из экономического оборота, а в условиях военной и послевоенной разрухи осваивать и поддерживать их было бы тем более тяжело.

Власти были вынуждены водворять в опустевшие районы, — и почти столь же насильственно, — так называемое «правовое население», находившееся, как правило, под рукой, по соседству. Инструментами его призыва могли быть плановое переселение, эвакуация, внутрирайонное переселение. Иными словами, речь идет об упомянутых в первой главе принудительных **компенсационных миграциях**.

Этих формально добровольных, но, по сути, именно принудительных мигрантов мы, может быть, и не вправе включать в общий зачет депортаций как таковых, но и упускать их из вида мы тоже не вправе. Если взять хотя бы 40-процентное соотношение этого, так называемого «правового населения», с количеством депортированного спецконтингента, то только для контингента «наказанных народов» мы получили бы еще около 840 тыс. чел.

Тут важно отметить, что практически все депортированные народы были преимущественно сельскими по характеру расселения и аграрными по структуре занятий. Самыми «урбанизированными» среди них, по состоянию на 1 января 1939 г., были крымские татары (доля городского населения — около 28%) и немцы (около 20%), у остальных же народов эта доля не превышала 3–8%. Поэтому поддержание хозяйственного профиля оставшихся без присмотра земель и оставленных ими (фактически экспроприированных государством) домов и построек, скота и хозяйственного инвентаря подразумевали прежде всего сельскохозяйственного пользователя.

¹³⁴ Бугай, 1995, с. 215.

¹³⁵ Бугай, 1995, с. 219.

Впервые с этой проблемой столкнулись еще до войны, в связи с депортацией корейцев, а в военное время — в Поволжье. В тех районах, откуда — и, в сущности, в разгар уборочной — выселили **немецкое** население, наблюдался спад хлебозаготовок. Уже в сентябре 1941 года, по разверсткам ЦК ВКП(б), началось заселение освобождающихся территорий жителями прилегающих областей и эвакуированными из западных районов страны (тем самым использовалась возможность несколько сократить плечо эвакуационных потоков). Переселенцы и эвакуированные перемешались, к наспех создававшимся колхозам переходило имущество немецких крестьян, нередко были случаи его разграбления.

Первоначально планировалось переселить в покинутые немецкие села 17,4 тыс. русских из соседних сел для ухода за скотом и охраны имущества выселяемых¹³⁶, а затем подселить еще 52 тыс. чел. из числа выселяемых из прифронтовой полосы. В марте 1942 года было санкционировано дополнительное переселение сюда 6 тыс. семей из Тамбовской, Воронежской, Орловской и Пензенской обл. К лету потребность в людях была удовлетворена на $\frac{4}{5}$, но урожай 1942 года не составил и $\frac{1}{3}$ от плана, зима 1942–1943 гг. была голодной. В 1943 году, когда фронт покатился на запад, начался массовый отток «переселенцев» на места старого проживания. В марте 1944 года приняли решение о переселении в область еще 19 600 семей, но реально остались всего лишь 4200 семей. Всего за период между сентябрем 1941 и маем 1945 гг. на земли быв. АССР НП было переселено около 18 тыс. хозяйств, но лишь около 37% из них закрепилось и не уехало. В экономическом плане эксперимент был крайне неудачным¹³⁷.

Аналогичным образом «осваивались» и **карачаевские**, и **чеченские**, и остальные земли и селения (только балкарские селения, по крайней мере расположенные в высокогорье, в основном были фактически заброшены¹³⁸). Так, в декабре 1943 года на территорию Клухорского района, образованного в составе Грузии из бывших Учкуланского и части Микояновского районов Карачая, было переселено 2115 грузин.¹³⁹

И в случае Чечено-Ингушетии «в прорыв» были брошены преимущественно соседи, главным образом, осетины, дагестанцы и русские (из Кизляра и Ростовской обл.). Тем не менее в целом заселение проходило вяло, оставленные дома и хозяйственные постройки быстро разрушались, 42 села пустовали (полностью или частично). По усредненным оценкам, количество вселяемых составляло до 40% от числа выселенных, но на территории Чечено-Ингушетии это соотношение было даже ниже: к маю 1945 года здесь разместилось 10 200 новых хозяйств — против 28 375 до выселения¹⁴⁰. Секретарь Грозненского обкома ВКП(б) Чеплаков просил Москву доприслать к нему еще 5 тыс. семей и главным образом из поволжских областей.

¹³⁶ На имущество переселенцы получали «приемные квитанции», справедливо названные ими «филькиными грамотами». См. образец в: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 163.

¹³⁷ См.: Силаева, 1991; Бугай, 1995, с. 258–259; Бугай, 1999.

¹³⁸ Некрич, 1978, с. 117.

¹³⁹ Некрич, 1978.

¹⁴⁰ Бугай, 19906, с. 43, со ссылкой на: Архив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 220, оп. 1, д. 21, л. 4об., 6, 9, 14, 22–23, 76.

Особенно большой ущерб понесло сельское хозяйство, прежде всего отгонное животноводство, а также горное террасное земледелие. Скот высланных при депортации оставляли на месте¹⁴¹, а потом... тоже депортировали, но в другом направлении, передавая колхозам таких регионов, как, например, УССР, Ставропольского края, Воронежской, Курской и Орловской обл. Эта операция сопровождалась, разумеется, большим падежом скота.

Однако выселение чеченцев резко отрицательно сказалось не только на сельском хозяйстве, но и на промышленности бывшей республики. Как показал Н. Бугай, невыполнение планов трестом «Малгобекнефть» и сокращение добычи нефти в 1944 году есть прямое следствие депортации чеченцев¹⁴².

Рассмотрим более подробно компенсационные переселенческие потоки из Дагестана. На включенной в состав Дагестана территории быв. Ч.-И. АССР (площадью 2,7 тыс. кв. км) было образовано 4 новых района с другими (за исключением одного) названиями — Андалалский (райцентр в с. Андалалы), Веденский (с. Ведено), Ритлябский (с. Ритляб) и Шурагатский (с. Шурагат); кроме того, за счет присоединенной территории была увеличена площадь Ботлихского и Цумадинского районов Даг. АССР. Внутри прежних границ Дагестана Ауховский район (в котором до выселения жили чеченцы-аккинцы) был переименован в Новолакский (с центром в с. Новолакское); при этом часть его территории (два сельсовета) была передана в состав соседнего Казбековского района.

В эти опустевшие районы СНК Даг. АССР обязан был до 15 апреля 1944 года переселить 6300 хозяйств колхозников из горных районов Дагестана¹⁴³. Хозяйства колхозников-переселенцев освобождались от государственных денежных налогов, страховых платежей и поставок государству всех сельскохозяйственных продуктов до 1946 года включительно¹⁴⁴.

Однако руководство республики этот план выполнило уже в первую пятидневку переселения (25–30 марта 1944 года), то есть через неполный месяц после выселения чеченцев. К 10 августа было переселено (в том числе и из аварских селений в Грузии) в общей сложности 16 100 хозяйств, или приблизительно 62 тыс. чел. Переселением был охвачен 21 горный район Даг. АССР, причем 144 аула было переселено полностью, а 110 — частично. Кроме того, в июле из Грузии было переселено 700 хозяйств проживающих там аварцев¹⁴⁵. Так что общее число дагестанцев, переселенных на бывшие чеченские земли, было не менее 65 тыс. чел., что фактически составляло около $\frac{1}{5}$ части

¹⁴¹ Вместо коров и овец на руки выдавались квитанции о количестве сданного скота, однако в местах вселения соответствующих фондов не было, и надеяться на «отоваривание» там квитанций не приходилось.

¹⁴² Бугай, 1990б, с. 43–44.

¹⁴³ Согласно постановлению СНК от 9 и 11.03.1944. По другим данным, планировалось переселить 5000 хозяйств из Дагестана, 3.000 из Северной Осетии и 500 из Грузии (Бугай, Гонов, 1998, с. 202).

¹⁴⁴ ЦГА Даг. АССР, ф. Р-168, оп. 35, д. 25, л. 318.

¹⁴⁵ См. в докладной записке СНК Даг. АССР председателю СНК РСФСР и наркому земледелия СССР (ЦГА Даг. АССР, ф. Р-168, оп. 35, д. 21, л. 89, 191, 150 — нам сообщено Ш. Мудуевым).

тогдашнего населения горной зоны Дагестана. Столь значительного выхода представителей народов Дагестана за пределы традиционного этнического ареала история еще не знала.

Около 55 тыс. дагестанских переселенцев были размещены в 4 районах, присоединенных к Даг. АССР, и более 10 тыс. — в предгорных и на равнинных землях внутри прежних границ Дагестана. В трех районах на присоединенной к Дагестану территории (Веденском, Андалалском и Ритлябском) были чересполосно размещены андийцы, годоберинцы, чамалалы, тиндалы, хваршины, цезы, бежтинцы, гинухцы, ахвахцы, катаринцы и **аварцы** из Ботлихского, Цумадинского, Цунтинского, Ахвахского, Кахибского, Тлярantinского, Гумбетовского, Чародинского, Хунзахского, Гунибского, Буйнакского и Унцуккульского районов (более 40 тыс. человек). В эти же районы были переселены бежтинцы, гинухцы и аварцы, до 1944 года жившие в Кварельском районе Грузинской ССР (более 3 тыс. чел). И, наконец, в четвертом (Шурагатском) районе были расселены **даргинцы** из Акушинского, Сергокалинского, Левашинского, Дахадаевского и Кайтагского районов (более 10 тыс. человек)¹⁴⁶. Что касается 10 тыс. внутриреспубликанских переселенцев, то ими стали около 7 тыс. **лакцев** из Кулинского и Лакского районов, переселенные на земли бывшего Ауховского района, и около 3 тыс. аварцев из Казбековского района, переселенные в населенные пункты двух сельсоветов, переданных в Казбековский район из быв. Ауховского района (начиная с 1957 года им придется столкнуться с давлением чеченцев, в чьи дома они въехали).

Вайнахские названия переселенческих населенных пунктов в новых районах были изменены. Как правило, они назывались именами аулов выхода переселенцев (Кидири, Шапих, Хушет, Хварши, Акнада, Бежта, Ратлуб, Сулевкент, Мулебки, Герга и др., часто с приставкой «Новый»), но иногда им присваивали и новые названия (Киров-Аул, Первомайск, Красноармейск и др.). Этнический состав многих переселенческих населенных пунктов был смешанным, но в них резко ускорились ассимиляционные процессы, причем консолидирующими этносами для большинства были аварцы, а также даргинцы.

Несмотря на внушительные цифры, переселение дагестанцев в новые районы было отнюдь не добровольным. В аулы приезжали представители района и военные, собирали сельские сходы и объявляли о решении переселиться на новые места, где колхозники будут жить «зажиточно и богато». И в тот же день в движение приходила длинная вереница подвод и телег переселенцев, направлявшаяся по горным тропинкам и дорогам в соседнюю Чечено-Ингушетию, в заранее расписанные и строго предписанные чеченские села.

После переселения горцы из Дагестана (особенно те, кого разместили в равнинной зоне Чечни) оказались в новых природно-географических, социально-культурных и этнических условиях. Традиционный уклад жизни был разрушен, климатические условия отличались от привычных. Из-за болезней и эпидемий (главным образом, малярии, дизентерии и др.) очень высокой была смертность (по устным свидетельствам, в первые

¹⁴⁶ Рассчитано Ш. Мудуевым по материалам ЦГА ДАССР (ф. Р-168, оп. 35, д. 22, л. 51, 53; ф. Р-411, оп. 3, д. 1, л. 29, 93; д. 47, л. 61).

два года погибло около $1/4-1/5$ переселенцев). Дагестанцы адаптировались с трудом, и часть из них пыталась возвратиться назад, но их задерживали и отправляли обратно. Некоторые из старых аулов специально разрушались, чтобы пресечь поток «возвратников» (особенно много аулов было разрушено в Цунтинском районе). Тем не менее в 1957 году, когда уже реабилитированные чеченцы и ингуши стали возвращаться на свои земли, большинству пришлось вторично и спешно переселяться (и, как правило, если не в города на равнине, то в те же самые родные, частично уже разрушенные аулы). При этом время совместного проживания с вернувшимися на свои земли чеченцами (временно безработными и агрессивными) бесконфликтным или хотя бы бескровным тоже не назовешь¹⁴⁷.

Призыв «принять участие в восстановлении крымских здравниц» зазвучал в советской пропаганде сразу же вслед за освобождением **Крыма** от оккупации. Депортация крымских татар, греков, болгар и армян наполнила его подлинным народнохозяйственным смыслом. Уже в сентябре-октябре 1944 года туда приехало более 17 тыс. семей колхозников, преимущественно из Украины. Однако и животноводство, и виноградарство, и табаководство, и другие виды хозяйствования в благодатном при татарах Крыму требовали навыков, которых у переселенцев не было. Весной 1945 года положение примерно 65 тыс. новых жителей Крыма стало критическим и вызвало мощный отток переселенцев из Крыма: так, к апрелю 1946 года (несмотря на постановление о беспорном взыскании с «обратников» всех ссуд и кредитов), из Крыма выехала 11 381 семья, в то время как въехала всего одна тысяча семей. К 1 июля 1948 года из Крыма выехало 52,5% семей, завезенных в него начиная с 1944 года. Так или примерно так происходило и в других случаях, когда в ареале расселения большого или малого этноса в связи с его внезапной депортацией образовывался хозяйственный вакуум. И не случайно, что, по данным ВПК на начало 1950 года, именно в Саратовской и Крымской обл. был зафиксирован наибольший механический отток населения¹⁴⁸.

Среди обезлюдивших регионов оказалась и Калининградская обл. — часть Восточной Пруссии, присоединенная к СССР и включенная в состав РСФСР. Потребность в рабочей силе и просто в населении стояла там с необычайной остротой. Было издано специальное постановление СМ СССР о добровольном переселении в Калининградскую обл. 12 000 семей колхозников.

8 сентября и 14 октября 1946 года С. Круглов направлял Сталину, Берии и Жданову сводки о выполнении этого постановления. По состоянию на 1 сентября было переселено 2990, а на 1 октября — уже 8795 семей колхозников (см. табл. 8). Бросается в глаза мощный рывок, сделанный в октябре 1946 года Белоруссией.

¹⁴⁷ См.: Прокуменщиков, 1997, с. 48–52.

¹⁴⁸ Силаева, 1991.

Таблица 8. Количество «добровольных» переселенцев в Калининградскую область (по состоянию на 1.09.1946 и 1.10.1946)

Регионы	Количество семей	
	факт	план
Белорусская ССР	1459/0	2500
Воронежская обл.	621/151	900
Курская обл.	511/199	900
Брянская обл.	466/152	500
Ульяновская обл.	400/135	400
Новгородская обл.	400/130	400
Кировская обл.	394/263	400
Великолукская обл.	386/100	400
Владимирская обл.	339/156	400
Горьковская обл.	334/143	400
Мордовская АССР	319/122	300
Псковская обл.	300/145	300
Калининская обл.	282/130	400
Пензенская обл.	280/109	500
Рязанская обл.	275/136	400
Московская обл.	273/106	400
Ярославская обл.	260/121	300
Тамбовская обл.	260/128	400
Чувашская АССР	252/156	400
Костромская обл.	229/108	300
Орловская обл.	214/120	300
Куйбышевская обл.	207/111	200
Калужская обл.	186/96	300
Марийская АССР	139/70	200

Примечание. В числителе — данные за 1.10.1946, в знаменателе — за 1.09.1946.

Источник: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 139, л. 104-105, 194-197. См. также: Шендерюк М. Г. Кто они — первые переселенцы в самую западную? / Тезисы докладов и сообщений VI конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26 марта — 29 марта 1998 г.). Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. — М.: Мосгорархив, 1998. С. 142–144.

Этнические и иные депортации после окончания Второй мировой войны в 1949–1953 гг.

Примечательно, что и после окончания войны, когда, казалось бы, все причины и поводы, выдвигавшиеся в обоснование депортаций, утратили силу, репрессивные миграции хотя и ослабли, но с завидной последовательностью продолжались.

Впрочем, первые 1,5–2 года после победы представляли собой как бы передышку, но не забудем, что именно на это время легла основная часть работы с теми непосредственно «поставляла» война — с военнопленными вражеских армий, с «вестарбайтерами» — гражданскими лицами немецкой национальности и, конечно же, с собственными гражданами-репатриантами¹⁴⁹: после «филтрации» многих из них направляли и препровождали на спецпоселение.

Идея «репатриации» показалась привлекательной и во внутрисоюзном масштабе: в 1946 году инициативы по «исправлению перегибов» прошлого и возвращению тех или иных категорий депортированных контингентов назад отмечались на уровне союзных республик. Так, 16 марта председатель СНК ЛатвССР Лацис и секретарь ЦК КП(б) Латвии Калнберзин обратились к Молотову с письмом о необходимости возвращения на родину из ссылки латышей, служивших в вермахте; его поддержал Круглов, предложивший распространить эту инициативу на Литву, Эстонию и Молдавию и даже подготовивший соответствующий проект постановления СМ¹⁵⁰. 9 июля 1946 года с письмом к Берии обратился и секретарь ЦК КП(б) Грузии Чарквиани: он просил о переводе репатриантов — грузин, армян и азербайджанцев — из лагерей в отдаленных местностях СССР на аналогичные работы в Грузию, Армению и Азербайджан. К 14 августа был даже подготовлен проект соответствующего постановления СМ¹⁵¹, но Берия, судя по всему, все эти начинания не поддержал.

Репрессивная политика, в том числе и принудительные переселения, вновь активизировались в 1947 и заметно усилились в 1948 году. Исключительно важное значение имел Указ ПВС от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». На лиц, еще отбывавших наказание в особых лагерях и тюрьмах, по истечении их сроков автоматически накладывалось новое наказание: ссылка на поселение на такие «курорты», как Колыма, Сибирь (Красноярский край и Новосибирская обл. — но не южнее 50 км к северу от Транссиба) и Казахстан (кроме Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской обл.).

Крайне существенно, что этот указ наделялся **обратной силой** и распространялся и на тех, кто уже успел освободиться из тюрем и лагерей в интервале между окончанием

¹⁴⁹ См. подробно об этом контингенте в гл. 5.

¹⁵⁰ См.: «Особая папка» Берии, 1996, с. 31, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 145, л. 386–392. Сведениями о том, было такое постановление принято или нет, мы не располагаем.

¹⁵¹ См.: «Особая папка» Берии, 1996, с. 91, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 149, л. 200–207.

войны и выходом указа (решения по таким лицам принимались Особым совещанием при МГБ). Именно этот указ и привел к повторным посадкам многих репатриантов, уже искупивших, казалось бы, свою «вину» перед Родиной. Повторные аресты начались уже с осени 1948 года.¹⁵²

Постановлением СМ от 22 февраля 1948 года предусматривалось выселение из ряда областей европейской части СССР тех, кого в свое время в эти регионы уже депортировали¹⁵³. К переселению в Сибирь и Казахстан намечалось в общей сложности 82,5 тыс. чел., наиболее крупные контингенты находились в Тульской (17 906), Вологодской (10 297), Костромской (9055) и Московской (8297) обл.; в то же время около 80 тыс. чел., находившиеся в Башкирской, Марийской и Удмуртской АССР, в Архангельской, Кировской и Чкаловской обл., к переселению не намечались. Однако на местах это решение встретило известное сопротивление, сначала прокатилась волна отсрочек по его выполнению, а к лету 1948 года эта операция, можно сказать, захлебнулась¹⁵⁴. Совершенно очевидно, что тут после долгого перерыва вновь отчетливо столкнулись интересы центра и регионов, крайне незаинтересованных в потере опытных кадров и ухудшении своего трудового баланса (судя по документам, на областном уровне активнее других свои интересы отстаивало руководство КФАССР¹⁵⁵).

В июне 1948 года впервые гонениям подверглись «**тунеядцы**», или, иными словами, колхозники, не вырабатывавшие обязательного минимума трудодней, что трактовалось как уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве. Согласно Указу ПВС от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», право выносить приговоры было впервые предоставлено простому большинству таких «инстанций», как общее собрание колхозников или сельских сход; общественный приговор представлялся сельсоветом и утверждался райисполкомом. Уже в 1948 году по этому указу без суда и следствия и на спецпоселение сроком на 8 лет выслали (как правило, за Урал) более 27 тыс. чел.¹⁵⁶ Всего за 1948–1953 гг. число так называемых «указников» составило 33 266 чел.¹⁵⁷

Как известно, население аннексированных после войны территорий противилось политике советизации, в том числе и с оружием в руках. Борьба с вооруженным сопро-

¹⁵² *Иванова*, 1997, с. 66–67. Текст указа см. в: *Зайцев*, 1993, с. 46.

¹⁵³ *Бугай*, 1995, с. 224, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. 9479, оп. 1, д. 371, л. 4.

¹⁵⁴ *Бугай*, 1995, с. 224, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. 9479, оп. 1, д. 436, л. 38–39. Тем не менее отдельные операции проводились, например переселение в апреле 1951 г. нескольких сот крымских татар из Горьковской обл. в Узбекистан (*Бугай*, 1995, с. 245).

¹⁵⁵ См., например, возражения против запланированного вывоза из республики 600 «власовцев» в Кемеровскую обл. (февраль 1947 г.): «Особая папка» Берии, 1996, с. 165, со ссылкой на: *ГАРФ*, ф. Р-9401, оп. 2, д. 176, л. 48–54.

¹⁵⁶ *Бугай*, 1995, с. 235. По др. данным — 23 тыс. чел. (*Иванова*, 1997, с. 63, со ссылкой на: *ЦАОДМ*, ф. 203. оп. 1, д. 116, л. 10). В связи с крестьянством упомянем и осужденных по Указу от 4.06.1947 о хищениях государственного и общественного имущества. Формально к депортированным их не причислишь, но их доля в числе осужденных (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ их ежегодного числа), да и само их количество (1950 г.: 117 641 чел.; 1951 г.: 97 583 чел.; 1952 г.: 103 161 чел.) весьма выразительны (*Иванова*, 1997, с. 62).

¹⁵⁷ *Бугай*, 1995, с. 236.

тивлением советской власти в послевоенные годы, конечно, не могла обойтись без такого испытанного средства, как депортации членов семей противников. Начали, естественно, с Западной Украины и Литвы, где сопротивление было особенно ожесточенным. В частности, продолжились депортации оуновцев из западных районов Украины. К середине ноября 1947 года оттуда было депортировано около 75 тыс. чел.¹⁵⁸

Согласно постановлению ВС от 21 февраля 1948 года, спецпоселению подлежали семьи литовских бандитов и националистов, находившиеся на нелегальном положении, а также их пособники и кулаки с семьями. Контрольная цифра намеченных к «изъятию» составляла 12 134 семьи, или около 48 тыс. чел. Местами вселения планировались Красноярский край, Иркутская обл., Бурят-Монгольская и Якутская АССР, местами трудоустройства — главным образом лесозаготовительные предприятия. Операция, под кодовым названием «Весна», была проведена 22 мая, начавшись в Вильнюсе и Каунасе в полночь, а в уездах — в 4 часа утра. Всего было депортировано 49 331 чел.¹⁵⁹

Постановление СМ от 29 января 1949 года санкционировало новую операцию по изъятию приблизительно 100–150 тыс. «буржуазных националистов» и членов их семей, замаскированную под плановые военные учения. На сей раз охватывалась вся Прибалтика, а самой операции, обещавшей быть втрое масштабнее прошлогодней «Весны», присвоили не менее романтичное кодовое название «Прибой». Об ее серьезности и масштабности говорит уже количество привлеченного личного состава МГБ и местного совпартактива — более 76 тыс. чел. (такой массовости со стороны выселяющих не было, кажется, со времен депортации чеченцев и ингушей!).¹⁶⁰

Операцию провели повсеместно и одновременно — 25 марта 1949 года. К 18 часам 28 марта было фактически арестовано 29 687 семей, или 89 874 чел.¹⁶¹ В общей сложности (с учетом довыселенных) всего в марте 1949 года было депортировано 30 630 семей, или 94 779 чел., из них мужчин — 25 708, женщин — 41 987 и детей — 27 084 чел. Их распределение между республиками выглядело так: из Латвии — 13 624 семей (42 149 чел.), из Эстонии — 7488 семей (20 173 чел.) и из Литвы — 9518 семей (31 917 чел.).¹⁶² Направлялись они в Иркутскую (25 834 чел.), Омскую (22 542 чел.) и Томскую обл. (16 065 чел.), в Красноярский край (13 823 чел.), Новосибирскую (10 064 чел.) и Амурскую обл. (5451 чел.) и др.¹⁶³

¹⁵⁸ Бугай, 1995, с. 236.

¹⁵⁹ Бугай, 1995, с. 226–229, со ссылками на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 427 и 569; ф. Р-8131, оп. 32, д. 7351; ф. 9401, оп. 1, д. 2949.

¹⁶⁰ Планирование и общее руководство операцией было возложено на начальника Главного управления внутренних войск МГБ генерал-лейтенанта П. Бурмака (подробнее см.: Стродс, 1999; Чебриков, 1996).

¹⁶¹ Стродс, 1999, с. 133, со ссылкой на: РГВА, ф. 38650. оп. 1, д. 408, л. 124.

¹⁶² Бугай, 1995, с. 230–231, со ссылкой на: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 235, л. 27, 35. По данным справки председателя КГБ В. М. Чебрикова, представленной 23.09.1988 в Комиссию ПБ ЦК КПСС о репрессиях 1930–50-х гг., эта сумма (правда, за 1941–1953 гг.) несколько меньше — 195 707 чел. (Чебриков, 1996).

¹⁶³ Бугай, 1995, с. 231–232; Стродс, 1999, с. 134.

Всего же за 1940–1953 гг. из Прибалтики на спецпоселение было отправлено 203 590 чел., в том числе 118 599 чел. из Литвы, 52 541 чел. из Латвии и 32 540 из Эстонии¹⁶⁴.

В первой половине 1950 года, согласно постановлению СМ от 29 декабря 1949 года, высылке в Хабаровский край — причем с формулировкой «навечно» — были подвергнуты и «бывшие прибалты» — кулаки и обвиненные в бандитизме (с семьями) и репрессированные за антисоветскую деятельность, из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской обл.: эти районы до 1940 года, согласно Тартускому договору, входили в состав Эстонии¹⁶⁵.

Несколько ранее, постановлением от 6 октября 1948 года, в «кулацкий» контингент Томской обл. было добавлено еще около 1100 чел. из Измаильской обл.¹⁶⁶. А в конце 1948 года новая волна депортаций подобралась к Молдавии.

12 октября министр внутренних дел Молдавской ССР Ф. Я. Тутушкин поставил перед центром вопрос о выселении в отдаленные районы 15 тыс. кулацких семей — в крайнем случае и самое малое 5 тыс. семей особо враждебных кулаков. Ко 2 декабря были подготовлены и разбиты на категории списки на 33 640 чел., в том числе на 9259 глав семей; к середине февраля 1949 года число занесенных в эти списки достигло 40 854 чел., в том числе 11 281 глав семей. И только после этого, в середине марта, в Центр была направлена совместная просьба Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, ЦК КП(б) и СМ Молдавии разрешить выселение кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов и деятелей профашистских партий в количестве 39 091 чел. Просьба была услышана: 6 апреля 1949 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило Постановление СМ о выселении с территории Молдавии 40 850 чел. из 11 280 семей. Для проведения операции, названной руководством МВД СССР «Юг», было создано 8 оперативных секторов¹⁶⁷.

11 июня МВД издал приказ о порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, высланных из Молдавии. В операции «Юг» было задействовано более 21 тыс. чел.¹⁶⁸; она началась в 2 часа ночи 6 июля и закончилась в 8 часов вечера 7 июля. Выпавшие в эти дни ливни стали помехой ее проведению, но «смыть» приказ Центра они не смогли. Собранный спецконтингент разместили в 1573 вагона, сведенные в 30 эшелонов: их «пассажирами» стали 11 253 семьи, или 35 796 чел. (9684 мужчин, 14 033 женщин и 11 899 детей). Спустя 2–3 недели их доставили «на места» — в Курганскую, Тюменскую, Иркутскую и Кемеровскую обл., в Алтайский и Хабаровский края и в Бурят-Монгольскую АССР.¹⁶⁹

¹⁶⁴ По данным справки, составленной 16.12.1965 зам. начальника 2-го управления МВД СССР Кардашовым (см.: Бугай, 1995, с. 232, со ссылкой на: ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 195, л. 52, 53).

¹⁶⁵ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 386 об. Н. Ф. Бугай приводит другую дату — первая половина 1949 г. Бугай, 1995, с. 243, 244.

¹⁶⁶ Бугай, 1995, с. 236.

¹⁶⁷ Пассат, 1994, с. 38–39; Бугай, 1995, с. 239.

¹⁶⁸ В частности, 4495 оперативников, 13 774 военнослужащих МГБ и 4705 советско-партийного актива (Пассат, 1994, с. 42).

¹⁶⁹ Пассат, 1994, с. 41–45. Впоследствии к итогам операции неоднократно возвращались, находя их, ввиду непрекращающегося «бандитизма» в республике, неудовлетворительными. Еще 9.06.1952 Л. И. Брежнев, в то время 1-й секретарь ЦК КП(б) Молдавии, ставил перед центром вопрос о необходимости довыселить еще 3 тыс. чел., но разрешительной санкции на этот раз не последовало.

17 мая 1949 года ЦК ВКП(б) принял очередное решение о **греках** (греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство). Это мотивировалось целями «очистки» Черноморского побережья РСФСР и Украины, а также Грузии и Азербайджана в целом от «политически неблагонадежных элементов». Их предлагалось сослать на вечное поселение, расселить и трудоустроить в Южноказахстанской и Джамбульской обл. Казахстана под надзором МВД¹⁷⁰. Переселение осуществлялось в июне 1949 года, всего было депортировано 57 680 чел., в том числе и 15 485 дашнаков¹⁷¹.

Тогда же, летом 1949 года, с территории Грузии, Армении и Азербайджана, а также с украинского и российского (северо-кавказского) побережья Черного моря были выселены небольшие группы армян-дашнаков, турецких и греческих граждан, а также турок и греков без гражданства и бывших турецких и греческих граждан, принятых в советское гражданство¹⁷². В местах вселения (Узбекистан, Казахстан, Киргизия) турки-османы, как правило, смешивались с турками-месхетинцами и практически растворились в них.

Всего же, по данным В. Н. Земскова, в середине 1949 г. численность спецпоселенцев, выселенных навечно из Прибалтики, Молдавии и с Черноморского побережья превышала 170 тыс. чел. и составляла, по состоянию на 15 июля 1949 года, соответственно, 91 204, 34 763 и 57 246 чел.¹⁷³

Депортации продолжились и в 1950-х гг. Так, в марте 1951 года из Таджикистана в Кокчетавскую обл. Казахстана было выселено 2795 басмачей и членов их семей¹⁷⁴. В начале 1951 года продолжилась «чистка» территории Грузии, в частности, от иранцев: их переселяли в Джамбульскую и Алма-Атинскую обл. Несколько позже (в конце года) выселению из Грузии подверглись ассирийцы и прочие «враждебные элементы»¹⁷⁵.

Не упускались из виду и аннексированные территории. Так, постановления СМ, принятые в январе-марте 1951 года, предусматривали дальнейшее выселение кулаков с семьями из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также выселение из Литвы — в Иркутскую обл. — бывших военнослужащих армии Андерса, репатриированных из Англии.

Кроме того, изо всех аннексированных территорий высылались «сектантские элементы», в вероучении и пропаганде которых власти усматривали антисоветчину. В частности, активной и последовательной разработке подвергались члены секты «иеговистов», став очередной коллективной мишенью органов госбезопасности. В октябре 1950 года тогдашний министр внутренних дел Абакумов докладывал Сталину соображе-

¹⁷⁰ Коцонис, 1997, с. 85–87. С собой дозволялось брать личные ценности, скарб и пищу из расчета не более 1 тонны на семью.

¹⁷¹ Бугай, 1995, с. 241.

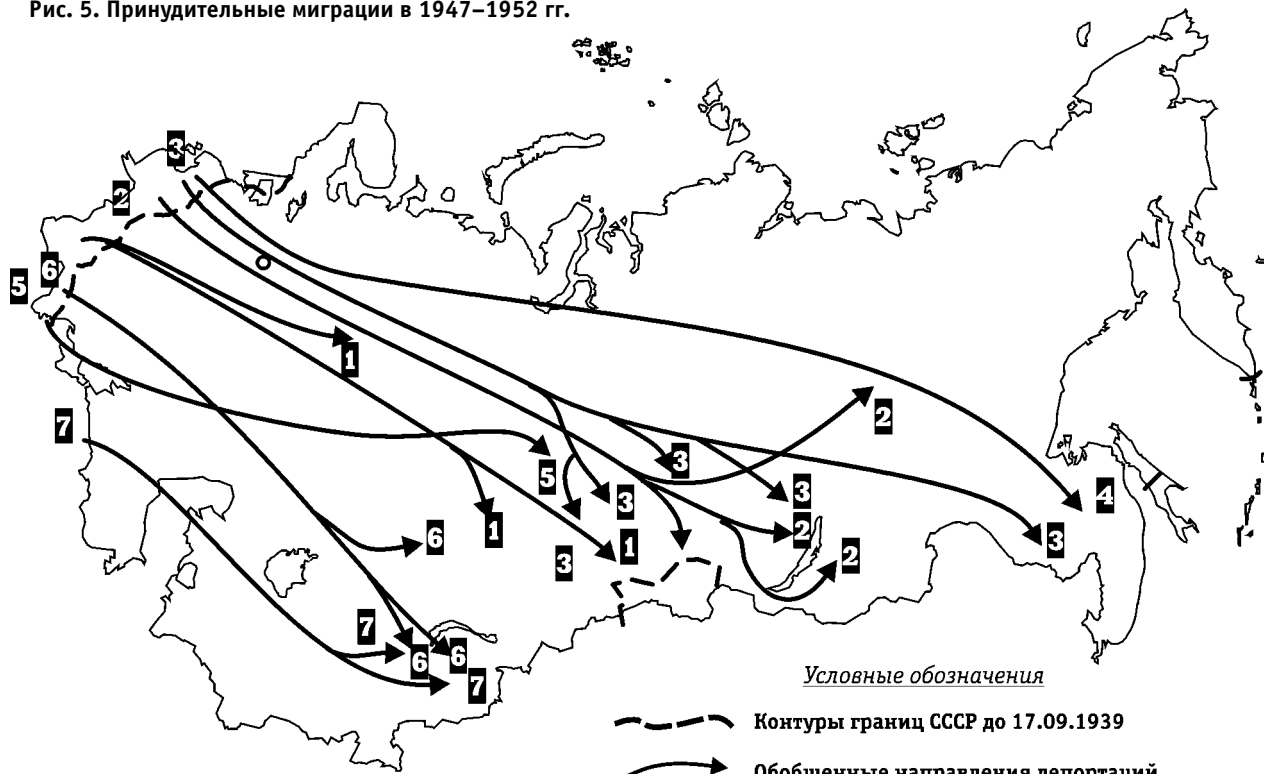
¹⁷² Бугай, Гонов, 1998, с. 222.

¹⁷³ Земсков, 1990а, с. 12.

¹⁷⁴ Бугай, 1995, с. 244–245.

¹⁷⁵ Бугай, 1995, с. 244.

Рис. 5. Принудительные миграции в 1947–1952 гг.

Условные обозначения

--- Контурь границ СССР до 17.09.1939

→ Обобщенные направления депортаций

Депортированные контингенты:

1 — «Оуновцы» из 3. Украины (1947–1948); 2 — литовцы (1948); 3 — прибалты (1949);
4 — из Пыталовского района Псковской области (1949); 5 — из Измаильского района
(1948); 6 — из Молдавии (1949); 7 — с Черноморского побережья (1949)

ния об их депортации: тот предложил запланировать это на март-апрель 1951 года. 3 марта соответствующее решение принял СМ, а 6 марта соответствующий приказ издал МГБ СССР; 24 марта СМ МолдССР принял постановление «О конфискации и реализации имущества выселяемых с территории Молдавской ССР».¹⁷⁶ Операция «Север» была начата в 4 часа утра 1 апреля 1951 года и закончена 2 апреля. В ее проведении участвовало около 2600 чел., и примерно столько же было на этот раз депортировано: 732 семьи, 2619 чел., из которых $\frac{2}{3}$ составляли женщины и дети. Местом депортации для них была назначена Томская обл. «Иеговистов» из других западных районов СССР, кроме Томской, высылали также в Иркутскую обл.

Новые десятки тысяч раскулаченных, по постановлению от 5 сентября 1951 года, поступили на спецпоселение в Тюменскую обл., Красноярский край, в Казахстан и Якутию из Прибалтики (16 833 чел.), Правобережной Молдавии (9727 чел.) и Западной Украины и Западной Белоруссии (5588 чел.)¹⁷⁷. Весной 1952 года принимались отдельные постановления по кулакам из Западной Белоруссии: по одному из них 18–22 апреля 1952 года была проведена операция по выселению в Иркутскую обл. и Казахстан приблизительно 6 тыс. чел.¹⁷⁸

По-видимому, в тот же ряд, что и «тунеядцы», должны быть поставлены и выселенные по Указу ПВС от 23 июля 1951 года за бродяжничество и попрошайничество. Еще более поздней операцией, по-видимому, могла стать депортация евреев из центральных и западных районов, осуществиться которой, по слухам, помешала только смерть Сталина, — но прямых документальных свидетельств о ней до сих пор не выявлено¹⁷⁹.

Таким образом, общее количество депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 380–400 тыс. чел. География их выселения (см. карту 3.6.1) во многом напоминала структуру последнего военного двухлетия, но при этом акцент был как бы перенесен из Закавказья на закрепленное Потсдамским миром западное приграничье. В то же время определенный сдвиг произошел и в географии вселения: так, все более и более заметную роль начала играть Восточная Сибирь и, в особенности, Красноярский край и Иркутская область, тогда как роль Казахстана и Узбекистана значительно ослабла.

¹⁷⁶ *Пассат*, 1994, с. 52–53.

¹⁷⁷ *Бугай*, 1995, с. 234, 245.

¹⁷⁸ *Бугай*, 1995, с. 249.

¹⁷⁹ Типичную подборку весьма правдоподобных косвенных свидетельств см., например, в: *Бар-Селла З., Шрайман Т., Топоровский Я.* Последняя тайна режима // *Окна* (Иерусалим). — 7–13.12.1995. — С. 4–6. Публикация вызвала большой резонанс и большую читательскую почту, полную аналогичных косвенных свидетельств.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ И ПРОЦЕСС ИХ РЕАБИЛИТАЦИИ В СССР

Подавляющее большинство депортированных имели статус «спецпоселенцев», подразумевающий их жесткую административную привязанность в местах нового жительства к сети так называемых «спецкомендатур», число которых, по состоянию на апрель 1949 года, составляло 2679¹. При этом планировалось, что на одну комендатуру будет приходиться в среднем 700 семей².

8 января 1945 года СНК принял два важных постановления «Положение о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев», значительно смягчавшие режим проживания спецпереселенцев. Им возвращалась часть гражданских прав, кроме, разумеется, свободы проживания и перемещения: предписывалось подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур, в трехдневный срок информировать их о любых переменах в составе семьи и возбранялось отлучаться из зоны компетенции своей спецкомендатуры без ее разрешения (отлучка приравнивалась к побегу и преследовалась уголовно)³. 28 июля 1945 года вышло постановление «О льготах спецпереселенцам», касавшееся главным образом сельскохозяйственного налогообложения.

В январе 1946 года начались снятия с учета спецпоселений этнических континентов. Первыми сняли с учета финнов, депортированных в Якутскую АССР, Красноярский край и Иркутскую обл. Там их, собственно, и оставили, но уже не на поселение, а на жительство⁴.

Многие предпочитали бежать: так, до 1947 года зафиксировано 24 324 беглых, из них задержано было всего 9917 чел., то есть менее половины⁵. Согласно другим данным (на 1 октября 1948 года), из 2 104 751 чел., находившихся на этот момент на спецпоселении, побег совершили 77 541 чел., из них 20 955 чел. так и находились в бегах. Больше всего беглецов приходилось на немцев (22 235 чел.), но в относительном выражении это составляло всего 2,2% от общей численности — против 3,5%

¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 242.

² См. в обнаруженном А. С. Хунаговым «рабочем плане» по переселению, датированном еще сентябрем 1943 (Бугай, Гонов, 1998, с. 230). Интересно, что личный состав комендатур наполовину предполагалось укомплектовывать представителями самих депортированных народов.

³ Зайцев, 1993, с. 113–114. На месте комендант был вправе накладывать на спецпереселенца наказания в виде штрафа до 10 руб. или ареста до 5 суток.

⁴ См. об этом в докладной записке от 17.01.1946 (ГАРФ, Ф. 9401, оп. 1, д. 2410, л. 178).

⁵ Бугай, Гонов, 1998, с. 237.

у выселенных из Северного Кавказа, 4,4% — из Крыма, 9,3% — у «власовцев» и даже 13,4% — у «оуновцев»!⁶

Датированным 24 ноября 1948 года Постановлением СНК «О выселенцах» меры наказания за побег были значительно ужесточены⁷. В спецкомендатурах налаживался посемейный и индивидуальный учет спецпереселенцев, а в Якутской АССР и в Красноярском крае было создано несколько режимных поселений для тех из них, кто, по сведениям оперативников, отличался повышенной склонностью к побегу. В местах их прежнего проживания денно и ночью работали специальные инспекции и оперативно-розыскные отряды МВД, выявлявшие беглецов в конечных точках их маршрутов — на родине⁸.

Но по-настоящему **черными** для спецпоселенцев днями стали те, когда им под расписку объявляли Указы ПВС от 26 ноября 1948 и от 9 октября 1951 года, суть которых сводилась к тому, что на спецпоселении они оставляются **навечно**, без права возврата к прежним местам жительства. За побег предусматривалось уже не 8, а 20 лет, да к тому же не тюрьмы, а каторги⁹.

Кроме семи тотально депортированных народов указ 1948 года распространялся также и на крымских греков, болгар и армян, турок-месхетинцев, курдов и хемшилов, а также на высланных в 1949 году из Прибалтики. Все эти категории получили новое статусное наименование **«выселенцы»**: с каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с этим указом.

Из 2,3 млн. чел., находившихся в это время на спецпоселении, к категории «выселенцев» относилось более 1,8 млн., или 80%¹⁰. Для «власовцев» и всех прочих спецпоселенцев, занятых на стройках и не подпадающих под указ о вечном поселении, своеобразным «подарком» стало их прикрепление к этим стройкам до момента окончания промышленного и капитального строительства на объектах¹¹. К тому же после 11 марта 1952 года состав спецконтингента пополнился за счет тех представителей репрессированных этнических и социальных групп, которые до сих пор отбывали свое наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа¹².

Просвет в сталинской «вечности» образовался только после смерти «отца народов». В середине 1950-х гг. последовала серия указов ПВС о снятии ограничений в правовом положении с депортированных спецпоселенцев (впрочем, с замечательной формулировкой: «*поскольку эти ограничения в дальнейшем не вызываются необходимостью*»), что свидетельствует о твердой убежденности государства в правоте и правомочности своих предшествующих действий).

⁶ Рассчитано по: Бугай, Гонов, 1998, с. 241, со ссылкой на «Справку о борьбе с побегами спецпереселенцев с момента их расселения» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 31445, л. 20).

⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 235. В частности, на них было распространено ПСМ № 1481-730 от 03.06.1948, предусматривавшее за побег до 8 лет лишения свободы.

⁸ Бугай, Гонов, 1998, с. 238–241.

⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 236.

¹⁰ Земсков, 1990а, с. 9–10.

¹¹ Зайцев, 1993, с. 125.

¹² Бугай, Гонов, 1998, с. 236.

Первое реальное послабление принес с собой 1954 год: 5 июля СМ принял Постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». В нем отмечалось, что в результате дальнейшего упрочения советской власти и включения основной массы спецпоселенцев, трудоустроенных в промышленности и сельском хозяйстве, в хозяйственную и культурную жизнь районов их нового проживания, необходимость в применении к ним правовых ограничений отпала. Нет, формально с учета по спецпоселениям их еще не сняли, но обязанность являться на регистрацию в комендатуру каждые три дня отпала, замененная символическим одним разом в год. Дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста, а также достигшие, но принятые или направленные на учебу, освобождались от спецпоселения и формально. Оставшиеся же на спецпоселении получили право проживания и перемещения внутри своей области, а по служебным командировкам — и внутри всей страны. Впрочем, постановление это распространялось не на всех: вне сферы его действительности оставались осужденные за особо опасные преступления и отправленные в ссылку после отбытия наказания, нарушители режима и общественного порядка, а также украинские националисты, бандиты, бандпособники и члены их семей, высланные в 1944–1952 гг. из западных областей Украины и Белоруссии и из республик Прибалтики, «кандерсовцы», высланные в 1951 году из Литвы и западных областей Украины и Белоруссии и почему-то иеговисты (из тех же республик Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и Молдавии¹³).

13 августа 1954 года последовало другое важное Постановление СМ «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались»¹⁴. Кулаки, высланные еще в 1929–1933 гг., признавались прочно обосновавшимися в местах нового жительства, как и не подвергнутые депортациям **немцы** контингентов «местные» и «мобилизованные» (трудоармейцы). Иными словами, вывод из спецпоселения логически начался с тех, кто находился на нем дольше других (а иные из кулаков — вот уже четверть века!), а также с тех, кого при этом никуда не переселяли. Коснулось это тогда в общей сложности примерно 118 тыс. чел.¹⁵

Два следующих решения СМ были приняты в 1955 году — «О выдаче спецпоселенцам паспортов» (10 марта) и «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» (24 ноября). 17 сентября 1955 года вышел знаменитый Указ ПВС «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Первое постановление, специально касающееся исключительно «наказанного народа» (если не считать финнов), также датируется 1955 годом: то был Указ ПВС от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»¹⁶.

¹³ Зайцев, 1993, с. 126–127.

¹⁴ Зайцев, 1993, с. 127–128.

¹⁵ Бугай, 1995, с. 260.

¹⁶ Ему, правда, предшествовали решения о снятии с учета спецпоселения детей граждан немецкой национальности (5.07.1954) и о призыве их на военную службу (23.08.1955), а также о снятии

А дальше, в 1956 году, Указы ПВС о снятии ограничений выходили буквально один за другим: 17 января — по полякам, высланным в 1936 году; 17 марта — по калмыкам, 27 марта — по грекам, болгарам и армянам; 18 апреля — по крымским татарам, балкарцам, туркам-месхетинцам, курдам и хемшилам, 16 июля — по чеченцам, ингушам и карачаевцам (впрочем, все — без права возвращения на родину). Видимо, в этот же ряд стоит поставить и Указ от 10 марта 1956 года об отмене Указа от 12 февраля 1948 года, запретивший административную высылку и разрешивший отбывшим наказание прибалтийским «националистам» направиться на спецпоселение и воссоединиться с находящимися там семьями¹⁷. Интересно, что волна этих указов началась не после, а до произнесения Хрущевым его знаменитой «секретной» речи на XX съезде КПСС (24–25 февраля 1956 года).

9 января 1957 года пяти из тотально репрессированных народов, ранее имевших свою государственность, была возвращена их автономия, но двум — немцам и крымским татарам — нет (не произошло этого и сегодня)¹⁸.

Но от снятия поражения в правах до восстановления и реализации этих прав предстояло еще пройти солидный путь: ни обязательного возвращения имущества, конфискованного при выселении, ни автоматической возможности возвращаться в места и дома, откуда произошло выселение, указы не предусматривали, а некоторые из «ограничений» фактически действовали еще в начале 1990-х гг.

В силу этого, перефразируя слог чекистов, ход процесса реабилитации принудительных мигрантов, как он протекал в СССР и протекает еще по сей день в России и других странах СНГ, признать удовлетворительным — не представляется возможным.

Географические особенности расселения депортированных народов в местах высылки

Под конец 1945 года на спецпоселении находилось 967 085 семей, или 2 342 506 чел.¹⁹ Общее число спецпоселенцев (включая ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных) за 1938–1945 гг. возросло в 2,2 раза — главным образом за счет представителей «наказанных народов», распределенных преимущественно между республиками Средней Азии и Казахстаном, для которых зафиксировано 6–9-кратное умножение числа таких «новоселов». Их суммарное число достигло 2,2 млн. чел., перевалив тем самым за 1-процентный рубеж, а в 1950 году их доля приблизилась к 1,5% (1,47%).

Динамику этого «контингента» и их региональное распределение см. в табл. 9²⁰ и на рис. 6:

ограничений по спецпоселению с немцев — членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей (9.05.1955). См.: Бугай, 1995, с. 260.

¹⁷ См.: Зайцев, 1993, с. 119, 121–122.

¹⁸ Вместо этого имела место более поздняя серия постановлений в середине 1960-х, начале 1970-х и в конце 1980-х гг. с разъяснениями по вопросам восстановления в правах.

¹⁹ Бугай, 1995, с. 220.

²⁰ Даты, по которым имеются аналогичные сведения: 1.04.1945, т. е. перед самым концом войны; 1.01.1953, т. е. на гребне новой волны сталинских репрессий, остановленной лишь его скорой

Таблица 9. Распределение спецпоселенцев по регионам (1938, 1945, 1953 и 1958; тыс. чел.)

Регионы	1938	1945	1950	1953	1958	1945 к 1938	1953 к 1945	1958 к 1953
Урал	244,3	238,0	264,3	236,6	9,7	0,97	0,99	0,04
Западная Сибирь	242,7	456,2	605,6	634,0	47,7	1,88	1,39	0,08
Север европейской части	135,1	79,6	91,3	87,6	8,3	0,59	1,10	0,09
Казахстан	134,7	846,1	893,1	988,4	6,7	6,28	1,17	0,01
Восточная Сибирь	19,7	173,5	222,7	275,7	65,7	1,45	1,59	0,24
Северный Кавказ	45,5	24,6	0,7	0,3	–	0,54	0,01	–
Средняя Азия	35,2	324,4	358,3	380,7	0,3	9,22	1,17	0,00
Дальний Восток	29,3	19,6	107,3	64,2	15,8	0,67	3,28	0,25
Украина	7,5	5,2	5,2	0,7	–	0,69	0,13	–
Поволжье	3,3	22,0	22,0	23,0	0,0	6,67	1,05	0,00
Центр	–	22,4	22,4	26,3	–	–	1,17	–
Итого	897,3	2212,1	2607,9	2753,4	154,3	2,22	1,24	0,06

Рассчитано по: Земсков, 1995 (данные на 01.07.1950 — по ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 372–380).

Однако вместо чаемой либерализации режима первые послевоенные годы принесли, напротив, еще большее его ужесточение и, соответственно, еще полумиллионный «прирост» спецпереселенцев. Именно тогда, по состоянию на 1 января 1953 года, было отмечено максимальное единовременное число спецпоселенцев в стране — 2 753 356 чел.²¹ (Для сравнения и на ту же дату: в лагерях и колониях ГУЛАГа, по официальным данным, содержалось лишь немногим меньше людей — 2 472 247 чел.²²)

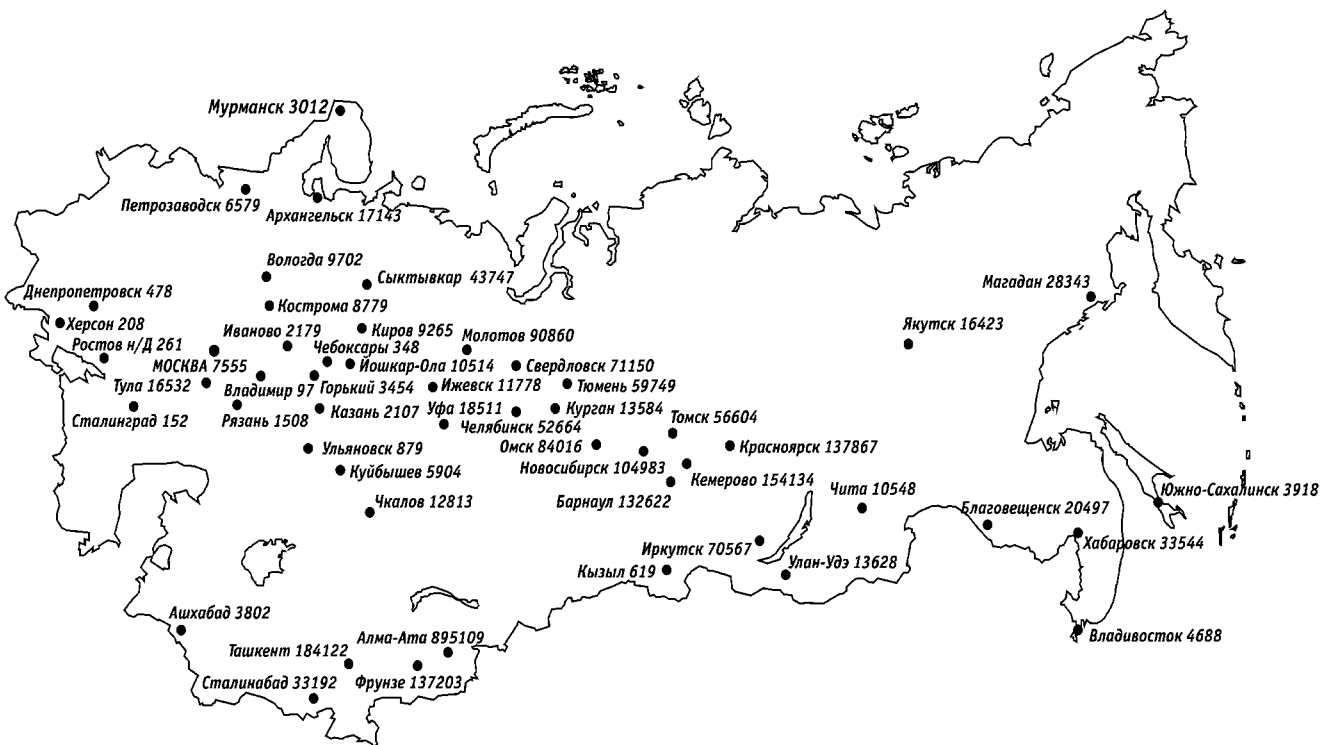
За 1945–1953 гг. резко возросла численность спецпоселенцев Зауралья: в частности, Западной Сибири — в 1,39 раза, Восточной Сибири — в 1,59 раза и Дальнего Востока — в 3,28(!) раза. Их совокупная доля составила в 1953 году 35,4% против 29,4% в 1945 году. В абсолютном исчислении почти на прежнем уровне оставались Урал и Европейский Север, а также Центр. В то же время в Средней Азии и Казахстане прирост упал до поистине «жалких» 17%, что вполне соотносимо с уровнем естественного при-

смертью; 1.01.1958, когда большая часть «наказанных народов» и других незаконно депортированных групп населения либо вернулась на покинутые места, как северокавказские и некоторые другие народы, либо, как немцы или крымские татары, получили гражданские права, но на новом месте обитания.

²¹ Земсков, 1990а, с. 16.

²² Иванова, 1997, с. 77, со ссылкой на: ЦАОДМ, ф. 203, оп. 1, д. 990, л. 134.

Рис. 6. Карта республик, краев и областей СССР, с указанием количества состоящих на учете спецпоселений, по состоянию на 01.07.1950

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 400

роста высланных сюда народов. Тем не менее динамика доли Средней Азии и Казахстана в числе спецпереселенцев не менее выразительна: 1938 год — 17,2%, 1945 год — 49,7%, 1953 год — 52,9% .

К 1958 году, когда большинство депортированных народов было снято со спецпоселения, суммарная доля Средней Азии и Казахстана упала до скромнейшего полупроцента, зато необычайно высоко, до 83,7%, вознеслась доля сурового Зауралья (и более чем наполовину — за счет Восточной Сибири): там традиционно содержались контингенты, не затронутые реабилитационными волнами.

Первой такой волной стало массовое снятие с учета спецпоселенцев-кулаков, последовательно происходившее на протяжении 1940-х гг. К началу 1949 года их находилось на учете лишь немногим более 130 тыс. чел., и лишь в Томской и Кемеровской обл., в Хабаровском крае и Херсонской обл. кулаки еще продолжали быть ведущим контингентом.

К этому времени определяющую роль в структуре спецпоселенцев стали играть уже депортированные немцы. К концу войны немцев на спецпоселении, без умерших и бежавших, значилось без малого 1 млн. чел. (949,8 тыс. чел.), в том числе (тыс. чел.) выходцы из АССР НП 446,5 (47,0%), из Северо-Западного Кавказа и Крыма — 149,2 (15,7%), из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей Украины — 79,6 (8,3%), из Саратовской обл. — 46,7 (4,9%), из Закавказья — 46,4 (4,9%), из Ростовской обл. — 38,3 (4,0%), из Сталинградской обл. — 26,2 (2,8%) и т. д.²³

За послевоенное время и без того непростая структура немецких спецпоселенцев, вобравшая в себя несколько различных волн депортации, еще более усложнилась. Помимо немцев «выселенных» (из Поволжья и других районов европейской части), немцев «местных» (проживавших и до войны за Уралом), немцев «мобилизованных» (в «трудармию» и до конца 1945 года находившихся в специальных зонах по месту работы²⁴), добавились две новые категории. В частности, категория «*фольксдойче*», то есть немцев из западных районов СССР (главным образом с юга Украины), которых в начале войны не успели депортировать, но которых Красная Армия захватила при освобождении бывших под оккупацией областей²⁵. Их интернировали, имущество конфисковывали, а самих направляли, как правило, в Черногорский спецлагерь в Красноярском крае. К началу 1949 года на спецпоселении находилось и 120,2 тыс. немцев-«*репатриантов*», то есть немцев, возвращенных репатриационными комиссиями из Германии и Австрии.

Если на 1 октября 1948 года на спецпоселении находилось 1012,8 тыс. немцев, то на 1 января 1953 года — уже 1224,9 тыс., из них (тыс. чел.) 855,7 выселенных, 208,4 репатриированных, 111,3 «местных» и 48,6 «мобилизованных». В 1953 году на немцев приходилось 44,5% от общего числа спецпоселенцев, а вторая по этому показателю национальность — чеченцы — «отставала» почти в 4 раза.

²³ См.: Земсков, 1990а, с. 8.

²⁴ С 1946 г. — на учете в Отделе спецпоселений НКВД СССР.

²⁵ В Третьем Рейхе они пользовались всеми правами гражданства и связанными с этим привилегиями.

Какой же предстает более детальная география расселения «наказанных народов» и вообще этнических спецпереселенцев?

В фонде Отдела спецпереселений НКВД сохранилась уникальная карта: «четырёх-миллионка» СССР с территориальным делением по состоянию на 1954 год и с нанесёнными на нее масштабированными пунсонами семи различных цветов, соответствующим семи «наказанным народам»²⁶. В каждой области РСФСР и Казахстана пунсоны выстроены в ряд наподобие картодиаграммы, но республики Средней Азии даны целиком, без учета их внутреннего деления. Рукописная помета на карте датирует ее июнем 1956 года, так что это скорее всего некая итоговая карта результатов тотальных депортаций «наказанных народов», составленная накануне или в процессе снятия с них ограничений по спецпоселению.

Анализ данных карты (там, где это возможно, мы дополнили их данными о не попавших на карту народах, в частности, о корейцах, финнах и турках-месхетинцах) приводит к весьма любопытным наблюдениям и выводам. Спецпоселенцы из «наказанных народов» совершенно отсутствовали на весьма значительной части СССР, а именно в его западной части (Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, все области РСФСР к западу от Москвы), в ряде приграничных районов (Мурманская и Камчатская обл., Приморский край), а также в тех районах, откуда эти народы выселяли (Северный Кавказ, Нижняя Волга)²⁷.

В остальных регионах имеется то или иное сочетание представителей «наказанных народов». Бросается в глаза, что **немцы** представлены в них практически **повсеместно**. В европейской части есть регионы, где из «наказанных народов» кроме них вообще никого нет (например, Вологодская, Рязанская или Ульяновская обл.) или же контингенты других наказанных народов ничтожно малы (например, республики Коми, Карелия, Удмуртия, Татария, Бурятия, области Архангельская, Кировская, Челябинская, Курганская, Читинская и Иркутская, края Амурский и Хабаровский — в РСФСР, а также Уральская обл. в Казахстане и в целом Туркмения). Определенные уточнения вносит учет **финнов-ингерманландцев**, которых одно время тоже расселяли в европейской части, в том числе в таких регионах, как Вологодская обл. или Карелия (в 1944 году в европейской части расселяли также и **крымских татар**, о чем см. ниже).

Преобладают регионы европейского Севера, южного Урала, а также юга Дальнего Востока, из которых депортация немецкого населения, в основном, не производилась (если не считать мобилизации в трудовую армию и незначительных внутрирегиональных переселений, как, например, в Читинской обл., где немцев отселили от границы). Доля позднейших переселений на «запад», вызванных той или иной производственной необходимостью (например, на шахты Мосбасса в Московской и Тульской обл.), как правило, была незначительной. Самым многочисленным в этой группе регионов с немецким *доминированием* был немецкий контингент в Челябинской обл.

²⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 31.

²⁷ В этих районах редко, но встречаются спецпоселенцы других категорий, например власовцы (в Мурманской обл. и Приморском крае) или кулаки (в Херсонской обл.).

Случаи, когда немецкое население не входило в тройку лидеров среди «наказанных народов» в том или ином регионе, крайне редки. Если немцы не доминировали (как в вышеперечисленных случаях), то, как правило, они *лидировали*, причем с очень большим отрывом. Так, в сочетании с **крымскими татарами**, они лидируют в ряде других областей Центра европейской части, Поволжья и Урала (Московская, Тульская, Костромская, Ивановская, Горьковская, Куйбышевская и Свердловская обл., Чувашия и Башкирия), а кроме того в Якутии, в Магаданской и Кемеровской обл. и в Таджикистане. Обратное сочетание (крымские татары опережают немцев) встречается всего дважды — в Марийской АССР и в Узбекистане, причем подчеркнем, что в Узбекистане *доминируют* уже крымские татары (133 тыс. чел. против 8, 5 тыс. немцев, заметно уступающих также корейцам и туркам-месхетинцам).

В шести регионах Западной и Восточной Сибири (Тюменская, Омская, Томская и Новосибирская обл., Алтайский и Красноярский края) вторыми после немцев следовали **калмыки**, представленные, как правило, колониями в 10–15 тыс. чел., а на Сахалине (регионе, в общем-то малохарактерном как для тех, так и для других) калмыки даже опережали немцев.

В пяти казахстанских областях дуэты лидеров образовали **немцы и чеченцы** (Карагандинская, Семипалатинская, Северо-Казахстанская, Актюбинская и Гурьевская обл.). Еще в четырех областях, расположенных на севере Казахстана (Кустанайской, Кокчетавской, Акмолинской и Павлодарской) отмечалась следующая комбинация народов: «немцы + ингуши + чеченцы».

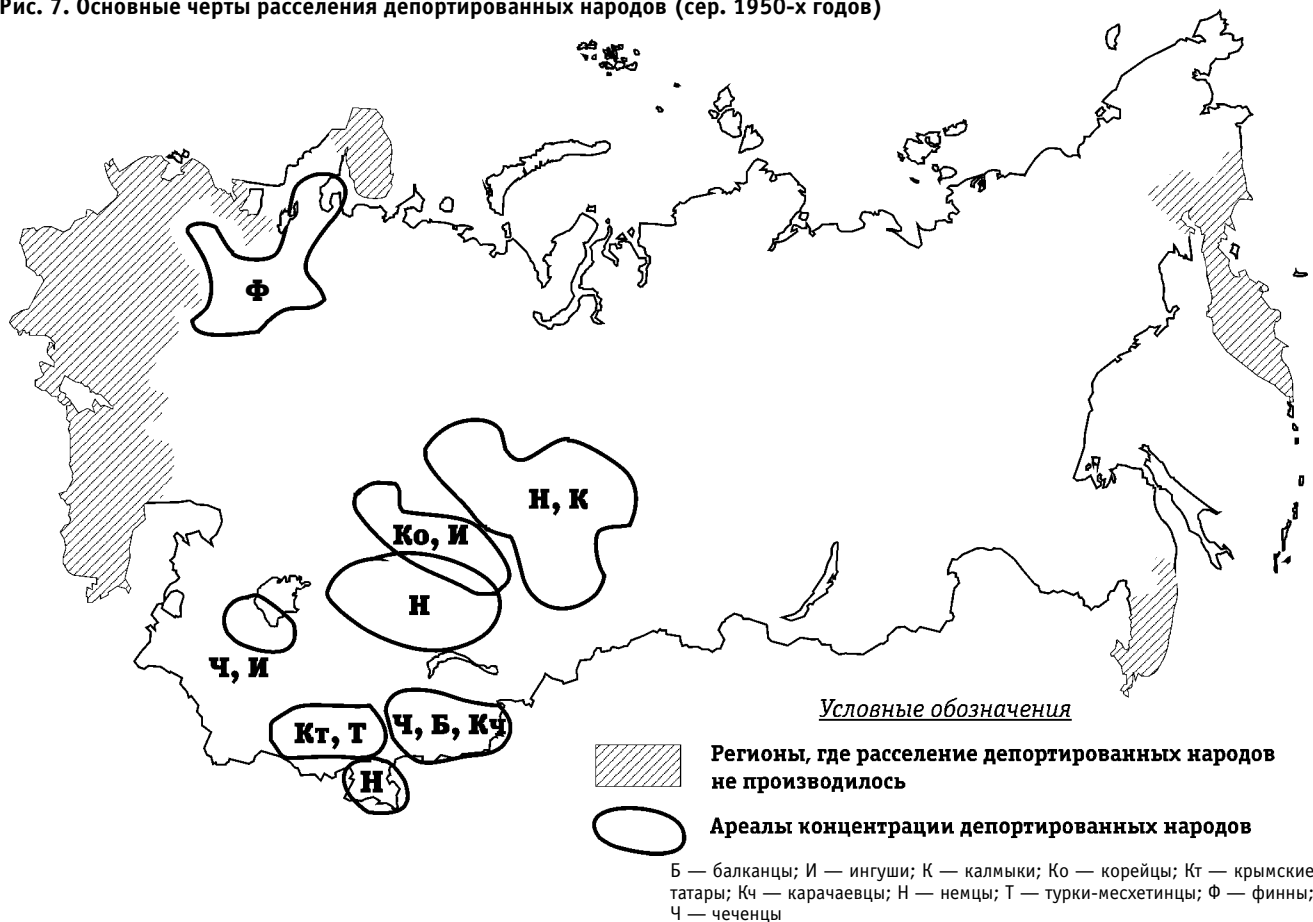
В одном случае (Восточноказахстанская обл.) чеченцы опередили немцев, в других это же сочетание дополняется еще каким-нибудь народом: например, в Каракалпакии — калмыками, а в Алма-Атинской и Талды-Курганской обл. на юго-востоке Казахстана — балкарцами. Еще в двух областях юга Казахстана по одному разу встречаются комбинации «карачаевцы + немцы + чеченцы» (Чимкентская обл.) и «чеченцы + карачаевцы + немцы» (Джамбульская обл.). Но самая сложная комбинация — «чеченцы + карачаевцы + немцы + балкарцы» — была отмечена в Киргизии.

Таким образом немецкая «монополия» на лидерство имела лишь 10 исключений, из них шесть приходилось на чеченцев, два — на крымских татар и по одному — на калмыков и карачаевцев.

Пространственная картина расселения основных депортированных народов показана на рис. 7. Еще раз подчеркнем, что главной особенностью расселения депортированных **немцев** была их условная **повсеместность**. Наибольшие очаги их концентрации (регионы с людностью не ниже 70 тыс. чел.) отмечались на Алтае, в Таджикистане, в Карагандинской, Новосибирской и Акмолинской обл. Такого же порядка концентрации помимо немцев встречались еще у трех народов — **крымских татар** и **корейцев** в Узбекистане и у **чеченцев** в Киргизии.

Чеченцы, являясь вторым по людности из репрессированных народов, доминировали в Киргизии и в граничащих с ней областях Юго-Восточного Казахстана, а также

Рис. 7. Основные черты расселения депортированных народов (сер. 1950-х годов)

в Каракалпакии. Достаточно представительно (колониями по 5 тыс. чел. и более) они были расселены по всему Казахстану, кроме его самых западных областей (но и относительно небольшое число чеченцев, например в Гурьевской обл., имело качественную нагрузку: это, в основном, грозненские нефтяники).

Крымские татары были мощно сконцентрированы в Узбекистане, но в то же время достаточно широко расселены и по России, являясь, в частности, вторым, кроме немцев, народом, ощутимо представленным в центре ее Европейской части (кроме них в значительных количествах там можно было встретить также и **ингерманландцев**). Можно предположить, что на этом сказался самый высокий из семи народов изначальный уровень урбанизации крымских татар.

Дальше всего на восток — в Сибирь (особенно в Западную) — был смещен основной ареал расселения **калмыков**. В таких регионах, как Алтайский и Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская обл., их насчитывалось более чем по 8–10 тыс. В Средней Азии они были заметны только в Каракалпакии, по природным условиям более напоминающей Калмыкию, чем, скажем, Сахалин, лидерство на котором калмыков смотрится скорее случайностью, чем закономерностью (в обоих случаях, по-видимому, сказалась рыболовецкая репутация калмыков). Отметим, что примерно в тех же регионах (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская обл.) сосредоточилась и основная часть депортированного в начале войны **финского** населения.

Ингуши, родственники и соседи чеченцев по Кавказу, и в ссылке расселились сходным образом: неподалеку от чеченцев и в то же время относительно обособленно. В качестве ареалов концентрации ингушей выделялись северные области Казахстана, где они достаточно прочно занимали вторые роли.

Расселение же **карачаевцев** и **балкарцев** было сходным и между собой и в то же время как бы копировало чеченское: ареалы их концентрации — это Киргизия и граничащие с ней южные области Казахстана (в Чимкентской обл. самым многочисленным народом были именно карачаевцы).

Расселение **турок-месхетинцев** во многом следовало крымско-татарскому: они сконцентрировались в Узбекистане и Киргизии, в том числе в общей для обеих республик Ферганской долине. Расселение же **корейцев** — это Северный Казахстан в сочетании с Узбекистаном (и в этом смысле оно неплохо согласовывалось с первоначальным расселением части **поляков**, в частности, контингента 1940 года «административно-высланные»; большинство их было освобождено еще в 1941 году).

Если вспомнить о том, сколько кулаков, сколько немцев, корейцев и народов Северного Кавказа вобрал в себя за годы депортаций **Казахстан**, то думается, что демографический удар, полученный регионом в 1932–1933 гг. в результате голодной смерти и откочевки казахов в Китай, был скорее всего компенсирован и преодолен.

Более половины (52,4%) советских немцев в результате их массовой депортации оказались сконцентрированными в Казахстане. Большие группы немецкого населения (от 50 до 100 тыс. чел.) были поселены в краях и областях Сибири. В 1959 году немцы

в Казахстане были четвертым по численности народом, а в 1989 году — даже третьим (потеснив украинцев). Их доля при этом сократилась с 7,1 до 5,8%. Одновременно шла культурная и языковая ассимиляция: если по переписи 1970 года немецкий язык считали родным 67% советских немцев, то в по переписи 1979 года — уже 57%.

По данным Переписи населения СССР 1989 года, в стране насчитывалось в общей сложности около 2,1 млн. немцев. За 1953–1989 гг. их число особенно возросло в Казахстане, Киргизии и Узбекистане (соответственно, с 448,6 до 957,5, с 15,8 до 101,3 и с 8,4 до 39,8 тыс. чел.). В России в то время насчитывалось 842 тыс. немцев, из них в Саратовской обл. всего 17, а в Волгоградской — 14 тыс., что даже суммарно составляло не более 1,5% численности советских немцев.

«Базовым» стал Казахстан и для чеченцев (77,2%), ингушей (96,8%), карачаевцев (56,4%) и балкарцев (50,6%). В Узбекистане, напомним, немецкой монополии не было: здесь преобладало крымско-татарское, корейское и турецко-месхетинское население, а в Киргизии — чеченское, немецкое, карачаевское и турецко-месхетинское.

Если в масштабе СССР крупнейшими (по данным 1989 года) репрессированными народами были немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и ингуши, то в масштабе Российской Федерации — список и последовательность иные: чеченцы, немцы, ингуши, калмыки и карачаевцы (см. табл. 10).

Таблица 10. Численность населения репрессированных народов СССР (1939–1989, тыс. чел.)

Народы	1939	1959	1970	1979	1989
Немцы	1427,2	1619,7	1846,3	1936,2	2038,6
Карачаевцы	75,8	81,4	112,7	131,1	150,3
Калмыки	134,4	106,1	137,2	146,6	173,8
Чеченцы	408,0	418,8	612,7	755,8	899,0
Ингуши	92,1	110,0	157,6	186,2	237,4
Балкарцы	42,7	42,4	59,5	66,3	85,1
Крымские татары	218,9	н.д.	н.д.	н.д.	271,7
Корейцы	182,3	313,7	337,5	388,9	438,7
Турки-месхетинцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	207,5
Финны	144,7	92,7	84,8	77,1	67,4
Греки	286,4	309,3	336,7	343,8	358,1

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. — М., 1992, с. 80; Население СССР. 1987. Стат. сб.-к. — М., 1988, с. 98–100; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1990, с. 8–16.

Из той же таблицы видно, что большинство репрессированных народов, находясь на чужбине, сумело оправиться от демографического удара депортации и заметно приумножить свою численность. Исключениями тут являлись лишь балкарцы, немного не дотянувшие в 1959 году до своей численности в 1939 году, но в особенности — калмыки, чья численность и в 1959 году составляла лишь 78,9% от уровня 1939 года. Именно у калмыков зафиксирована максимальная среди репрессированных народов смертность: до 1 августа 1948 года их умерло 44 125 чел²⁸.

Реабилитация и внутренняя репатриация калмыков и народов Северного Кавказа

Прозявание депортированных народов на чужбине растянулось более чем на десятилетие. Возможностей бороться за свои права у них практически не было, и поэтому нельзя не отметить такую экстравагантную акцию, как вручение 13 декабря 1953 года калмыцкой делегацией во главе с Д. Бурхиновым меморандума о положении калмыков Генеральному секретарю ООН Д. Хаммершельду²⁹.

Первым шагом политической и гражданско-правовой **реабилитации** «наказанных народов» стало снятие с них **ограничений по спецпоселению**. Такое же списочное и поголовное, как и наложение на них этих ограничений, оно состоялось в интервале с мая 1955 по июль 1956 гг., причем первыми, кого это коснулось, стали те, с кого «наказания» народов и начались, — **немцы**. На них, согласно Постановлению СМ СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев», пришлось 695 тыс. чел. из 740 тыс., освобожденных из-под надзора³⁰.

На этом этапе ни один из «наказанных народов» еще не получил легитимного права на возвращение на родину и, следовательно, не имел преимуществ перед другими.

Начало 1957 года ознаменовалось вторым шагом — возвращением пяти «наказанным народам» утраченной ими в годы войны **государственности и автономии**. Сделано это было весьма своеобразно: ПВС СССР своим Указом от 9 января «рекомендовал» ПВС РСФСР восстановить автономии. Таким образом, хотя упразднение автономий было произведено союзным центром, их восстановление было передано в компетенцию союзной республики (РСФСР).

Вскоре части репрессированных народов было предоставлено право вернуться на их прежнее местожительство на Северном Кавказе и Нижней Волге: 25 января 1957 года зам. министра внутренних дел Толстиков подписал приказ «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»³¹.

²⁸ Бугай, Гонов, 1998, с. 193.

²⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 283.

³⁰ Бугай, Гонов, 1998, с. 285.

³¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 288.

№ 539896
Кавказский

МИНИСТЕРСТВО
Внутренних Дел
Таджикской ССР

Цифром на жительство не служит.

СПРАВКА № 3282

10 февраля 1956 г.

г. Сталинабад

Гражданин _____
Шерер

Иван Терентьевич, 1922

года рождения, уроженец с. Зулу,
Богдановского р-на, Николаевский вел

национальность человек в том, что он нахо-
дился на спецпоселении и с 13 февраля 1956 г.
с учета спецпоселения снят.

Справка выдана для предъявления в паспортный стол.

Начальник отдела МВД
Иванович Шермагов

М. П. Зак. 844-17000

Политика партии и правительства по-прежнему была весьма дифференцированной, никакой уравниловки не было. Немцам, крымским татарам, а также туркам-месхетинцам (и прочим депортированным из Закавказья) возвращение в правовое поле гражданства было обставлено запретом физического возвращения на родные земли.³² Так группа тотально депортированных народов была расколота в первый раз.

У тех же депортированных народов, кому путь на родину был открыт, процесс возвращения начался практически сразу вслед за обретением государственности. Но уравниловки не было и среди них. Так, балкарцам, чеченцам и ингушам статус *автономной республики* был дарован с самого начала, тогда как калмыкам и карачаевцам дали лишь статус *автономной области*: но если карачаевцы и до выселения обладали таким статусом, то для калмыков это было явное «понижение»: повышения статуса до республиканского им пришлось ждать до 29 июля 1958 года, то есть еще 1,5 года. Карачаевцев ущемили иначе: если до депортации существовала отдельная Карачаевская АО, то теперь автономия была дарована лишь «на паях» с черкесами.

Казалось бы, второй клин был вбит между «привилегированными» чеченцами, ингушами и балкарцами, с одной стороны, и «дискриминированными» калмыками и, может быть, карачаевцами, с другой. Но на самом деле трещина прошла, но совсем не здесь, а по другой линии, зато прошла гораздо глубже: по-настоящему «дискриминированными» на этом этапе оказались именно *чеченцы и ингуши*, а также *калмыки*, поскольку их **административно-государственная реабилитация** (восстановление национальной государственности) **не была подкреплена реабилитацией территориальной** (восстановлением границ национальных автономий на момент депортаций)³³, то есть была изначально и принципиально **неполной**. Иными словами, и чеченцам, и ингушам хотя и разрешено было возвращаться в их прежнее территориально-административное образование, но восстановленное не в том виде и не в тех границах, как оно было до высылки: их обновленные контуры роковым образом содержали купюры, грозившие кровавыми «разборками» в будущем. Опасность, которая за этим стояла, тогда, при авторитарном и унитарном советском государстве, быть может, в полной мере и не осознавалась, но сегодня, когда Владикавказ и, особенно, Пригородный район уже стали внятными знаками кровопролития, смысл этих территориальных «нюансов» проступил с недвусмысленной четкостью.

Таким образом, восемь «наказанных народов» (присоединяем к «семерке» турок-месхетинцев — народ, пусть и не имевший до депортации своей автономии, но даже по числу депортированных превосходивший балкарцев и не уступавший ингушам и калмыкам, а главное — и сегодня наглухо отрезанный от родины) оказались разбитыми на три группы.

В **первую группу** входили *карачаевцы и балкарцы* — **реабилитированные** народы (их реабилитация была удовлетворительной по крайней мере по всем формальным признакам); во **вторую** — *чеченцы, ингуши и калмыки* — **частично** (или **неудовле-**

³² Аналогичный запрет был фактически наложен и на корейцев, хотя они не входили в число спецпоселенцев.

³³ См. о дефиниции «территориальной реабилитации» в: *Здравомыслов*, 1998, с. 51.

творительно) реабилитированные народы (реабилитированные в гражданско-правовом и административно-государственном отношениях, но не в территориальном); в **третью** — *немцы, крымские татары и турки-месхетинцы* — **не реабилитированные** народы, чья реабилитация свелась только к политической, или гражданско-правовой реабилитации, но не к административно-государственной и тем более территориальной.

С точки зрения своего **конфликтогенного потенциала**, вторая группа представляла собой гораздо более мощный очаг опасности, чем третья, уже в силу того, что участвующий в нем «неудовлетворенный» этнос консолидирован и административно-структурирован.

Рассмотрим, коротко и в указанной разбивке, развитие событий по отдельным «наказанным народам». В их зеркале отчетливо видны как общие, так и отдельные проблемы каждого из них.

Начнем с первой группы — группы **реабилитированных** народов.

Балкарцы. Ограничения по спецпоселению были сняты 18 апреля 1956 года (тем же указом, что и с крымских татар, турок-месхетинцев и др.), но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, причем территории, отошедшие к Грузии, возвращены и прежние названия восстановлены; отменен был и запрет возвращаться на прежнее местожительство. Возвращение балкарцев на родину шло очень интенсивно: уже к апрелю 1958 года возвратилось около 22 тыс. чел. К 1959 году уже вернулось около 81%, к 1970 году — более 86%, а к 1979 — около 90% всех балкарцев.³⁴ Тем не менее по крайней мере в четыре селения в Черекском ущелье — Думала, Кунюм, Сауту и Верхний Черек — возвращение не состоялось³⁵.

Карачаевцы. Ограничения по спецпоселению были сняты с них 16 июля 1956 года (одновременно с ингушами и чеченцами), но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года Черкесская АО преобразована в Карачаево-Черкесскую АО (еще раз напомним, что накануне депортации существовала отдельная Карачаевская АО). Ей была возвращена территория, отошедшая после депортации к Краснодарскому краю и Грузинской ССР, а на бывшей грузинской территории восстановлены балкарские названия. Был отменен запрет возвращаться на прежнее местожительство и закреплено новое административно-территориальное деление территории. Возвращение карачаевцев шло почти столь же интенсивно, как и у балкарцев (см. табл. 11).

³⁴ См. табл. 4.2.1. В 80-е гг. эта доля вновь упала до 83,2%.

³⁵ Сообщено Р. Кулиевым. Эти селения были непосредственно связаны с событиями в Черекском ущелье в 1942–1943 гг., в сфальсифицированном виде использовавшимися в качестве одного из предлогов депортации (см.: *Азаматов, Тамиржанов* и др., 1994).

Таблица 11. Численность населения репрессированных народов СССР (1939–1989, тыс. чел.)

Народы	1959	1970	1979	1989	1959–1989
Карачаевцы	84,3	86,1	83,3	83,0	– 1,3
Калмыки	61,2	80,4	83,3	84,2	+23,0
Чеченцы	58,2	83,1	80,9	76,8	+18,6
Ингуши	45,3	72,1	72,4	69,0	+23,7
Балкарцы	81,0	86,3	90,0	83,2	+2,2

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. — М., 1992, с. 80; Население СССР. 1987. Стат. сб-к. — М., 1988, с. 98–100; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1990, с. 8–16.

Из таблицы видно, что быстрее всех на родину возвращались карачаевцы и балкарцы — более 80% в 1959 году, а вот калмыки (61,2%), чеченцы (58,2%) и, особенно, ингуши (45,3%) явно не торопились домой, хотя в случае с ингушами (да и с калмыками тоже) сказывалась их неполная территориальная реабилитация. Своего максимума показатель сосредоточенности этноса в своей республике у карачаевцев и чеченцев пришелся на 1970 год, у ингушей — на 1979 год, а у балкарцев и калмыков — на 1989 год.

Обратимся теперь к **частично реабилитированным** народам.

Калмыки. 17 марта 1956 года были сняты ограничения по спецпоселению, но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года была образована Калмыцкая АО в составе Ставропольского края. Ей возвращена прежняя территория республики (кроме Нариманского и Лиманского районов, оставшихся в Астраханской обл.), восстановлены старые названия, но, правда, не все. Запрет возвращаться на прежнее местожительство был тоже отменен. Наконец, 29 июля 1958 года Калмыцкая АО Ставропольского края преобразована в Калмыцкую АССР. Вместе с тем в Калмыкии «невозвращение» двух районов (калмыцкое население в них составляло всего от 2 до 11%) не привело к драматическим осложнениям и каким-либо массовым выступлениям.

Чеченцы и ингуши. 16 июня 1956 года с чеченцев и ингушей (одновременно с карачаевцами) были сняты ограничения по спецпоселению, но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года восстановлена Чечено-Ингушская АССР, в состав которой были включены три района, изъятые из Ставропольского края и населенные преимущественно казаками и ногайцами, — Каргалинский, Шелковской и Наурский. Чеченские

земли, отошедшие к Дагестану и Грузии, были полностью возвращены, у большинства районов были восстановлены чеченские и ингушские названия.

Однако ряд горных районов под предлогом экономической нецелесообразности ведения в них сельского хозяйства для проживания чеченцев был закрыт (Итумкалинский, Галанчожский и Шароевский районы; до депортации в них проживало более 75 тыс. чел.), а их жителей стали селить в казачьих станицах и в плоскостных аулах. Собственно, для возмещения образовавшейся при этом нехватки угодий и были присоединены три района Ставрополя. Было запрещено возвращение в родные аулы чеченцев-аккинцев, проживавших до депортации в Хасавюртовском, Ново-Лакском и Казбековском районах Дагестана: для них, согласно специальному постановлению СМ Даг. АССР от 16 июля 1958 года, был установлен специальный паспортный режим³⁶.

Не была возвращена и примерно 1/6 часть бывших ингушских земель, в частности, прилегающий к Владикавказу и несколько усеченный при депортации Пригородный район (один из пяти ингушских районов, переданных после депортации в Северную Осетию), узкая полоска по правому борту Дарьяльского ущелья от границы с Грузией до реки Армхи (этот участок, как и Джераховское ущелье, в 1944–1956 гг. входил в состав Грузии), а также часть бывшего Пседахского района — узкая 5–7-километровая полоса, связывающая основную территорию с Моздокским районом (так называемый «Моздокский осетинский коридор»). Осетинское население из Назрановского, Пседахского и Ачалукского районов в течение 1957–1958 гг. было переселено — но не в Грузию, откуда его привозили по разнорядке, а в Пригородный район (естественно, и те осетины-переселенцы, что обосновались в самом Пригородном районе, могли в нем оставаться). По-видимому, альтернатива репатриации в Грузию была сочтена куда большим злом, и именно тут, по мнению А. А. Цуциева, — один из возможных ответов на вопрос, почему Пригородный район не был возвращен ингушам (официальная версия: «район экономически сросся с Владикавказом»)³⁷.

Впрочем, ингушам не запрещали возвращаться в Пригородный район, призванный стать и слить образцовым «районом осетино-ингушской дружбы». Но возвращаться-то приходилось не в собственные, а в занятые чужими людьми села, строиться на окраинах и задворках, под косыми недружелюбными взглядами непрошенных соседей, а то и вовсе на пустом месте (так возник, например, совершенно новый ингушский поселок Карца). Так что на самом деле Пригородный район стал ареалом чересполосного, смешанного и весьма плотного расселения двух этносов с натянутыми отношениями друг с другом: это гарантировало ему на будущее высочайший конфликтный потенциал.

³⁶ См.: Прокуменщиков, 1995.

³⁷ Цуциев, 1998, с. 73–75. Разумеется, не могло быть речи и о топонимической реабилитации бывших ингушских селений Пригородного района. Вот их перечень, согласно А. А. Цуциеву (в скобках — названия до 1944 г.): Майский, Чермен (Базоркино), Донгарон (Цуруюрт), Кургат (Гадаборшево), Дачное (Яндиево), Камбилеевское (Галгай-юрт), Октябрьское (Шолхи), Сунжа (Акки-юрт), Комгарон (Таузен-юрт), Тарское (Ангушт), Чернореченское, Терк (Длинная Долина), Балта, Редант 1, Редант 2, Попов Хутор (Мецхальский), Южный, Карцма, Эзми (Цуциев, 1998, с. 81). Ср. в гл. 2 с аналогичными топонимическими репрессиями против изначальных русских названий некоторых из этих селений (в прошлом станиц).

Если весной 1957 года на родину возвратилось 140 тыс. чел. (при плане в 78 тыс. чел.), то к концу года — даже около 200 тыс. чел.³⁸ В 1959 году на родине (с учетом Пригородного района) проживало лишь не более 60% чеченцев и 50% ингушей. К 1970 году эта доля достигла, соответственно, 90% и 85%³⁹. В целом же темпы возвращения чеченцев и, особенно, ингушей на родину были значительно ниже, чем у других «наказанных народов» (в случае ингушей — в значительной степени из-за невозвращенных земель⁴⁰).

Реабилитация немцев

Итак, после того как в середине 1950-х гг. большинству «наказанных народов» разрешили вернуться на родину и вернули государственность, для крымских татар, немцев и турок-месхетинцев было сделано «исключение». Все обвинения с них были сняты, но законодательно оформленного права вернуться на родину они еще очень долгое время не имели, а турки-месхетинцы не имеют его и сейчас.

Демагогически заявляя, что немцы и крымские татары лучше других «укоренились» на новом месте, власти были крайне не заинтересованы в нарушении сложившихся в их отсутствие статус-кво. Так, министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров, изучив расселение немцев по СССР и обнаружив, что они, оказываясь, рассеяны и только в 9 регионах насчитывают по 60–80 тыс. чел., пришел к выводу, что воссоздание немецкой автономии было бы «делом формальным»⁴¹. Он же в 1956 году находил наиболее целесообразным создание автономии крымских татар в... Узбекистане, поскольку его «*природные и климатические условия являются наиболее близкими к условиям их прежнего места жительства*».⁴²

Вместо возвращения в родные места и реинтеграции в их современную жизнь этим народам оставалось либо смириться с решениями властей, либо бороться за свои права. Это породило такие специфические формы и органы, как «делегации» и «съезды» советских немцев, «съезды» турок-месхетинцев или «курултай» крымских татар, а также — национально окрашенные (и более характерные для крымских татар) — самиздат и диссидентство (с которым, впрочем, достаточно плотно связаны такие громкие

³⁸ Бугай, 1995, с. 280–281.

³⁹ Тогда в ЧИ АССР проживало 508,9 тыс. чеченцев и 113,7 тыс. ингушей (еще 40,0 тыс. чеченцев проживало в Дагестане, а 18,4 тыс. ингушей — в СО АССР).

⁴⁰ А. А. Цуциев оценивает долю вернувшихся в Пригородный район в интервале от 30 до 50% (Цуциев, 1998, с. 75).

⁴¹ См.: Бугай, 1995, с. 260–261.

⁴² См.: Бугай, 1995, с. 289. Кстати, существует интересное, хотя и в высшей степени спорное объяснение того, почему советским немцам было отказано в «репатриации»: виноваты в этом они сами, их трудолюбие и дисциплинированность — вот их и оставили поднимать целину! В то время как «зэчским» народам — и прежде всего чеченцам и ингушам — разрешено было вернуться, поскольку от них для Целины только один вред (Цуциев, 1998, с. 73).

«столичные» имена, как А. Сахаров, П. Григоренко или А. Некрич). Одной из эффективных форм борьбы была и нелегальная репатриация — то есть самовольное, невзирая на все запреты, вселение в родные места, самозахваты земель, домов и т. д.⁴³

В конце 1980-х гг. по проблемам каждого из этих трех народов — советских немцев, крымских татар и турков-месхетинцев — были созданы однотипные специальные комиссии при ВС СССР.

Проследим же реабилитационную судьбу каждого из этих трех нереабилитированных народов по отдельности.

Что касается немцев, то формально именно они были первыми из репрессированных народов, с которого — 13 декабря 1955 года — были сняты огульные обвинения и ограничения в их правовом положении. Но основной смысл того указа заключался в том, чтобы узаконить дальнейшее проживание немцев там, куда их выселили (*«учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства..., а районы его прежнего места жительства заселены»*). Из отмены спецучета и комендатур еще отнюдь не вытекало право ни на возвращение конфискованного при выселении имущества, ни, самое главное, на возвращение в районы старого проживания.

Интересно, что Указ ПВС от 28 августа 1941 года был официально отменен только 29 августа 1964 года. Но, отменив «преступление», «наказание», однако, оставили в силе: по-прежнему не предусматривались ни возвращение немцев на Волгу, ни восстановление их автономии.

С ходатайствами о возвращении на родину в начале января и в июне-июле 1965 года в Москве находились Первая и Вторая делегации советских немцев. И хотя обе делегации были приняты Председателем ПВС СССР А. И. Микояном (12 января и 7 июля 1965 года), главной своей цели они добиться не смогли. Фактически оба раза им было обещано содействие лишь в развитии культурно-национальной автономии, но в главном вопросе — административной и территориальной реабилитации — им было отказано под предлогами нецелесообразности, неудачности момента, отсутствия необходимых огромных средств и невозможности вести без немцев сельское хозяйство на целине⁴⁴. Говорилось и о перенаселенности территории бывшей АССР НП, что, кстати, не соответствовало действительности: рост населения там произошел исключительно в городах, сельская же местность, по сравнению с довоенным уровнем, была заселена лишь на 20–30%.

Юридические ограничения к возвращению на Волгу были сняты только в ноябре 1972 года. В 1979 году была предпринята неудачная попытка образования Немецкой автономной области в Казахстане, были даже подготовлены проекты указов ПВС СССР

⁴³ *Червоная*, 1997, с. 151–152.

⁴⁴ Ситуацию в целом великолепно суммирует образ из письма немецких делегатов А. Микояну от 9.07.1965. Преступнику, отсидевшему в тюрьме 23 года и, как выясняется, понапрасну, вдруг говорит: *«Ты осужден по ошибке, ты не виноват, ты хороший парень. Но ты так тут привык, так „укоренился“, что и дальше продолжай сидеть, оставайся»* (См.: Ауман, Чеботарева, 1994, с. 21–41).

и ПВС Казахстана. Однако после беспрецедентных по своей враждебности по отношению к немцам демонстраций казахской молодежи в Целинограде и Агбасаре 16, 19 и 22 июня 1979 года и эта половинчатая инициатива была спущена на тормозах⁴⁵.

В апреле, июле и октябре 1988 года в Москве побывали Третья, Четвертая и Пятая делегации советских немцев. Третья делегация 13 апреля 1988 года обратилась с письмом к М. С. Горбачеву и А. А. Громыко (в то время Председателю ПВС СССР). Но ни Горбачев, ни Рыжков, ни даже А. Яковлев их не приняли; встречи состоялись в ЦК КПСС и ВС СССР. Апеллировали немцы и к XIX Партконференции КПСС, состоявшейся в конце июня 1988 года (документ, озаглавленный «Как мы представляем себе восстановление АССР Немцев Поволжья»). Прочитав его: *«Во избежание даже малейших обид и недоразумений между местным населением и прибывающими в автономию советскими немцами провести необходимую разъяснительную работу... Местное население ни в какой мере не должно испытать ущерба от восстановления автономии. Все, кто хочет, может и должен оставаться там, где он сейчас живет. Советские немцы прошли через суровую школу несправедливости, допущенной по отношению к ним, и не могут допустить несправедливости по отношению к другим людям — своим будущим соседям и коллегам по работе. Никаких претензий по возвращению отобранных в 1941 г. домов, имущества и т.д. советские немцы предъявлять не будут, ибо это не только не вызывает какой-либо практической необходимости, но и может привести к неза заслуженной обиде невинных людей, советские немцы будут всецело руководствоваться главной для них ценностью — восстановлением их государственности»*⁴⁶.

28–31 марта 1989 года в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение» («Wiedergeburt»), сопредседателями которого были избраны Г. Г. Гроут и Г. Г. Вормсбехер. А 14 ноября 1989 года была принята Декларация ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»⁴⁷.

После ее принятия сложилась принципиально благоприятная ситуация для восстановления немецкой автономии в Поволжье, в рамках Саратовской и Волгоградской областей, на что тогда соглашались их руководство и ВС СССР. В этой ситуации выставленный обществом «Возрождение» ультиматум: «или автономия в прежних границах, или ничего» (в сочетании с рядом бестактных высказываний по адресу местного населения) был контрпродуктивен и много способствовал второму из вариантов.

К тому же, как и прежде, движению советских немцев за восстановление АССР НП противостояла и организованная кампания против такого развития событий. В Поволжье проходили митинги и собрания противников автономии. 14 августа 1990 года Исполком Саратовского облисполкома принял документ «О первоочередных мерах по решению проблем советских немцев, проживающих на территории области». Эта позиция

⁴⁵ Ауман, Чеботарева, 1993, с. 190–197.

⁴⁶ Ауман, Чеботарева, 1994, с. 69.

⁴⁷ См. Приложение 4.3.1.

поддерживалась и в Государственной комиссии по проблемам советских немцев СМ СССР, и в Отделе национальных отношений ЦК КПСС (руководители В. Гусев и В. Михайлов), что отразилось в ряде записок этого предрешающего государственные решения органа⁴⁸. Вывод об «отсутствии в настоящее время условий для восстановления» немецкой автономии в Поволжье базировался на несокрушимом тезисе о «недопустимости осложнений в межнациональных отношениях».

Запланированный на 16 июля 1990 года Съезд советских немцев был перенесен сначала на декабрь 1990 года, а затем на 12 марта 1991 года — с явным расчетом на то, чтобы — под опекой ЦК КПСС — провести документы, фактически снимающие вопрос о воссоздании автономии. Тут наконец время для немцев нашел и М. Горбачев, но встретился он только с представителями конформистского течения и обсуждал с ними возможность создания надтерриториального органа, то есть фактически отверг вариант реальной автономии⁴⁹.

Как ни странно, но кульминацией антинемецкой кампании стал визит в Поволжье президента РСФСР Б. Ельцина. 8 января 1991 года он посетил Саратов: никогда еще откровенная поддержка противников восстановления автономии не звучала столь категорично и на столь высоком уровне⁵⁰.

Впечатления не исправили ни принятый 26 января 1991 года «Закон о реабилитации репрессированных народов», ни Указы Президента РФ «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 21 февраля 1992 года, «О создании в Поволжском районе поселений российских немцев на базе агрокомплексов...» от 21 мая 1992 года. Указ о реабилитации советских немцев предусматривал, в частности, создание немецкого национального района в Саратовской и национального округа в Волгоградской обл. Но уже 18 июня 1992 года сессия Энгельсовского райсовета Саратовской обл., где предполагалось воссоздавать такой район, высказалась против образования каких-либо национально-территориальных образований на своей территории.

В соответствии с упомянутыми документами на территории РФ были созданы только два таких образования — Немецкий национальный район в Алтайском крае, объединяющий 16 поселений общей численностью свыше 20 тыс. чел., и Азовский национальный район в Омской обл. В этих сибирских регионах выработалась позиция: «национальные

⁴⁸ См. записку «О ситуации вокруг проблемы советских немцев» от 24.09.1990 (РГАНИ, ф. 89, оп. 8, д. 60, л. 3–11).

⁴⁹ Что немало поспособствовало расколу в руководстве самого «Возрождения».

⁵⁰ Выступая перед трудящимися, державшими лозунги типа «Автономия немцев — в Германии», он «сымпровизировал» буквально следующее: «...Сделаю ответственное заявление, чтобы все об этом знали. Там, где нет компактного проживания немецкого населения, заселения немцев Поволжья, т.е. чтобы их было подавляющее большинство, никакой автономии не будет! Я вам как Президент гарантирую! Другое дело, скажем, в Волгоградской области военный полигон 300 тысяч гектаров, пустой (имеется в виду полигон Капустин Яр. — П.П.), и маршал Шапошников его отдаст. И там будут они заселены, допустим. И пусть эту землю, которая снарядами начинена, пусть они ее, значит, обрабатывают. И Германия поможет (Незадолго до этого, в Германии, Ельцину была обещана финансовая поддержка. — П.П.). Там, может быть, в каком-то будущем, какая-то такая вот область и будет, или может быть район какой-то национальный немцев Поволжья, но только, когда там будет 90% немцев» (Цит. по: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 401–402).

районы — не альтернатива республике, но сегодня нет альтернативы национальному району». В 1991–1995 гг. ФРГ оказала Алтайскому краю помощь в размере 60 млн. немецких марок, в районе была построена АТС «Сименс» на 3000 номеров, созданы общество «Halbstadt GmbH» и «Brücke», организованы бесплатные курсы немецкого языка (последнее тем более симптоматично, что ни местные жители, ни даже руководители района между собой не говорили по-немецки).

На базе фермерских агрокомплексов в Энгельсовском, Марксовском, Краснокутском и Ровненском районах Саратовской обл., где ранее находилось ядро АССР НП, возводились жилые дома для немецких переселенцев. Немцев приглашали переезжать в Ульяновскую (с. Богдашкино) и Ленинградскую области, а также в места довоенного проживания на Украине. В печати обсуждался даже «кенигсбергский» вариант воссоздания автономии.

Мощного союзника в деле воссоздания немецкой автономии ее сторонники нашли в лице Правительства ФРГ, после объединения Германии более уже не заинтересованной в столь значительной репатриации советских немцев. *«ФРГ заинтересована в том, чтобы немцы оставались в Советском Союзе»,* — официально заявлял Г.-Д. Геншер⁵¹. Так что не удивительно, что 20 октября 1992 года Россия и Германия подписали «Протокол о сотрудничестве с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев».

4–6 февраля 1993 года состоялся Первый конгресс поволжских немцев, на котором было создано Землячество немцев Поволжья. Фактически там же был декларирован отказ от политической борьбы за автономию и перенос акцентов на решение хозяйственных, социальных и культурных задач немцев Поволжья.

Тем не менее на Волге мощное движение даже против поэтапного восстановления немецкой автономии не ослабевало. В результате все последующее развитие событий вокруг воссоздания (точнее, не-воссоздания) национальной автономии привело советских немцев к формулировке следующего ультиматума, озвученного руководством «Возрождения»: **альтернативой** Немецкой республике в Поволжье является только **тотальная эмиграция в ФРГ**.

Что, собственно говоря, и происходит. Немцы «голосуют ногами» и начиная с 1990 года поистине массово уезжают.

Сам по себе «призрак» эмиграции постоянно присутствовал в политической борьбе советских немцев за свои законные права. Теоретически эмиграционная альтернатива возникла тотчас же после начала их реабилитации, а формальное начало ей было положено еще в 1951 году.

Согласно переписи населения ФРГ 1950 года, в стране проживало около 51 тыс. немцев, родившихся на территории, до 1939 года входившей в СССР. Это оказалось немаловажным для начала немецкой иммиграции из Советского Союза, поскольку на первом ее этапе советская сторона шла навстречу главным образом в случаях воссоедине-

⁵¹ См.: Известия, 20.03.1991.

ния семей. В 1951 году из СССР в ФРГ выехали первые этнические немцы (1721 чел.). После того как 22 февраля 1955 года Бундестаг решил признавать немецкое гражданство, принятое во время войны, действие «Закона об изгнанных» было распространено на всех немцев, проживавших в Восточной Европе и подвергавшихся преследованиям и депортациям. Уже к маю 1956 года в немецком посольстве в Москве скопилось около 80 тыс. заявлений советских немцев на выезд в ФРГ⁵². В 1958–1959 гг. реальное число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тыс. чел.

В то же время власти СССР всячески препятствовали эмиграции немцев из страны, нехотя отпуская их, как и евреев, лишь исключительно по линии воссоединения семей. Усилия самих немцев, которым отказывали в желании репатрироваться, активизировались в середине 70-х гг.: не очень массовые, но частые их демонстрации проводились, как правило, перед ЦК КПСС или немецким посольством⁵³.

В отдельных республиках (Эстонии, Латвии, Казахстане) создавались эмиграционные комитеты для коллективизации усилий по получению разрешений на выезд. В январе 1974 года был выпущен самиздатский сборник «Репатриа», освещавший проблемы немецкого эмиграционного движения⁵⁴. В конце 1976 года около 300 немцев из Казахстана и Киргизии впервые применили такой способ протеста, как отказ от гражданства СССР со сдачей советских паспортов и одновременным обращением в правительства СССР и ФРГ и в международные организации: многие «отказники» были репрессированы за «нарушение паспортного режима» или даже «клевету на советский строй»⁵⁵.

Кстати, именно эмиграционный результат 1976 года (9704 иммигрантов) долгое время был рекордным. Только в 1987 году 10-тысячный рубеж «пал» (14 488 чел.), после чего практически каждый год планка поднималась на новую высоту (чел.): 1988 год — 47 572, 1989 год — 98 134, 1990 год — 147 950, 1991 год — 147 320, 1992 год — 195 950, 1993 год — 207 347 и 1994 год — 213 214 чел. В 1995 году планка устояла (209 409 чел.), а в 1996 году — двинулась вниз (172 181 чел.).

Это объясняется не столько политикой воссоздания благоприятных условий для проживания немцев в Казахстане, России и т. д., сколько ужесточением со стороны ФРГ самого регламента переселения. В частности, 16 июля 1989 года, в качестве дополнения к «Закону об изгнанных», Бундестаг принял так называемый «Закон о назначении места жительства». С учетом поправок от 1 марта 1996 и 13 ноября 1997 гг. он предусматривает фактическое прикрепление переселенцев к предписанным им землям и даже населенным пунктам на первые два года проживания в Германии, а въехавшим после 29 февраля 1996 года — даже на 4,5 года. Декларируемым мотивом является обеспечение равномерного распределения вновь прибывших по территории, но фактически за этим

⁵² Кригер, 1997, с. 5.

⁵³ Во время одной из демонстраций перед зданием ЦК (11.02.1974) Л. Ольденбург приковала себя и своих детей к светофору (см.: Алексеева, 1992, с. 138).

⁵⁴ Сборник был задуман как периодический, но после скорого отъезда его составителей (В. Григас, Л. Бауэр и Ф. Руппель) в ФРГ более не возобновлялся (см.: Алексеева, 1992, с. 138).

⁵⁵ См: Алексеева, 1992, с. 138–139.

стоит стремление закрепить переселенцев в восточных землях, где проживало лишь около 20% переселенцев из быв. СССР⁵⁶.

Основным препятствием для эмиграции немцев из СССР является сегодня само германское государство, испытывавшее во второй половине 1990-х гг. серьезные экономические трудности и внутривнутриполитически не заинтересованное ни в каком виде иммиграции. За 1995–1998 гг. поток переселенцев сократился более чем вдвое и лишь в 1999 году стабилизировался на отметке чуть более 100 тыс. чел. Мощным барьером для немцев-переселенцев на их пути в Германию стала необходимость сдачи экзамена на знание немецкого языка (Sprachtest) еще на месте, в странах СНГ (на экзамене, как правило, «проваливается» не менее $\frac{1}{3}$ допущенных к нему)⁵⁷.

Тем не менее 1990-е годы в целом стали временем обвального исхода немцев из республик быв. СССР. Всего за 1951–1999 гг. в ФРГ переселилось 1,9 млн. советских немцев и членов их семей (см. табл. 12). По некоторым оценкам, немцы «по паспорту» (то есть прибывшие на основании § 4 «Закона об изгнанных») составляют среди них примерно $\frac{4}{5}$, еще $\frac{1}{5}$ приходится на их супругов, потомков и родственников (в основном, русских и украинцев).

Ко времени распада СССР из России, Украины и Туркмении выехало около 15% имевшегося там немецкого населения, а из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана — порядка 20–25% (из закавказских республик — даже более 35%).⁵⁸ Эти различия достаточно показательны для оценки того выталкивающего давления, которому подвергалось немецкое население на территории быв. СССР. К началу же 1997 года в Казахстане оставалось менее $\frac{1}{3}$ проживавших там ранее немцев, в Киргизии — $\frac{1}{6}$, а в Таджикистане немецкий контингент был практически исчерпан. Уровень немецкой эмиграции в России гораздо ниже; мало того, отмечается и заметная немецкая иммиграция из среднеазиатских государств в Россию⁵⁹.

По данным на 1996 год, в общем потоке немецких репатриантов из быв. СССР доминировал Казахстан (в среднем 56,0%), хотя его доля при этом (так же, как и государств Средней Азии) неуклонно снижалась: доля же России, напротив, росла и составила, в среднем, 32,7% (см. табл. 13).

Между тем ни в России, ни в Казахстане сегодня о немецкой автономии, кажется, уже и не помышляют. В России ограничились выпуском 6 июня 1996 года очередного

⁵⁶ Разумеется, закон не носит запретительного характера. Но в случае отъезда переселенцев из назначенного им населенного пункта они автоматически лишаются пособия по интеграции, оплаченных языковых курсов, а причитающееся им социальное пособие будет минимизировано.

⁵⁷ Примечательно, что соответствующие комментарии Ваффеншмидта, федерального Уполномоченного по делам переселенцев в правительстве Г. Коля, нередко смотрелись не иначе как «победные реляции» с фронта, — как если бы речь шла «о борьбе с наводнениями или полчищами сельскохозяйственных вредителей» (А. Л. Немецкие газеты — о переселенцах // Восточный экспресс. — Ален, 1997. № 9. С. 7).

⁵⁸ *Heinkel R. Binnenintegration als Factor für die Eingliederung Russlanddeutscher Aussiedler in die Bundesrepublik Deutschland — das Beispiel zweier Gemeinden in Rheinhessen // Festschrift für Erdmann Gormsen zum 65. Geburtstag. Mainzer Geographische Studien. Н. 40, Mainz 1994, s. 445-458).*

⁵⁹ По: *Кригер*, 1997, с. 5. В Россию, кстати сказать, переезжают немцы из Прибалтики.

Президентского указа «О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев» и созданием в конце 1997 года культурной автономии российских немцев. Завершена разработка Целевой федеральной программы «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев»⁶⁰, заказчиком которой выступило Министерство по делам национальностей и федеральным отношениям, а главным исполнителем — Общественно-государственный фонд «Российские немцы»⁶¹. Думается, однако, что время для решения коренной проблемы — воссоздания немецкой автономии в России — безвозвратно упущено.

Таблица 12. Динамика потока немецких переселенцев из бывшего СССР в Германию (1951–1996)

Периоды времени	Немецкие переселенцы из быв. СССР (чел.)	Их доля в общем числе немецких переселенцев в Германию (%)
1951–1955	1 956	3,3
1956–1960	14 086	4,8
1961–1965	3 593	3,9
1966–1970	3 593	2,9
1971–1975	21 591	17,5
1976–1980	41 613	15,8
1981–1985	8 664	3,8
1986–1990	308 537	28,1
1991–1995	972 866	87,5
1996–1999	509 225	98,0
Всего за 1951–1999	1 886 534	48,0

Рассчитано по: Bundesausgleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993. Nr. 38. S. 39; Januar 1994. Nr. 49. S.15; Januar 1995. Nr. 63. S. 4; Januar 1996. Nr. 75. S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahrestatistik Aussiedler 1996, 1997, 1998, 1999 (сердечно благодарим д-ра Б. Дитц, Мюнхен, за предоставленные первичные данные. — П. П.)

⁶⁰ Рассчитана на 1997–2006 гг. (она должна была быть готова еще к декабрю 1996 г., но из-за недостатка нужной статистики этот срок выдержать не удалось). Сам проект «специфичен» разве что механизмом реализации (посредством поручений, спущенных министерствам) и планированием соответствующих бюджетных средств (см.: Петров Н. Президентский указ наконец-то выполнен // Иностранец. 1997. № 20. 4 июня. С. 22).

⁶¹ Президентом фонда являлся РФ В. Бауэр (быв. депутат Госдумы и зам. министра быв. Министерства по делам национальностей и региональной политики в правительствах В. Черномырдина и С. Кириенко).

Таблица 13. Структура потока немецких переселенцев из стран бывшего СССР в Германию (1992–1996)

Страны СНГ	1992	1993	1994	1995	1996	1992–1996
Казахстан	114 382 58,5	113 288 54,6	121 517 57,0	117 14855,9	92 125 53,5	558 460 56,0
Россия	55 875 28,6	67 365 32,5	68 397 32,1	71 685 34,2	63 311 36,8	326 633 32,7
Киргизия	12 618 6,4	12 373 6,0	10 847 5,1	8 858 4,2	7 467 4,3	52 163 5,2
Др. гос-ва Центр. Азии	7 555 3,9	9 005 4,3	7 046 3,3	5 889 2,8	4 155 2,4	33 650 3,4
Украина	2 700 1,4	2 711 1,3	3 139 1,5	3 650 1,7	3 460 2,0	15 660 1,6
Прочие страны	2 446 1,2	2 605 1,3	2 268 1,0	2 179 1,2	1 663 1,0	11 161 1,1
Всего	195 576 100,0	207 347 100,0	213 214 100,0	209 409 100,0	172 181 100,0	997 727 100,0

В числителе — чел.; в знаменателе — %.

Расчитано по: Bundesaugleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993. Nr. 38. S. 39; Januar 1994. Nr. 49. S. 15; Januar 1995. Nr. 63. S. 4; Januar 1996. Nr. 75. S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahresstatistik Aussiedler 1996.

Реабилитация крымских татар

Крымских татар выселяли из РСФСР; спустя десятилетие Крым сменил государственную принадлежность — Указ ПВС от 19 февраля 1954 года перевел его под юрисдикцию УССР. Указом ПВС от 28 апреля 1956 года крымские татары были сняты со спецпоселения и восстановлены в общегражданских правах. Но не во всем объеме: в частности, они были лишены прав на *репатриацию* и *реституцию*, то есть права вернуться на свою родину и права на возвращение конфискованного при депортации имущества. Да и те огульные обвинения, которые им при этом вменялись, были дезавуированы значительно позже, а именно в Указе ВС от 5 сентября 1967 года (выходу этого указа предшествовала встреча председателя КГБ Ю. Андропова с делегацией крымских татар).

Вместе с тем движение крымских татар за возвращение на родину ведет свою историю от всенародной петиционной кампании 1956 года. Начиная с 1968 года оно сблизилось с советским правозащитным движением, вскоре став одной из его главных частей⁶².

⁶² См.: *Алексеева*, 1992, с. 93–140. Становление движения пришлось на 1956–1964 гг.: так, первый судебный процесс против крымско-татарских активистов состоялся в 1962 г. в Ташкенте. На 1964–1969 гг. пришлось расцвет и период наибольшей активности движения: митинги, петиции, делегации, издание бюллетеня — прообраза «Хроники текущих событий»; с 1970 г. отмечается кризис движения.

Активисты крымско-татарского движения находились под постоянным присмотром органов госбезопасности или внутренних дел⁶³. Особенно громкими были аресты и процессы над Мустафой Джемилевым (1969, 1974 и 1979 гг.).

В октябре 1966 года состоялись — и были жестоко разогнаны милицией и войсками — массовые митинги крымских татар в связи с 45-летием образования Крымской АССР. 21 июня 1967 года делегацию крымских татар приняли секретарь ВС СССР Георгадзе, министр внутренних дел Щелоков, председатель КГБ Андропов и Генеральный прокурор Руденко. Данное на встрече обещание о скорой реабилитации крымских татар и разрешении им возвращаться в Крым, однако, выполнено не было. И лишь 5 сентября 1967 года, после многотысячных — и, разумеется, разогнанных — демонстраций в Ташкенте 27 августа и 2 сентября, вышли два Указа ПВС. Первый из них выразительно назывался «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму»: он все-таки снимал с крымских татар огульные обвинения в измене родине. Второй же Указ — «О порядке применения части 2 Указа ПВС от 28 апреля 1956 года» (именно эта часть подтверждала запрет на въезд в Крым) — формально разрешал крымским татарам селиться по всей территории СССР, в том числе, стало быть, и в Крыму, но только «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме».

На практике это и означало, что новым «оружием государственной защиты» от крымских татар стали паспортный режим и прописка⁶⁴. Тем не менее первые возвращенцы отправились на родину чуть ли не в день опубликования указов. За три месяца — с сентября по декабрь 1967 года — в Крым прибыло около 1200 семей (6 тыс. чел.), однако прорваться сквозь замкнутый круг и прописаться на законных основаниях смогли только две семьи и трое холостяков. Руководители предприятий были проинструктированы об отказе крымским татарам в приеме на работу, директора школ — об отказе в приеме детей непрописанных крымских татар, а нотариусы — об отказах в оформлении купленных татарами домов⁶⁵.

Весной 1968 года правила переселения в Крым были еще более ужесточены: легально вернуться на родину можно было только по оргнабору, то есть тем, с кем направленные в Среднюю Азию уполномоченные из Крыма заключили договора о приеме на работу. В 1968 году по оргнабору переселилось всего 168 татарских семей, в 1969 году — 33 и в 1970 году — 16. Разумеется, число вернувшихся явочным порядком, безо всякого на то разрешения властей, было значительно выше, хотя их по-прежнему не прописывали и даже осуждали за нарушение паспортного режима (в 1968 году из 12 тыс. возвращенцев прописалось всего 18 семей и 13 холостяков, а 17 чел. посадили). Всего же за

⁶³ См.: Некрич, 1978 (о профессоре Р. И. Музафарове и др.). В декабре 1973 г. в Симферополе прошел суд над ними.

⁶⁴ До опубликования указов прописка в Крыму существовала лишь в городах и на курортах, в течение зимы 1967–1968 гг. ее ввели во всех поселения Крыма. Проживание же без прописки считалось в СССР уголовно-наказуемым деянием (см.: Алексеева, 1992, с. 98–99). См. также Постановление СМ от 15.08.1978, от 24.12.1987 и др. В 1987 г. по этой причине даже общее сальдо миграции в Крыму было отрицательным (Червоная, 1997, с. 145).

⁶⁵ Алексеева, 1992, с. 98–99.

1968–1979 гг. в Крыму смогли прописаться около 15 тыс. крымских татар.⁶⁶ Следует подчеркнуть, что в основном это были наиболее активные участники крымско-татарского движения; зато активность оставшихся в Средней Азии была тем самым серьезно ослаблена, и среди них усилились просительные и даже пораженческие настроения.

Столкнувшись с эшелонированным заслоном властей и не сумев прописаться и устроиться в Крыму, десятки тысяч крымских татар предпочли поселиться вне Крыма, но хотя бы в непосредственной близости от него, в частности на западе Краснодарского края (Крымский район, районы Тамани и Новороссийска) или же Южной Украине (в Херсонской и Николаевской обл., в Новоалексеевке и Мелитополе и т. д.).

Кстати, попытки властей закрепить крымских татар в Средней Азии или Казахстане терпели фиаско: так, в 1974 году, когда первым секретарем обкома КПСС Джезказганской области был назначен крымский татарин С. Таиров, население никак не отреагировало на его призывы переселяться под его крыло. *«Ни один крымский татарин, — писал самиздатский крымско-татарский журнал «Эмель», — даже агент КГБ и провокатор движения, в душе не отказался от своих стремлений вернуться на родину»*⁶⁷.

Власть нанесла по крымским татарам еще один — несколько экстравагантный — удар: при проведении Всесоюзной переписи населения 1970 года их просто «не заметили», объединив с остальным татарским населением страны. Это побудило крымских татар провести в 1971 году альтернативную самоперепись, давшую результат в 833 тыс. чел.⁶⁸

В конце 1970-х гг. власти перешли в «контрнаступление»: 25 апреля 1978 года вступило в силу негласное указание Министра внутренних дел Узбекистана за № 221, запрещающее паспортным столам милиции выписывать из Узбекистана крымских татар, не имеющих справки с будущего места проживания о наличии у них там работы и жилья. Ни в какой другой союзной республике такого правила не было, да и в Узбекистане оно применялось только к крымским татарам.

В самом Крыму с октября 1978 года участились случаи выселения и даже выдворения крымских татар из Крыма (речь шла о десятках семей). Для придания этому видимости законности, СМ СССР принял 15 октября 1978 года постановление № 700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области»: для этого теперь не требовалось судебного решения, хватало и райисполкомовского!⁶⁹

Одно из таких выселений привело к самосожжению в июне 1978 года столяра Мусы Мамута из с. Беш-Терек (Донское) Симферопольского района. Но ни это, ни серия обращений и делегаций в областные и общесоюзные инстанции, предпринятые крымскими татарами в конце 1970-х гг., ни тем более обращение в ООН в 1979 году никакого видимого результата так и не принесли⁷⁰, если не считать признания их полноправными фигурантами Переписи населения СССР 1979 года.

⁶⁶ Алексеева, 1992, с. 100.

⁶⁷ Алексеева, 1992, с. 109.

⁶⁸ Алексеева, 1992, с. 103.

⁶⁹ Алексеева, 1992, с. 107–108.

⁷⁰ Алексеева, 1992, с. 106–109.

В 1987 году была создана Госкомиссия по проблемам крымско татарского народа (ее председателем был А. А. Громыко), но дальше мер по улучшению социально-бытовых условий жизни крымско-татарского народа и его культурного развития ее предложения не шли: оснований для образования хотя бы Крымской АО по-прежнему не просматривалось. Не внесла перелома в этот вопрос и упомянутая выше Декларация ВС от 14 ноября 1989 года.

Тем не менее все эти годы и при любых условиях крымские татары боролись за свои права с редкостным упорством, готовность переселиться на родину немедленно, практически на любых условиях, была почти единодушной, так что татарские погромы июня 1989 года в Ферганской долине не пробудили, а только усилили эту решимость⁷¹.

5–6 января 1990 года состоялся Пленум Крымского обкома КПСС, посвященный проблемам межнациональных отношений в Крыму. В нем впервые приняли участие также и представители крымских татар. А в мае 1990 года была принята концепция государственной программы возвращения крымских татар в Крым, в которой признавалось их право на возвращение в Крым — то есть, по существу, то, что и так, безо всякой концепции и вопреки сопротивлению государства, уже происходило в реальности (государство зато устанавливало сроки завершения этого переселения: сначала — 1996 год, позднее — 1998).

В 1997 году истек срок разработки «Государственной программы адаптации и интеграции в украинское общество депортированных крымских татар и граждан других национальностей, возрождения и развития их культуры и просвещения», и была принята «Программа первоочередных мер по расселению и обустройству депортированных крымских татар и лиц других национальностей, которые вернулись и проживают в Автономной республике Крым»⁷².

Видимо, в рамках этой концепции СОПС АН УССР разрабатывал «Предложения по рациональному расселению крымских татар и развитию социальной сферы Крымской области»⁷³. Согласно ее установкам, для примерно 60% ожидавшихся тогда крымских татар в качестве мест проживания были определены степные районы Крыма (до депортации в ней проживал всего 31% крымско-татарского населения); при этом утверждалось, что не только приморская, но и горная зона перенаселена, что не соответствовало действительности. Городское расселение крымских татар закладывалось даже на более низком уровне, чем это было даже до депортации, хотя за годы изгнания их собственная урбанизированность только повысилась.⁷⁴

⁷¹ Исключение составляли лица со смешанными браками.

⁷² См.: *Червоная*, 1997, с. 152–153, а также с. 156–157 и 181–182.

⁷³ В свое время (26.11.1990) пишущему эти строки приходилось давать на них заключение (в рамках экспертизы Госплана СССР).

⁷⁴ По данным социологического обследования, выполненного в 1989 г. Центром независимой экспертизы советско-американского фонда «Культурная инициатива» (руководитель — Э. И. Паин), среди вернувшихся в Крым татар горожане составляли 62,1%, хотели поселиться в городах — 53,5%, а смогли поселиться — только 26,6%, что, естественно, вызвало целый ряд проблем, с которыми столкнулись репатрианты, особенно крымско-татарская интеллигенция.

Первый заметный поток крымских татар (около 5 тыс. чел.) прибыл на полуостров в 1977–1979 гг. К весне 1987 года в Крым переселилось уже около 17,5 тыс. крымских татар, но к середине года их число удвоилось⁷⁵. В декабре 1987 года была разрешена прописка крымских татар в 18 из 24 районов области (в степной и предгорной зонах). По данным переписи 1989 года, в Крыму находилось уже 38,4 тыс. крымских татар. В течение 1989 года репатриировалось около 30 тыс. чел., а в течение 1990 года — около 40 тыс. чел. К концу 1991 года число вернувшихся крымских татар достигло 150 тыс. чел., из них только примерно половина имели статус граждан Украины⁷⁶. Однако в дальнейшем приток крымско-татарского населения на полуостров замедлился (1992 год — 25 тыс., 1993 — 17 тыс., 1994 — 11 и 1995 год — 9 тыс. чел), но среди прибывающих неуклонно росла доля городского населения.

На начало 1996 года общее число крымских татар в Крыму достигло 220,5 тыс. чел., а с учетом неписанных — около 240 тыс. чел. Это поставило их на третье (после русских и украинцев) место среди народов Крыма по численности; в отдельных селениях или даже районах доля крымско-татарского населения превысила четверть⁷⁷. В каждом административном районе или селении Крыма, где проживают татары, были созданы их органы самоуправления — меджлисы (нелегитимные с точки зрения конституции Украины⁷⁸). За эти годы крымские татары завоевали прочные позиции на сельскохозяйственном рынке полуострова, а по некоторым данным — и в теневой экономике. В то же время угрожающе высоким является уровень безработицы среди крымских татар. Большую опасность представляют и конфликты (нередко кровавые), время от времени возникающие у них как с властями, так и с остальным населением полуострова⁷⁹.

12 февраля 1991 года ВС Украины принял постановление о преобразовании Крымской области в Крымскую АССР в составе УССР, а 26 февраля 1992 года Крымская АССР была переименована в Республику Крым. При этом новосозданная республика официально никак не увязывалась ни с татарским, ни с преобладающим в ней русским населением Крыма (заметьте, что крымско-татарская община является противником пророссийского сепаратизма в Крыму).

После распада СССР процесс территориальной репатриации крымских татар, как, впрочем, и турок-месхетинцев (см. ниже), стал международной проблемой, затрагивающей целый ряд суверенных государств — прежде всего Узбекистан, Украину, Грузию и Россию. Россия довольно быстро самоустранилась от соучастия в их репатриации, хотя и является

⁷⁵ Червоная, 1997, с. 146.

⁷⁶ Червоная, 1997, с. 146. Тем не менее принципиальная неразрешенность вопроса о гражданстве для остальных еще долго являлась одним из камней преткновения в отношениях между крымско-татарской общиной и Украиной и привело к бойкоту крымско-татарским населением выборов в местные советы в 1995 г. (Червоная, 1997, с. 159).

⁷⁷ Червоная, 1997, с. 147–149.

⁷⁸ Власов С. Политические аспекты миграционных проблем в Украине // Материалы семинара «Украина — Россия: перспективы сотрудничества в области миграции и гражданства». М.: Московский Центр Карнеги, 30 сентября 1996. С. 6–8.

⁷⁹ Например, разгром 10.07.1992 и 1.10.1992 крымско-татарского палаточного поселка в с. Красный Рай близ Алушты (Червоная, 1994, с. 19).

правопреемницей СССР — государства, осуществившего депортацию крымских татар: уже в 1992 году ее финансовая помощь была минимизирована, а в 1993 году и вовсе прекращена. Узбекистан же, по свидетельству С. Червонной, счел за благо немного нажиться на крымско татарской репатриации, установив на ее пути таможенные и другие рогадки. И даже те скромные средства, что выделялись на обустройство в Крыму легальных крымско-татарских репатриантов, часто расходовались бессистемно и не по назначению⁸⁰.

В России крымских татар сравнительно немного; те из них, кто поселился в Краснодарском крае, например, в последние годы активно стягиваются в Крым и как бы «кустапуют место» приехавшим в край туркам-месхетинцам, часто продавая им свои дома. В то же время значительная часть крымско татарского народа все еще проживает вне Крыма.

Реабилитация турок-месхетинцев

Процесс реабилитации **месхетинских турок**, долгие годы осваивавших в Средней Азии Голодную степь, идет, пожалуй, особенно малоуспешно. Пути их не-возвращения на родину, начатого в 1956 году, когда с них был снят режим спецпоселения, пролегли через Москву и Тбилиси. Начиная с конца 1956 года туда ездили десятки делегаций их народных представителей: в Москве им кивали на Тбилиси, а в Тбилиси — на Москву.

Еще в 1956 году месхов объявили... азербайджанцами и направили наконец-то на Кавказ, но не в Месхетию, а в Кабардино-Балкарию (откуда они распространились в Ставропольский и Краснодарский края) и в Азербайджан, где требовались рабочие руки для освоения безводной Мугабской степи. При этом если на Северном Кавказе культурное взаимообщение с местным населением было минимальным (ибо иначе как промежуточный этап пути на родину Северный Кавказ и самими турками-месхетинцами не воспринимался), то в Азербайджане, в окружении близкого себе этноса, всерьез начался процесс их укоренения⁸¹. Весьма значительная часть турок-месхетинцев и до сих пор не покинула Среднюю Азию, во-первых, в силу своего вполне устойчивого (а нередко и процветающего) экономического положения и, во-вторых, по причине непроясненности вопроса о репатриации в Грузию. Попытки же реализовать свое право на такую репатриацию неизменно встречали со стороны грузинских властей отпор и категорический отказ, мотивированный социально-экономическими и демографическими затруднениями.

В начале 1960-х гг. представители месхов из разных мест проживания объединились во «Временный организационный комитет возвращения на родину». Первое общенародное собрание месхов состоялось 15 февраля 1964 года в колхозе «Ленин юли» Ташкентской обл. Для передачи обращения месхов в Москве делегаты избрали председателем комитета учителя Энвера Одабашева и делегацию из 125 чел.⁸²

⁸⁰ Червонная, 1994, с. 17–18.

⁸¹ См.: Панеш, Ермолов, 1991.

⁸² См.: Алексеева, 1992, с. 111.

В мае 1968 года вышло ПВС, номинально уравнивающее месхов в правах с остальными народами СССР. И уже 24 июля 1968 года 7 тыс. месхов съехались в Тбилиси и собрались перед Домом Правительства, требуя приема. Через два дня их действительно принял тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе: на встрече он согласился принимать по 100 семей в год в разные районы Грузии, но слова своего не сдержал: первых репатриантов сначала принимали на работу и давали им жилье, но вскоре их стали увольнять и даже выдворять в Азербайджан.

19 апреля 1969 года в д. Саалты в Азербайджане был арестован Э. Одабашев, но вскоре, по требованию собравшейся перед райкомом толпы турок-месхетинцев, его отпустили. В августе 1969 года посланная в Москву 33-я делегация месхов в составе 120 чел. была принята в ЦК КПСС неким Моралевым: тот в очередной раз отказал делегации, но свой отказ облек в оскорбительную для делегатов форму. После того как все делегаты побросали в приемной свои паспорта и заявили о выходе из советского гражданства, они были задержаны и высланы из Москвы под конвоем.

В апреле 1970 года группа доведенных до отчаяния турок-месхетинцев обратилась в турецкое посольство в Москве с просьбой об эмиграции в Турцию. Эта инициатива была поддержана на 6-м народном собрании турок-месхетинцев, состоявшемся 2 мая 1970 года в Саалтинском районе Азербайджана. 15 марта 1971 года в посольство были переданы списки желающих эмигрировать месхов. Вместе с тем это раскололо движение, большинство в котором составляли сторонники борьбы за возвращение на родину.

В августе 1971 года был вновь арестован и осужден на 2 года лагерей Э. Одабашев, а спустя несколько месяцев аресту подверглись и оба его заместителя — М. Ниязов и И. Каримов⁸³.

Весной 1976 года представители месхов, относящих себя не к туркам, а к грузинам, ездили в Тбилиси, где в их честь был устроен обед на квартире председателя Инициативной группы защиты прав человека в Грузии. Вместо 1-го секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварнадзе их принял его помощник: никаких реальных последствий и этот визит не имел.

В качестве выхода из тупика турки-месхетинцы на своем 8-м съезде, состоявшемся 18 июня 1976 года в с. Ерокко в Кабардино-Балкарской АССР, выдвинули альтернативную программу поэтапного возвращения на родину, основанную на отказе от компенсации за потерю недвижимости и строительстве жилья силами своих молодежных бригад. Тогда, в качестве неофициального, но принципиального условия возвращения, грузинская сторона выдвинула признание турками-месхетинцами своего грузинского происхождения и соответствующей смены фамилий, что раскололо турок-месхетинцев на прогрузинских «конформистов», готовых, в силу безысходности, принять это условие, и протурецких, или «непримиримых», ни при каких условиях не согласных на такой шаг.

В количественном отношении «непримиримых» было гораздо больше, что отразилось и в решениях 9-го съезда турок-месхетинцев, состоявшемся 28 июля 1988 года в с. Псыход Кабардино-Балкарской АССР, осудившего позицию «прогрузинской» фрак-

⁸³ Алексеева, 1992, с. 112–113.

№ 161/29.

Об отмене ограничений с граждан

Об отмене ограничений с граждан
азербайджанской национальности
переселенных в 1944 году из
Грузинской ССР в различные районы
Азербайджанской ССР

Об отмене ограничений с граждан
азербайджанской национальности
переселенных в 1944 году из
Грузинской ССР в различные районы
Азербайджанской ССР

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР

О отмене ограничений с гражданами АССР
азербайджанской национальности, пере-
селенными в 1944 году из Грузинской ССР

В указе о том, что при переселении в 1944 году из
Азербайджанской ССР, Аджарского, Абхазского, Адагумского,
Ассанджского, Бодзюльского районов Грузинской ССР оказа-
лись переселенные азербайджанские граждане азербайджанской
национальности, на которых впоследствии были распространены
ограничения на социальную, жилищную и трудовую деятель-
ность в Азербайджанской ССР и в настоящее время:

1. Снять все ограничения с граждан азербайджанской
национальности, переселенных в 1944 году из Аджарской АССР,
Абхазского, Абхазского, Адагумского, Ассанджского,
Бодзюльского районов Грузинской ССР в Нахичевань, Нагорно-
Карабахскую и Узбекскую ССР.

2. Принять во внимание, что районы Грузинской ССР,
откуда производилось переселение граждан азербайджанской
национальности, в настоящее время являются, а возможности
в дальнейшем и хозяйственному устройству их в других райо-
нах республике, во избежание правительством Грузинской ССР,
отсутствия, предоставлять право этим гражданам на их пе-
реложение переселиться на постоянное жительство в Азербайджан-
скую ССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(Е. Ворошилов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М. Березин)

Москва, Кремль
31 октября 1957 г.

ции. Тем не менее первые семьи турок-месхетинцев стали прибывать в Грузию, причем, дабы избежать национальной концентрации, их направляли в самые различные районы Грузии.

Зримого статистического выражения этот первый, «мирный» поток не имел. Перепись 1989 года зафиксировала в СССР всего 207,5 тыс. турок-месхетинцев⁸⁴, из них в РСФСР — всего 9,9 тыс. Остальные проживали в Узбекистане (106,0 тыс. чел.), Казахстане (49,6 тыс. чел.), Киргизии (21,3 тыс. чел.) и Азербайджане (17,7 тыс. чел.).

А сегодня, к началу третьего тысячелетия, по оценке А. Осипова, их насчитывается уже порядка 290 тыс., причем страной сосредоточения большинства месхетинских турок стал Казахстан (от 80 до 100 тыс. чел.). Второй идет Россия (50–70 тыс.), далее следуют Азербайджан (40–60 тыс.), Киргизия (25–30 тыс.), и только на пятом месте — Узбекистан (15–20 тыс.), опережающий Украину (5–10 тыс. чел.) и Грузию. В РФ зонами их реального расселения являются Краснодарский край (13–16 тыс. чел.), Ростовская обл. (13–15 тыс.), КБ АССР (5,0–5,5 тыс.), Чеченская Республика, Белгородская и Волгоградская обл., Ставропольский край и Воронежская обл. (от 2,5 до 5,0 тыс. чел.)⁸⁵. Весьма примечательно, что и сегодня, где бы турки-месхетинцы ни жили, они по-прежнему придерживаются привычного им испокон веку сельского образа жизни.

Причиной столь резкой переориентации стали трагические события июня 1989 года. Массовые турецкие погромы в Ферганской долине вызвали тогда «вторую волну» их миграции из Средней Азии, численно охватившую более 90 тыс. чел. Кстати, только после этого при Совете Национальностей ВС СССР была создана Комиссия по проблемам турок-месхетинцев.

Власти СССР приняли тогда официальное решение о вывозе около 17 тыс. турок-месхетинцев (то есть практически всего турецкого населения, но одной лишь Ферганской долины) в ряд центральных областей европейской части РСФСР⁸⁶, вслед за ними снялись с мест и уехали еще около 70 тыс. чел. из других областей Узбекистана.

В Центральной России они оказались в условиях, к которым были мало приспособлены. Их приезд, как правило, вызывал негативную реакцию и у местных жителей, спрашивавших, а почему же нельзя отправить турок-месхетинцев в Грузию, на их родину?

В результате и сами турки-месхетинцы воспринимали это переселение как очередную принудительную миграцию и со временем значительная их часть (около $\frac{2}{5}$) самостоятельно переселилась в более южные регионы (Украина, Северный Кавказ, Казахстан).

Официальные же, от имени народа, обращения в ряд регионов Северного Кавказа, а также Казахстана и Киргизии с просьбой принять их встречали дружный отказ, за исключением Азербайджана и Чечено-Ингушетии. Именно Азербайджан и принял основной поток «второй» миграционной волны: для ее расселения были выделены земли в степи Джейран-Чой.

⁸⁴ По результатам переписи, проведенной инициативной группой, их насчитывается около 400 тыс. чел. (см.: Бройдо, Прохоров, 1994, с. 342).

⁸⁵ Осипов, 1998, с. 9.

⁸⁶ См. ПСМ № 503 от 26.06.1989 и Пост. СМ РСФСР № 220 от 13.07.1989.

Поначалу турок-месхетинцев принимали и в Краснодарском крае, примерно в тех же местах, где еще до них проживали крымские татары и греки (Крымский и Абинский районы на западе края и Апшеронский район и сельская местность вокруг г. Белореченска на юго-востоке). В местных администрациях их регистрировали в специальных списках, но, после того как 26 августа 1989 года краевой совет приостановил постоянную прописку граждан, прибывающих в край на жительство, и ввел ужесточенный миграционный режим (направленный не только против турок-месхетинцев, но и против армянских беженцев из Азербайджана), их статус стал весьма неопределенным и ненадежным.

Подавляющее большинство турок-месхетинцев (15–16 тыс. чел., из них 12–14 тыс. — вынужденные мигранты де-факто⁸⁷) живут в крае без прописки, хотя, нередко, и в собственных домах, купленных у возвращающихся в Крым греков и крымских татар⁸⁸. Несмотря на то, что в феврале 1992 года их правовое положение несколько улучшилось⁸⁹, оно по-прежнему остается дискриминационным, причем именно по этническому признаку. Так, и сейчас они не вправе оформить приобретение домовладений, устроиться на постоянную работу, получать пенсии и пособия. Их дети были не вправе поступать в российские вузы (детям, достигшим 16 лет, выдавали российские паспорта только в интервале с февраля 1995 года по апрель 1996 года). Мало того, дискриминационная практика краевых властей по отношению к месхетинцам, направленная на их выталкивание из края, нарастает. Так, постановление «О мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в районах компактного расселения турок-месхетинцев, временно проживающих на территории Краснодарского края», принятое Законодательным собранием края 24 апреля 1996 года, предусматривает регулярную и платную (одна минимальная зарплата каждые три месяца) регистрационную процедуру для каждого взрослого месхетинца.⁹⁰

Погромы в Ферганской долине и все последовавшие за этим события сделали позицию турок-месхетинцев в вопросах репатриации более консолидированной и жесткой. Их 10-й съезд, состоявшийся в с. Адигюль Саатлинского района АзССР, потребовал безусловного возвращения в Грузию. Если этого не произойдет, то 70–80% турок-месхетинцев намерены эмигрировать в Турцию⁹¹.

Представляется, однако, маловероятным, чтобы в данном случае заработала «немечская модель» массовой репатриации, — уж слишком велика разница между Турцией и Германией, в том числе и в плане законодательного и экономического обеспечения

⁸⁷ Де-юре они ими, как правило, не признаются, поскольку номинально не являются российскими гражданами.

⁸⁸ *Осипов*, 1997, с. 257–259. Подробнее см.: *Осипов*, *Черепова*, 1996.

⁸⁹ По решению Малого Совета Краснодарского края № 97 от 12.02.1992, им выдаются на ограниченный срок справки о временном проживании, разрешены их временное трудоустройство без прописки и постановка автомобилей на временный учет (*Осипов*, *Черепова*, 1996, с. 5–6). До этого им отказывали даже в регистрации детей и браков, наличия прописки у одного из молодоженов было тоже недостаточно.

⁹⁰ См.: *Осипов* А. Месхетинские турки в Краснодарском крае // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 19–21.

⁹¹ *Панеш*, *Ермолов*, 1991, с. 217.

массовой репатриации титульного населения. К тому же и положение турок-месхетинцев в азербайджанской среде все-таки далеко от положения тех же немцев в среде казахской. Поэтому более вероятной траекторией дальнейшего развития событий вокруг турок-месхетинцев — в свете радикализации дискриминационной политики властей Краснодарского края, — может стать их соби́рание и консолидация в Азербайджане и перспектива постепенной их ассимиляции и растворения в азербайджанском этносе.

Около 80 месхетинских семей уже поселились в разных местах Грузии. Но, несмотря на все усилия (в том числе и грузинских правозащитников) и даже два специальных постановления грузинского правительства, формально признающие право изгнанных на репатриацию, надежды на массовое возвращение месхов в Грузию остаются практически беспочвенными⁹².

Итак, начиная с 1950-х гг. все **три нереабилитированных** народа вели упорную, мирную, организованную, но в целом — в достижении главных задач — не оправдавшую себя борьбу. Правда, личное право селиться в родных местах немцы и татары в конце концов получили, а вот турки-месхетинцы до сих пор лишены и такой возможности и проживают дисперсно в ряде регионов Кавказа (Азербайджан, Кабардино-Балкария, Краснодарский край) и Средней Азии, где они были в изгнании. Крымские татары, уже сконцентрировавшиеся за последнее десятилетие в Крыму и создавшие там реально действующую систему внутриэтнической самоорганизации (меджлисы разных уровней), все еще далеки от достижения своих целей, но значительно ближе других. А вот по-прежнему пребывающие в рассеянии советские немцы единственную **альтернативу** Немецкой республике в Поволжье усматривают в **тотальной эмиграции в ФРГ**. В то же время, несмотря на имеющиеся прецеденты, **эмиграция в Турцию** не является серьезной альтернативой ни для крымских татар, ни для турков-месхетинцев.

Репрессированные народы и межэтнические конфликты на территории бывшего СССР в 1990-е гг.

Если отвлечься от того беззакония и насилия, с которыми были сопряжены депортация и переселение, то следовало бы взглянуть на них несколько шире и констатировать и то положительное, что репрессированные народы сумели из этого опыта извлечь.

Как точно заметила Ж. Зайончковская, люди, которых в 1940-х депортировали, и люди, которые в 1950-х возвращались, — это все-таки разные, во многом непохожие люди⁹³. На момент депортации те же кавказские народы в подавляющем своем боль-

⁹² См. в заметке Е. Ахалкаци: *Akhaltaksi E. From Georgia: on the Meschetians* // Nationalities Papers. Vol. 24. No 2. June 1996. P. 303–305.

⁹³ *Zayonchkovskaja Z. Die Gesellschaftssituation als Spannungsfaktor im Nordlichen Kaukasus* // Dahlmann, Hirschfeld, 1999. S. 583–588.

шинстве были бедными и малообразованными крестьянами⁹⁴. В тех крайне тяжелых условиях, в которых они оказались, выжить могли только самые дееспособные и инициативные. Вместе с тем их окружение в Средней Азии и Казахстане было еще более отсталым и в социальном плане менее мобильным, что давало депортированным народам довольно хорошие перспективы и прочные позиции в структуре занятых и возможность хорошо выучить своих детей. Если бы они задержались в местах ссылки еще на какое-то время, они несомненно стали бы местной элитой, как это и случилось с искусственно «задержанными» турками-месхетинцами и крымскими татарами. Но поскольку северокавказские народы возвращались гораздо раньше и стремительней, то их преимущество перед местным населением и их социальная «продвинутость» были все же не так очевидны.

Кроме того, часть северокавказских народов (как правило, члены смешанных семей, но и не только) осталась в Средней Азии, что привело к образованию своего рода «внутренних диаспор» в пределах СССР. Одновременно это несколько ослабляло демографический пресс на родине, поскольку каждая автономия Северного Кавказа так или иначе страдала и продолжает страдать от аграрного перенаселения, что только подливало масло в огонь вспыхнувших конфликтов.

Распад СССР в определенном смысле привел к распаду и многих «внутренних диаспор», к их дроблению между новыми государствами, к затруднению, а нередко и к обрыву внутриобщинных и даже семейных связей: появились, например, российские корейцы, узбекистанские корейцы, казахстанские корейцы и т. д. и между ними уже не формальные или прозрачные, а самые что ни на есть настоящие межгосударственные и таможенные барьеры. Вопреки тенденциям 1980-х гг., наметился процесс дальнейшего стягивания национальностей в их титульных национальных образованиях, что, напротив, усиливает там демографический пресс.

За последние 10–15 лет рост национализма на Кавказе, в Казахстане и в республиках Средней Азии, в особенности — в Узбекистане, не говоря о самой нестабильной из них — Таджикистане, уже не раз ставило общины депортированных народов перед сложным выбором: что же делать?

Вариантов же, в сущности, немного: 1) приспособиться, притерпеться и остаться, 2) уехать в ближнее зарубежье (прежде всего в Россию) или 3) эмигрировать в дальнее зарубежье, особенно если речь идет о представителях народов, имеющих «историческую родину», как немцы, греки, корейцы, финны, отчасти турки-месхетинцы.

Риски и сложности первого варианта более или менее понятны. За исключением разве что немцев, достаточно проблематичным на практике оказывается и третий вариант, поскольку в разных странах-метрополиях созданы неординарные условия для репатриации (тем не менее статистика подтверждает легкие эмиграционные тенденции в титульные страны и у других репрессированных народов).

Например, в Южной Корее (стране, страдающей от жестокого дефицита земли) к репатриации советских корейцев относятся прохладно и, наоборот, всячески поощряют

⁹⁴ О реальном уровне их элементарной грамотности в то время см.: *Земсков*, 1990а, с. 14, 15.

эмиграцию своих граждан. О репатриации, как пишет В. Тянь, задумываются, в основном, те корейцы, что проживают на Сахалине (в свое время туда их депортировали японцы), владеют корейским языком и имеют в Южной Корее родственников. Шансов на получение работы в Корее у них практически нет, так что едут главным образом пенсионеры, получающие места в домах для престарелых (их уже насчитывается несколько сотен чел.), и студенты, имеющие право на подработку. Так что наиболее приемлемым для среднеазиатских корейцев — с их культурно-языковой гибкостью, образованностью и преимущественно аграрной (овощеводческой) ориентацией — является переезд в Россию. Имеются неплохие предпосылки для участия корейцев в подъеме экономики таких регионов, как Центральное Нечерноземье и Дальний Восток. Такая миграция, однако, носит сегодня сугубо частный характер и самим российским государством не приветствуется и не поддерживается⁹⁵.

В годы перестройки и, в особенности, в период конкурентного сосуществования ВС СССР и РСФСР у репрессированных народов тем не менее возникало немало надежд и иллюзий. На Учредительном Съезде Конфедерации репрессированных народов, состоявшемся 24 ноября 1990 года в Москве, была принята Декларация о реабилитации и возрождении репрессированных народов⁹⁶.

Большинство из них создали и свои организации. Так, например, 3 октября 1988 года создан ленинградский «Союз ингерманландцев» («Инкерин Литтоо»), представляющий интересы 18 тыс. ингерманландцев, проживающих в городе и области. Он ведет борьбу за национально-культурное возрождение и пользуется поддержкой Финляндии и ее лютеранской церкви (получение виз, помощь в изучении языка, трудовое обучение, сезонная работа в Финляндии). В Москве действует аналогичное общество «Хеймо». Одним из результатов их деятельности стало принятие ВС РФ 29 июня 1993 года постановления о признании российских финнов репрессированным народом.

Иногда возникали организации, конкурирующие друг с другом за влияние или представляющие различные течения в народе. Так, созданное в 1990 году Международное общество месхетинских турок «Ватан» (*тур.* «Родина») со штаб-квартирой в Москве объединяет тех, кто стремится к безусловной и компактной репатриации в Ахалцихский район Грузии, а, скажем, общество «Хена» (*груз.* «Спасение») — тех, кто готов

⁹⁵ Тянь В. Корейцы надеются быть полезными России // Иностранец. 1994. № 23. 6 июля.

⁹⁶ В ней, в частности, содержались проекты дефиниций **репрессированного народа** и его **реабилитации**: «Репрессированным народом считается исторически сложившаяся общность людей, в отношении которой проводилась государственная политика насильственного переселения, клеветы и оскорблений человеческого достоинства, попрания его прав и законных интересов, разрушение политических и экономических структур национально-территориального устройства, стирание традиционной национальной культуры и языка. Согласно общепринятым международным нормам, это квалифицируется как геноцид.

...2. Реабилитация репрессированных народов означает возвращение национальных групп в места их традиционного проживания, восстановление их национально-государственных образований в прежних границах, проведение компенсационных мероприятий экономического и культурного характера».

признать себя «мусульманами-грузинами» и переселиться в различные районы Грузии. Есть еще и зарегистрированное в 1994 году общество «Умид» (*тур.* «Надежда»), объединяющее тех турок-месхетинцев, кто склоняется к идее эмиграции в Турцию⁹⁷.

Тем не менее сам по себе процесс реабилитации (и, в частности, территориальной реабилитации) репрессированных народов, как было показано, увы, еще не завершен. Принятые в последние годы государственные акты — Декларация ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» (от 14 ноября 1989 года), его же Постановление об отмене законодательных актов в связи с этой Декларацией (от 7 марта 1991 года) и Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (от 26 апреля 1991 года) — к сожалению, точки над «i» еще не поставили.

Перечень этнотерриториальных конфликтов и притязаний в быв. СССР коротким не назовешь: существует информация почти по 300 территориальным притязаниям⁹⁸, выдвигавшимся в течение 1988–1996 гг. официальным или неофициальным путем, из них по меньшей мере 140 сохраняют свою латентную актуальность⁹⁹, а около 20 вылились в вооруженные столкновения и 6 — в региональные войны. Подчеркнем лишь, что распад СССР отнюдь не породил эти конфликты, а лишь обнажил их, заострил и ускорил.

Роль депортированных народов в межнациональных конфликтах периода позднего СССР (горбачевской перестройки), может быть, и не была ключевой или решающей, но все-таки была весьма заметной. После распада СССР и формирования нового периметра российских границ эта роль, к сожалению, стала еще более значительной.

Так, до сих пор не восстановлена отдельная автономия карачаевцев, а ингушам не возвращена и существенная часть ранее принадлежавшей им территории. Не восстановлены до конца административно-территориальное деление и топонимика балкарцев, чеченцев-аккинцев, калмыков, а главное — до сих пор не восстановлены как таковые национальные автономии крымских татар и немцев Поволжья.

Некоторые из конфликтов уже обильно политы слезами и кровью. Она пролилась и на чужбине, куда несчастных забросила тираническая воля «отца народов»: ярчайший пример — резня и погром турок-месхетинцев в Ферганской долине в июне 1989 года. Но проливалась она и на родине: достаточно вспомнить ингушские манифестации в Грозном 16–19 января 1973 года с требованием вернуть Пригородный район¹⁰⁰ или, наоборот, кровавые столкновения между ингушами и казаками в станице Троицкой Сунженского района в апреле 1991 года, когда фактически имел место эффективный казацкий погром, заметно ускоривший их отъезд¹⁰¹.

⁹⁷ Осипов, Черепова, 1996, с. 15–18.

⁹⁸ Весьма многочисленны и классификации этнотерриториальных конфликтов и притязаний.

⁹⁹ Стрелецкий, 1997, с. 226–227.

¹⁰⁰ Митинги проходили вслед за передачей в декабре 1972 г. в ЦК КПСС коллективного письма «О судьбе ингушского народа» (см.: Цуциев, 1998, с. 80; Прокуменщиков, 1997).

¹⁰¹ Цуциев, 1998, с. 91.

Но, конечно, самым ярким примером является кровопролитный 8-дневный осетино-ингушский конфликт, разразившийся осенью 1992 года (с 30 октября по 6 ноября) и остановленный только с помощью российских войск¹⁰².

Внешне и типологически этот конфликт напоминал попытку классической **ирреденты** — то есть движения за воссоединение с исторической родиной смежных с нею территорий, некогда к ней относившихся и сейчас компактно заселенных соотечественниками¹⁰³.

Но исторические причины и факторы давнего осетино-ингушского противостояния, в 1992 году лишь достигшего своего кровавого апогея, лучше всего могут быть осмыслены в более широком общекавказском и общероссийском контекстах. Юридически конфликт явился следствием не только беззакония, созданного депортацией и неудовлетворительной реабилитацией ингушского народа, но и резких противоречий между Конституцией РФ и Законом РСФСР о реабилитации репрессированных народов от 26 апреля 1991 года.

Напомним: после ликвидации Ч.-И. АССР в 1944 году часть ее территории была передана в состав Северной Осетии, и в том числе Пригородный район, до этого заселенный преимущественно ингушами. Этот район был оставлен в составе Северной Осетии и после восстановления Ч.-И. АССР в 1957 году, причем стихийное вторичное заселение района ингушами началось все равно, причем со временем, в силу совершенно иного, чем у осетин¹⁰⁴, демографического поведения, ингуши численно почти сравнялись с осетинами, а в южной и северной частях Пригородного района и в пригородах столицы даже вырвались вперед.

Параллельно с возвращением ингушей шло и укоренение на той же земле осетин, уже сменивших к концу 70-х гг. старые и чужие ингушские жилища на новые и собственные дома, выстроенные практически каждой семьей. Уступка Пригородного района ингушам, и без того окружившим Владикавказ поселениями со своим преобладанием (Карцма, Редант, Терк, Дачный), означала бы, в глазах осетин, прямую угрозу их столице, а притязания ингушей и на правобережную часть Владикавказа с ее промышленностью и инфраструктурой — многократно усиливали эти опасения (третьим территориальным участком, на который простирались ингушские притязания, был Моздокский коридор).

Откровенная напряженность между двумя соседними народами стала нарастать задолго до событий 1992 года — начиная примерно с 1981 года, когда в Орджоникидзе произошли первые столкновения ингушских демонстрантов с войсками. Тогда власть еще была в состоянии проявить жесткость, но накануне распада СССР ситуация обострилась с новой силой. На 2-м и 3-м съездах ингушского народа, прошедших в сентябре 1989 и октябре 1991 гг. (то есть еще до образования Республики Ингушетия в июне 1992 года), уже раздавались громкие голоса в пользу силовой «территориальной реа-

¹⁰² О предыстории сложных и богатых конфликтами взаимоотношений двух соседних народов см.: *Цуциев, 1998*.

¹⁰³ См.: *Стрелецкий, 1997*, с. 234, 235.

¹⁰⁴ Среди крупных северо-кавказских народов осетины являются бесспорными лидерами и по урбанизированности (66% в 1989 г. — против 38% у ингушей).

билитации» ингушей, причем к началу 1992 года оружие было практически в каждой ингушской семье.

В свою очередь, осетинские экстремисты требовали изгнания ингушей из сел совместного проживания и из Владикавказа. Начиная с 1990 года начали формироваться и отряды осетинской самообороны, а летом 1991 года была создана Республиканская гвардия Северной Осетии.

Различные осетино-ингушские эксцессы, в том числе и с человеческими жертвами, участились в начале 1990-х гг. Детонатором же самого конфликта стали события 20–22 октября 1992 года: в с. Октябрьском бронетранспортером осетинской милиции была раздавлена 13-летняя девочка-ингушка, а в поселке Южном были убиты еще двое ингушей (в стычке с осетинской милицией). В ночь с 30 на 31 октября разразился открытый вооруженный конфликт. Поначалу перевес был на стороне ингушей, взявших под свой контроль практически все села совместного проживания в Пригородном районе. Но уже 31 октября в конфликт — на осетинской стороне — вмешалась российская армия, причем «из нафталина» были вытаснены слова об осетинах как «верных сынах России» (читай: ингуши — предатели, почему их и выселили в свое время)¹⁰⁵.

Как ингушское наступление, так и осетинское контр наступление велось по самым варварским «законам» этнической войны — с захватом заложников, убийствами, изнасилованиями, грабежами и разрушением домов. Указ Ельцина о введении на всей территории Северной Осетии и Ингушетии чрезвычайного положения был издан только 2 ноября¹⁰⁶, и лишь 6 ноября последние очаги боевых действий в районе конфликта были подавлены. Указ вводил Временную администрацию, первым главой которого был вице-премьер Г. Хижа. Новым указом Ельцина от 12 ноября компетенция Временной администрации географически была ограничена узкой буферной полосой вдоль границы Северной Осетии и Ингушетии¹⁰⁷.

Трагический итог осетино-ингушского конфликта: 600 убитых (из них 171 осетин и 419 ингушей), 315 пропавших без вести, тысячи раненых, 57 тыс. беженцев (из них 7 тыс. осетин и 50 тыс. ингушей¹⁰⁸), 4 тыс. разрушенных домов¹⁰⁹. По другим официальным данным, погибло 546 чел., из них 407 ингушей и 105 осетин¹¹⁰, по третьим —

¹⁰⁵ Как справедливо заметил А. Г. Здравомыслов, ключевые слова конфликта — «агрессия» и «зачищение», трансформировавшиеся впоследствии в «этническую чистку» и «геноцид», произнес российский генерал Г. Филатов, выступивший по Северо-Осетинскому телевидению (*Здравомыслов, 1997, с. 91*).

¹⁰⁶ Официальный срок его действия — до 4.02.1995 — несколько раз продлевался парламентом.

¹⁰⁷ *Здравомыслов, 1998, с. 71–73*.

¹⁰⁸ По числу беженцев есть еще и другие данные, колеблющиеся между 37,5 тыс. и 40,3 тыс., из них 31 тыс. прописанных (*Дзадзиев А., Дзугаев Л.* Беженцы и вынужденные переселенцы в Северной Осетии // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 16). При этом ингушское население Моздокского района и с. Майское Пригородного района, а также часть ингушей с. Чермен Пригородного района и п. Карцма Владикавказского горсовета и после 31.10.1992 не покидали своих поселений.

¹⁰⁹ *Здравомыслов, 1997, с. 91*.

¹¹⁰ *Цуциев, 1998, с. 5*, со ссылкой на: Вестник временной администрации в зоне чрезвычайного положения на части территории Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия. — 1993, 7 мая. № 37. С. 1.

262 погибших, в том числе 12 российских военнослужащих, 120 ингушей и 130 осетин¹¹¹, а по четвертым — потери составили около 1000 чел.¹¹² До основания разрушено 11 ингушских поселков. Материальный ущерб в зоне конфликта составил, по данным Министерства по делам национальностей РФ, около 20 млн. долларов¹¹³.

Только в январе 1993 года обе стороны приступили к переговорам («круглый стол» в Кисловодске), а 18–21 марта 1993 года там же состоялась встреча президента Северной Осетии А. Галазова и избранного накануне президента Ингушетии Р. Аушева, завершившаяся подписанием «Соглашения о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Ингушской республики и Северо-Осетинской ССР». В частности, было принято решение о возвращении в Пригородный район тех граждан двух республик, кто был прописан там до начала конфликта и не был причастен к совершению преступлений.

В декабре 1993 года в ходе предвыборной кампании Ельцин посетил Северный Кавказ и встретился в Нальчике с руководителями всех северокавказских республик. Советование рекомендовало основать новую столицу Ингушетии город Магас и осуществить возвращение ингушских беженцев в четыре из сел Пригородного района (Чермен, Донгарон, Дачное и Куртат). 13 декабря 1993 года вышел соответствующий Указ Президента РФ о возвращении ингушских беженцев. В 1994 году встречи Галазова и Аушева были продолжены, а 24 июня 1994 года были подписаны Бесланские соглашения о порядке этого возвращения. С началом боевых действий российской армии в Чечне в конце 1994 года была связана отмена чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта, после чего ингушская сторона денонсировала Кисловодские и Бесланские соглашения как ограничивающие права граждан.

11 июля 1995 года Галазов и Аушев вновь встретились, на сей раз во Владикавказе и без посредников, где подписали соглашение, одним из пунктов которого был отказ от территориальных претензий друг к другу (дезавуированный Аушевым буквально на следующий день).

Между тем кровавым инцидентам в зоне конфликта не было видно конца — от убийства 1 августа 1993 года главы Временной администрации В. П. Поляничко и до гранатометного обстрела 17 июля 1997 года в Пригородном районе автобуса с ингушскими беженцами; за этим последовали два теракта против осетинских милиционеров (29 июля) и нападение около 1000 вооруженных осетин на лагерь ингушских беженцев в с. Тарское (избивали всех без разбора, сожгли 83 вагончика, полностью разграбили лагерь и взяли семь заложников; лагерь пришлось эвакуировать на территорию Ингушетии).

После этого основной конфликт едва не разгорелся с новой силой, а ингушская сторона предлагала ввести в зоне конфликта прямое президентское правление. Против

¹¹¹ Официальные данные Госкомитета по чрезвычайным ситуациям РФ (см.: Аксенов С., Гаврилов С. Аушев и Галазов договорились уважать друг друга // Коммерсант-Daily. 1997. 5 сентября. С. 2).

¹¹² *Мукомель*, 1997, с. 301–303, со ссылкой на оценки Поспредства Сев. Осетии (546 погибших и 261 пропавших без вести — в 1993 г.) и Human Wright Watch.

¹¹³ *Мукомель*, 1997, с. 308.

этого возражала Осетия, в очередной раз потребовавшая снять раз и навсегда вопрос о территориальных претензиях (в Конституции Ингушетии Пригородный район рассматривается как ее неотъемлемая часть). Федеральный же центр, выполнявший на переговорах роль посредника, фактически солидаризировался с позицией Осетии¹¹⁴.

В итоге осетино-ингушский конфликт вновь оказался на пороге необъявленной войны. На встречах Аушева и Галазова с Черномырдиным и Ельциным, состоявшихся 4, 7 и 9 августа, Москва требовала заключения моратория на вооруженные действия на 10–15 лет. «Договор об урегулировании отношений и сотрудничестве между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия», подписанный в Москве 4 сентября 1997 года, носил скорее декларативный характер. 15 октября 1997 года Аушев, Галазов и Черномырдин подписали программу совместных действий органов государственной власти России и обеих конфликтующих республик по преодолению последствий конфликта, но и она не содержала в себе никакого прорыва.

Идея моратория для ингушской стороны была приемлема только как этап на пути к возвращению отторгнутых в 1944 году земель. В принятом 27 сентября 1997 года Съездом ингушского народа «Обращении к осетинскому народу» говорится о совместной, добрососедской и многонациональной, жизни в Пригородном районе, но под ингушской юрисдикцией¹¹⁵.

Как бы то ни было, но процесс нового возвращения ингушских беженцев в Пригородный район начался: к концу 1995 года вернулось более пяти тысяч, а к середине 1997 года — около 11 тыс. чел.¹¹⁶ По мнению А. Г. Здравомыслова, разрешение осетино-ингушского конфликта возможно только на путях компромисса, например в форме совместного управления Пригородным районом.

Тем не менее рецидивы этнических депортаций и этнических войн — а и то, и другое было представлено в ходе осетино-ингушского конфликта — необычайно опасны и сами по себе. Как это ни прискорбно, но распространение и развитие этнотерриториальных конфликтов на территории быв. СССР вновь привело к идее их применения в качестве средства «разрешения» конфликтов. Призывы к таким депортациям постоянно срываются с уст радикальных националистов, в том числе представителей тех регионов, откуда в свое время депортировали их предков (например, на Западной Украине).

Но есть и «практический опыт». Причем не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье и Средней Азии. Так, за годы карабахского конфликта из Армении и Карабаха было изгнано 160 тыс. азербайджанцев, а из Азербайджана — 250 тыс. армян. Число грузинских беженцев из района грузинско-абхазского конфликта составляет 200–230 тыс. чел. Памирские таджики, в свое время принудительно переселенные в долины, ныне вновь вынуждены возвращаться в Бадахшан.

¹¹⁴ Жуков М., Аксенов С. Москва попросила Аушева и Галазова помириться // Коммерсант-Daily. 1997. 22 июля. С. 3.

¹¹⁵ Дзадзиев А. Съезд народов Ингушетии // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 24–25.

¹¹⁶ См.: Здравомыслов, 1998, с. 8, 92–93.

Опасны и рецидивы любой дискриминации по этническому признаку, в том числе по отношению к представителям некогда репрессированных народов. Примером такого рода дискриминации является одна из мобилизационных директив Генштаба, предписывающая принимать в армию запасников из числа «восстановленных в правах граждан» (как они в этой директиве именуются!) только в индивидуальном порядке и по согласованию с местными органами безопасности России, советские предшественники которых в свое время, напомним, планировали и осуществляли депортацию. Но и безо всякого индивидуального порядка и согласования «указанным контингентам» дорога в режимные (разведывательные, летные, радиотехнические и танковые) части была заказана.¹¹⁷

¹¹⁷ Директива Генштаба № 315/ 1/00350 от 16.12.1993 (цит. по: *Алиева С.* Репрессированные народы все еще ждут. Концепции национальной политики в России пока не существует // *Независимая газета.* 1995. 21 мая. С. 3).

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ

ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ СТРАН ЕВРОПЫ В СССР

Трудовой баланс победителей и «репарации трудом»

Известно, что помимо миллионов немецких военнопленных на территории СССР трудились также гражданские лица немецкой национальности как из самого Третьего Рейха, так и с территорий, никогда в него не входивших. В их реальном статусе и трудоустройстве прослеживается более чем достаточно общих черт с военнопленными, но есть и особенности. Разумеется, особенными являются мотивация и «предыстория» использования труда немецких гражданских лиц в СССР.

Вопрос о так называемых «интернированных» (или, нередко и в том же значении, — «мобилизованных и интернированных»), то есть вопрос о депортации и использовании труда немецких гражданских лиц в СССР в последние месяцы войны и в первые послевоенные годы, имеет свою предысторию и библиографию.

На Западе, в частности в Германии, ему посвящена довольно обширная литература. Затронутый депортациями контингент рассматривается в ней как составная часть почти что 14 млн. немцев, изгнанных из мест их довоенного проживания и размещенных в пределах союзнических оккупационных зон в Германии. Первые фундаментальные публикации на эту тему увидели свет еще в конце 1950 — начале 1960-х гг.; они базировались главным образом на статистических выкладках и свидетельствах очевидцев¹. Ряд публикаций первой половины 1980-х гг. привнесли сравнительно мало нового как в документацию, так и в интерпретацию этих событий².

И только во второй половине 1980-х и в 1990-х гг. появились работы, ориентированные, наряду с мемуарными, и на архивные источники³. Среди них особо выделяется капитальный трехтомник «Депортация трансильванских саксонцев в Советский Союз в 1945–1949 гг.», подготовленный группой историков из Мюнстера во главе с Г. Вебе-

¹ Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa./ Bearb. von T. Schieder. Bd. 1–5. Wolfenbüttel, 1953–1961; Die Deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958; Rhode G. Phasen und Formen der Massenwangswanderungen in Europa. // Die Vertriebenen in Westdeutschland. Bd. 1. Kiel, 1959.

² См.: Ahrens W. Verbrechen an Deutschen. Dokumente der Vertreibung. Rosenheim, 1983; Mitzka H. Zur Geschichte der Massendeportationen von Ost- und Südostdeutschen in die Sowjetunion im Jahre 1945. Ein historisch-politische Beitrag. Einhausen, 1985.

³ Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1978. Bericht des Bundesarchivs vom 28.05.1974. Archivalien und ausgewählte Erlebnisberichte. Bonn, 1989.

ром⁴. Поскольку вопрос о немецких интернированных неотрывно связан с вопросом о немецких военнопленных, постольку он неизменно затрагивается и в работах, посвященных военнопленным, например, в известной монографии С. Карнера «В Архипелаге ГУПВИ»⁵.

В СССР, как и в других социалистических странах Восточной Европы, тема депортации немецких гражданских рабочих, а равно и доступ к соответствующим архивам были табуизированы чуть ли не на полвека, до середины 1990-х гг. И хотя первые, сквозь зубы, официальные упоминания этой темы в Румынии, например, прозвучали из уст Н. Чаушеску еще в 1966 и 1971 гг., до попыток ее научного осмысления было еще далеко. Только в 1994–1995 гг. появились первые публикации, базирующиеся на материалах Государственного архива Румынии в Бухаресте: прежде всего документальная работа Х. Байер «Депортация этнических немцев из Румынии в Советский Союз в 1945 году» и др.⁶

Примерно тогда же, в середине 1990-х гг., первые публикации на эту тему увидели свет и в России. В 1994 году вышли статьи В. Б. Конасова и А. В. Терещука, П. Н. Книшевского, М. И. Семиряги⁷, а в 1995 году — брошюра И. И. Чухина «Интернированная юность», детально реконструирующая историю лагеря № 517 для интернированных немцев на станции Падоозеро под Петрозаводском⁸. Начиная с 1995 года с докладами и сообщениями об интернированных и мобилизованных немцах неоднократно выступал и пишущий эти строки: его первые публикации увидели свет в 1997–1998 гг.⁹ Со време-

⁴ Weber G., Weber-Schlechter R., Nassehi A., Sill O., Kneer G. Die Deportation von Siebenbürger Sachsen in die Sowjetunion 1945-1949. Köln — Weimar: Böhlau Verlag, 1996. Bd. 1–3. (2452 S.).

⁵ Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956 // Kriegsfolgen-Forschung. — Wien; München: R. Oldenbourg Verlag, 1995 Bd.1. 269 s.

⁶ Baier H. Deportarea etnicilor germani din Romania in Uniunea Sovietică. Smbiu, 1994 (на рум. яз.). См. также: Zach K., Zach C. Die Deportation Deutscher aus Romänien in die Sowjetunion 1945 // Südostdeutsche Vierteljahresblätter. — München, 1995 (44. Jg). S. 5–17. В то же время документы Совета Министров Румынии оставались и остаются недоступными для исследователей и до сих пор, что, как пишет Г. Кляйн (см. ниже), подпитывало устойчивые слухи и догадки, циркулировавшие преимущественно в немецкой среде, о «принесении в жертву» румынами немецкого меньшинства ради спасения от депортации самих румын.

⁷ «Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» / Вводная статья и комм. В. Б. Конасова и А. В. Терещука // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337 (далее: Конасов, Терещук, 1994); Книшевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. // Вопросы истории. 1994, № 2, с. 53–65 (далее: Книшевский, 1994); Семиряга М. Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время, 1994, № 15, с. 56–57.

⁸ Чухин И. И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. Москва-Петрозаводск: Мемориал, 1995, 64 с.

⁹ См., в частности: Полян П. М. Международная встреча исследователей гитлеровского и сталинского террора [Отчет о конференции в Мюльхайме-на-Руре, март 1995 г.] // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996, № 1, с. 152–153; Полян П. М. «Репарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудиспользования «интернированных и мобилизованных» — немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г., г. Вологда. — Часть 2. — Вологда, 1997. С. 59–67; Полян П. М. География принудительных миграций в СССР. Автореферат на соискание ученой степени доктора географических наук. — М.: Институт географии РАН, 1998. С. 29–32.

нем появились и немецкие публикации, ориентированные на российские источники, в частности статья Г. Кляйна¹⁰.

Сам по себе вопрос об интернированных многоаспектен. Свой мрачный свет отбрасывают на него и **военная целесообразность** (пресекновение в зародыше опасности вооруженного сопротивления граждан на оккупированной Красной Армией территории), и **политика** («репарации трудом» как своего рода торжество справедливости и «месть» за угон в Германию остарбайтеров), и **право** (проблема статуса интернированных, правомочность их принудительного труда), но все же, в первую очередь, — **экономика** (истощение в ходе войны ресурсов, в том числе и трудовых, необходимость преодоления разрухи и проч.).

С точки зрения международного права, **интернирование** как особый (и непременно щадящий) режим ограничения свободы гражданских лиц не противоречил Гаагским конвенциям 1907 года и другим соглашениям. Воюющими сторонами он распространялся на гражданских лиц страны-противника, а нейтральными — на военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на его территории. В проекте 1929 года собственного «Положения о военнопленных» СССР рассматривал граждан страны-противника, взявших в руки оружие (к тому же независимо от того, организовались они в отряды или нет), в качестве военнопленных, что противоречило Гаагской и Женевской конвенциям (к которым СССР не присоединился)¹¹.

К анализу экономического аспекта «операции по мобилизации и интернированию» приступил П. Н. Кнышевский. Исключительная полнота власти, сосредоточенной в годы войны в Государственном Комитете Оборона (ГКО), распространялась не только на чисто военную и политическую сферу, но и на сугубо экономическую, причем в равной степени на экономику войны и тыла. За 1626 дней существования ГКО — с 30 июня 1941 по 3 сентября 1945 года — им было принято 9971 постановление и распоряжение (или в среднем до 6 важных решений в день!)¹².

Естественный прирост населения в 1945 году составлял немногим менее 640 тыс. чел. В 1946 году он увеличился более чем втрое, отрицательную динамику населения из регионов имела одна только Литва¹³.

¹⁰ Klein G. Im Lichte sowjetischer Quellen. Die Deportation Deutscher aus Rumänien zur Zwangsarbeit in die UdSSR 1945 // Südostdeutsche Vierteljahresblätter. — München, 1998 (47. Jg). Nr. 2. S. 153–162. Работа Г. Кляйна ценна не столько републикацией нескольких уже достаточно хорошо известных историкам документов, сколько введением в оборот серии персональных документов, касающихся индивидуальной судьбы, в частности, судьбы членов его семьи (ниже, с их любезного разрешения, мы будем неоднократно обращаться к их воспоминаниям, предоставленным нам Г. Кляйном).

¹¹ См. *Конасов, Терещук*, 1994, с. 318, со ссылкой на: *АВП, ф. 054, л. 293, оп. 6160, л. 33*.

¹² Большинство из них подписывалось Сталиным как председателем ГКО, но некоторые и его заместителями (Молотовым, а позднее и Берией). Кроме них в состав ГКО входили также К. Е. Ворошилов и Г. М. Маленков, позднее (с февраля 1942 года) членами ГКО стали также Л. М. Каганович, А. М. Микоян, Н. А. Булганин и Н. А. Вознесенский.

¹³ *ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 169, л. 219–223*.

Совокупность советских законов о труде сформировалась еще до войны¹⁴ и являла собой, по определению П. Н. Кнышевского, *«законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации»*. Лишь за полгода с 26 июня 1940 года за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания на работу было осуждено более 2,09 млн. человек, из них свыше 1,7 млн. отбывали 6-месячный исправительно-трудовой срок... на своем рабочем месте. *«С начала 1941 года показатели карательной практики упали, поскольку меры принуждения возымели действие и система прижилась, так что и в военное время не потребовалось никаких радикальных изменений, за исключением отдельных дополнений к существующим узаконениям»*¹⁵.

Однако стремительное наступление вермахта потребовало экстренных мер по эвакуации предприятий и их персонала, а также по их водворению на новом месте, что нередко было сопряжено с такими явлениями, как, например, силовое перераспределение жилой площади и выселение части местного населения в другие районы¹⁶.

Составной частью трудовой мобилизации¹⁷ стал военный, через военкоматы, призыв — как бы на альтернативную трудовую службу не годных к строевой запасников (даже туберкулезных!), а также части призывников (как правило, не внушавших доверия «националов» — корейцев, болгар, греков, турок и т. д.). *«Призыв на альтернативно-производственную службу, — отмечает П. Н. Кнышевский, — оказался более результативным, чем трудовая мобилизация населения гражданскими органами, и действовал не только до конца войны, но и в первые послевоенные годы...»*¹⁸. Серьезным источником дисциплинированных трудовых ресурсов была и так называемая целевая демобилизация, закреплявшая за предприятиями ведущих наркоматов увольняемых в запас военнослужащих. Важными трудовыми отрядами были также некоторые виды специальных войск¹⁹. Значительным трудовым потенциалом, как известно, располагала и система ГУЛАГа.

Тем не менее к концу войны советские трудовые ресурсы были на грани исчерпания, и употребление вражеской рабочей силы казалось делом как бы насущным, напра-

¹⁴ См. Указы Президиума Верховного Совета СССР (ПВС): от 26.06.1940 — «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», от 17.07.1940 — «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях», от 2.10.1940 — «О государственных трудовых резервах СССР», от 19.10.1940 — «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». В военное время к ним добавились Указ ПВС от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» (с установлением от 1 до 3 сверхурочных часов в день) и Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 «Все для фронта, все для победы». Постановление ГКО № 903сс от 17.11.1941 предоставляло НКВД право применять к «нарушителям порядка управления СССР» любые санкции, вплоть до расстрела.

¹⁵ Кнышевский, 1994, с. 54.

¹⁶ Примеры см. в: Кнышевский, 1994, с. 57–58.

¹⁷ Очевидно, что применение термина «мобилизация» к немецким гражданам третьих стран имеет ту же самую смысловую нагрузку.

¹⁸ Кнышевский, 1994, с. 58. Крупнейшими потребителями такой рабсилы были транспортники, строители, металлурги.

¹⁹ Например, для демонтажа, вывоза и сопровождения промышленного оборудования по заданиям созданного Постановлением № 7590сс от 25.02.1945 Особого комитета при ГКО и т. п.

шивающимся и естественным. Тем более что и поверженный противник в свое время ни малейших колебаний и прочих сентиментальных чувств не проявил.

Вопрос об использовании немецкого труда был озвучен задолго до окончания боевых действий.

31 августа 1943 года Вильям Малкин в докладной записке о будущих видах репараций рассматривал немецкую рабочую силу как один из самых перспективных ее видов²⁰. Тем не менее преобладающим относительно репараций мнением англо-американской стороны признавался тезис о допустимости репараций, но, скорее, не в денежной форме, а в виде *реституции* (то есть возвращение вывезенного и награбленного плюс эквивалентное за это вознаграждение). От «репараций трудом» они достаточно решительно отмежевались.

Интересно, что из 16 членов ООН, представивших что-то вроде заявок на репарацию, претензии на германскую квалифицированную рабочую силу для работ по реконструкции хозяйства заявила одна Польша. Следует отметить и то, что в то время под «репарациями трудом» подразумевалась еще не только отправка немецких рабочих или военнопленных в страны-победительницы, но и принуждение их бесплатно работать на предприятиях своей страны по заданиям стран-победительниц.²¹

Первое из обнаруженных нами советских упоминаний содержится в записке М. М. Литвинова (бывшего наркома, а в то время заместителя наркома иностранных дел) «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе», составленной 9 октября 1943 года (очевидно, в порядке подготовки к октябрьской встрече министров иностранных дел союзных держав в Москве и к ноябрьскому саммиту Сталина, Черчилля и Рузвельта в Тегеране).

Однако главным теоретиком советского видения послевоенного мира и, в частности, вопроса о репарациях был академик Иван Михайлович Майский, посол СССР в Лондоне и заместитель Молотова по НКВД. Еще в начале ноября 1943 года ему было поручено сформировать комиссию для изучения вопросов о репарациях и разработать план ее деятельности. План был представлен уже 10 ноября, а через пару недель была утверждена и сама Комиссия при НКВД по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками²². Естественно, она действовала во взаимодействии с образованной в ноябре 1942 года «Чрезвычайной государственной комиссией по

²⁰ См.: Weber U. A. 1995, bd. 1, s. 77.

²¹ СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996, (далее: СССР и германский вопрос), с. 286–305, со ссылкой на: АВП (Архив Внешней политики РФ), ф. 12, оп. 9, п. 132, д. 4, л. 178–209).

²² См.: Кынин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 117, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 6, п. 20, д. 166, л. 2–6. В состав Комиссии, помимо представителей НКВД — И. М. Майского (председатель) и Г. П. Аркадьева (секретарь), вошли также от Академии наук — Е. С. Варга, от Наркомата Внешней торговли — К. П. Бабарин, а от Госплана — В. В. Кузнецов, в январе 1944 г. «усиленный» М. З. Сабуровым и Н. М. Силуяновым. Первое заседание Комиссии состоялось 24.11.1943.

установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба».

Майский исходил из того, что физическое участие гражданских немцев в восстановлении разрушенного их армиями хозяйства и допустимо, и справедливо, и желательно. При этом он апеллировал к передовому опыту самих немцев, с таким успехом угнавших к себе на работу десятки миллионов чужих мирных жителей. Однако применять эту меру следовало бы лишь в том случае, если бы Германия оказалась бы не в состоянии оплатить свои репарационные обязательства в иной форме.

Комиссия Майского работала активно, и уже 11 января 1944 года Майский направил Молотову записку «О желательных основах будущего мира», где, в частности, предлагалось «...взимание с Германии репараций, и в частности репараций трудом, в течение длительного срока (не менее 10 лет). Данный вопрос имеет две стороны: с одной стороны, репарации должны служить целям скорейшего восстановления ущерба, нанесенного Германией СССР и другим странам, с другой стороны, репарации, в частности, репарации трудом, т. е. изъятие из германского народного хозяйства нескольких миллионов рабочих единиц ежегодно, неизбежно должны ослабляющим образом действовать на ее экономику и на ее военный потенциал».²³

3 марта 1944 года Майский уже отчитался за 3-месячный срок деятельности Комиссии. Под его руководством собственная репарационная программа СССР была выработана уже к августу 1944 года. В датированном 27 июля и представленном Сталину, Молотову и еще десятку адресатов 28 июля документе, озаглавленном «Репарации. Записка № 1», Майский оценивал «германский труд» как куда более серьезный источник репарационных платежей, чем натуральные поставки: «При условии, что среднее годовое число трудообязанных составит около 5 млн. чел., общая сумма репараций на протяжении 10 лет по этой рубрике может достигнуть примерно 35–40 миллиардов долларов»²⁴. Отметим, что суммарный объем репараций за этот срок оценивался комиссией Майского в 70–75 млрд. долларов, таким образом на «репарации трудом» приходилось не менее их половины!

9 октября 1944 года, очевидно в связи с подготовкой визита в Москву Черчилля и Идена, Майский направил Молотову пространную записку, озаглавленную «Позиция США и Англии в репарационном вопросе и наши возможные контраргументы». В ней он, в частности, писал: «Репарационные платежи в форме использования германского труда допускаются, хотя вопрос этот вызывает внутри США и Англии большую полемику»²⁵. Единодушно признается, однако, что данная форма репараций мыслима только для СССР, но не для капиталистических стран»²⁶.

²³ «Чтобы ни одной державе или комбинации держав не приходила мысль об агрессии против СССР» // Источник. 1995. № 4. С. 127.

²⁴ СССР и германский вопрос, с. 506–516, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 6, п. 16, д. 164, л. 1–69.

²⁵ В частности, в мае 1944 г. в Госдепартаменте США находили вполне приемлемым использовать германскую рабочую силу в течение 3–4 лет (Кынин, 1995, с. 119, со ссылкой на: АВП, ф. 012, оп. 5, п. 56, д. 42, л. 5–29).

²⁶ СССР и германский вопрос, с. 555–559, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 6, п. 16, д. 165, л. 1–11. При этом на возможные возражения союзников Майский предлагал отвечать им в том духе, что

(Как бы в скобках заметим, что в подписанных 12 и 15 сентября 1944 года в Москве соглашениях о перемирии США, СССР и Англии с Румынией и Финляндией вопрос о репарациях затрагивается, но никоим образом не вопрос о «репарациях трудом».)

В конце января 1945 года, когда советское правительство интенсивно готовилось к Крымской конференции трех союзных держав, Майский написал для Молотова записку с приложением проекта «Формулы по репарациям с Германии». Эта «Формула...» предусматривала в самом общем виде «...использование германского труда в пострадавших от германской агрессии странах в целях залечивания нанесенных им германской агрессией экономических ран», а конкретнее — все то же обязательство Германии «...в течение 10 лет после окончания войны предоставлять ежегодно странам — получателям репараций такое количество рабочей силы (включая высококвалифицированные технические кадры), какое они сочтут желательным получить в целях возрождения своего хозяйства... Точные цифры, относящиеся к количеству и квалификации потребной рабочей силы, будут установлены позднее». При этом СССР, по мнению Майского, причиталось бы гарантированное получение в среднем за год не менее «5 млн. немецких рабочих различных квалификаций (включая высококвалифицированные технические кадры) в течение 10 лет после окончания войны»²⁷.

Конференция состоялась, как известно, с 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте, и вопрос о «германском труде» поднимался на ней советской стороной, причем с завидной настойчивостью.

Правда, в программном выступлении советской стороны по вопросу о репарациях, сделанном И. М. Майским на заседании глав правительств 5 февраля, этот тезис отсутствовал. Но в письменных предложениях «Основные принципы взимания репараций с Германии», представленных советской стороной и врученных Молотовым Идену и Стеттиниусу 7 февраля, читаем: «<...> 2. Оставляя пока в стороне репарационное использование германской рабочей силы, вопрос о чем будет обсужден позднее...»²⁸. Той же самой формулировкой в обращении к Молотову воспользовался 9 февраля 1945 г. и американский госсекретарь Стеттиниус²⁹. А английское обращение, врученное Иденом Молотову 10 февраля, выглядит так, как будто советское предложение по существу принимается и развивается: «в) Использование германского труда и перевозок на грузовиках»³⁰.

массовая депортация немецкой рабочей силы в СССР только «ослабит опасность массовой безработицы в Германии».

²⁷ СССР и германский вопрос, с. 601–605, со ссылкой на: АВП, ф. 07, оп. 10, п. 16, д. 212, л. 7–14).

²⁸ Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. Сборник документов. — М., Политиздат, 1984, с. 106.

²⁹ Там же, с. 156.

³⁰ Там же, с. 184.

В отдельном «Протоколе о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии», посланном Молотовым Идену и Стеттиниусу в тот же день (10 февраля) с предложением главам правительств подписать его на конференции, было записано: «<...> 2. *Репарации должны взиматься с Германии в трех формах: а) одновременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее <...>, причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии; б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции после окончания войны в течение периода, длительность которого должна быть установлена; в) использование германского труда*»³¹. Вместе с тем в английском и американском проектах изложения итогов конференции этот пункт был дан в вышеуказанной сослагательной редакции³², а в итоговом протоколе — снова опущен³³. Тем не менее в упомянутом «Протоколе...» и в «Протоколе работы Крымской конференции» формулировка «использование германского труда» была сохранена³⁴.

Что же, собственно, подразумевалось советской стороной под «использованием германского труда»? Думается, что то же самое, что и немецкой — под «Arbeitseinsatz im Dritten Reich», то есть депортация части немецкого гражданского населения (как «рейхсдойче», так и «фольксдойче») в СССР для последующего трудоустройства (о военнопленных и говорить нечего). Если бы имелось в виду что-либо иное, скажем, работа тех же немцев в Германии с последующей конфискацией части произведенного ими продукта или стоимости в пользу государства-победителя, то чем бы тогда пункт «в» отличался от пункта «б»?

О том же подходе говорят и материалы Берлинской (Потсдамской) конференции. Вот какой совет дал генералиссимус Сталин премьер-министру Черчиллю 25 июля 1945 года в ходе девятого заседания глав правительств:

«Черчилль. <...> У нас в Англии в этом году будет самая безугольная зима, потому что у нас не хватает угля.

Сталин. Почему? Англия всегда вывозила уголь.

Черчилль. Вследствие того, что уголь еще не демобилизован, у нас нехватка рабочей силы в угольной промышленности.

Сталин. Достаточно имеется пленных. У нас пленные работают на угле, без них было бы очень трудно. Мы восстанавливаем наши угольные районы и используем плен-

³¹ Там же, с. 214–215. См. также: АВП, ф. 0431/IV, оп. 4, п. 5, д. 22, л. 39–40.

³² Там же, с. 226, 232–233. Имеется в виду формула: «Оставляя пока в стороне репарационное использование германской рабочей силы, вопрос о чем будет обсужден позднее...».

³³ Там же, с. 248. Опубликовано в «Известиях» 13.02.1945.

³⁴ Там же, с. 253, 259. Опубликовано в «Известиях» 17.03.1947.

ных для этой цели. 400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила»³⁵.

Черчилль, чья страна уже давно поставила свою подпись под Гаагскими соглашениями о военнопленных, дипломатично уклонился от обсуждения этого совета. Кстати, к концу лета 1945 года трансформировалась и американская позиция относительно трудоустройства немецких гражданских лиц в качестве элемента репараций: она должна быть ограничена, по мнению США, лишь осужденными военными преступниками³⁶.

Вместе с тем симптоматично, что в Потсдаме, в отличие от Ялты, вопрос об «использовании германского труда» официально уже не звучал, в том числе и из уст советских делегатов.

Но не потому ли, что СССР — еще задолго до Потсдама и даже до Ялты! — фактически уже решил для себя этот вопрос в одностороннем порядке?

Интернирование немцев в Юго-Восточной Европе

В немецкоязычной литературе распространено мнение, что в том или ином виде условие о депортации немецкого меньшинства из Румынии было оговорено в неопубликованных приложениях подписанного еще 12 сентября 1944 года в Москве договора о перемирии СССР и Румынии³⁷. Поскольку ни опровержений, ни подтверждений до сих пор не последовало, оставляем прояснение этого вопроса на недалекое, смеем надеяться, будущее.

Сегодняшней нашей точкой отсчета поэтому является сталинское указание, точная дата которого тоже пока не установлена. Однако известно, что 24 ноября 1944 года нар-

³⁵ Советский Союз на Международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984, с. 184. Интересно, что в другой день (21 июля) и в другом контексте — когда нужно было оправдать и обосновать изгнание и депортацию немецкого населения с территорий, фактически отошедших к Польше, и закрепление на них поляков — Сталину была введена и иная аргументация: «... Я прошу г-на Черчилля обратить внимание на тот факт, что немцы сами испытывают недостаток в рабочей силе. Большая часть предприятий, которую мы застали во время своего продвижения, обслуживалась иностранными рабочими — итальянскими, болгарскими, французскими, русскими, украинскими и другими. Все это были рабочие, которые были насильственно угнаны немцами со своей родины, когда русские войска пришли в эти районы, эти иностранные рабочие стали считать, что они свободны, и уехали на свою родину. Куда же девались германские рабочие? Они оказались в большей части мобилизованными в германскую армию и либо перебиты во время войны, либо попали в плен. Создалась ситуация, при которой большая германская промышленность работала при самом незначительном количестве германских рабочих и большом количестве иностранных рабочих...» (там же, с. 116).

³⁶ См. информацию ТАСС от 30.08.1945 о пресс-конференции Пуули, представителя США в Межсоюзной репарационной комиссии (АВП, ф. 0431/1, оп. 1, п. 7, д. 48, л. 20–22).

³⁷ Об этом, в частности, доносила немецкая разведка еще в конце июля, а 9.09.1944 правительственный офицер «Völkische Beobachter» писала о 1,4 млн. депортируемых рабочих из Румынии. См. соответствующий обзор в: Weber, 1995. Bd.1. s. 127–135. Сам Г. Вебер это мнение не разделяет.

ком внутренних дел Л. П. Берия письменно отчитался Сталину в том, что, в соответствии с его указаниями, на освобожденную войсками 2, 3 и 4-го Украинских фронтов территорию стран Восточной Европы командированы три группы оперативных работников НКВД СССР для проведения в течение 10 дней общего предварительного учета проживающих там лиц немецкой национальности³⁸. Руководство этой работой было возложено на бериевского зама А. Н. Аполлонова³⁹ и начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла И. М. Горбатьку⁴⁰.

Цель же всей акции была достаточно прозрачной: выявление главных претендентов из гражданских лиц на трудовую мобилизацию и депортацию по указанным из Москвы адресам. Иными словами — на «репарацию трудом»!

В помощь опергруппам НКВД были приданы 106 групп контрразведчиков СМЕРШ (более 800 чел.). 5 декабря Аполлонов и Горбатьку предварительно отчитались Берии⁴¹, а 15 декабря Берия доложил Сталину и Молотову о результатах проделанного в срок учета⁴². На означенной территории было выявлено 551 049 лиц немецкой национальности, из них 240 436 мужчин и 310 613 женщин. Больше всего немецкого населения скопилось в Румынии — 421 846 чел., в том числе 70 476 трудоспособных мужчин в возрасте от 17 до 45 лет. Кроме того, на территории Югославии учтено еще 73 572, на территории Венгрии — 50 292, Чехословакии — 4250 и Болгарии — 1089 чел. Подавляющее их большинство являлось подданными соответствующих стран проживания. В Югославии и Румынии часть из них, — как правило, «рейхсдойче» (немецкие подданные, всего — 24 694 чел.), — была уже интернирована и содержалась в лагерях (в Югославии — 16 804 чел. в 22 лагерях и в Румынии — 7890 чел. в 15 лагерях). Установка на трудоустройство в этих лагерях уже тогда была отчетливой: мужчины составляли 82% в Румынии и 59% в Югославии, а лица трудоспособных возрастов — 79% в Румынии и даже 100% в Югославии!⁴³

Первоначально мобилизацию предлагалось ограничить мужчинами в возрасте от 17 до 45 лет, каковых насчитывалось в общей сложности 97 484 чел. (а за вычетом нетрудоспособных — 70 тыс. чел.). Берия испрашивал сталинского согласия на мобилизацию подлежащих интернированию немцев и их отправку в СССР для работ по восстановлению угольной промышленности Донбасса (до 50 тыс.) и черной металлургии юга (до 20 тыс. чел.).

³⁸ ГАРФ, ф. 9401, оп.2, ед. хр. 67, л. 386.

³⁹ Аполлонов Аркадий Николаевич (1907–1978) — генерал-полковник, в 1941–1948 гг. начальник Главного управления внутренних войск; замнаркома НКВД СССР по войскам; в 1948–1950 гг. — председатель Комитета по делам физической культуры и спорта при СМ СССР; в 1951 г. — зам. министра госбезопасности по войскам.

⁴⁰ Горбатьку Иван Маркович (1903–1957) — в 1944 г. — генерал-майор НКВД. Один из руководителей операций по депортации чеченцев, ингушей и карачаевцев, с 1945 г. генерал-лейтенант, начальник Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии (после его расформирования 13.10.1945 назначен начальником УНКВД по Ивановской области).

⁴¹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 227.

⁴² ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 144–147.

⁴³ См. в письме Аполлонова Берии, от 12.12.1944 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 237).

Предложение было благосклонно принято, правда, с поправками, подразумевающими использование и женского труда. Уже 16 декабря 1944 года ГКО издал Постановление № 7161сс⁴⁴. Ввиду его важности для нашей темы воспроизведем его полностью:

«Государственный Комитет Обораны постановляет:

1. Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте — мужчин от 17 до 45 лет, женщин — от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии.

Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы — подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии.

2. Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (т. Берия).

Поручить НКВД организацию сборных пунктов, прием мобилизуемых, формирование и отправку эшелонов и охрану их в пути.

Мобилизуемых направлять в СССР эшелонами по мере поступления немцев на сборные пункты.

3. Обязать т.т. Малиновского⁴⁵ и Виноградова⁴⁶ — по Румынии, т.т. Толбухина⁴⁷ и Бирюзова⁴⁸ — по Болгарии и Югославии:

а) оформить через правительственные органы соответствующих стран мобилизацию и интернирование указанных в п. 1 немцев;

б) совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатьку обеспечить проведение в жизнь соответствующими военными и гражданскими властями необходимых мероприятий, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

⁴⁴ АПРФ (Архив Президента РФ), ф. 3, оп. 58, ед. хр. 500, л. 108–110; ЦХСД, ф. 89, оп. 75, д. 1, л. 1–3. Ср. ссылку на другое место хранения этого же документа (РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 352, л. 67) — в: Кнышевский, 1994, с. 59. Еще одна копия — вместе с подписанным Л. Берией представлением этого Постановления — хранится в так называемой «Особой папке Сталина» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 153–156).

⁴⁵ Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967) — Маршал Советского Союза (1944), командующий войсками 2-го Украинского фронта. Согласно его приказу мобилизация и интернирование немцев осуществлялись на территории Венгрии и Трансильвании.

⁴⁶ Виноградов Владислав Петрович (1899–1962) — генерал-лейтенант интендантской службы. С 1944 г. — начальник Штаба СКК в Румынии, зам. председателя СКК.

⁴⁷ Толбухин Федор Иванович (1894–1949) — Маршал Советского Союза (1944). С 1943 г. — командовал Южным, 3 и 4-м Украинскими фронтами, в 1945–1947 гг. — главнокомандующий Южной группой войск.

⁴⁸ Бирюзов Сергей Семенович (1904–1964) — Маршал Советского Союза (1955). С 1943 г. — начальник Штабов Южного, 4 и 3-го (с мая 1944 г.) Украинских фронтов. С октября 1944 г. — командующий 37-й Армией и Главный военный советник при болгарской армии. В 1945–1947 г. — заместитель главкома Южной группы войск и зам. председателя СКК в Болгарии.

Обязать т.т. Малиновского и Толбухина — по Венгрии и т. Петрова⁴⁹ — по Чехословакии объявить через военных комендантов необходимые распоряжения от имени командования фронта о мобилизации немцев, в соответствии с п.1 настоящего постановления и обеспечить совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатьюк проведение необходимых мер, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

4. Разрешить мобилизуемым немцам взять с собой теплую одежду, запас белья, постельные принадлежности, личную посуду и продовольствие, всего весом до 200 кг. на человека.

5. Поручить начальнику тыла Красной Армии т. Хрулеву⁵⁰ и начальнику УПВОСО т. Ковалеву⁵¹ обеспечить предоставление железнодорожных эшелонов и автотранспорта для перевозки мобилизованных немцев и питания их в пути.

6. Направить всех мобилизованных немцев на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга.

Из прибывающих на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1000 человек в каждом.

НКО (т. Голикову)⁵² выделить на каждый батальон по 12 офицеров из числа ограниченно годных к службе в Красной Армии.

7. Организацию приема интернированных в местах работы, их размещение, питание, а также все остальное материально-бытовое обеспечение интернированных немцев и организацию их использования на работах возложить на Наркомуголь и Наркомчермет.

Обязать Наркомуголь (т. Вахрушева⁵³) и Наркомчермет (т. Тевосяна⁵⁴) подготовить помещения для приема и размещения прибывающих к ним интернированных немцев.

Поручить Наркомвнуделу, совместно с Наркомчерметом и Наркомуглем установить режим содержания интернированных немцев и условия их использования на работах.

⁴⁹ Петров Иван Ефимович (1896–1958) — генерал армии (1944), командующий 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами, начальник штаба 1-го Украинского фронта.

⁵⁰ Хрулев Андрей Васильевич (1892–1962) — генерал армии (1943); в 1941–1945 гг. — зам. наркома обороны СССР, начальник Главного управления тыла Красной Армии (в 1942–1943 гг. — одновременно и нарком путей сообщения СССР).

⁵¹ Ковалев Иван Владимирович (1901–1993) — в 1944 начальник УПВОСО (Управления военных сообщений), в 1944–1948 — нарком (министр) путей сообщения СССР.

⁵² Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — генерал-полковник (с 1961 г. — маршал), с 1943 г. — зам. наркома обороны по кадрам, начальник Главного управления кадров НКО; в 1944–1952 гг. — начальник Управления по репатриации при СНК (СМ) СССР. См.: Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996, с. 190–191.

⁵³ Вахрушев Василий Васильевич (1902–1947) — В 1939–1946 гг. нарком угольной промышленности СССР, в 1946–1947 — министр угольной промышленности восточных районов СССР.

⁵⁴ Тевосян Иван Федорович (1902–1958) — Нарком черной металлургии СССР.

8. Обязать Госплан СССР (т. Вознесенского⁵⁵) выделить Наркомуглю и Наркомчермету с 1 квартала 1945 года дополнительное количество продовольственных и промышленных товаров на прибывающих к ним на работы интернированных немцев по нормам рабочих, установленных для соответствующих предприятий этих наркоматов.

9. Обязать Наркомздрав (т. Митерева⁵⁶) обеспечить организацию медико-санитарного обслуживания прибывающих на работу на предприятия Наркомугля и Наркомчермета интернированных немцев, а Наркомчермет и Наркомуголь предоставить Наркомздраву соответствующие помещения.

10. Мобилизацию и интернирование немцев провести в течение декабря 1944 года — января 1945 года, закончив доставку на места работ к 15 февраля 1945 года.

Председатель Государственного Комитета Обороны СТАЛИН»

22 декабря три генерала НКВД — генерал-полковник А. Н. Аполлонов, генерал-майор И. М. Горбатьк и генерал-лейтенант М. И. Сладкевич⁵⁷ — представили тов. Берия отчет о своем посещении 21–22.12.1944 г. Военсоветов 2 и 3-го Украинских фронтов⁵⁸:

«...Составлены планы проведения мобилизации немцев, которые утверждены Военными Советами. Тов.Толбухиным издан приказ, которым все командующие армиями обязываются:

а) объявить о мобилизации немцев через военных комендантов с предупреждением, что неявившиеся будут немедленно преданы суду Военного Трибунала, а семьи их — репрессированы;

б) организовать средствами армий перевозку мобилизованных немцев до сборных пунктов и станций погрузки.

Срок вывоза всех немцев из пределов фронта этим приказом установлен 3 января 1945 г.

22 декабря тов.Толбухиным дана аналогичная телеграмма маршалу Тито, в которой он просит немедленно обеспечить полностью все мероприятия по мобилизации немцев на территории Югославии⁵⁹.

⁵⁵ Вознесенский Николай Александрович (1903–1950) — академик АН СССР (1943), с 1938 г. — председатель Госплана СССР, с 1939 г. — заместитель председателя СНК (СМ) СССР, в 1942–1945 гг. — член ГКО, автор монографии «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» (1948). Расстрелян и посмертно реабилитирован.

⁵⁶ Митерев Георгий Андреевич (1900–1977) — в 1939–1947 — нарком (министр) здравоохранения СССР.

⁵⁷ Сладкевич Моисей Иосифович (1906–?) — генерал-лейтенант, в РККА с 1923 г., в ВКП(б) и войсках ОГПУ — с 1931 г.; в 1945 г. — зам. начальника внутренних войск НКВД.

⁵⁸ Цит. по: Конасов, Терешук, 1994, с. 323, где дается по: РГВА/ГУПВИ, ф. 1/п, оп. 13а, д. 5, л. 238–240.

⁵⁹ В соответствии с договоренностью между маршалом Сталиным и маршалом Тито, возглавлявшим Национальный Комитет Освобождения Югославии, 29.09.1944 Красная Армия пересекла болгаро-

Ответственным по мобилизации немцев в Югославии и вывозу их в СССР назначен тов. Запевалин⁶⁰ с группой работников. Такие же указания даны тов. Толбухиным генерал-полковнику Бирюзову в Софию. В помощь нашим оперативным группам тов. Толбухиным выделено 50 офицеров Красной Армии.

...Нами составлены проект постановления Румынского правительства о интернировании немцев и проект распоряжения Управления жандармерии Румынии его организациям на местах по практическому проведению интернирования.

Сегодня тов. Виноградов назначил встречу румынскому премьер-министру Радеску⁶¹, которому эти проекты будут предложены для утверждения.

Аполлонов

Горбатьюк

Сладкевич».

26 декабря та же «тройка» — Аполлонов, Горбатьюк и Сладкевич — передала Берии «План основных мероприятий по подготовке и проведению операции по интернированию и вывозу немцев в СССР»⁶². Согласно этому плану были организованы главный штаб в Бухаресте и 10 оперативных секторов, из них 6 — на территории Румынии (включая Трансильванию) и по 2 — в Венгрии и Югославии⁶³; территория каждого сектора делилась на районы оперативных групп. В Чехословакии и Болгарии, ввиду малочисленности там немцев, ответственность по операции возлагалась на начальников войск НКВД соответствующих фронтов по охране тыла. Операцию осуществляли соединения НКВД при поддержке войск, выделенных для этого командованием фронтов (интересно, что для действий в Венгрии был отобран и один румынский полк). Конвойные войска распределили пропорционально количеству контингента из расчета 25–30 бойцов на эшелон.

Были намечены следующие сроки: а) по Югославии и Венгрии (в границах 3-го Украинского фронта) — с 28 декабря 1944 по 5 января 1945 года; б) по Венгрии (в границах 2-го Украинского фронта) — с 1 по 10 января 1945 года; в) по Румынии и Тран-

югославскую границу, но находилась на территории Югославии лишь временно — до конца 1944 г., когда она по-существу выполнила свои оперативные задачи. Таким образом, вся операция по интернированию, мобилизации и депортации немцев из Югославии (вплоть до сборно-приемных пунктов для интернированных) осуществлялась силами местной югославской администрации, действовавшей по существу «на правах» одного из фронтов Красной Армии.

⁶⁰ Запевалин — данными не располагаем.

⁶¹ Радеску, Николау — корпусной генерал, начальник Генерального штаба румынской армии. С 2.12.1944 (после отставки правительства Санатеску) по 28.02.1945 — премьер-министр и министр внутренних дел Румынии. Впоследствии эмигрировал в США.

⁶² РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 242–247. Интернированию подлежали мужчины годов рождения с 1899 по 1927 и женщины годов рождения с 1914 по 1926. См. также указания Командира корпуса жандармов Румынии местным органам жандармерии на местах об интернировании немцев (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 299–301).

⁶³ Приводим их официальные номера и обозначения: 1) Тимиш; 2) Муреш; 3) Олт и Бутеч; 4) Маре и Нижний Дунай; 5) Прут; 6) Сомеш; 7) Пелт-Пилиш, Шолт-Кишкун и Чонград; 8) Ась-Надькун-Сольнок, Бекеш, Хевеш, Хойду, Бихор, Сату-Маре; 9) Белград и 10) Самбор. См.: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 356.

ильвании — с 10 января по 1 февраля 1945 года⁶⁴; г) по Чехословакии — с 27 декабря 1944 по 1 января 1945 года. В эти сроки интернированных должны были собрать на сборных пунктах, доставить на станции погрузки и, погрузив в эшелоны, отправить по назначению.

Западные исследователи единодушны в том, что приуроченность начала всей операции к рождественским каникулам не была случайностью: в дни традиционно-семейного праздника можно наверняка «накрыть» гораздо больше людей⁶⁵. Заметим, что такого рода тенденция прослеживалась и при депортациях «наказанных народов» внутри самого СССР. Но в целом представляется, что все же не этот нюанс был решающим при определении графика всей операции, выстроенного с таким расчетом, чтобы строго лимитированное число внутренних войск использовалось бы в ее ходе по несколько раз.

Технология интернирования от страны к стране практически не отличалась: единственной «привилегией», сделанной для Румынии, была та, что объявление немцам об интернировании делалось не советским комендантом, а местным жандармским офицером. У того или у другого на руках уже имелись списки, заранее составленные органами местной власти и полиции и согласованные с местной коммунистической партией(!). В селах (предварительно оцепленных смешанными нарядами) немецкое население созывалось в местный орган власти, где им объявляли о мобилизации и сообщали перечень вещей и предметов обихода, полагающихся иметь при себе (весом не более 200 кг на каждого)⁶⁶. После этого их отпускали для сборов по домам и затем направляли на сборный пункт. Конвоирование туда осуществлялось местными органами внутренних дел под контролем советских оперработников, но сами сборные пункты уже целиком и полностью «обслуживались» советской стороной. К ним были подвезены запасы теплой одежды и обуви, а также 15-дневный запас продовольствия по форме № 4. Здесь проводилась проверка прибывших по спискам для определения действительной трудоспособности; нетрудоспособные (а также больные, беременные, имеющие детей до 1–1,5 лет, принадлежащие к другой национальности, священники или монахи) отсеивались и возвращались по месту жительства, а на трудоспособных составлялись именные эшелонные списки⁶⁷ (впрочем, если на станции под погрузкой уже стоял эшелон, то никакой перепроверки могло и не быть). Всего, согласно расчетам, требовалось сформировать и отправить 103 эшелона, или 5677 вагонов; станциями перегрузки на широкую колею объявлялись Галац, Аджуд-Ноу, Сокола и Фокшаны. На немцев, уклонившихся от явки, составлялись именные списки, передаваемые местной жандармерии для розыска, ареста и предания румынскому, венгерскому и т. д. военно-полевому суду.

Каких-то особенных эксцессов по ходу осуществления «операции» не было. Не обошлось без побегов, но только единицам удавалось скрыться (в частности, перед по-

⁶⁴ Сами румыны ориентировались даже на еще более сжатые сроки (с 10 по 20.01.1945), скорее всего, оказавшиеся просто нереальными ((РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 299).

⁶⁵ См., например: *Weber U. A.*, 1995, bd. 1, s. 75–76.

⁶⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 207–211 и 304.

⁶⁷ Охрана эшелонов осуществлялась конвойными войсками в сопровождении медработников.

грузкой в эшелоны, нередко — за взятку румынским жандармам). Впрочем, в Румынии были и случаи вооруженного сопротивления со стороны румынских военнослужащих: 21 января в г. Фегереш (при этом был ранен лейтенант госбезопасности Астафьев) и 28 января в с. Гырбово (обстрел сборного пункта)⁶⁸. В Венгрии зафиксирован случай тяжелого отравления (попытка самоубийства).

Гораздо более серьезный урон «успеху» операции в целом наносило несоблюдение (часто намеренное) румынской стороной конспиративности информации (так называемая «огласка»), что позволило некоторым из немцев срочно переменить «национальность» или «место жительства» и таким образом избежать своей участи. «Дезорганизацию» (на советский вкус) вносили и многочисленные ходатайства об освобождении от мобилизации на основании гражданского состояния женщин-немок в браке с румынами или представителями других национальностей (в отчетах советских офицеров с ехидством сообщается о «браках», заключавшихся прямо на сборных пунктах). Кроме того, инспекторат полиции г. Галаца, например, распорядился освобождать от мобилизации, по ходатайству фабрик, немцев-специалистов, если они проживали в Румынии до 1916 года и имели родственников среди румын⁶⁹.

Были, правда, и официальные жалобы: например, со стороны венгерского правительства — на «грубые перегибы» в осуществлении операции. 5 января Кузнецов, Осокин и Зусманович встречались по этому поводу с премьер-министром Миклоши и двумя венгерскими министрами. Результатом встречи стало освобождение из сборных пунктов 10 венгров и снятие с должности главного жалобщика — губернатора Дьюлского округа Чиге Варги-Антала⁷⁰.

6 января 1945 года Виноградов (по всей видимости, в присутствии вышеуказанной «тройки») принял премьер-министра Радеску и его министров иностранных дел и по делам перемирия. Апеллируя к реакции общественного мнения на грядущие мобилизацию и интернирование, они попросили, во-первых, об официальном обращении к правительству Румынии со стороны Союзной Контрольной Комиссии по Румынии и, во-вторых, об освобождении от мобилизации женщин, имеющих детей (соответствующий недобор предлагалось компенсировать поднятием верхней возрастной планки для женщин с 30 до 35 лет). Виноградов, было, «согласился» с последним предложением, ограничив, однако, и возраст — не старше одного года! — принимаемых в расчет детей, но в конце концов 30-летний рубеж был сохранен. В тот же день в ноте № 031 СССР от имени Союзной Комиссии потребовал от Румынии мобилизовать на трудоустройство всех находящихся в Румынии трудоспособных граждан-немцев независимо от подданства. Им предоставлялось право взять с собой личные вещи и продукты на 15 дней, а также право получать и отправлять письма и посылки; уклонение и укрывательство от мобилизации подлежали строгому наказанию⁷¹.

⁶⁸ См. отчет по оперсектору № 2 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 69–70).

⁶⁹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 40.

⁷⁰ Из отчета Кузнецова и Осокина Аполлонову от 5.01.1945. Впервые в: *Конасов, Терещук*, 1994, с. 325–326, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 251–252 (правильно: л. 253–254).

⁷¹ См.: *Конасов, Терещук*, 1994, с. 324, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 308.

На деле, однако, случались «отклонения» от предписаний. Так, по воспоминаниям Э. Кляйн (урожденной Вебер) из деревни Ходонь, объявленный им приказ распространялся на женщин в возрасте до 31 года. Возрастная планка при этом отклонялась как вверх, так и вниз. Одна 16-летняя девушка из ее деревни была депортирована только потому, что ее отец, значившийся в списках, отсутствовал.

Перед отправкой разыгрывались душераздирающие сцены. На сборных пунктах мужчин и женщин по несколько дней держали вместе, в одном зале: *«Когда, под конвоем вооруженных солдат, мы шли на вокзал, зазвенели колокола католического храма. Мне этот звон показался как бы поминальным звоном. И в самом деле для многих это был последний перезвон, который они слышали в своей жизни»*⁷². Позднее были выявлены и отдельные «кошибки» конвоиров: так, некоего Иулиана Борша, румына по национальности, 2 февраля прямо на вокзале, где он случайно оказался, затолкали в поезд и, вместе с интернированными немцами, отправили в СССР⁷³.

Эшелоны состояли из 40–50 вагонов, в каждый набивалось по 40–45 человек: мужчины, женщины, юноши и девушки. В середине вагона в полу была вырезана четырехугольная дыра, служившая туалетом. Поезда шли, в основном, по ночам, в дневное время выстаиваясь на запасных путях.

Надо сказать, что **Румыния** стала основным театром действий по мобилизации и интернированию трудоспособного немецкого населения в Юго-Восточной Европе. Здесь находилось не менее 3/4 «спецконтингента» и размещался штаб операции, а также 6 из 10 ее оперативных секторов. Вся операция состояла из двух хронологических этапов (с 11 по 26 января и с 26 января по 2 февраля) и трех последовательных стадий: сначала мобилизации (методом поквартирного обхода) подвергался городской контингент, затем — периферийный сельский, а в самую последнюю очередь изымался контингент из румынской армии (главным образом — но не исключительно — рядовой состав)⁷⁴.

В сборные пункты провинции Тимиш (оперсектор № 1) было свезено 37 113 чел. спецконтингента, примерно поровну мужчин и женщин, из них «отсеялось» 5121 чел. С учетом 852 лиц, изъятых из румынской армии, общее число отправленного спецконтингента составило 31 992 чел., из них мужчин 16 455. «Недобор» по сравнению с контрольной цифрой, представленной румынскими властями (51 537 чел.) составил 14 213 чел. (или более 1/4), причем 3/5 этого недобора приходится на города Тимишоара, Арад и Решица. Это навело начальника сектора, полковника госбезопасности Короткова, на мысль провести в этих городах, а также в селах с концентрацией немецкого населения массовые облавы и «прочесывания», что, как он пишет, дало хорошие результаты. В итоге было отправлено 19 эшелонов⁷⁵.

⁷² Цитата из воспоминаний Э. Кляйн, написанных 14.01.1995.

⁷³ См. *Конасов, Терещук*, 1994, с. 328, со ссылкой на: *РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 12е, д. 27, л. 62*.

⁷⁴ Их общее число только в 3-м секторе составило ок. 2000 чел.

⁷⁵ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 72–80*.

В провинции Муреш (оперсектор № 2) заранее было выявлено 28 292 трудоспособных немцев, а кроме того 4553 чел. из так называемых «дополнительных возрастов» (мужчины 16 и 46–48 лет и женщины 17 и 31–32 лет), рассматривавшихся, скорее всего, как резерв или вторая очередь на интернирование⁷⁶. В этом секторе операция началась 13 января, сначала в г. Сибиу, а затем — в остальных уездах. К 30 января на сборные пункты доставили 25 488 чел., из них 2927 чел. было отсеяно. Оставшиеся были погружены в 735 вагонов, из которых было составлено 13 эшелонов. 26 января поступил приказ об интернировании немцев из румынской армии, который принес дополнительно 1007 чел.

В провинциях Бучеч и Олт (оперсектор № 3) было учтено 49 448 немцев, из них подлежащих мобилизации лиц трудоспособных возрастов — 13 459 чел. В мобилизации и интернировании участвовало около 11 тыс. чел., в том числе от НКВД — 1,5, а от румынской жандармерии, полиции и «сигуранцы» (органов безопасности) — 9,5 тыс. чел. Помимо уже имевшихся в секторе лагерей для интернированных, было создано еще 5 сборных пунктов⁷⁷, причем для подвоза к ним интернированных, особенно из сельской местности, «мобилизации» подвергались и транспорт (как автомобильный, так и гужевой) местного населения и румынской армии. Всего было мобилизовано 15 880 чел., из них 1657 было отсеяно и освобождено. По состоянию на 2.02.1945, 13 612 чел. уже были отправлены в СССР, а остальные 609 чел. дожидались своего эшелона в Плоешти⁷⁸.

В состав 4-го оперсектора на территории Румынии входили Галац и четыре близлежащих уезда. Здесь, однако, немецкого населения почти не было: в списки спецконтингента было занесено всего 608 чел. Из них, по состоянию на 18.01.1945, было «изъято» 418 чел., в том числе 353 мужчин и 55 женщин⁷⁹.

В Венгрии (и в Северной Трансильвании⁸⁰), в зоне действия 2-го Украинского фронта, сроки операции были несколько откорректированы. Она проводилась в два этапа: на первом, охватившем период с 28 (по некоторым данным — с 20) декабря 1944 по 15 января 1945 гг., было создано 11 оперативных групп, действовавших совместно с местными органами власти, и, соответственно, 11 сборных пунктов⁸¹. После перепроверки списков число подлежащих интернированию составило 15 428 чел. Непосредственно к интернированию приступили 30 декабря, и, по состоянию на 5 января 1945 г., на сборных пунктах было сосредоточено 12 137, а к 15 января — 14 352 чел. «Отсеяно» было 1050 чел.,

⁷⁶ Интересно, что в других просмотренных нами документах такая категория, как «дополнительные возрасты», не встречается. Поэтому утверждать, входила ли эта «деталь» в число централизованно поставленных задач или являлась личной инициативой начальника 2-го оперсектора полковника Кожевникова, мы не вправе (см. его отчет: *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 63–70*).

⁷⁷ Их дислокация (в скобках — пропускная способность, чел.): Брашов (10 000), Плоешти и Бухарест (по 3000), Кара-Кал и Тыргу-Жиу (по 300).

⁷⁸ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 29–35*.

⁷⁹ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 36–40*.

⁸⁰ Или, иначе, Сату-Марская область.

⁸¹ Их дислокация (в скобках — номера): Санислэу (№ 7000), Карей (№ 8000), Сату-Маре, Балмаз-Уиварош (№ 7020), Полста (№ 1060), Комплот (№ 8040), Жедвернек (№ 2060), Мезе-Берень (№ 8000), Дьюла, Елек и Цегледберцел (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 23–25*).

а большую часть остальных — 14 352 чел. — отправили 9 эшелонами в СССР (в качестве станции назначения при этом фигурировали преимущественно Кишинев и Бендеры, но кроме них еще и Чебоксары, Антропшино и Усть-Аба Пермской железной дороги).

На втором этапе, осуществлявшемся во второй половине января, было создано всего лишь 5 оперативных групп (с опытом работы «по прошлой операции») и с дислокацией в Будапеште, Кобанья-Ольше, Мишкольце, Серенче и Цегледберцэле. По состоянию на 31.01.1945, из 7115 учтенных немцев 454 были отсеяны по болезни. Остальные, поименованные далее уже как «спецконтингент», были сосредоточены на 4 сборных пунктах. Все 4 отправленных в январе эшелона имели своей целью Донбасс. С учетом и первого этапа операции было мобилизовано и отправлено в СССР в 15 эшелонах 19 576 трудоспособных немцев⁸².

3-му Украинскому фронту досталась территория **Югославии** и, отчасти, той же Венгрии; операция проводилась между 23 декабря 1944 и 14 января 1945 гг. Общее число мобилизованных фронтом — 21 695 чел., в том числе 9747 мужчин и 11 948 женщин. Между Югославией и Венгрией они поделились почти поровну — 10 935 и 10 760 чел. Для их отправки потребовалось 17 эшелонов, или 786 вагонов⁸³. По приказу Аполлонова, фронт приступил к дополнительной мобилизации еще 10 тыс. чел., но в связи с усложнившейся боевой обстановкой приостановил эту работу, «добрав» всего лишь 879 чел.

Ко 2 февраля операция по мобилизации, интернированию и отправке в СССР немецкого населения балканских стран была полностью завершена, о чем Аполлонов, Горбатюк и Сладкевич сообщили Берии по ВЧ. Всего на Балканах было интернировано 124 542 чел., в том числе 66 616 мужчин и 57 926 женщин. Из них 12 190 были «отсеяны» и освобождены прямо со сборных пунктов. Таким образом, по оперативным данным, в СССР было отправлено 112 352 чел.⁸⁴ По другим данным, мобилизации и интернированию на Балканах с последующей отправкой на работы в СССР было подвергнуто даже несколько больше людей, а именно 112 480 чел., из них 61 375 мужчин и 51 105 женщин (см. табл. 14). В третьем источнике встречается несколько меньшая цифра — 111 831 чел.⁸⁵

22 февраля 1945 года Берия подготовил проект Указа ПВС СССР «О награждении орденами и медалями работников НКВД–НКГБ за успешное выполнение специальных заданий Правительства»⁸⁶. В сопроводительном письме Берия подвел промежуточные итоги хода операции за 25.12.1944–31.01.1945. В операции участвовало 10 443 бойца

⁸² РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 13–15. Значительная часть интернированных из Югославии была направлена в Донбасс, для работы на шахтах трестов «Сталинуголь» и «Ворошиловградуголь» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 92, л. 44).

⁸³ Транспортировке воспрепятствовала стихия: ледоход на Дунае нарушил переправы, в результате контрольный срок — 3.01.1945 — выдержан не был (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 26–28).

⁸⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 16–20.

⁸⁵ Конасов, Терещук, 1994, с. 330, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 13а, д. 5, л. 12. См. также: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 123–124.

⁸⁶ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 26–44.

Интернирование и депортация гражданских немцев из стран Европы в СССР

и офицера войск НКВД–НКГБ (войска по охране тыла действующей Красной Армии, пограничные войска и внутренние войска) и 664 оперативника НКВД–НКГБ.

Таблица 14. Учет и интернирование немецкого населения в странах Юго-Восточной Европы

Страны	Учтено			Интернировано		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
Румыния*	186 509	235 337	421 846	36 590	32 742	69 332
Венгрия	19 024	31 268	50 292	20 989	10 934	31 923
Югославия**	32 966	40 606	73 572	3 692	7 243	10 935
Чехословакия	1 412	2 837	4 250	49	166	215
Болгария	524	565	1 089	55	20	75
Всего	240 436	310 613	551 049	61 375	51 105	112 480

Примечания: * — включая 484 немца из Сев. Трансильвании (в т. ч. 357 мужчин и 127 женщин).

** — согласно справке зам. начальника ГУПВИ НКВД СССР генерал-майора Шемены от 7.09.1945, в январе-марте 1945 г. со станций Сокола-Голац и Аджуж-Нау в СССР было вывезено 111 831 чел., в т. ч. из Югославии — 12 364, что несколько превышает данные таблицы.

Источник: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, ед. хр. 68, л. 144-147; ЦХИДК, ф. 1п, оп. 13а, д. 5, л. 9.

Реакция союзников на советские депортации на Балканах была резко отрицательной⁸⁷. Вместе с тем серьезнейшую обеспокоенность предпринятыми СССР депортациями выказывали... сами немцы. По данным советской разведки, одним из условий, выдвинутых Гиммлером на переговорах с американцами и англичанами, ведшихся, через посредничество Красного Креста, в феврале 1945 года, было оказание давления на СССР с целью прекратить вывоз гражданского немецкого населения из районов, занятых Красной Армией⁸⁸.

Интернирование немцев на территории Третьего Рейха

□ обращает на себя внимание следующее обстоятельство: до сих пор речь шла преимущественно о гражданских лицах немецкого происхождения, не являвшихся германскими или австрийскими гражданами (то есть, в нацистской терминологии, «**фольксдойче**»). Вопрос же о мобилизации и интернировании «**рейхсдойче**», то есть собственно «германских» немцев откладывался, хотя боевые действия Красной Армии уже давно (с октября 1944 года) перекинулись на территорию Рейха.

⁸⁷ См.: Weber, Weber-Schlenther, 1996.

⁸⁸ См. в записке Комиссара КГБ В. Н. Меркулова Молотову от 11.04.1945 (СССР и германский вопрос, 1996, с. 632, со ссылкой на: АВП, ф. 06, оп. 7, п. 14, д. 138, л. 24–27).

Для массового интернирования немцев в самой Германии, по-видимому, требовалась какая-то иная мотивация. Найти и сформулировать ее, впрочем, было не так уж и сложно: нападения на красноармейцев, террористические группы из переодетых в гражданское солдат и офицеров вермахта, диверсионная работа с целью дезорганизации красноармейских боевых и тыловых коммуникаций. С учетом опыта собственного партизанского движения в немецком тылу советское руководство еще в зародыше хотело бы обезопасить себя от чего бы то ни было похожего!

Первым подступом к этому стал приказ № 0016 по НКВД СССР от 11 января 1945 года «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов». Этим приказом Берия назначил уполномоченных НКВД по всем фронтам и переподчинил для соответствующих чекистско-войсковых мероприятий войска НКВД по охране тыла фронтов общей численностью около 60 тыс. чел. (соответствующие лагерные помещения предписывалось выделить в трехдневный срок)⁸⁹.

Следующим и определяющим шагом стало Постановление ГКО № 7467сс от 3 февраля 1945 года, предписывавшее «...жестко расправляться с лицами, уличенными в совершении террористических и диверсионных актов, путем беспощадного уничтожения их на месте преступления»⁹⁰. Что же касается прочих гражданских лиц, то на территории 1, 2 и 3-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов предписывалось провести мобилизацию «...всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Немцев, в отношении которых будет установлено, что они служили в немецкой армии или частях „Фолькштурма“, считать военнопленными и направлять в лагеря НКВД для военнопленных. Из остальных мобилизуемых немцев сформировать рабочие батальоны по 750–1200 человек в каждом, для использования на работах в Советском Союзе, в первую очередь в Украинской и Белорусской ССР».

Ввиду отсутствия в Германии легитимных органов власти все необходимые распоряжения о мобилизации должны были идти от имени командующих фронтами (соответственно, Жукова, Рокоссовского, Черняховского и Конева), а основную практическую «работу» осуществляли назначенные Берией уполномоченные НКВД (соответственно, И. А. Серов⁹¹, Л. С. Цанава⁹², В. С. Абакумов и П. Я. Мешик⁹³). В задачи НКВД входило так-

⁸⁹ Сообщено Н. Охотиним.

⁹⁰ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 500, л. 130–133. Другое место хранения: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 3, л. 1–4; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 369, л. 3 (Кнышевский, 1994, с. 60, 65).

⁹¹ Серов Иван Александрович (1905–1990) — генерал-полковник, в 1941–1945 гг. — зам. наркома НКВД СССР, комиссар госбезопасности 2-го ранга; в 1954–1959 гг. возглавлял КГБ СССР, затем на военных должностях в Ташкенте. За потерю бдительности понижен в воинском звании с генерала армии до генерал-майора, лишен правительственных наград.

⁹² Цанава Лазарь Фомич (1900–1953) — комиссар гб 3-го ранга, генерал-лейтенант; до этого назначения был зам. нач. штаба партизанского движения, после — зам. министра ГБ СССР и нач. 2-го управления МГБ (один из руководителей операции по ликвидации С. Михоэлса; умер во время следствия по этому делу).

⁹³ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) — комиссар гб 3-го ранга, генерал-лейтенант; до этого назначения был зам. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР, после — зам. нач. 1-го главного управления при СНК–СМ СССР, министр внутренних дел УССР. Расстрелян, не реабилитирован.

же направлять и конвоировать мобилизованное и прошедшее проверку немецкое гражданское население в распоряжение наркоматов и предприятий в СССР, нуждающихся в рабочей силе и имеющих возможность обеспечить его прием, размещение и трудовое использование в соответствии с ранее уже утвержденным Положением⁹⁴. Так что данное именно Лаврентию Павловичу поручение руководить всеми операциями по мобилизации и интернированию немцев было по меньшей мере логичным.

6 февраля 1945 года, основываясь на Постановлении ГКО от 3 февраля, Берия издал приказ № 0061 по НКВД СССР, дополняющий это постановление, например, следующей конкретикой: « <...> В приказе о явке мобилизуемых немцев предусмотреть порядок, сроки явки и сборные пункты. Обязать мобилизуемых немцев иметь при себе: полный комплект зимней и летней одежды и обуви, не менее двух пар белья, комплект постельных принадлежностей (одеяло, простыни, тюфячную и подушечную наволочки), предметы личного обихода (чайную и столовую посуду), а также запас продовольствия не менее чем на 15 дней. В приказе объявить, что за неявку на сборные пункты подлежащие мобилизации будут преданы суду Военного трибунала». Этим же приказом уполномоченные НКВД при фронтах обязывались, начиная с 10 февраля 1945 года, ежедневно доносить о ходе мобилизации. Наблюдение за исполнением приказа возлагалось на заместителей наркома НКВД С. Круглова и В. Чернышева⁹⁵.

Уже 22 февраля 1945 года, Берия впервые рапортовал Сталину о начале и ходе мобилизации гражданского немецкого населения. По состоянию на 20 февраля 1945 года в оперативных зонах вышеуказанных фронтов — главным образом, в Верхней Силезии и Восточной Пруссии — было мобилизовано 28 105 мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. В том же письме, в связи с изменениями на Прибалтийских фронтах, Берия просил распространить Постановление ГКО от 3 февраля 1945 года и на территории 1 и 2-го Прибалтийских фронтов⁹⁶.

На территории же 1, 2 и 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, по данным на 2 февраля 1945 года, было мобилизовано и/или арестовано в общей сложности

⁹⁴ См. Постановление ГКО № 7252сс от 29.12.1944. Серов, Цанава и Мешик были повышены 2.05.1945 в должностях (См. Постановление ГКО № 8377сс от 2.05.1945. См.: АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 799, л. 19–20; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 6, л. 1, 2). Став заместителями Командующих фронтов по управлению гражданскими делами, они отныне отвечали за проведение в жизнь всех мероприятий советского военного командования по управлению территорией Германии, занятой войсками Красной Армии. Из местного немецкого населения они должны были подбирать, назначать и контролировать местные органы исполнительной и судебной власти; более привычное дело — выявление и наказание шпионов, диверсантов и проч. — также оставалось в их компетенции. Их вертикальной структурой были военные коменданты Красной Армии на местах, а также, в ряде случаев, специально выделяемые уполномоченные. Таким образом, «боевой задачей» новоназначенных заместителей командующих фронтами стала мирная жизнь побежденного государства. Тем самым, в сущности, закладывались основы и ростки будущей СВАГ — Советской Военной Администрации в Германии.

⁹⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1/п, оп. 37а, д. 3, л. 20–23. Чернышев Василий Васильевич (1896–1952) — генерал-полковник, в 1941–1959 гг. — зам. наркома НКВД, комиссар госбезопасности 2-го ранга.

⁹⁶ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 799, л. 7–8 (на бланке НКВД). Копия имеется в «Особой папке Сталина» (ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 2, 3). Командующим 1-м Прибалтийским фронтом был Баграмян, уполномоченным НКВД — Ткаченко.

28.105 немцев (по всей видимости — собственно немецких граждан)⁹⁷, по данным на 23 февраля — 35 988 чел., на 3 марта — 58 318⁹⁸, на 9 марта — 68 680⁹⁹, на 19 марта — 75 759¹⁰⁰, а на 10 апреля 1945 года — 97 487 немцев.¹⁰¹

«Добывались» эти люди в ходе операций по очистке тыла действующих фронтов, где в качестве «добычи» мог фигурировать достаточно широкий спектр «окрасок» задержанного «вражеского элемента». Так, 35 998 «интернированных» по состоянию на 23 февраля — это всего лишь чуть больше одной трети от числа «задержанных» НКВД на эту дату (92 016 чел.). Судя по всему, к «интернированным» относились, например, такие «окраски», как «агенты и гласный состав разведывательных и контрразведывательных органов противника», «диверсанты и террористы», «участники фашистских организаций» (самая многочисленная группа — 31 007 чел.), «фольксдойче» и, возможно, некоторые другие¹⁰². Естественно, сюда не входили военнослужащие армий противника, военнослужащие РОА («власовцы»), изменники Родине, предатели, ставленники и пособники оккупантов, а также советские «фольксдойче».

Мобилизация и интернирование немцев — в ряду иных мероприятий по очистке фронтовых тылов Красной Армии от вражеских элементов — продолжалась по меньшей мере до середины апреля — начала мая 1945 года. В письме к Сталину от 17 апреля 1945 года Берия сообщал, что по состоянию на 15 апреля 1945 года в ходе этих операций было «изъято» в общей сложности 215 540 чел., в том числе (по «окраскам»): «агентов и гласного состава разведывательных и контрразведывательных органов противника, террористов и диверсантов» — 8470, «участников фашистских организаций» — 123 166, «командного и рядового состава армий, воюющих против СССР» — 31 190, «командного и оперативного состава полицейских органов, тюрем, концлагерей, сотрудников прокурорских и судебных органов» — 3319, «руководителей крупных хозяйственных и административных организаций и журнально-газетных работников» — 2272, «изменников Родине, предателей, ставленников и пособников оккупантов, бежавших вместе с немецко-фашистскими войсками» — 17 495, «прочий вражеский элемент» — 29 628 чел. Из общего числа «изъятых» в 215 540 чел. немцев было только 138 200 чел.: остальные были поляками¹⁰³ — 38 660, гражданами СССР — 27 880, венграми — 3200, словаками — 1130, итальянцами — 390.

Из этих 215 540 чел. фактически были доставлены в СССР только 148 540 чел., остальные либо находились в прифронтовых лагерях и тюрьмах (62 тыс.), либо умерли в ходе операции или по пути следования (5 тыс.). Большинство этих людей, по утверждению Берии, были рядовыми (читай: не более, чем рядовыми) участниками различных фашистских организаций (профсоюзных, трудовых, молодежных), и их изъятие

⁹⁷ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 183.

⁹⁸ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 254.

⁹⁹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 352.

¹⁰⁰ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 93, л. 352.

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 94, л. 393, 394.

¹⁰² ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 94, л. 184–185.

¹⁰³ Таких немецких поляков сравнительно быстро (уже летом 1945 г.) репатриировали в Польшу.

«... в свое время диктовалось необходимостью быстрой очистки тыла фронтов от вражеских элементов».

Кроме того, в силу возраста и плохого физического состояния использование большинства из них на физических работах не представлялось возможным: на середину апреля реальное трудоустройство немецких мобилизованных — в угольной промышленности, цветной металлургии, торфодобыче и на стройках — затронуло всего 25 тыс. чел. Поэтому НКВД предлагало, во-первых, резко ограничить число категорий лиц, подлежащих изъятию «в порядке очистки тылов»; во-вторых, прекратить вывоз в СССР уже «изъятых», организовав необходимое для их содержания количество тюрем и лагерей непосредственно в Германии и делая исключение только для тех арестованных, которые представляли особый оперативный интерес; в-третьих, пересмотреть материалы на тех арестованных, что, по-видимому, уже были завезены в СССР на предмет выявления неспособных для последующей отправки на родину.

Представляя при этом проект соответствующего приказа НКВД, Берия спрашивал на это сталинского согласия, которое, судя по следующей помете на письме, и получил в тот же день: «При личном докладе утвержден тов-щем Сталиным. 17/IV 45 Л. Берия»¹⁰⁴. Об этом же свидетельствует и Постановление ГКО № 8148сс, датированное тем же 17 апреля 1945 года и предписывающее прекратить на территории фронтов дальнейшую мобилизацию немцев и их отправку в СССР¹⁰⁵. В постановлении упоминались 97 487 уже интернированных немцев, которые отныне закреплялись за следующими наркоматами СССР (чел.): Наркомуголь — 37 600, Наркомстрой — 28 800 (в т. ч. 20 000 — на демонтажных работах на фронтах), Наркомчермет — 13 100, НКПС — 5700, Наркомместтоппром — 3750, Наркомпищепром и Наркомтанкопром — по 2000, Наркомгражданжилстрой — 1600, Наркомэлектростанций — 1550, Наркомпромстройматериалов и Наркомсредмаш — по 1000, Наркоминвооружения — 250 чел.

А следующим днем (18.04.1945) помечен и согласованный со Сталиным Приказ НКВД СССР № 00315 «О частичном изменении приказа НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года»¹⁰⁶. Приказ существенно сузил перечень подлежащих «чистке тыла» категорий лиц (главным образом за счет отказа от самого массового контингента — рядовых «участников различных фашистских организаций»).

Аресту (а в ряде случаев и уничтожению на месте преступления) тем не менее по-прежнему подлежали: а) шпионско-диверсионная и террористическая агентура германских разведывательных органов; б) участники всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными органами для подрывной работы в тылу Красной Армии; в) содержатели нелегальных радиостанций и подрывных групп; г) активные члены национал-социалистической партии; д) областные, городские и районные руководители фашистских молодежных организаций; е) сотрудники гестапо,

¹⁰⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 43–49. См. др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 5, л. 1–7; ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 95, л. 253–255.

¹⁰⁵ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 50–51. См. проект в: ГАРФ, ф. 9401с, оп. 2, ед. хр. 95, л. 37, 38 (там же — л. 36 — сопроводительное письмо Берии Сталину от 16.04.1945, начинающееся словами: «В соответствии с Вашим указанием представляю проект...»).

¹⁰⁶ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 193–197.

«СД» и других карательных органов; ж) руководители областных, городских и районных административных органов, а также редакторы и авторы антисоветских журналов и газет. При этом поголовная отправка всех арестованных в СССР прекращалась, а инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков и женщин предписывалось из-под стражи отпустить¹⁰⁷. Эти же категории лиц, но уже вывезенные в СССР, подлежали, после проверки, отправке на родину, за исключением... физически здоровых, передававшихся для работы в промышленность! Для этих людей обратного хода, видимо, уже не было, дверь за ними — а может, и крышка гроба над ними — захлопнулась¹⁰⁸.

Всего же этой «волной» интернирования — и последовавшей за ней депортации — было «накрыто» в общей сложности 155 262 чел., то есть почти на $\frac{2}{5}$ больше, чем первой, преимущественно балканской, «волной».

Некоторые итоги операции по интернированию немцев

Обе же «волны», вместе взятые, «намыли» около 267 тыс. чел. Между волнами, кстати сказать, было одно, но весьма существенное отличие — в **статусе** интернированных. Если интернированные в Юго-Восточной Европе считались **«интернированными-мобилизованными»** (им было присвоено также обозначение **«группа Г»**), то интернированные в бывшем Рейхе (или, точнее, их большая часть) считалась **«интернированными-арестованными»** (и им было присвоено обозначение **«группа Б»**).

Поясим. Согласно приказу НКВД № 00101 от 22 февраля 1945 года устанавливались следующие категории подлежащих фильтрации лиц: «А» — военнопленные вражеских армий; «Б» — гражданские лица, члены различных вражеских организаций, руководители областных и уездных дум и управ, бургомистры, руководители крупных хозяйственных и административных организаций, редакторы газет и журналов, авторы антисоветских изданий и прочий враждебный элемент; «В» — советские граждане, находившиеся в плену, «Г» — рабочие батальоны немцев, мобилизованные по постановлениям ГКО. Отметим, что для попадания в группу «Г» было достаточно и таких оснований, как «дочь помещика», «торговка», «эксплуататор» и т. п.¹⁰⁹

К началу 1946 года НКВД подвел первые количественные итоги.

В январе-марте 1945 года из балканских стран в СССР было вывезено 111 831 интернированный немец, из них мужчин — 61 375 и женщин — 50 456. Большинство

¹⁰⁷ Соответствующие мероприятия по фильтрации и рефильтрации арестованных возлагались на комиссаров гб 2-го ранга В. Чернышева и Б. Кобулова, начальника ГУПВИ НКВД СССР Кривенко и начальника Отдела проверочно-фильтрационных лагерей Шитикова.

¹⁰⁸ Более того, соответствующие указания — о распространении на все наркоматы и ведомства Постановлений ГКО от 16 и 29 декабря 1945 года (они касались сначала только двух, а затем трех ведомств) — были даны тем же Берией, но уже не как наркомом внутренних дел, а как заместителем председателя ГКО (Распоряжение № ГОКО-6255сс от 22.04.1945 // АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 52).

¹⁰⁹ См.: Чухин, 1995, с. 6, 7.

Интернирование и депортация гражданских немцев из стран Европы в СССР

привезли из Румынии (67 332), Венгрии (31 920) и Югославии (12 579). В феврале-апреле 1945 года из бывших Верхней Силезии и Восточной Пруссии было завезено еще 77 741 чел., почти исключительно мужчин (77 059). Таким образом к концу войны в СССР находилось 189 572 интернированных лица группы «Г» («интернированных и мобилизованных»), сведенных в рабочие батальоны и переданных в промышленность. Учитывая 18 667 чел., поступивших из лагерей НКВД после фильтрации¹¹⁰, общее число интернированных этой группы составляло 208 239 чел.

Однако и количественные сокращения (так называемые «убытия») в этой категории уже в первый год были весьма внушительными. По состоянию на 1 февраля 1946 года, они составили 76 106 чел. (из них 40 331 чел., в том числе 10 983 поляка, были репатрированы, а 35 775 чел. «убыло» по причине смерти). Таким образом в СССР, на ту же дату, оставалось всего 132 133 чел.

Кроме того, в марте-мае 1945 года в СССР было завезено и 94.601 чел. интернированных группы «Б» («интернированные-арестованные»), из числа которых убыло аж 79 546 чел. Тут структура «убытия» такова (чел.): репатрировано — 21 250 (в том числе поляков 15 597), передано в рабочие батальоны — 19 270, в лагеря для военнопленных — 10 263, в проверочно-фильтрационные лагеря — 2874, умерло и другие причины — 25 889. Не прошедших процесс «фильтрации» в лагерях и лагпунктах насчитывалось еще 15 055 чел.

Таким образом, из почти 303 тыс. чел. (считая поляков и японцев), так или иначе проходивших в СССР по категории «интернированные», к февралю 1946 года в наличии имелось «все-навсего» около 150–165 тыс. чел. с таким статусом, то есть чуть ли не **менее половины!**¹¹¹

В справке об итогах работы ГУПВИ за 1946 год, подготовленной 15 января 1947 года зам. начальника ГУПВИ генерал-майором Ратушным для генерал-лейтенанта Кривенко, указывается объем учетной картотеки интернированных и мобилизованных: в ней значилось 344 671 карточки¹¹².

¹¹⁰ Согласно приказу НКВД СССР № 00315-1945 г.

¹¹¹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4а, д. 21, л. 2.

¹¹² РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 162.

ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ И РЕПАТРИАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ СТРАН ЕВРОПЫ В СССР

География и трудоустройство интернированных немцев в СССР

Примечательна и география размещения интернированных. Как видим, ГКО сдержал слово: большинство интернированных — более $\frac{3}{4}$ — было направлено в Донбасс и смежные металлургические области южной Украины (см. табл. 15 и рис. 8).

Еще около 11% было «трудоустроено» на Урале. Сравнительно небольшие контингенты были на Северном Кавказе, в Белоруссии, на Украине и в Московской области. Из 15 областей с одним рабочим батальоном только две (Актюбинская и Кемеровская) расположены к востоку от Урала и три на севере Европейской части СССР (Карело-Финская АССР, Архангельская и Мурманская обл.). Интересно, что в Донбассе преобладали мужчины, а на Урале — женщины.

На фоне расселения советских спецпоселенцев того времени эта география выглядит привилегированной и «гуманной». В сущности, она совпадает с районами принудительного вселения советских репатриантов, значительную часть которых вербовали на восстановление шахт Донбасса. Заметим, что население Донбасса было особенно сильно затронуто немецкими акциями по угону советских граждан в Германию.

Еще 29 декабря 1944 года (то есть спустя 13 дней после выхода основополагающего постановления № 7161 сс) ГКО выпустил в его развитие Постановление «О трудовом использовании интернированных немцев» (за № 7252сс)¹. В число заинтересованных ведомств, кроме Наркомугля и Наркомчермета, вошел и Наркомцветмет (нарком — т. Ломако²): из 140 тыс. запланированных пар рабочих рук на его предприятиях предполагалось использовать 20 тыс. — вдвое меньше, чем в Наркомчермете (40 тыс.) и вчетверо меньше, чем в Наркомугле (80 тыс.).

¹ АПРФ, ф. 3, оп. 58, ед. хр. 500, л. 111–119, в т.ч. л. 115–119 — приложения: № 1 — таблица распределения 140 тыс. прибывающих немцев по областям и № 2 — «Положение о приеме, содержании и трудоустройстве мобилизованных и интернированных немцев». Др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 2, л. 1–9; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 348, л. 6–8 (Кнышевский, 1994, с. 60, 65).

² Ломако Петр Фаддеевич (1904–?) — в 1939–1957 гг. зам. наркома, нарком, министр цветной металлургии СССР.

Таблица 15. География немецких интернированных в СССР, на 1.01.1946

№№	Области и республики	Число раб. батальонов	Интернированные		Доля мужчин
			чел.	%	%
1.	Сталинская обл.	63	49 452	37,4	55,8
2.	Ворошиловградская	30	26 015	19,7	64,6
3.	Днепропетровская	27	18 556	14,0	61,2
4.	Челябинская	6	5 185	3,9	42,8
5.	Ростовская	5	4 314	3,3	50,9
6.	Свердловская	6	3 470	2,6	45,9
7.	Грузинская ССР	4	2 972	2,2	88,8
8.	Чкаловская	3	2 780	2,1	95,0
9.	Харьковская	4	2 409	1,8	69,6
10.	Молотовская	3	1 946	1,5	41,7
11.	Запорожская	2	1 608	1,2	77,1
12.	Минская	3	1 526	1,2	100,0
13.	Коми АССР	2	1 357	1,0	22,3
14.	Чувашская АССР	2	966	0,7	7,9
15.	Грозненская	2	927	0,7	35,0
16.	Московская	3	877	0,7	100,0
17.	Курганская	1	788	0,6	7,7
18.	Северо-Осетинская АССР	2	762	0,6	63,1
19–33.	Прочие	14	6 243	4,8	
	Всего	183	132 133	100,0	58,7

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 4а, д. 21, л. 3.

Рис. 8. Размещение немецких интернированных в СССР на 1 февраля 1946 г., тыс. чел.

Большинство интернированных предполагалось направить в Сталинскую (56 тыс.), Ворошиловградскую (28 тыс.) и Ростовскую (8,5 тыс.) обл.: здесь должны были преобладать угольщики, тогда как в Днепропетровской обл. (22,5 тыс.) «монополистом» был Наркомчермет. Подключение же Наркомцветмета означало резкое расширение намечаемой географии трудоустройства: соответствующие предприятия находились на Урале (в одной только Свердловской обл. планировалось использовать 5 тыс. чел.), в Ленинградской обл., в Северной Осетии, а также в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане.

Для решения всего комплекса вопросов в Сталинской, Ворошиловградской, Днепропетровской и Ростовской обл. создавались специальные комиссии в составе секретаря обкома (председатель), председателя облисполкома, начальника управления НКВД и представителей заинтересованных ведомств³. Комиссии были вправе использовать помещения не только заинтересованных, но и любых других ведомств, расположенных вблизи выбранных предприятий. Уже к 3 января 1945 года(!) им следовало доложить в НКВД СССР о проведенных мероприятиях, в том числе и о степени готовности предприятий к приему, а также указать станции назначения для разгрузки эшелонов с интернированными. Мероприятия по подготовке и приспособлению помещений предписывалось закончить к 15 января, ведомства-потребители должны были командировать на соответствующие предприятия своих уполномоченных представителей. Считалось, что офицерские кадры рабочих батальонов, формируемых и оплачиваемых Наркоматами, состоят на действительной военной службе со всеми вытекающими отсюда правами, обязанностями и преимуществами.

21 февраля 1945 года вышло Постановление ГКО № 7565с «О распределении мобилизуемых на территории действующих фронтов немцев на работы в промышленности»⁴. В качестве «первых партий мобилизованных немцев» распределению — между 12 союзными и 2 республиканскими (БССР) наркоматами — подлежали 85 тыс. чел., из них 67 тыс. предназначались УССР и 18 тыс. — БССР. Крупнейшим заказчиком выступали Наркомуголь (25 тыс. чел.), Наркомстрой (11 тыс.), Наркомчермет (10 тыс.), Наркомлес, НКПС, а также Наркомтоппром БССР (по 5 тыс.).

Что касается статуса и положения самих интернированных, то они регулировались специально разработанным в НКВД «Положением о приеме, содержании и трудоустройстве мобилизованных и интернированных немцев» от 27 февраля 1945 года⁵.

³ В других регионах комиссии не создавались, но первые секретари обкомов обязывались оказывать содействие в этом деле. К содействию обязывались также Совнарком УССР (т. Хрущев), Наркомторг СССР (т. Любимов) и НКПС (т. Ковалев). Последний, в частности, отвечал за выделение нужного количества по-зимнему оборудованного порожняка для формирования эшелонов с интернированными.

⁴ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 500, л. 130–133. Др. экз-ры: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 4, л. 1, 2; РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 372, л. 177; Кнышевский, 1994, с. 59, 65).

⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 25–30. Ему предшествовало «Временное положение о рабочем батальоне по обслуживанию интернированных немцев» от 10.01.1945. См. также «Инструкцию по организации и ведению учета интернированных и мобилизованных немцев» от 28.02.1945

Согласно этому документу, интернированные и мобилизованные немцы из Юго-Восточной Европы направлялись на восстановительные и строительные работы в шахты, в основные цеха или на подсобные предприятия перечисленных наркоматов, то есть фактически выводились из-под контроля Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (ГУПВИ). Это ставило их в значительно худшие условия, чем те, в которых находились немецкие военнопленные, поскольку перечисленные ведомства и их предприятия рассматривали их как бросовую рабочую силу и об их быте и хотя бы о поддержании физического состояния практически не заботились⁶.

Штатной организацией соответствующего Наркомата являлся **рабочий батальон**. Каждый батальон состоял из трех-пяти рот численностью до 1000 чел.; роты возглавлялись выделенным НКО офицерским составом⁷. В вопросах охраны, поддержания режима и учета интернированных батальоны оперативно подчинялись НКВД, осуществлявшему одновременно и более широкий контроль. Указания и требования органов НКВД исполнялись в первую очередь.

В остальном же интернированные находились в полном подчинении и на полном содержании «своего» наркомата. На наркоматы возлагалась ответственность за обеспечение интернированных всем необходимым — от питания до культурно-бытовых и санитарных мероприятий. Содержать их предписывалось казарменно, в помещениях барачного типа, огороженных — вместе со двором — колючей проволокой или забором и охраняемых вахтерской службой наркоматов (допускалось проживание мужчин и женщин в одной зоне, но в разных помещениях). В бараках устанавливался внутренний распорядок, аналогичный тому, что был принят в лагерях НКВД для военнопленных.

В случае нарушений взыскания накладывались в соответствии с Дисциплинарным уставом Красной Армии; за неоднократные или грубые нарушения дисциплины, побег или отказ от работы можно было попасть в отдаленные и северные лагеря НКВД для интернированных с особым режимом (последние, таким образом, несли точно такую же функцию, что и концлагеря в Третьем Рейхе), а все прочие преступления влекли за собой уголовную ответственность перед Военным трибуналом.

Все интернированные были организованы в бригады и смены. Комплектование бригад и смен велось по производственному принципу, в соответствии с существующей структурой батальона (роты, взвода). Считалось, что при комплектовании бригад должны были учитываться квалификация и физическое состояние интернированных; на деле это было так не всегда и не везде. На работу предписывалось выходить организованно и, хотя и без охраны, но в сопровождении батальонного начальства

(РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 31–38), «Временную инструкцию об охране и режиме содержания интернированных и мобилизованных немцев в рабочих батальонах» от 5.03.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 63–66), «Инструкцию о порядке конвоирования военнопленных и интернированных частями конвойных войск НКВД СССР» от 4.04.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 1, л. 76–81).

⁶ Коносов, Терешук, 1994, с. 320.

⁷ Собственно штаты батальонов утверждались по согласованию НКВД с соответствующими наркоматами.

или вахтеров. Питались в специальных столовых по действующим нормам для рабочих тех же предприятий, включая и дополнительный рацион для хорошо работающих⁸.

В зависимости от норм выработки⁹ полагалась и ежемесячная зарплата, из которой, однако, вычитались расходы на питание, поддержание в порядке общежития и постельных принадлежностей, охрану и содержание батальонного штата, а также 10% централизованных расходов. Больные или потерявшие трудоспособность оставались на полном содержании предприятий — до решения вопроса об их возвращении на родину.

Однако все это было, в основном, на бумаге. В действительности же все обстояло существенно иначе. Вот еще одна выдержка из воспоминаний Э. Кляйн:

«5 февраля мы добрались до цели — города Сталино (ныне — Донецк). Нас выгрузили около одной угольной шахты... Лагерь состоял из трех больших зданий. В одном блоке размещались женщины, а в блоке напротив — мужчины. В третьем находились кухня и столовая. Чего не было, так это туалетов. Поэтому мы были вынуждены справлять свою нужду просто позади своих блоков. Позднее мужчинам пришлось построить загородки. По периметру лагеря шла колючая проволока, в каждом из четырех углов стояло по сторожевой вышке. Возле входа в лагерь стоял маленький домик, в котором постоянно находился охранный пост.

Первые дни сидели мы на деревянных нарах безо всякого дела... Вскоре первую партию мужчин отправили на шахту. Затем подошла и очередь женщин. Перед этим все мы прошли медицинский осмотр. Мне, например, «врач» поставил диагноз: туберкулез. Я была более чем счастлива этому ложному диагнозу, так как благодаря ему я избежала работы в самой шахте.

В смысле снабжения тех, кто работал в шахте, кормили несколько лучше, чем остальных. Им полагалась большая, чем у нас, пайка хлеба и большая порция каши, в которой изредка можно было найти кусочки конины. Обыкновенно же давали трижды на дню щи или же сваренные в воде зеленые соленые помидоры, которых по весне сменяли свекольные листья. Что нам придавало жизни — так это хлеб, но и в нем было больше балластных веществ, нежели калорий. Сначала были у нас домашние белье и одежда, которые мы продавали с тем, чтобы прикупить немного кукурузной муки и поесть кукурузную кашу.

Первыми, кто умер, были мужчины старше 40 лет. Они не справились с трудностями и не смогли пересилить голод. В лагере 1064 возле деревни Ветка, где я находилась

⁸ Другой мерой поощрения для выполняющих нормы интернированных была переписка (один раз в месяц), разрешенная Приказом МВД № 00574 от 21.06.1946 (военнопленные пользовались этим правом с июля 1945). См.: ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т. 14, л. 340.

⁹ Действующие нормы выработки устанавливались с третьего месяца, в первый же и второй месяц достаточно 60 и 80% выработки.

с июля 1945 года, ежедневно умирало 7–8 чел. из Силезии, Померании и др. восточных областей. Мы, женщины из 1021 лагеря, и должны были заполнить образовывавшиеся «бреши». Некоторым посчастливилось, и они работали в столовой или на кухне, или в лазарете. Я работала на стройке, изредка в саду, а под конец — в карьере кирпичного завода. Санитарные условия в лагере были ужасны. Ежедневным занятием после работы было давить вшей. Других возможностей для борьбы с ними у нас не было. Только в ноябре, когда у нас случилась эпидемия тифа, впервые применили меры для уничтожения вшей, вроде выжаривания белья и одежды.

В нашем бараке почти все 70 женщин заболели одновременно. И меня не миновала болезнь. В 40-градусном жару я лежала на нарах, прямо под потолком, над парой других несчастных, и не могла даже сама сесть. Никаких лекарств, санитар Хольцман, из причерноморских немцев, каждое утро мерил температуру и справлялся о здоровье, может ли та, что наверху, еще шевелить головой или нет. Два дня я жила только на чае. А когда мне стало чуть лучше, я обменяла свою пайку хлеба на яблоко. И хотя, начиная с января, у меня появилась возможность «организовывать» картофель (я перемалывала картофель на складе), по-настоящему поправиться я так и не смогла. В это время мы стали получать картошку и в столовой — вместо пшенной каши, она была мороженой и отвратительной на вкус.

На кирпичном заводе мне все время доставалась работа потяжелее. Я должна была таскать до 20 кг кирпичей зараз. Сама я весила 42 кг. Однажды я упала в обморок. Когда мы пришли в лагерь, там была комиссия, отбиравшая больных и слабых для отправки домой. Я же однако для этого еще «не годилась». Но в сентябре 1946 года я уже настолько ослабла, что была отобрана в следующий по счету транспорт».

Ко всему этому следует добавить эпидемии тифа, открытую ненависть части персонала лагерей вообще к немцам, а также систематическое воровство снабженцами поступающих в лагерь продуктов и имущества¹⁰. Как отмечает историк из Петрозаводска И. И. Чухин, «...судьба интернированного гражданского населения оказалась во многом хуже, чем участь заключенных в лагеря военнопленных, с их твердым порядком и централизованным снабжением»¹¹. Впрочем, и местные жители, занятые на тех же, что и «вестарбайтеры», работах, находились в условиях, часто ничуть не лучших, чем немцы¹², а их питание, в отличие от интернированных, напрямую зависело от выработки.

Надо сказать, что рентабельным труд военнопленных и интернированных, за редчайшими исключениями, не был. Он неизбежно и неизменно дотировался.

¹⁰ См., например: Чухин, 1995, с. 12–15.

¹¹ Чухин, 1995, с. 7.

¹² Нередко они даже добровольно переселялись в бараки, оставшиеся после закрытия лагерных зон (Чухин, 1995, с. 10).

Выборочный анализ отчетов четырех лагерей, проведенный в начале лета 1945 года финансовым отделом белорусского НКВД, показал разброс в их «рентабельности» между 9 и 27%. Анализ положения в одном из лагерей для военнопленных (№ 168) выявил ряд острых внутрिलाгерных противоречий: первое — между администрацией и санчастью, второе — между производственным отделом и работодателем (хозорганом). Администрация была заинтересована в обеспечении рабочей силой своих внутрिलाгерных нужд, санотделы — в поддержании физического состояния контингента, а хозорганы (контрагентные предприятия) — в получении как можно большего количества рабочей силы и снижении себестоимости, причем, поскольку оплата рассчитывалась по наряду-приказу, производительность труда их не волновала, что прямо провоцировало на бесхозяйственность. Между молотом и наковальней оказывались при этом производственные отделы лагерей, но в первую очередь — сами военнопленные, о которых хозорган в создавшейся ситуации просто не мог не отзываться иначе как о лентяях и саботажниках¹³.

Те же отношения воспроизводились и в лагерях для «вестарбайтеров». За январь 1946 года имеются данные о трудовом использовании интернированных группы «Б»: так, у хозорганов работало менее 80%, а около 14% не работало вообще, главным образом, по болезни и из-за отсутствия теплой одежды. Доля лиц, выполнявших или перевыполнявших норму, не достигала 35%¹⁴. В феврале доля занятых на контрагентских работах опустилась до отметки менее 60%¹⁵.

Тем не менее сводный отчетный процент самокупаемости содержания военнопленных составлял в 1945 году 73%, в 1946 году — 93,5%, а в первом квартале 1947 года — 61,7%¹⁶. Сказанное выше, однако, заставляет сильно усомниться в достоверности этих «приличных» показателей. По свидетельствам самого «контингента», абсолютное большинство трудоспособных, не говоря уже об инвалидах, больных и прочих нетрудоспособных, было не в состоянии выполнять установленные для них нормы. Их выработка, по данным И. Чухина, только в редких случаях перекрывала установленную норму питания в денежном эквиваленте¹⁷.

¹³ См. в письме начальника финотдела НКВД БССР Ярошенко и начальника 3-го отделения НКВД БССР Энтина начальнику центрального финансового отдела НКВД СССР генерал-майору интендантской службы Берензону от 26.06.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 154; д. 3, л. 141). Авторы анализа внесли следующие предложения: запретить использование военнопленных 1 и 2 категорий на внутрिलाгерных работах; «заинтересовать» санчасть шкалой поощрения за выполнение и перевыполнение производственных заданий; предоставить производственным отделам право распоряжаться трудовым фондом и обязать их при этом нести ответственность за правильность его использования; обязать хозорганы оплачивать трудозатраты по человеко-дням и, разумееется, усилить финансовый контроль (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 3и, д. 1, л. 73–73об.).

¹⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 17, л. 1–9об.

¹⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 15, л. 17. Но в июне 1946 г. эта доля была почти в 1,5 раза выше и составляла 88,7% (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 4и, д. 16, л. 21–21об.).

¹⁶ При этом во II и III кварталах 1946 г. (то есть в теплое время года) самокупаемость, по данным ГУПВИ, была достигнута (102,9 и 109,3%). См. в справках о работе ГУПВИ от 15.01.1947 и 01.04.1947, подготовленных зам. начальника ГУПВИ генерал-майором Ратушным (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 2, л. 154; д. 3, л. 141).

¹⁷ См.: Чухин, 1995, с. 22, 23. Начиная с 1948 г. разрешался перевод заработной платы на родину.

К 1 мая 1945 года в СССР находилось 288 459 интернированных гражданских лиц¹⁸. В конце августа 1945 года ГКО вновь вернулся к вопросу об интернированных немцах¹⁹. Из того, что основные предписания предназначались только Наркомуглю, Наркомчер-и Наркомцветмету, можно было заключить, что предусмотренное апрельскими постановлениями существенное расширение ведомственного круга потребителей «вест-арбайтерского» труда, осталось скорее всего на бумаге. Этим же трем ведомствам приказывалось — в месячный срок — «устранить все недочеты в содержании и коммунально-бытовом обслуживании интернированных». А именно — обеспечить их обмундированием, обувью и бельем, снабдить культимуществом, газетами и киносеансами, организовать ларьки для продажи им ширпотреба, а также укомплектовать вахтерские команды (из расчета один вахтер на 30 чел. интернированных). Наркомздрав же обязывался обеспечить их медицинское обслуживание и снабжение медикаментами, а НКВД — отправить в организованном порядке до 25 тыс. чел. нетрудоспособных²⁰ в Германию²¹.

Однако со временем положение едва ли изменилось, о чем косвенно сигнализирует Постановление СМ СССР от 7 мая 1948 года²². Уже из его названия — «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев» — явствует, что круг наболевших проблем остался прежним. 17 союзным министерствам и СМ БССР строго предписывалось создать нормальные жилищно-бытовые условия содержания в рабочих батальонах интернированных (по норме не менее 2 кв. м полезной жилой площади на 1 чел.), отремонтировать, оборудовать и утеплить жилые помещения, навести санитарный порядок на территории, организовать санитарное, лечебное и медико-профилактическое обслуживание интернированных, в том числе обеспечить гос-

¹⁸ См.: «Справка о распределении контингента интернированных, мобилизованных и арестованных немцев по республикам и областям» на 1.05.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 70, л. 1, 1а). Интересно, что в этом документе проводится различие между интернированными (108 940 чел.), мобилизованными (77 741 чел.) и арестованными (101 778). В аналогичных справках на 1.06.1945 и на 1.08.1945 такого различия уже нет: вместо него — две более привычные градации: «интернированные» (вобравшая в себя и «мобилизованных») и «арестованные» ((РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 71, л. 1а, 1б, 1в; д. 72, л. 1а, 1б, 1в).

¹⁹ Постановление ГКО № 9959сс от 30.08.1945 «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев, занятых на работах в промышленности» (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 501, л. 169–171; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 7, л. 1–3).

²⁰ То есть лиц старше 50 лет, больных неизлечимыми недугами, инвалидов, беременных женщин и женщин с грудными детьми.

²¹ Спустя еще почти что год (18.06.1946) практически те же самые мероприятия — отбор в лагеря и госпитали инвалидов, стариков и других длительно нетрудоспособных — был распространен и на находящихся в СССР военнопленных немецкой и других западных национальностей (чином на момент пленения не старше капитана). К 15 октября 1946 г. предлагалось осуществить их отправку в Советскую зону оккупации Германии, а также, по договоренности с соответствующими правительствами, в Австрию, Румынию и Венгрию в количестве до 150 тыс. чел. (см. подписанное Сталиным и Чадаевым Постановление Совета Министров СССР № 1263-519сс от 18.06.1946 «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей» // АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 51, 52).

²² Постановление № 1492-572сс от 7.05.1948 «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев» (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 503, л. 75–78).

питализацию до 1 июля 1948 года 5 тыс. чел. в спецгоспиталях для военнопленных. Для восстановления физического состояния ослабленных разрешалось привлекать их в весенне-летний период только к легким полевым и огородным работам в подсобных хозяйствах. Последний пункт этого постановления разрешал министерствам, по согласованию с МВД СССР, переводить на вольнонаемное положение тех интернированных из числа квалифицированных специалистов, которые пожелали бы остаться на работе в СССР.

Начало репатриации интернированных и рецидивы «репараций трудом»

Тем не менее уже в 1945 году фактически началась репатриация интернированных. Примечательно, что по крайней мере в 1945 (а по некоторым сведениям, и в 1946 году) Румыния отказывалась принимать назад своих бывших немецких граждан. Вот что вспоминала Э. Кляйн, репатриировавшаяся практически в числе первых — в конце ноября 1945 года, но попавшая из СССР не в Румынию, а в Германию:

«28 ноября вагон тронулся, и нас обуяла надежда, что это Рождество мы будем праздновать дома. Сколь же огромным было разочарование, когда мы заметили, что поезд следует не на запад в направлении Румынии, а на север — через Киев на Брест-Литовск и далее на Варшаву, Позен (Познань) и Франкфурт-на-Одере. После дезинфекции нас повезли — в пассажирских вагонах, с окнами без стекол — в Нойштадт-Орла в Тюрингии. Там нас продержали три недели в карантине.

Разместили нас в пустом фабричном цехе, здесь — а не дома, с нашими любимыми — мы и встретили Рождество. Между тем мы получили наши удостоверения об освобождении и стали свободны, и в то же время — в середине суровой зимы — и беспомощны перед своей судьбой. Когда еще мы увидим наших близких — этого не знал никто. Говорили, что румынское государство не хотело нашего возвращения».

Только за период с января по декабрь 1945 года на родину было отправлено 36 039 чел., в том числе 10 615 поляков²³. Помимо репатриации, крайне высокими были и иные виды «потерь» среди интернированных: так, в 1945 году, по данным В. Конасова и А. Терещука, умерли или стали инвалидами 75 543, а в 1946 году — 35 485 интернированных²⁴.

²³ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 3и, д. 3, л. 1, 2. Полякам были посвящены директива НКВД–МВД «О вывозе поляков» за № 1925 от 26.06.1945 и приказ «Об освобождении интернированных поляков — польских граждан» за № 001301 от 29.10.1945 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 15а, д. 3, л. 275, 275об.).

²⁴ Конасов, Терещук, 1994, с. 320, со ссылками на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 34ф, д. 8, л. 13, 14. В справке генерал-майора Ратушного от 15.01.1947 говорится о 66 659 умерших и о 75 843 освобожденных интернированных, в другом месте справке — о 26 576 освобожденных (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 2, л. 163, 164).

В 1946 году репатриация интернированных продолжилась²⁵. Директива МВД-НКВД за № 110 от 30 апреля 1946 года предписывала выявить в лагерях, спецгоспиталях и рабочих батальонах МВД и Министерства вооруженных сил и репатриировать всех евреев зарубежного подданства (в основном, это были, по-видимому, граждане Польши)²⁶.

В Постановлении СМ СССР № 1653-726сс от 27 июля 1946 года «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев» МВД СССР давалось разрешение на отправку на родину до 21 тыс. чел. из их числа²⁷. Передачу интернированных предписывалось произвести: немцев, независимо от подданства (!)²⁸, — через лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере, венгров и австрийцев, подданных Венгрии и Австрии, — через лагерь № 36 (Сигет) и румын, подданных Румынии, — через лагерь № 176 (Фокшаны)²⁹; подданных Польши обслуживал лагерь в Бресте.

Осенью голодного 1946 года был сокращен суточный рацион питания военнопленных и интернированных, что усугубило и без того плачевное их физическое состояние. Доля трудоспособных все время таяла.

Одним из основных движущих мотивов репатриации, надо полагать, как раз и было нежелание кормить нахлебников. Но тот же самый фактор, как известно, давил на советские органы и в самой Германии³⁰.

²⁵ Постановление СМ СССР № 1253-726сс от 18 июня 1946 г. предусматривало отправку к 15 октября на родину и до 150 тыс. военнопленных (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 51, 52; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 8, л. 1, 2).

²⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 15а, д. 3, л. 275.

²⁷ АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 55 (др. экз-р; РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 9, л. 1). Это постановление отчасти повторяет текст Постановления ГКО № 9959сс от 30.08.1945, предусматривавшего отправку в Германию до 25 тыс. интернированных. Согласно Постановлению СМ СССР № 1263-519сс «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей» от 12.06.1946, согласно которому уже к 12.07.1946 МВД было предложено репатриировать 20 800 нетрудоспособных интернированных немцев, занятых в угольной промышленности (ГАРФ, ф. 9401, оп. 16, д. 148, л. 311–316). А в конце июля появился новый блок документов по этому вопросу — Постановление СМ СССР № 1653-726сс от 27.07.1946, Приказ МВД № 00601 от 27.07.1946 и Приказ МВД № 00731 от 31.07.1946 «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев, содержащихся в рабочих батальонах», приписанных к Минобороны.

²⁸ Это «независимо от подданства» для немцев из Румынии, собственно говоря, и означало отказ в праве на репатриацию, или, иными словами, отлучение их от родины.

²⁹ См. Приказ МВД СССР № 00731 от 31.07.1946 «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев, содержащихся в рабочих батальонах» (ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, л. 318, 319).

³⁰ Так, 12.10.1946 Контрольным Советом (с участием заместителя Главного начальника СВАГ генерал-полковника Курочкина) была утверждена директива № 38 «Об аресте и наказании немецких преступников», более известная как Директива о денацификации. Она подтверждала тюремный режим для главных нацистских преступников и предусматривала освобождение и пребывание на свободе (с испытательным сроком до 3 лет) преступников второстепенных. По состоянию на 1 октября 1946 г., в тюрьмах и лагерях МВД—МГБ на территории Германии содержалось более 80 тыс. чел., из которых до 35 тыс. подпадало под категорию «второстепенных». В связи с чем Главной начальствующий СВАГ маршал Соколовский и генерал-полковник Серов в обращении в Совмин на имя Сталина и Берии испрашивали согласия на их аттестацию специальной комиссией МВД—КГБ с последующим выпуском из лагерей (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 1–3; см. др. экз-р: РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 11, л. 1–3). Тем не менее аналогичный вопрос не раз ставился и позднее. Так, в письме № 3421 от 29.11.1947 на имя Сталина (Совмин) и А. А. Кузнецова (ЦК ВКП(б) министр госбезопасности СССР

Однако к концу 1946 года положение в очередной раз переменялось, и поток рабочей силы в СССР из Германии на короткое время снова стал **двусторонним**. Так, Постановление СМ СССР № 2728-1124сс от 23 декабря 1946 года «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях» обязывало СВАГ и МВД СССР из 60 580 узников спецлагерей и тюрем МВД СССР на востоке Германии отобрать 27 500 работоспособных мужчин и направить их для использования на предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов СССР (15 500 чел. — в Кузбассе, Караганде и в Кизеле на Урале) и Министерства строительства топливных предприятий СССР (12 тыс. чел. — там же, кроме того в Челябинской области, Узбекской ССР и Гурьевской области в Казахстане). Взамен ввозимых МВД отправляло на родину такое же число непригодных к труду немецких военнопленных и интернированных. Перевозки в обоих направлениях предлагалось осуществить в течение января-февраля 1947 года³¹. Однако лиц, годных к физическому труду, в германских лагерях набралось всего 4579 чел., и их отправили в СССР³².

В то же время еще несколько сотен гражданских немцев, с санкции Серова, в октябре 1946 года были переброшены из Германии в СССР: речь идет о высококлассных специалистах в области авиационной промышленности, вывезенных в СССР из Дессау, Галле и других мест в восточной Германии для продолжения совместных с советскими специалистами проектно-конструкторских работ. Пунктами их назначения были номерные заводы и лаборатории Минавиапрома в поселках Управленческий под Куйбышевым, Подберезье³³ и Савелово в Калининской области, Тушино и Химки под Москвой, где

Абакумов ставил вопрос об освобождении около 20 тыс. из числа 60 580 чел., арестованных в свое время в порядке очистки тыла Красной Армии и содержащихся в спецлагерях МВД на территории Германии. С этим же к Молотову как заместителю Предсовмина обращались 4.12.1947 и другие высшие чины МГБ — С. Круглов и С. Огольцов. 29.12.1947 аналогичное письмо на имя Молотова направила и Прокуратура СССР (К. Горшенин), писавший, кроме того, о массовых заявлениях родственников содержащихся в спецлагерях МВД (*ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 3414, л. 167, 167об.*). Окончательное решение по этому вопросу тем не менее было принято только спустя несколько месяцев. Постановлением СМ СССР № 702-223сс от 8.03.1948 «О пересмотре дел немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии» (*АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 71, 72*) была создана соответствующая Комиссия в составе тт. Ковальчука (председатель), Малькова и Шавера. Итогом работы комиссии стало решение об освобождении 27 749 чел., зафиксированное Постановлением № 2386-991сс от 30.06.1948 «Об освобождении немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии» (*АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 4*).

³¹ См. приказ МВД № 001196 от 26.12.1945 (*ГАРФ, ф. 9401, оп. 16 д. 148, л. 311–316*). См. также: *АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 502, л. 77–79*. Интересно, что репатриация на «компенсационной основе» практиковалась и на Дальнем Востоке: так, приказ НКВД—МВД № 00385 от 4.05.1946 предусматривал вывоз из лагерей МВД в Корею 20 тыс. больных японских военнопленных одновременно с завозом из Кореи в лагерь МВД 20 тыс. здоровых (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 15а, д. 3, л. 275*).

³² См. в письме Круглова Огольцову от 4.09.1947 (*РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 13, л. 1, 2*). См. также: *Sowjetische Speziallager in Deutschland. 1945 bis 1950 / Hrsg. Mironenko S., Niethammer L., von Plato A. — Berlin: Akademie Verlag, 1998. S. 228, 229. (Studien und Berichte, Bd.1).*

³³ В 1958 г. рабочий поселок Подберезье был передан из Калининской обл. в Московскую и преобразован в г. Ивановское; в 1960 г. Ивановское был присоединен к г. Дубна.

для них были созданы приличные рабочие и бытовые условия. Эти работы были возобновлены уже в ноябре-декабре 1946 года и продолжались до 1948 года, после чего их начали постепенно сворачивать.

Нечто похожее проделали и примерно со 150 немецкими ракетчиками во главе с профессором Гертруппом; их объект размещался на острове Городомля — самом большом на озере Селигер. Возможность репатрироваться появилась у немецких специалистов гораздо позже, чем у «просто» репатрированных: у ракетостроителей — в 1951–1953 гг., а у авиастроителей — и того позже, в 1953–1954 гг.³⁴

Постановлением СМ СССР от 6 ноября 1947 года в СССР должны были быть вывезены немецкие специалисты, до этого работавшие в восточной зоне Германии в Бюро Ан-типина в г. Бланкенбург, специализировавшемся на строительстве подводных лодок. Вскоре, однако, выяснилось, что 13 из 17 намеченных к вывозу специалистов проживают в Западном Берлине и их насильственный вывоз затруднителен³⁵.

Заметим попутно, что незаурядные специалисты встречались и среди «обычных» интернированных немцев, не говоря уже о военнопленных. Находясь в лагерях, они сделали немало ценных рационализаторских предложений. Так, например, инженер Альберт Друк разработал прибор для определения ускорения торпед, а Алоиз Вебер внес лепту в разработку темы «Превращение электрической энергии в лучи».³⁶

Все же сама идея продолжения «репараций трудом» отмерла не сразу. Только 28 сентября 1949 года ЦК ВКП(б), в ответ на просьбу В. Пика, О. Гротевоя и В. Ульбрихта, изложенную в их письме Сталину от 19 сентября 1949 года, признал нецелесообразной саму практику отправки в СССР немцев, осужденных советскими военными трибуналами в Германии, для отбытия наказания в СССР. Одновременно начальнику советской Контрольной комиссии Чуйкову было предложено в 10-дневный срок представить в ЦК предложения о возможности освобождения части заключенных в лагерях и о передаче остальных заключенных немецким властям³⁷.

Решением ЦК ВКП(б) от 31 октября 1949 года была создана комиссия из представителей МГБ, МВД и Прокуратуры СССР (тт. Едунов, Соколов и Шавер), которой предстояло рассматривать дела осужденных и неосужденных немцев, содержащихся в тюрьмах и спецлагерях МВД СССР, на предмет передачи этих лиц немецким властям, а также ликвидации спецлагерей МВД в Германии³⁸. Результаты работы этой комиссии были

³⁴ См.: Воронков Ю., Зрелов В., Кувшинов С., Михельс Ю. Германские авиационные специалисты в СССР. Судьба и работа. 1945–1954. — М., 1996, с. 46–49. См. также: Коновалов Б. У советских ракетных триумфов было немецкое начало // Известия. 1992, март, №№ 54–59. Стоит отметить, что и среди «обычных» интернированных немцев (как и среди военнопленных) было немало высококлассных научных специалистов. В специальной справке, подписанной 1-м зам. нач. ГУПВИ генерал-лейтенантом А. Кобуловым 6.01.1949, наряду с более многочисленными военнопленными, упоминаются и интернированные — инженер А. Друк (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 123–127).

³⁵ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 171, л. 406, 407.

³⁶ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 201, л. 255–259.

³⁷ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 9.

³⁸ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 10–14.

представлены Сталину, Молотову, Берии и Маленкову 27 декабря 1949 года, и уже 30 декабря 1949 года было принято соответствующее решение Политбюро ВКП(б). В нем, в частности, было постановлено ликвидировать к 15 марта 1950 года спецлагеря МВД СССР в Бухенвальде и Заксенхаузене и передать властям ГДР тюрьму в г. Баутцен. Относительно же их узников решили так: 15 038 немцев, из которых 9634 чел. неосужденные и 5404 чел. осуждены за малозначимые проступки, — освободить (то же распространялось на 126 иностранноподданных); 13 945 немцев — передать МВД ГДР, в том числе 10 513 чел. — для дальнейшего содержания в тюрьмах и 3432 чел. — для дальнейшего расследования и предания суду. В ведении МВД СССР в Германии оставлялось 649 немцев, из них 58 чел., осужденных за особо опасные преступления, подлежали депортации в лагерь МВД в СССР³⁹.

17 ноября 1952 года Председатель СКК по Германии Семичастнов и политсоветник Семенов, отзываясь на просьбу руководства ГДР, предложили рассмотреть в порядке прокурорского надзора 5063 дел осужденных немецких граждан⁴⁰.

5 февраля 1953 года — всего за месяц до смерти Сталина — Бюро Президиума ЦК КПСС рассмотрело вопрос об организации специальных лагерей для содержания немцев, австрийцев и других иностранцев, осужденных военными трибуналами групп Советских оккупационных войск в Германии и Австрии⁴¹. Величина соответствующего контингента составляла 5337 чел., из них 4523 немцев, 649 австрийцев и 160 прочих. В письме М. Сулова, С. Игнатьева и И. Серова на имя Г. М. Маленкова от 17 февраля 1953 года предлагалось организовать и в течение шести месяцев укомплектовать четыре спецлагеря МВД СССР для иностранцев указанной категории (два — в Коми АССР и по одному — в Казахстане и Иркутской области)⁴²; на территорию СССР впредь вывозились бы лишь те иностранные граждане, которых осудили за шпионаж, террор, диверсии и другие особо тяжкие преступления против СССР.

Продолжение и завершение репатриации

Постановлением СМ СССР № 1731-426с от 26 мая 1947 года проведение репатриации военнопленных и интернированных было поручено Уполномоченному по делам репатриации при СМ СССР. В сентябре 1947 года, с целью усиления контроля репатрируемых на границах СССР, в Бресте, Коломые и Унгенах были созданы отделения по репатриации военнопленных и интернированных в составе МВД БССР, УССР и Молд. ССР⁴³.

³⁹ См. письмо Абакумова, Круглова и Сафонова Сталину и Выписку № П72/100 заседания Политбюро от 30.12.1949 (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 20–23).

⁴⁰ Письмо Я. Малика Г. Маленкову от 30.11.1952 (АПРФ, ф. 3, оп. 52, д. 92, л. 131–133).

⁴¹ АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805, л. 223, 224, 228–230.

⁴² За год до истечения срока наказания их рекомендовалось переводить в тюрьмы и лагеря на территории ГДР.

⁴³ Приказ № 00944 от 5.09.1947 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 37а, д. 3, л. 123–127).

В 1947 году планировалось репатриировать 26 900 чел. интернированных, но затем эта цифра была пересмотрена в сторону увеличения⁴⁴. Всего же за 1947 год было репатриировано 550 524 военнопленных и интернированных⁴⁵.

При этом, как подчеркивал новый начальник ГУПВИ генерал-лейтенант Филиппов в своей директиве от 8 декабря 1947 года (излагающей указания Министра внутренних дел СССР Круглова), «работа с контингентом» вступила в завершающий и решающий этап. С определением сроков репатриации она приобрела заостренно политический характер, что предъявляло повышенные требования как к условиям содержания «контингента», к его физическому состоянию, так и к политработе с ним: положение обязывало к проявлениям «бдительности» и «повышению настороженности» с целью недопущения выпуска преступников и «явных врагов». Много стрел выпустил министр по адресу местных органов власти и хозорганов, взаимодействие с которыми, видимо, стало со временем чрезмерно тесным: несколько раз указывалось на неподведомственность им — и мало того: на закрытость! — лагерей и лаготделений ГУПВИ для местных властей⁴⁶.

23 декабря 1947 года вышло распоряжение СМ СССР № 19064сс о репатриации больных и малорабатоспособных интернированных немцев⁴⁷. Репатриация должна была начаться с марта 1948 года, ей подлежали 17 514 чел., в том числе 14 116 чел. румынских граждан немецкой национальности. Однако, по настоянию МИД (6 марта), их репатриация была задержана вплоть до особого указания, которого в течение последующих трех месяцев так и не последовало. После согласования вопроса с румынским правительством МИД снял свои возражения, а Молотов обратился к Сталину (4.06.1948) с просьбой утвердить решение о репатриации в Румынию интернированных немцев — румынских граждан.

Возможно, что указанная задержка с репатриацией была связана с телеграммой В. Соколовского и А. Кобулова, требовавшей передать 50 тыс. военнопленных немцев из числа румынских и чехословацких граждан в распоряжение акционерного общества «Висмут» в Германии (для работы на Яхимовских урановых рудниках в Чехии). С. Н. Круглов (в то время глава МВД СССР) и Б. Л. Ванников (начальник 1-го Главного управления при СМ СССР, отвечавшего за разработку атомного оружия) 20 марта 1948 года сообщили Берии о количестве находившихся в лагерях МВД трудоспособных немцев негерманского подданства (военнопленных — 14 759 и интернированных — 24 481 чел., из

⁴⁴ Постановления СМ СССР № 413-137сс от 4.03.1947 («Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, работающих на предприятиях черной металлургии»: затрагивало 6680 интернированных и мобилизованных), № 1022-305сс от 14.03.1947 («Об отправке на родину нетрудоспособных военнопленных и интернированных, работающих на предприятиях угольной промышленности западных районов»: затрагивало 18 тыс. чел., в том числе 5 тыс. интернированных), № 1521-402с от 13.05.1947, № 1571-414сс от 16.05.1947 («Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев»), № 1731-462с от 26.05.1947 и № 3545-1167сс от 11.10.1947 («О репатриации 100 тысяч военнопленных немцев»).

⁴⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 186, 187.

⁴⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 178–185.

⁴⁷ См. в письме Молотова Сталину от 4.06.1948 (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 503, л. 79). Текст самого распоряжения мы не располагаем.

них 14 948 женщин⁴⁸) и о своем согласии на их передачу обществу «Висмут», при условии их вербовки на работу в яхимовских рудниках сроком не менее 3 лет.

Вскоре после этого — 7 мая 1948 года — вышло еще одно Постановление СМ СССР об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев⁴⁹. Многочисленным министерствам, перечисленным в преамбуле, в сущности рекомендовалось не более чем придерживаться давно установленных (и, видимо, редко соблюдаемых) правил и инструкций. Новым было разве что указание выплатить интернированным компенсацию за неиспользованный отпуск за первый год работы, а также разрешение переводить на положение вольнонаемных рабочих тех интернированных из числа высококвалифицированных специалистов, кто пожелает остаться работать в СССР.

В марте 1947 года в ГУПВИ находилось 107 468 интернированных, в том числе 60 498 мужчин и 46 970 женщин. Число арестованных (то есть интернированных группы «Б») составляло в это время 14 327 чел.⁵⁰

По данным на 15 мая 1948 года насчитывалось 55 287 интернированных, сведенных в 98 рабочих батальонов, распределенных между министерствами. По своему физическому состоянию интернированные уступали военнопленным (см. табл. 16).

Таблица 16. Физическое состояние военнопленных и интернированных (по градациям трудоспособности в %; на 15 мая 1948 года)

Градации трудоспособности	Военнопленные	Интернированные группы «Г»	Интернированные группы «Б»
1 группа	35,9	39,7	14,4
2 группа	37,5	30,9	26,7
3 группа	12,6	14,8	14,2
Инвалиды	0,7	1,8	4,3
Ослабленные	5,2	н.д.	7,0
Лазаретно-больные	6,9	3,4	9,3
Группа не установлена	1,1	9,4	24,1
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 4, л. 7–8.

⁴⁸ По странам интернированные распределялись так: Румыния — 21 042, Югославия — 2991, Польша — 343 и Чехословакия — 105 чел. (Конасов, Терещук, 1994, с. 331, 332, со ссылкой на: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 24е, д. б, л. 87).

⁴⁹ ПСМ № 1492-572сс (РГАНИ, ф. 89, оп. 75, д. 22, л. 1, 2).

⁵⁰ См. в «Приемно-сдаточном акте» от 2.04.1947 о передаче генерал-лейтенантом М. С. Кривенко генерал-лейтенанту Т. Ф. Филиппову 12.03.1947 должности начальника ГУПВИ (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 115).

Однако если различия между военнопленными и интернированными группы «Г» и не слишком велики, то физическое состояние интернированных группы «Б» было особенно неблагоприятным.

Физическое состояние немецких военнопленных в 1948 году заметно ухудшилось, что отчасти было связано с объявлением в советской печати в марте 1947 года о завершении их репатриации уже в 1948 году. Это привело к тому, что хозорганы, где они трудились, начали заблаговременно вербовать на их места кадровую рабочую силу. Самих же военнопленных в течение 1948 года переводили на трудоемкие, вспомогательно-подсобные и низкооплачиваемые работы, на которых они очень быстро физически истощались. Этому же способствовали и исчерпание запасов нового трофейного обмундирования, и — в особенности — переброска осенью 1947 года 150 тыс. военнопленных на новые, социально неподготовленные объекты Минуглепрома, Минтяжпрома и Главнефтегазстроя⁵¹ (тем самым военнопленные были поставлены в те же самые невыигрышные условия, в которых с самого начала находились интернированные немцы). Всего же в течение 1948 года было репатрировано 646 281 военнопленных и 29 177 гражданских интернированных⁵².

По постановлению СМ СССР № 1492-572сс от 6 августа 1949 года «О репатриации в 1949 году интернированных немцев и лиц других национальностей»⁵³, за октябрь-декабрь планировалось репатриировать около 38 тыс. интернированных, из них более половины — через Сигет⁵⁴.

В целом же завершение репатриации всех военнопленных и интернированных планировалось на декабрь 1949 года, в связи с чем во все региональные управления МВД было разослано распоряжение заместителя министра генерал-полковника И. Серова № 744 от 28 ноября 1949 года о проверке их неучтенного наличия: осужденные и подследственные не подлежали проверке, беглые при этом продолжали числиться в розыске и разыскиваться, а находившиеся на поселении по спецразрешениям задержанию не подлежали⁵⁵.

Наиболее полные и как бы итоговые сведения об интернированных содержатся в справке о них по состоянию на 20 декабря 1949 года, подписанной начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом И. Петровым⁵⁶. Они сведены нами в нижеследующую табл. 17.

⁵¹ См. «Доклад о работе 1-го Управления ГУПВИ МВД СССР за 1948 год и основных задачах на 1949 год» от 26.02.1949, за подписью полковника И. Денисова (*РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 4, л. 149–170*).

⁵² См. в докладе зам. начальника 1-го Управления ГУПВИ полковника И. Денисова от 26.02.1949 *РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 23а, д. 4, л. 161*). См. также письмо Голикова Молотову от 29.12.1948 (*ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 49, л. 155*). Ср. также информацию о том, что за первые семь месяцев 1948 г. только через лагерь во Франкфурте-на-Одере прошло более 211,4 тыс. чел., в их числе интернированных — всего 3,8 тыс. чел. (*ГАРФ, ф. 9526, оп. 5, д. 48, л. 191–217*).

⁵³ См. также приказ МВД № 00770 от 13.08.1949 (*ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т.17, л. 178–181*).

⁵⁴ См. в письме начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Филиппова Вр. и. о. Уполномоченного СМ СССР по делам репатриации полковнику Н. А. Филатову от 20.09.1949 (*ГАРФ, ф. Р-9526, оп. б, д. 57, т.17, л. 186*).

⁵⁵ *ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т.17, л. 215–218*.

⁵⁶ *РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 20*. Ср. в отчете Круглова Сталину, Молотову и другим членам Политбюро об итогах работы с военнопленными и интернированными за 1941–1949 гг. от

Таблица 17. Характеристика интернированных, на 20.12.1949 (по категориям)

		Группа «Г» (мобилизованные)	Группа «Б» (арестованные)	Японцы	Поляки «Армии Крайовой»	Всего
1. Учено всего	тыс. чел. %	205 520 72,2	66 152 23,2	5 554 2,0	7 448 2,6	284 674 100,0
2. Репатрировано в 1945–1949 гг.	тыс. чел. %	164 521 77,5	36 943 17,4	3 968 1,8	6 942 3,3	212 374 100,0
3. Умерло и прочие убытия*	тыс. чел. %	40 737 60,7	25 719 38,3	119 0,2	506 0,8	67 081 100,0
4. Содержится, на 1.01.1950	тыс. чел. %	271 5,2	3 481 66,7	1 467 28,1	– –	5 219 100,0

Примечание. * — Под «прочими убытиями» здесь понимаются: убитые при побегах, утонувшие или покончившие жизнь самоубийством (9 чел., все из группы «Г»).

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 20–21.

Итак, среди 285 тыс. лиц, находившихся в СССР со статусом «интернированные», немцы-«вестарбайтеры» были не единственным, хотя количественно и доминирующим контингентом. Его общая численность составила около 272 тыс. чел.⁵⁷ Смертность была более чем значительной — от 19,2% среди «мобилизованных» и до 38,9% среди «арестованных» интернированных (ср. с 6,8% у поляков из «Армии Крайовой» и с 2,1% у японцев). В общей сложности в СССР умерло около 66,5 тыс. немецких интернированных⁵⁸.

24.05.1950. В частности, он привел несколько большую, по сравнению с данными на 20.12.1949, цифру репатрированных интернированных: 214 924 чел. (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 269, л. 319). Между тем, согласно «Справке о сравнительных данных о количестве освобожденных военнопленных и интернированных по статучету и данным имеющихся документов, подтверждающих передачу (акты, списки, расписки) по состоянию на 1.07.1950» отмечается существенное — на 34 833 чел. — расхождение между первыми (209 508 чел.) и вторыми (174 675 чел.) для так называемых «западных национальностей» (РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 81, л. 153).

⁵⁷ Что, впрочем, составляет немногим более 3,4% от общего числа немцев (7,95 млн), выселенных или переселенных в военное и послевоенное время (Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958, s. 44).

⁵⁸ По немецким данным (на сентябрь 1950 г.), число интернированных «фольксдойче», пропавших без вести в СССР, составляло самое меньшее 39 тыс. чел. (Die deutschen Vertreibungsverluste.

Продолжение и завершение репатриации

К 1950 году трудовой потенциал интернированных был практически исчерпан, о чем лучше всего говорит и практическое завершение их репатриации. Среди тех, относительно которых вопрос о репатриации еще не был решен, явно преобладали «карестованные» интернированные; естественно, среди них гораздо выше была и доля осужденных, в том числе военных преступников⁵⁹.

17 января 1951 года датирована еще одна подписанная Петровым справка, посвященная интернированным. Она показывает погодичный ход репатриации 213 418 интернированных за 1945–1949 гг. в разрезе их гражданства (см. табл. 18).

Таблица 18. Репатриация интернированных в 1945–1949 гг.
(чел.; по странам)

Страны	Освобождено и репатрировано (чел.)					Всего
	1945	1946	1947	1948	1949	
Германия	32 867	10 526	11 051	11 802	11 446	77 692
Румыния	9 064	10 639	9 126	11 439	20 804	61 072
Венгрия	3 991	4 860	12 082	3 999	4 169	29 101
Польша	15 490	6 032	4 974	767	740	28 003
Югославия	1 001	1 857	2 506	1 062	2 608	9 034
Япония	–	740	2 210	347	1 715	5 012
Чехословакия	876	666	372	248	216	2 378
Австрия	13	42	69	27	48	219
Болгария и др. страны	161	472	182	112	–	927
Итого	63 463	35 834	45 572	29 803	41 745	213 418

Источник: РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 01е, д. 81, л. 24.

Обращает на себя массовая репатриация «рейхсдойче» в 1945 году (практически это были возвратные партии), а также венгерских немцев — в 1947 и румынских — в 1949 годах.

Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958, s. 44), что весьма правдоподобно.

⁵⁹ Из 3692 оставшихся в СССР, по состоянию на 25.01.1950, интернированных большинство из них (2953) содержалось в лагерях и спецгоспиталях МВД, 580 было осуждено Военными трибуналами на территории Восточной Германии, а 141 — на территории СССР; еще 18 чел. подследственных содержались в тюрьмах МВД (РГВА/ГУПВИ, ф. 1п, оп. 01е, д. 81, л. 80).

Несколько иную статистику содержат документы Отдела репатриации и розыска советских граждан Управления делами СКК в Германии. Основным местом прибытия немецких репатриантов и передачи их немецким властям был лагерь № 69 в Грюнефельде близ Франкфурта-на-Одере, расформированный одним из последних, начиная с 1 июня 1950 года. За период с 1 июня 1946 по 3 мая 1950 гг. через него прошло 1 222 819 чел., из них 1 195 987 военнопленных и 32 832 интернированных, всего 20 чел. умерло непосредственно в лагере или в пути следования. Более половины интернированных осело в советской зоне, остальные распределились между американской и английской зонами.⁶⁰

По состоянию на 25 января 1950 года, в СССР содержалось 3692 интернированных, в том числе 2985 чел. в лагерях и госпиталях, а остальные, по-видимому, в тюрьмах⁶¹. Данные на 15 июля 1950 года оперируют только интернированными немцами: их общее число составляло 271 672 чел. Из них интернированными-мобилизованными группы «Г», завезенными в СССР по Постановлению ГКО от 29 декабря 1944 года, значились 111 831 чел., а интернированными-арестованными группы «Б» — 159 841 чел., в том числе 155 262 завезенных по Постановлению ГКО от 3 февраля 1944 года и 4579 по Постановлению СМ СССР от 23 декабря 1946 года. Из них было репатрировано 202 720, умерло 66 468 и удерживалось в СССР — 1385 чел.⁶²

Тут следует сделать очередную статистическую «оговорку». Быть освобожденным из ГУПВИ и быть практически репатрированным — даже статистически не одно и то же. Соответствующее сличение, произведенное ГУПВИ, показывало, что расхождение между данными статучета и документами сдачи-приемки репатрированных составляло: по военнопленным бывших западных армий — всего 2759 чел. (или 0,1% при 2 643 263 учтенных освобожденных), по военнопленным бывшей японской армии — 8260 чел. (или 1,4% при 574 718 учтенных освобожденных), тогда как по интернированным западным национальностям — 34 867 чел. (или 16,7% при 208 406 учтенных освобожденных)⁶³. Аналогичное сличение, проведенное по данным на 1 июля 1950 года, принесло практически те же самые результаты⁶⁴.

По состоянию на 1 января 1951 года, в СССР все еще содержалось 2656 осужденных интернированных (как немцев, так и японцев), сконцентрированных в лагерях в Сверд-

⁶⁰ ГАРФ, ф. 7317, оп. 20, д. 5, л. 70–72.

⁶¹ Из них 580 чел. были осуждены Военными трибуналами на оккупированной территории Германии, 141 чел. — осуждены в СССР, а 18 чел. находились под следствием. См. «Справку о количестве интернированных, содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД» по состоянию на 25.01.1950 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 80–86).

⁶² Из этих 1385 чел. неосужденными являлись 516, из них 15 чел. подследственных. Из 869 осужденных 570 были осуждены Военными трибуналами на оккупированной территории Германии, а 299 — в СССР. См. «Справку об интернированных-мобилизованных группы „Г“ и интернированных-арестованных группы „Б“» по состоянию на 15.07.1950 (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 123–124).

⁶³ По документам переданными числится 171 654 чел. и еще 1885 чел. — по оперативным данным. Интересно, что по интернированным восточных национальностей число задокументированных репатриантов (6159 чел.) было заметно выше числа учтенных (5012 чел.) (РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 146–149).

⁶⁴ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 81, л. 152–154.

ловской и Минской областях, а также в Хабаровском крае.⁶⁵ Сюда, возможно, было включено и число осужденных военных преступников из числа интернированных — 1605 чел. (в том числе 44 женщины), но не включено число неосужденных интернированных — 707. Подавляющее большинство среди осужденных военных преступников составляли граждане Германии (922 чел.), Японии (377), Польши (102) и Китая (89 чел.), а среди неосужденных интернированных — граждане Германии (529) и Польши (110 чел.)⁶⁶.

За 1951 год количество осужденных интернированных практически не изменилось и составило 2237 чел. Большую часть таких интернированных составляли немцы: 1459 чел. Особенно много их оставалось в лагере № 476 в Свердловской обл. (765 чел.), в лагере № 16 в Хабаровском крае (524 чел.), в лагерном отделении № 2 в Киевской обл. (362 чел.) и в Брестском лаготделении (201 чел.). Кроме того, насчитывалось 1872 военнопленных и интернированных, по тем или иным причинам «задержанным от репатриации»: из них 684 — за осведомленность о дислокации и характере «особых объектов»⁶⁷.

2 апреля 1952 года СМ СССР принял постановление № 1616-576сс «О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии», затронувшее более 1200 чел., в том числе 109 осужденных военнопленных и интернированных⁶⁸. К 1 октября 1952 года число интернированных сократилось до 1745 чел., большею частью осужденных (1627 чел.). Не-осужденные 118 чел., по-видимому, и являлись вышеупомянутыми «задержанными от репатриации»⁶⁹.

21 августа 1953 года датирована справка, представленная полковником М. Кузнецовым, начальником тюремного управления МВД СССР. В ней сообщалось, что общее число осужденных немцев, содержащихся в советских местах заключения, составляет 19 848 чел.; среди них не только военнопленные (14 128 чел.), но и интернированные (754 чел.) и гражданские лица (4966 чел.). Кроме того, имелось еще 625 чел. **неосужденных** немцев (как военнопленных, так и интернированных), репатриация которых откладывалась на неопределенный срок в связи с их осведомленностью об объектах государственной важности⁷⁰.

Наконец, 30 ноября 1953 года Президиум ЦК КПСС утвердил представленный тт. Горшениным, Кругловым, Руденко и Пушкиным проект постановления ЦК КПСС о досрочном освобождении осужденных советскими судами немецких военнопленных, интернированных и гражданских лиц. Освобождению и репатриации в Германию в месячный срок подлежали 4823 чел. немцев, содержащихся в лагерях на территории СССР (кроме того — 6150 чел., отбывавших свой срок в ГДР)⁷¹.

⁶⁵ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 97, л. 2–3. Отметим, что другой документ — «Справка о количестве интернированных, содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД» по состоянию на 25.01.1950.

⁶⁶ РГВА/ГУПВИ, ф. 1а, оп. 01е, д. 97, л. 63–65.

⁶⁷ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 98, л. 26.

⁶⁸ См. приказ министра МВД генерал-полковника С. Круглова № 00337 от 7.04.1952 (ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1с, д. 205, т. 17, л. 51–55).

⁶⁹ РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 01е, д. 98, л. 76–83.

⁷⁰ См.: Конасов, Терещук, 1994, с. 332, 333, со ссылкой на: АВП, ф. 082, оп. 41, п. 272, д. 28, л. 93.

⁷¹ Выписка № П43/66 заседания Политбюро от 30.11.1953 (АПРФ, ф. 3, оп. 64, д. 805).

Последним официальным документом, по-видимому, стало Постановление СМ № 2284-рс от 19 апреля 1956 года «О репатриации из СССР германских граждан». ⁷² Его текст нами пока не обнаружен, но, возможно, оно проливает свет на судьбу последних 625 немцев, а в их числе около сотни интернированных — даже неосужденных, но имевших несчастье прикоснуться к пресловутым «особым объектам».

Р. С. Интересно, что вследствие юридического казуса мобилизованные немцы в настоящее время не подлежат реабилитации, поскольку она не предусмотрена для лиц, административно-репрессированных **за пределами СССР** («юридическим» же адресом административной репрессии по отношению к ним всякий раз является место, откуда их депортировали) ⁷³.

⁷² См.: РГВА/ГУПВИ, ф. 1н, оп. 37а, д. 4, л. 16.

⁷³ Сообщено К. С. Никишкиным. Исправляющий этот казус законопроект внесен в Думу, но еще не рассмотрен. Тем не менее случаи реабилитации интернированных также известны: так, например, еще в 1988 г. был реабилитирован Й. Келер из Лейпцига, обратившийся в Верховный Совет СССР с индивидуальным запросом (Bis zu 30 000 Deutsche nach Warkuta gezwungen. Überlebende der Lager fordern Wiedergutmachung // Berliner Zeitung, 1990, 12 Juli, s. 2).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МАСШТАБ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ В СССР

Принудительные миграции практиковались в СССР с 1919–1920 по 1952–1953 гг., то есть на протяжении трети века или почти половины всей исторической жизни Советского Союза, навечно закрепив за ним сомнительные лавры мирового лидера в области депортационных технологий и полученных с их помощью результатов.

Подводя итоги геодемографических последствий принудительных миграций в СССР, просуммируем прежде всего число депортированных граждан.

Масштабы **внутренних депортаций** в СССР, в разрезе выделенных в этой работе периодов, выглядят следующим образом:

Периоды	Число депортированных (тыс. чел.)
1920	45
1930–1931	2050
1932–1934	535
1935–1938	260
1939–1941	395
1941–1942	1200
1943–1944	870
1944–1945	260
1947–1952	400
Итого	6015

Как видим, пики интенсивности внутренних депортаций в СССР приходятся на 1930–1931 и 1941–1942 гг. — периоды, когда СССР фактически находился в состоянии войны: в первом случае — необъявленной гражданской войны с собственным крестьянством, во втором — с внешним агрессором. Это хорошо согласуется и с тезисом о приуроченности принудительных миграций к историческим катаклизмам.

Масштабы **международных** депортаций гражданских лиц в СССР или из СССР передает другая таблица:

Виды и периоды	Число депортированных (тыс. чел.)
<i>Из СССР:</i>	
Остарбайтеры (1941–1944)	3200
<i>В СССР:</i>	
Репатриация (1944–1952)	5460
«Вестарбайтеры» (1945)	300
Итого в СССР	5760
<i>Всего</i>	8960

Угон в Германию («вербовка в Рейх») миллионов советских граждан был самой массовой депортационной акцией гитлеровской Германии. Даже если поставить ее в один ряд с операциями ОГПУ—НКВД 1930-х и 1940-х гг., то и в таком случае она заняла бы первое место по своим масштабам. Однако и по масштабам, и по интенсивности (особенно в 1945 году) ее все же превзошла массовая репатриация советских граждан, принудительный характер которой был предопределен Ялтинскими соглашениями.

Что же касается депортации в СССР «интернированных и мобилизованных» немцев из ряда европейских стран, то можно отметить, что и в условиях совершенно чужой страны органы НКВД чувствовали и вели себя в точности так же, как у себя дома, в СССР: операция была проведена в сжатые сроки и совершенно в том же «стиле», что и высылки «наказанных народов» с Кавказа или из Крыма. Да и руководили ими практически те же самые генералы и маршалы.

Всего за рассмотренный период было депортировано около 15 млн. чел., из них 6 млн. пришлось на внутренние и 9 млн. на внешние (международные) депортации (из них 5,8 млн. на депортации в СССР и 3,2 млн. — депортацию советских граждан за пределы СССР).

Принудительные миграции **такого масштаба** не могли не оказать — и оказали весь-ма заметное влияние на всю систему населения бывшего Советского Союза. Резко нарушив или задержав в свое время естественный ход демографического развития этносов, они определенно сказались на макропропорциях расселения страны и способствовали последовательному смещению центра тяжести населения СССР — сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях.

Вместе с тем практически все депортированные контингенты проявили выдающиеся акклиматизационные способности и сумели приспособиться к новым условиям жизни, найти или создать для себя определенную экономическую нишу и, вопреки статусной дискриминации, дать детям максимально хорошее образование.

Депортации народов, или их насильственное перемещение в пространстве, можно еще определить как их отсутствие у себя на родине и присутствие на чужбине. Конечно же, они имели неизбежные последствия и для остального населения мест выселения и вселения,

формируя, в первом случае, потоки компенсирующих миграций, а во втором — создавая предпосылки для смешанных браков и межнационального трудового общения. И то и другое содержало в себе для отдаленного будущего определенный конфликтный потенциал.

Некоторые народы, которых депортации не коснулись напрямую, оказались затронуты ими косвенно, или **компенсационно**: русские, грузины, осетины, кабардинцы, аварцы, лакцы и др., были переселены, часто вопреки собственной воле, на оставленные без присмотра земли. Это было по-своему закономерно, так как в ареалах расселения депортированных этносов неизбежно образовывался хозяйственный вакуум. Если выявленное нами для ряда случаев соотношение депортированного и компенсационно переселенного населения (пять к двум) распространить на всех депортированных, то мы получим еще 2,4 млн. чел.! В то же время не случайно, что именно в ареалах прежнего проживания депортированных народов (например, в Саратовской и Крымской обл.) в начале 1950-х гг. был зафиксирован наибольший механический отток населения.

Принудительные миграции привели к образованию «внутренних диаспор» практически у каждого репрессированного народа (по типу «родина» — «место изгнания»). С распадом СССР и образованием на его месте 15 независимых стран эти «внутренние диаспоры» неожиданно приобрели официальный международный статус, что имело для этих народов как отрицательные, так и положительные стороны.

Сегодня уже всем очевидно, что уход от взвешенных и исторически оправданных решений чреват самыми серьезными последствиями как экономического, так и политического свойства. В этой связи отметим два радикальных изменения даже в самой этнической структуре послевоенного советского и постсоветского общества. Это — резкое и повсеместное сокращение еврейского и немецкого населения СССР вследствие гитлеровского геноцида, сталинских депортаций и массовой эмиграции обоих народов, особенно в 1990-х гг.

Основную ответственность за многократное сокращение численности евреев в СССР несет нацистская Германия, осуществлявшая по отношению к ним на оккупированной территории СССР режим геноцида, неотъемлемой частью которого была и депортационная политика. Наряду с акциями по уничтожению евреев в местах их проживания, широко практиковалось их насильственное перемещение в другие районы — чаще всего в концентрационные лагеря и так называемые «лагеря уничтожения» (где технология убийства была предельно рационализирована), но иногда и в другие, как правило, более крупные «гетто», чаще служившие не более чем промежуточной станцией на пути в те же лагеря. В первую очередь истребляли женщин, стариков, детей и больных мужчин: шансы работоспособных мужчин на выживание были несколько выше.

Если создание государства Израиль в 1948 году понимать как реакцию послевоенного мирового сообщества на Холокост, то и процесс эмиграции еврейского населения из СССР (а в последнее десятилетие и из России) является косвенным последствием этой исторической катастрофы, и уже во вторую очередь — реакцией, хотя и прямой, на государственный антисемитизм советского режима, подозреваемого, применительно к евреям, и в непосредственных депортационных намерениях в 1953 году.¹

¹ В силу отсутствия на сегодня прямой документации об этих планах о степени основательности этих «подозрений» мы здесь судить или рассуждать не беремся.

Другой этнос, численность которого за годы существования СССР резко сократилась — это немцы. Отсутствие своевременного и удовлетворительного решения проблемы немецкой автономии привело к тому, что бывшее советско-немецкое население, униженное и депортацией и не-реабилитацией, склонилось на путь массовой немецкой эмиграции из России и стран Центральной Азии. Для каждой из этих стран массовый отъезд немецкого населения имеет большое отрицательное значение, но сдержать его не удастся и уже вряд ли удастся.

Насильственные миграции 1920-х гг., затронувшие лишь немногие десятки тысяч людей, имели в целом незначительное геодемографическое и экономические влияние. Их значение, скорее, в другом: это были своего рода «пробы пера» — первые экспериментальные попытки репрессивных депортаций, давшие необходимый опыт (в том числе и «технологический»), в последующем широко использованный при проведении настоящего массовых операций.

Первая из них, раскулачивание и коллективизация, принесла искомый социально-политический результат (выведение за рамки социума кулаков и части середняков как политически нежелательной группы). Но она имела и другие последствия, прямым образом к самому политическому «заказу» отношения не имевшие и, быть может, даже нежелательные для самого государства. Важнейшим из них — если только не «демонизировать» сталинский режим: в противном случае и это предусматривалось и заказывалось! — является, безусловно, голодомор 1932–1933 гг., непосредственное следствие коллективизации. «Кулацкая ссылка» — это еще и радикальное сокращение числа «едеков» в сельской местности Украины, Северного Кавказа, Поволжья и других регионов, но это лишь немного смягчило страшный удар, отнявший у села новые миллионы фертильных женщин.

Города и новостройки (то есть будущие города) стали спасением, гарантией выживания — в обмен за почти каторжный и почти бесплатный труд — для многих вчерашних крестьян. Процент городского населения выросал чуть ли не ежемесячно — вот вам и ключ к «семимильным шагам» первых советских пятилеток, вот вам разгадка урбанизации и индустриализации по-советски — урбанизации в лаптях и индустриализации с тачками и лопатами.

Частью этого механизма был и массовый «уход» (а точнее, «бегство») в города и тех крестьян, кто не желал подвергать себя и свои семьи риску экспроприации и ссылки, — так называемых «недораскулаченных». Вот вам еще один своеобразный вклад советской депортационной политики в построение нового социалистического общества. А сам масштаб и изначальная бесконтрольность этого «построения» подтолкнули власти в 1932 году к введению паспортов и началу паспортизации хотя бы городского населения.

Но и сама по себе «кулацкая ссылка», взятая отдельно, как массовая подвижка сельского населения, имела колоссальное значение для расселения и ярко выраженную географическую составляющую. На качественном уровне очевидно, что в 1930 году центр сельского населения СССР сместился на север, а в 1931 году — на северо-запад. Более

затруднительно было бы высказаться о географическом векторе «дораскулачивания» в 1933–1935 гг.

Во второй половине 1930-х гг. началось сознательное и целенаправленное сокращение населения (а в отдельных случаях — и обезлюдение) приграничных территорий, в частности на юге Дальнего Востока (корейцы) и вдоль южных и, особенно, западных границ СССР. Глубина полосы, освобождаемой от социально опасного (и, в подавляющем большинстве, сельского) населения, варьировала от 800 м до 100 км. Впрочем, западные границы и сами имели в 1939–1940 гг. тенденцию к перемещению на запад, в глубь Восточной Европы, так что, соответственно, всю эту работу приходилось периодически повторять. Самих же выселяемых направляли в противоположном, азиатском, направлении: особенной «популярностью» пользовались в те годы Казахстан и Западная Сибирь (знаменитый Нарым).

«Привязанность» к Казахстану сохранилась и в 1941 году, когда проводилась массовая превентивная депортация немецкого и финского населения из Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и Кольского полуострова. Однако в целом ареал вселения миллионного контингента советских немцев был гораздо шире и включал в себя также Киргизию, Западную и, отчасти, Восточную Сибирь. Из народов, депортированных в 1943–1944 гг., Сибирь была предуготована и калмыкам, тогда как четыре северокавказских народа были рассредоточены, в основном, между Киргизией и тем же Казахстаном. В то же время крымских татар, а вслед за ними и турок-месхетинцев, разместили преимущественно в Узбекистане.

В этой связи не вызывает сомнения сдвиг наличного населения СССР на восток в годы войны, но количественно определить его интенсивность практически невозможно. Тем более что в том же направлении «действовали» и другие факторы и процессы, в частности массовая эвакуация гражданского населения на восток и на юго-восток. В целом же за военные годы именно по этим азимутам произошел — и заметный — сдвиг центра населенности СССР.

Впервые в истории насильственных миграций в СССР они привели к столь ощутимому количественному сокращению населения оставленных территорий, а порою — к их частичному (точнее, временному) обезлюдению. Во многих случаях это носило необратимый, или, точнее, малообратимый характер, поскольку заселявшихся на освободившихся землях «добровольцев» было, как правило, в среднем в 2,5 раза меньше, чем самих выселенных, что вызывало новые волны «волонтеров», правдами и неправдами вербовавшихся для этих компенсационных миграций (а многие из тех, кто все-таки туда приехали, имели твердое намерение при первой же возможности оттуда уехать).

В регионах прибытия спецпоселенцы нередко составляли весьма значительную часть населения. Во многих областях той же Средней Азии или Казахстана немцы, а в отдельных случаях и представители других «наказанных народов» занимали по своей численности третье, а то и второе места в региональных этнических структурах. Происходило интенсивное этническое перемешивание прибывших спецпоселенцев с коренным населением, в том числе и в результате смешанных браков. Со временем среди спецпоселенцев неуклонно росла доля проживающих в городах, начался процесс формирования национальной интеллигенции и элиты.

Если в масштабе СССР крупнейшими (по состоянию на 1989 год) репрессированными народами являлись немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и ингуши, то в масштабе Российской Федерации — список и последовательность иные: чеченцы, немцы, ингуши, калмыки и карачаевцы (при этом, напомним, численность немецкого населения стремительно сокращается).

И, в заключение, еще об одном аспекте принудительных миграций.

Чем они являлись для самих депортированных — понятно. В самом лучшем случае — катастрофой, выпадением из жизненного круга, для которого их отцы и они сами себя готовили, крахом надежд, тоской и разлукой с горячо любимыми родными местами.

Но может быть, вся эта игра государства с человеческими жизнями — хотя бы экономически — «стоила свеч»? Разве не руками заключенных и спецпереселенцев построены Магнитка, Кузбасс, Комсомольск-на-Амуре, метро в Москве, тысячи километров железных дорог, разве не ими добыты миллионы кубометров леса, тонны золота и т. д.? Разве не на их «плановом» труде основывалась индустриальная мощь первого в мире государства диктатуры пролетариата? Каков был экономический и социальный эффект всех этих мероприятий по выкорчевыванию, перевозке и высаживанию на новом месте миллионов семей? Какова была экономическая цена тех производственных задач, что были решены с помощью принудительного труда миллионов принудительно переселенных и политически ущемленных граждан?

Ни один из известных нам литературных или архивных источников не подтверждает изредка встречавшиеся бодрые самооценки чекистских хозяйственников о превосходстве подневольного, но хорошо организованного труда — над трудом свободным. Это, выражаясь понятным им языком, **туфта**. Если на труде депортированных и базировалась чья-то экономическая выгода, то никак не государства, а самого НКВД, действительно стремительно выдвинувшегося за 1930-е гг. в число крупнейших в стране субъектов хозяйствования.

Для государства же в макроэкономическом плане депортации были убыточными, поскольку выбивали из жизни или из трудового цикла миллионы обустроенных, трудовых семей, приводили к запустению земель и селений, к утрате трудовых навыков и традиций, к спаду сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к затратам на переезд, обустройство, вторичное обустройство на месте и т. д., и т. п. Потеря миллионов граждан во время голода и связанные с депортациями иные нарушения демографического развития создали для государства серьезнейшие дополнительные трудности в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в мобилизационном аспекте.

Пространственная же обширность Советского Союза, со своей стороны, лишь только усугубляла всю эту нерациональность и усиливала неэффективность принудительного труда депортированных людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Репрессивные принудительные миграции в СССР (данные округлены)

Год	Месяц	Число	Контингент	Кол-во, тыс. чел.	Откуда	Куда
1920	04	17	Терские казаки	45	8 станиц Терской линии	Украина, Север Европ. части
1922	09		Философы и др. ученые-гуманитарии	0,1	Петроград, Москва и Казань	Штеттин (Германия)
1930			Социально-опасный элемент из приграничной полосы УССР и БССР	18	22-километровая зона вдоль западных границ СССР	Зап. Сибирь и Дальний Восток
1930	02–04		Кулаки 1-й и 2-й категории	472	Районы сплошной коллективизации	Северный край, Урал, Зап. Сибирь
	03–04, 08–10		Кулаки 3-й категории	250	Нижегородский, Нижне- и Средне-Волжский, Северо-Кавказский, Дальневосточный края, ЦЧО, Западная обл. и др.	Внутри районов прежнего проживания
	05–12		Кулаки 1-й и 2-й категории	30	Районы сплошной коллективизации	Сибирь, Казахстан
1931	01–02		Кулаки 1-й и 2-й категории	45	Приморские и лесогорные районы Кубани	Ставропольский и Сальский районы Северо-Кавказского края
1931	03–04, 05–09		Кулаки 1-й и 2-й категории	1230	Украина, Сев. Кавказ и др. р-ны масс. коллективизации	Урал, Сев. край, Сибирь, Каз.ССР
1932	11–12		Все крестьяне (за «саботаж»)	45	Станицы Полтавская (Красноармейская), Медведовская и Урупская	Сев. край
1933			Казахи-кочевники	ок. 200	Казахстан	Откочевка в Китай, Монголию, Иран, Афганистан, Турцию
			Кулаки	268	Различные районы	Зап. Сибирь, Каз.ССР, Урал и др.
1935	02–05		Финны-ингерманландцы	30 (?)	Ленинградская обл., погранзона	Вологодская обл., Тадж.ССР, Каз.ССР, Зап. Сибирь
	02–03		Из Киевской и Винницкой обл. (гл. обр. поляки и немцы)	412	Киевская и Винницкая обл. УССР, погранзона	Восточные районы УССР

Приложение 1

1935	н.д.	Кулаки	23	Сев. Кавказ	Различные районы
1936	05	Немцы и поляки	45	Погран. р-ны УССР	Карагандинская и др. обл. Каз.ССР
	ок. 10	Кулаки	5	ДАССР, Ч.-И. АССР	Кирг.ССР, Каз.ССР
1937	07	Курды и др.	2	Пригран. р-ны Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана	Кирг.ССР, Каз.ССР
	09–10	Корейцы	172	Спасск, Посьет, Гродеково, Биробиджан, Владивосток, Бурят-Монгольская АССР, Читинская обл.	Каз.ССР (города и поселки северных обл.), Узб.ССР
	09–10	Китайцы, репатрианты-«харбинцы» и др.	9	Юг Д. Востока	Каз.ССР, Узб.ССР
1938	н.д.	Евреи-ираны	6	Марыйская обл. (ТуркмССР)	Северные (пустынные) р-ны ТуркмССР
	01	Иранцы	н.д.	Погран. р-ны АзССР	Каз.ССР
1940	02	10 Поляки	ок. 140	Зап. УССР и Зап. БССР	Север Европ. части СССР, Урал и Сибирь
	04	9 и 13 Поляки	61	Зап. УССР и Зап. БССР	Каз.ССР, отчасти Узб.ССР
	06	29 Беженцы из Польши	75	Зап. УССР и Зап. БССР	Север Европ. части, Урал и Сибирь
	07	5–10 Инонациональности		Мурманская обл.	К.-Ф. АССР, Алтайский край
1941	05	22 Контрреволюционеры и националисты	11	Зап. Украина	Южно-Казахстанская обл., Красноярский край, Омская и Новосибирская обл.
	06	12/ 13 Контрреволюционеры и националисты	30	Молд.ССР, Черновицкая и Измаильская обл.	Каз.ССР, Коми АССР, Красноярский край, Омская и Новосибирская обл.
		14 Контрреволюционеры и националисты	18	Литва	Алтайский край + Новосибирская обл., Каз.ССР, Коми АССР
		14 Контрреволюционеры и националисты	17	Латвия	Красноярский край, Новосибирская обл., Каз.ССР (Карагандинская обл.)
		14 Контрреволюционеры и националисты	10	Эстония	Кировская, Новосибирская обл.
		19/20 контрреволюционеры и националисты	21	Зап. Белоруссия	
	09	03–20 Немцы	439	АССР НП, Саратовская и Сталинградская обл.	Каз.ССР, Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская обл.
		Финны и немцы	91	Ленинградская обл.	Красноярский край, Новосибирская и Омская обл., Каз.ССР, Алтайский край,
		15–20 Немцы	36	Москва, Московская и Ростовская обл.	Каз.ССР

Приложение 1

1941	09–10	25.09– 10.10	Немцы	ок. 138	Краснодарский, Орджоникидзевский край, Тульская обл., К.-Б. АССР и С.-О. АССР (фактически – и из Крыма, ранее эвакуированные в Краснодарский край)	Красноярский край, Иркутская обл., Каз.ССР
		25.09– 10.10	Немцы	110	Запорожская, Сталинская и Ворошиловградская обл.	Каз.ССР, Астраханская обл.
	10	15–22	Немцы	5	Воронежская обл.	Новосибирская, Омская обл.
		15–30	Немцы	46	Груз.ССР, Аз.ССР, Арм.ССР	Каз.ССР, Новосибирская обл.
		25–30	Немцы	6	ДАССР, Ч.-И. АССР	Каз.ССР
	11		Немцы	н.д.	КАССР	
1942	03		Немцы	н.д.	Харьковская, Крымская, Днепропетровская, Одесская, Калининская обл.	н.д.
			Финны-ингерманландцы	ок. 9	Ленинградская обл.	Иркутская обл., Красноярский край, ЯкАССР
	04		Греки, румыны и др.		Крым, Северный Кавказ	
	06		Немцы, румыны, крымские татары, иностраннопопавшие (греки)	н.д.	Краснодарский край	н.д.
1943	08	09	Карачаевцы («бандглавари» и «активные бандиты»)	0,5	Карачаево-Черкессия	За пределы области
	11	02	Карачаевцы	ок. 70	Карачаево-Черкессия	Каз.ССР (Южно-Казахстанская и Джамбульская обл.), Кирг. ССР
	12	28–31	Калмыки	ок. 93	КАССР	Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская обл.
1944	02	23–29	Чеченцы (первые эшелоны)	393	Ч.-И. АССР, ДАССР	Каз.ССР, Кирг.ССР
		23–29	Ингуши (первые эшелоны)	91	Ч.-И. АССР, Владикавказ	Каз.ССР, Кирг.ССР
		08	Балкарцы (первые эшелоны)	38	К.-Б. АССР	Каз.ССР, Кирг.ССР
		25	Калмыки	3	Ростовская обл.	Новосибирская и Омская обл.
	03	25	Курды, азербайджанцы	3	Тбилиси	Цалкинский, Борчалинский и Караязский р-ны Груз.ССР
	05	5–10	Балкарцы	0,1	Клухорский район Груз.ССР	Каз.ССР, Кирг.ССР
		18	Крымские татары	182	Крымская АССР	Узб.ССР
	05–06		Народы Крыма (греки, болгары, армяне, турки и др.)	42	Крымская АССР	Узб.ССР (?)
	11	15–18	Турки-месхетинцы, курды и хемшины	ок. 92	Груз.ССР	УзбССР, КазССР, КиргССР

Приложение 1

1944	05–07	Калмыки	26	Северные и восточные р-ны	Европ. часть РСФСР (Саратовская, Воронежская обл., Краснодарский край), УССР
	06	04 Калмыки	1	Сталинградская обл.	Свердловская обл.
	06	20 Кабардинцы — члены семей коллаборантов, добровольно ушедших с немцами	2	Кабардинская АССР	Джамбульская и Южно-Казахстанская обл.
		27 Болгары, греки, армяне	ок. 4	Крым	Узб.ССР
	07	Истинно-православные христиане	1	Рязанская, Воронежская и Орловская обл.	Томская и Тюменская обл., Красноярский край
08-09		Поляки	ок. 30	Урал, Сибирь, Каз.ССР	УССР, Европ. часть РСФСР
	11	15-18 Турки-месхетинцы, курды и хемшины	ок. 92	Груз.ССР	Узб.ССР, Каз.ССР, Кирг.ССР
		25–26 Лазы и др. жители приграничных р-нов	1	Аджария	Узб.ССР, Каз.ССР, Кирг.ССР
	12	Члены семей «фольксдойче», добровольно ушедших с немцами	1	Города Кавминвод	Новосибирская обл. (по др. сведениям — Тадж.ССР)
1945	01	25 Предатели и пособники из р-на Кавминвод	2	Кавминводы	Тадж.ССР
1948	05	22 Бандиты и бандпособники из кулаков	49	Лит.ССР	Красноярский край, Иркутская обл., Бурят-Монгольская АССР
	06	Греки, армяне-«дашнаки»	58	Черноморское побережье	Каз.ССР (Южно-Казахстанская и Джамбульская обл.)
	06	«Тунеядцы-указники»	16	н.д.	н.д.
	10	Кулаки	1	Измаильская обл.	Томская обл.
1949	01	29 Бандиты и бандпособники из кулаков	42	Латв.ССР	Омская обл., Амурская обл.
		29 Бандиты и бандпособники из кулаков	20	Эст.ССР	Красноярский край, Иркутская обл.
		29 Бандиты и бандпособники из кулаков	32	Лит.ССР	Иркутская обл., Красноярский край
	05–06	Дашнаки, турки и греки с турецким, греческим и советским гражданством или без гражданства	н.д.	Черноморское побережье, Грузия, Армения и Азербайджан	Южно-Казахстанская и Джамбульская обл. Каз.ССР
	07	6–7 Бандиты и бандпособники из кулаков	36	Молд.ССР	Курганская, Тюменская, Иркутская и Кемеровская обл., Алтайский и Хабаровский края, Бурят-Монгольская АССР

Приложение 1

1950	н.д.	Кулаки и обвиненные в бандитизме (с семьями)	1,4	Псковская обл.	Хабаровский край
1951	03	Басмачи	3	Тадж.ССР	Каз.ССР (Кокчетавская обл.)
	04	1–2 Иеговисты	3	Молд.ССР	Томская обл.
	10	Кулаки	35	Прибалтика, Молдавия, Зап. Украина, Зап. Белоруссия	Красноярский край, Якутская АССР, Тюменская обл., Каз.ССР
1952	03–05	Кулаки	6	Зап. Белоруссия	Иркутская обл., Каз.ССР

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Хронология официальных актов государственных и партийных органов СССР и наследующих ему государств, затрагивающих принудительные миграции или их последствия

Год	Месяц	Число	Законодательные акты и другие решения	Архивные источники (в скобках — первые публикации или упоминания)
1919	01	24	Директива ЦК РКП(б) о расказачивании	
1922	08	10	Декрет ВЦИК «Об административной высылке»	(Зайцев, 1993, с. 12)
		16	Декрет ВЦИК «О дополнении к Пост. «О ГПУ» и «Об административной высылке»	(Зайцев, 1993, с. 104)
1923	01	03	Пост. НКВД «Инструкция по применению Пост. ВЦИК об административной высылке»	(Зайцев, 1993, с. 105–106)
1929	11	13	Пост. СНК УССР № 20369 «О переселении социально-опасного элемента из пограничных округов УССР»	РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 43, л. 42–43 (Проток. СНК УССР № 46/950)
		21	Пост. Президиума ЦИК «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР»	(Зайцев, 1993, с. 32–33)
1930	01	18	Директивы ОГПУ № 775 и 776 о предстоящем массовом выселении кулацких семей	ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 13 (Ивницкий, 1996, с. 108)
		30	Пост. ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 60, 64–69 (Адибеков, 1994, с. 147–152)
	02	01	Пост. ЦИК и СНК «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»	(Ивницкий, 1996, с. 72)
	02	01	Пр. ОГПУ № 44/21 об организованной ликвидации кулачества	РГАЭ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 17–25 (Зайцев, 1993, с. 107–110); ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 17–25 (Ивницкий, 1996, с. 111)

Приложение 2

1930	02	04	Инструкция ЦИК и СНК о мероприятиях по проведению раскулачивания	(Ивницкий, 1996, с. 72)
	03	04	Пост. Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) о выселении местного населения из погранполосы Ленинградской области	(Киуру, 1992)
	04	01	ПСНК о создании спецкомиссии В. В. Шмидта	(Ивницкий, 1996, с. 231)
		01	Резолюция крайкома ВКП(б) «О размещении и устройстве кулаков-выселенцев в Северном крае»	(Ивницкий, 1996, с. 232)
		01	Пост. НКЗема «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации»	(Ивницкий, 1996, с. 237)
		10	Пост. СНК РСФСР «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулаков и их семей»	ГАРФ, ф. 393, оп. 2, д. 1796, л. 230 (Ивницкий, 1996, с. 233, 268)
	08	13	Пост. СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониации в Северном и Сибирском краях и Уральской области»	(Ивницкий, 1996, с. 243)
	10	03	Пост. СНК РСФСР об утверждении положения о спецпоселках и спецпереселенцах	(Ивницкий, 1996, с. 243)
1931	02	01	Пост. ЦИКиСНК «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам союзных республик права выселения кулаков из пределов сплошной коллективизации сельского хозяйства»	
		20	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) о выселении 200–300 тыс. семей кулаков	(Ивницкий, 1996, с. 181–182)
	03	20	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О кулаках»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 174, 176–178 (Адибеков, 1994, с. 152–155)
		20	ПСНК «О переселении кулацких хозяйств»	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 14, л. 148 (Красильников и др., 1993, с. 13)
	06	05	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) о переселении кулацких семей из Ленинградской обл. и Татарии	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 66, 74 (Адибеков, 1994, с. 159)
	07	01	ПСНК об устройстве спецпереселенцев	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 15, л. 81–83 (Красильников и др., 1993, с. 14–15)
		03	Пост. ЦИК о порядке восстановления в гражданских правах высланных кулаков	(Красильников и др., 1993, с. 15–16)
		20	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О кулаках»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 123, 126 (Адибеков, 1994, с. 159–160)
	08	02	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 141, 144–148 (Адибеков, 1994, с. 161–164)
		10	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 151, 154–159 (Адибеков, 1994, с. 164–169)
		16	ПСНК о спецпереселенцах	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 15, л. 165–174 (Красильников и др., 1993, с. 16–23)
		30	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «По спецпереселенцам»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 176, 180–181 (Адибеков, 1994, с. 170–172)

Приложение 2

1931	10	25	«Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев»	(Ивницкий, 1996, с. 244, со ссылкой на: Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Петрозаводск, 1991, с. 227–232)
	12	23	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 102–106 (Адибеков, 1994, с. 172–175)
	12	28	ПСНК «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае»	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 16, л. 193–199 (Красильников и др., 1993, с. 23–28); ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 1, л. 8 (Макшеев, 1997, с. 17–18)
1932	01	28	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «О спецпереселенцах»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 162, 167–169 (Адибеков, 1994, с. 175–178)
	02	03	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «По спецпереселенцам»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 174, 176–177 (Адибеков, 1994, с. 178–180)
		21	ПСНК о санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 18, л. 77–79 (Красильников и др., 1993, с. 29–31)
	04	04	ПСНК «О спецпереселенцах»	ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 57, д. 19, л. 7–9 (Красильников и др., 1993, с. 33–34)
	11	16	Пост. ЦИК и СНК Тадж.ССР «О переселении на Вахш»	(Курбанова, 1993, с. 67)
	12	27	ПСНК «О введении паспортной системы»	
1933	04	17	Пост. ПБ ЦК ВКП(б) «Об организации трудовых поселений ОГПУ»	(Ивницкий, 1996, с. 200)
	05	08	Инструкция ЦК ВКП(б) № П-6028 о прекращении массовых выселений и иных форм репрессий в деревне	(Зайцев, 1993, с. 110–111)
1934	05	27	ПЦИК «О восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах»	
1935	03	25	Расп. НКВД «Об очистке пограничной зоны Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии»	(Бугай, 1991д; Киуру, 1992)
1936	01	23	ПСНК № 111-21сс «О переселении из УССР в Каз.АССР»	
	02	16	Реш. ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины»	(Eisfeld, Herdt, 1996, s. 26–27)
	04	28	ПСНК № 776-120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Каз.ССР 15 000 польских и немецких хозяйств»	ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 641, л. 363 (Бугай, 1995, с. 9–11; Eisfeld, Herdt, 1996, s. 27–29)
	05	21	ПСНК №911-150сс о переселении 500 кулацких хозяйств из ДАССР и 500 кулацких хозяйств из Ч.-И. АССР	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 36, л. 33
1937	07	17	ПСНК и ЦИК № 103/1127-267сс об организации специальных запретных полос на южных границах СССР	ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 597, л. 292 (Бугай, 1995, с. 17)
	08	21	ПСНК и ЦК № 1428-326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края»	(Бугай, 1992, с. 142–143)

Приложение 2

1937	09	05	ПСНК № 1527-349сс «О порядке расчетов с переселяемыми в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами»	ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 52, л. 29 (Бугай, 1992, с. 143)	
		08	ПСНК № 1539-354сс «О переселении корейцев»	ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 52, л. 30 (Бугай, 1992, с. 144)	
		11	ПСНК № 1571-356сс «О смете расходов по переселению корейцев из Дальневосточного края»	ГАРФ, ф. 54456, оп. 57, д. 52, л. 31 (Бугай, 1992, с. 144)	
		25	ПСНК № 1672-371сс «О сдаче и возвращении зерна у переселяемых корейцев»		
		28	ПСНК № 1697-77 «О выселении корейцев с территории Дальневосточного края»		
10	07	ПСНК № 1722-388сс «О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из Дальневосточного края»	ГАРФ, ф. 54456, оп. 57, д. 52, л. 40 (Бугай, 1992, с. 147).		
1938	10	08	ПСНК № 1084-269сс «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР»	ГАРФ, ф. 5446, оп. 30, д. 29, л. 27–28 (Бугай, 1994в)	
		22	ПСНК № 1143-280 с об освобождения из трудпоселения детей, достигших 16-летнего возраста	(Земсков, 1992, с. 5, 19)	
		11	06	Пост. СНК Каз.ССР и ЦК КП(б) Казахстана «О приеме и расселении 2000 хозяйств переселенцев-иранцев»	ГАРФ, ф. 5446, оп. 30, д. 29, л. 6–10 (Бугай, 1994в)
1939	07	03	Расп. НКВД «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов»	(Земсков, 1991, с. 19)	
		10	11	Пр. НКВД № 001223 о высылке антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии	(These Names Accuse, 1982, р. XXXVI–XXXI)
		12	02	Письмо НКВД №5332 о выселении до 15.01.1940 из Западной Украины и Белоруссии всех семей осадников	АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 199, л. 3–5 (Гурьянов, 1997а, с. 117)
		04	04	Реш. ПБ ЦК ВКП(б) № П9/158 о выселении осадников и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР	АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 199, л. 1–2 (Гурьянов, 1997а, с. 117)
		05	05	ПСНК № 2010-558сс о выселении осадников и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР	АПРФ, ф. 93. Коллекция ПСНК (Гурьянов, 1997а, с. 117)
		29	29	Реш. ПБ № П11/68 о спецпереселенцах-осадниках	АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 199, л. 30–38 (Гурьянов, 1997а, с. 118)
		29	29	ПСНК № 2122-617сс, утвердившее: «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, высяляемых из западных областей УССР и БССР», «Инструкция о порядке переселения осадников из западных областей УССР и БССР» и «Штаты районной и поселковой комендатуры НКВД спецпоселков»	ГАРФ, ф. Р.9479, оп. 1, д. 52, л. 8–10; ф. Р-9401, оп. 1, д. 4475, л. 13 (Бугай, 1995, с. 12); ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 65, л. 163–165 (Гурьянов, 1997а, с. 118)
1940	01	14	Пост. ЦК ВКП(б) и СНК № П11/175 о дополнительном расселении спецпереселенцев-осадников и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцветмета	АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 199, л. 47 (Гурьянов, 1997а, с. 118)	

Приложение 2

1940	01	19	Реш. ПБ ЦК КП(б) Украины «Вопросы, связанные с выселением осадников»	(Филиппов, 1997, с. 52)
	02	27	Указание Главного Управления РККА № 22/181387 «О порядке приписки к призывным участкам трудпоселенческой молодежи»	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, л. 89, л. 20 (Земсков, 1992, с. 3)
	03	02	Реш. ПБ ЦК ВКП(б) № П13/114 о выселении из западных районов УССР и БССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах	АПРФ, ф. 93. Коллекция ПСНК (Гурьянов, 1997а, с. 118)
1941	05	02	ПСНК № 289-127сс о выселении из западных районов УССР и БССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах (фактически было распространено на все западные области СССР, в том числе и на Молд.ССР)	ГАРФ, ф. Р.9479, оп. 1, д. 52, л. 12–13 (Пассат, 1994, с. 24; Бугай, 1995, с. 12); АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 861, л. 93–94 (Гурьянов, 1997а, с. 118)
		10	ПСНК № 497-177сс об утверждении инструкции о выселении лиц, подпадающих под ПСНК от 02.03.1940	ГАРФ, ф. Р.9479, оп. 1, д. 52, л. 13 (Бугай, 1995, с. 13); ГАРФ, ф. 5446, оп. 57, д. 68, л. 123–124
		24	Пр. НКВД б/н «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов и лиц, находящихся на нелегальном положении»	ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 1, л. 284–288
06	23	Пр. НКВД № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей»	ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 1, л. 207–210 (Neues Leben, 28.08.1991; факсимиле — Коцонис, 1997, с. 83, 89).	
1941	05	14	Пост. СНК и ЦК ВКП(б) № 1299-526сс «Об аресте и направлении в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций» (с поручением обсудить вопрос о подобной операции в Западной Белоруссии)	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 57, л. 40–41 (Гурьянов, 1997а, с. 120)
		14	План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, выселяемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР (утвержден Берия)	Пассат, 1994, с. 23–24
		22	УПВС «О военном положении»	(Вед. ВС. 1941, № 29)
		27	Пост. ЦК ВКП(б) «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»	(Изв. ЦК КПСС. 1990, № 6, с. 208–213)
		07	04	Директива НКВД и НКГБ №238-131 «О мероприятиях по выселению социально опасных лиц из районов, объявленных на военном положении»
1941	08	12	Пост. СНК и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»	ГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 20 (Милова, 1995, с. 15)
		12	УПВС № 19-160 «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 49, л. 128
		17	УПВС об освобождении поляков от статуса спецпереселенцев	(Бугай, 1995, с. 192–193)

- 1941 08 19 Дир. НКВД о разрешении освобожденным от спецпоселения полякам проживать на территории СССР (Бугай, 1995, с. 192–193)
- 26 Пост. СНК и ЦК ВКП(б) «О переселении всех немцев Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» (Герман, 1996, с. 139)
- 26 Пост. ВС Ленинградского фронта № 196сс об эвакуации финского населения ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 896, л. 119 (Бугай, 1995, с. 191)
- 27 Пр. НКВД № 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей», с объявлением инструкции ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 1, л. 415–425 (см.: Герман, 1996, с. 138)
- 28 УПВС № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 49, л. 151–154, а также оп. 82, д. 146, л. 184, 185 (Большевик, 30.08.1941; Nachrichten, 30.08.1941; Вед. ВС. 1941, № 38)
- 30 ПСНК № 2016-95 «Об утверждении инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников»
- 30 Пр. НКВД № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из Ленинградской области в Казахскую ССР» ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 1, л. 426–427
- 09 06 Пост. СНК и ЦК ВКП(б) «Об административном устройстве территории б. Республики немцев Поволжья» (Герман, 1996, с. 141)
- 06 ПГКО № 636сс «О переселении немцев из г. Москвы и Московской обл. и Ростовской обл.» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 8, л. 171–172 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 161–162)
- 07 УПВС № 21/160 «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 49, л. 163 (Вед. ВС. 1941, № 40)
- 08 Пр. СВН № 35105 об изъятии из КА военнотружеников немецкой национальности
- 08 Пр. НКВД № 001237 «О проведении операции по переселению немцев из Москвы и Московской обл.», с объявлением инструкции ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 1, л. 430–437 (Neues Leben, 28.08.1991)
- 12 ПСНК и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»
- 21 ПГКО № 698сс «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской обл., КБ и СО АССР» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л. 42–43 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 164–165)
- 22 ПГКО № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской обл.» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л. 62–63 (Милова, 1995, с. 15)
- 22 ПрНКВД № 001347 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской обл., КБ АССР и СО АССР» Бугай, 1992, с. 55–57

Приложение 2

- 1941 09 23 Пр. НКВД № 001354 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской области УССР» ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 1, л. 461–464; ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л. 63 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 165)
- 26 Пр. НКВД № 001398 о реорганизации стройбатальонов НКВД в рабочие колонны
- 10 07 ПСНК № 2130-972сс «О выделении рабочих колонн из военнообязанных»
- 08 ПГКО № 743сс «О переселении немцев из Воронежской обл.» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л. 195 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 166)
- 08 ПГКО № 744сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 10, л. 195 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 167)
- 22 ПГКО № 827сс «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 176 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 168)
- 25 ПГКО «Об образовании Комитета по эвакуации» (Изв. ЦК КПСС. 1991, № 2, с. 219)
- 30 Расп. СНК № 57к «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»
- 11 02 Расп. СНК № 84с «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» ГАРФ, ф. 5446, оп. 56с, д. 42, л. 59–60 (Милова, 1995, с. 16)
- 21 Расп. СНК № 180с «О переселении лиц немецкой национальности из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской области» ГАРФ, ф. 5446, оп. 56с, д. 43, л. 45 (Милова, 1995, с. 16)
- 24 ПГКО о переселении польских граждан из северных областей СССР в КазССР
- 1942 01 06 Расп. СНК № 197сс о переселении немцев из других районов страны
- 10 ПГКО № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 19, л. 49 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 169)
- 02 14 ПГКО № 1281сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках» ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 21, л. 51 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 170)
- 03 09 Реш. Военсовета Ленинградского фронта № 00713 об эвакуации финского населения из Ленинграда и его окрестностей (Бугай, 1985, с. 191)
- 20 Реш. Военсовета Ленинградского фронта № 00714 об эвакуации финского населения из Ленинграда и его окрестностей (Бугай, 1995, с. 45)
- 04 02 Согласие Чернышова не выселять из Крыма караимов (Бугай, 1995, с. 201)
- 03 Пост. Военсовета Ленингр. фронта «Об изъятии из действующей армии военнослужащих финской национальности и переводе их в рабочие батальоны и колонны НКВД» (Киуру, 1992)
- 11 ПГКО № 1575сс о разрешении призывать бывших кулаков на военную службу

Приложение 2

1942	05	29	ПГКО № 1828сс о дополнительном выселении из Краснодарского края и Ростовской области социально-опасных, немцев, румын, крымских татар и иностранно-подданных (греки)	ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 36, л. 170
(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 171;
факсимиле — Коцонис, 1997, с. 88)
		30	ПГКО № 1828 сс о выселении немецкого населения из различных районов страны	
	06	20	РСНК о переселении немцев из некоторых районов страны	
	07	09	Пост. ГКО «О высылке из Ленинграда и пригородных районов социально опасных элементов»	(Киуру, 1992)
	08	20	Пр. НКВД «О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР», с объявлением инструкции	ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 118,
л. 145–149
		26	Пост. ГКО «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пограничных районов Ленинграда»	(Киуру, 1992)
	10	07	ПГКО № 2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства»	ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 61, л. 138–140
(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 172–173)
		14	ПГКО № 2409 «О распространении постановлений ГКО № 1123 и № 1281 на граждан других национальностей воюющих с СССР стран»	
		24	ПСНК и ЦК № 1702 о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию	
		24	ПСНК и ЦК № 1732 о переселении лиц из числа трудящихся и спецпереселенцев для работы на Севере	
1943	01	15	ПСНК о паспортизации лиц, ранее состоявших в польском гражданстве	(Бугай, 1995, с. 194)
	03	02	ПГКО № 3857сс о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию	
	04	15	Совм. директива НКВД и Прокуратуры СССР № 52-6927 о принудительном выселении за пределы КЧАО семей бандглаварей и активных бандитов	(Бугай, 1995, с. 61)
	07	30	Соглашение с польским правительством в изгнании о создании на территории СССР польской армии, а также об амнистии всех польских граждан	(Бугай, 1995, с. 194)
	08	09	Высылка из КЧАО 110 семей (472 чел.) карачаевцев, по директиве от 15.04.1943	(Бугай, 1995, с. 61)
		19	ПГКО № 3960сс о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию	ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 146, л. 108–109
(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 173–175)
	10	12	УПВС № 115/136 «О ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 198, л. 79–80
(ДНС-1, № 6)
		14	ПСНК № 1118-342сс «Вопросы НКВД СССР о выселении лиц карачаевской национальности из Карачаевской АО»	(Бугай, 1995, с. 61–62)
	ок.	15	ПСНК № 1118-346сс о подготовке к приему спецпоселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской обл.	(Бугай, 1995, с. 69)

Приложение 2

1943	11	06	ПСНК № 1221-368 «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской АО Ставропольского края»	
	12	27	УПВС № 115/144 «О ликвидации КАССР и образовании Астраханской обл. в составе РСФСР и об административном устройстве ее территории»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 200, л. 151–152
		28	ПСНК № 1432-425 (525с) о выселении калмыков, проживающих в КАССР, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл.	
1944	01	07	Пр. НКВД № 0013 «Об организации специального Черногорского лагеря в Красноярском крае» (для «фольксдойче»)	ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д.157, л. 7–8
		29	Инструкция НКВД «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей»	(Бугай, Гонов, 1998, с. 142)
		31	ПГКО № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 49, л. 163 (Бугай, Гонов, 1998, с. 143)
		31	ПГКО № 5074сс «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов»	
02	26		Пр. НКВД № 00186сс «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения»	ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 3, л. 315–319 (Бугай, 1995, с. 128–131)
	28		Пр. НКВД № 00193 «О мероприятиях в связи с окончанием операции по выселению чеченцев и ингушей»	ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 3, л. 315–319
03	03		Расп. ГКО № 0741 о направлении на спецпоселение военнослужащих-карачаевцев	(Бугай, 1995, с. 63)
	05		ПГКО № 5309сс «Вопросы НКВД» (о выселении балкарцев из КБ АССР)	
	07		УПВС №116/102 о ликвидации Ч.-И.АССР	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 925, л. 129
	09		ПСНК № 255-74сс «О заселении и освоении районов бывшей ЧИ АССР»	(Бугай, Гонов, 1998, с. 203)
	09		УПВС о ликвидации Калмыцкого р-на Ростовской обл.	
	11		ПСНК № 5473рс о переселении из горных р-нов Дагестана на земли Ауховского р-на ДАССР	Бугай, Гонов, 1998, с. 204
	11		Расп. СНК №5475рс о выселении калмыков из Ростовской обл. в Омскую обл.	(Бугай, 1995, с. 74–75)
	31		Пр. НКВД о ссылке членов семей оуновцев в Красноярский край, Омскую, Новосибирскую и Иркутскую обл.	(Бугай, 1995, с. 205–206)
04	02		ПГКО № 5943сс о выселении крымско-татарского населения с территории КрАССР в УзбССР	(Бугай, 1995, с. 150–151)
	05		ПСНК № 359-105сс о переселении поляков, проживавших в северных и восточных районах, в районы с более подходящим климатом	(Бугай, 1995, с. 195)
	07		УПВС № 116/102 «О ликвидации Ч.-И. АССР и об административном устройстве ее территории»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 208, л. 51–54

Приложение 2

1944	04	08	УПВС № 117/6 «О переселении балкарцев, проживающих в КБ АССР, и о переименовании К.-Б. АССР в Кабардинскую АССР	ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 220, л. 62–65
		13	Совм. пост. НКВД и НКГБ № 00419-00137 «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов»	(Бугай, 1995, с. 149)
		15	Пр. НКВД по розыску и отправке на спецпоселение калмыков, проживавших вне бывшей КАССР	(Бугай, 1995, с. 76)
		25	ПГКО № 5729с о направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую обл. и Якутскую АССР	(Павлова, 1992)
		29	УПВС РСФСР о переименовании районов, отошедших от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии	
	05	04	Директива Ставки Верховного главнокомандования о переселении жителей из 23-км прифронтовой полосы	(Бугай, 1995, с. 215)
		11	ПГКО № 5859сс «О крымских татарах»	(Бугай, 1995, с. 150–151)
		15	УПВС РСФСР о ликвидации Приютнинского р-на Ставропольского края, отошедшего к нему при ликвидации КАССР	
		18	ПСНК СССР № 546 о переселении в Ч.-И. АССР 700 хозяйств аварцев из Грузинской ССР	
		21	ПГКО № 5937 о дополнительном выселении крымско-татарского населения с территории КраССР в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую обл.	(Бугай, 1995, с. 150–151)
		25	Пр. НКВД № 00620/001/190 «О выселении из Кабардинской АССР членов семей немецких ставленников, предателей и изменников Родине, добровольно ушедших с немцами»	ГАРФ, ф. 9401, оп. 2., д. 3, л. 627–629
(Бугай, Гонов, 1998, с. 185–186)
		25	УПВС РСФСР о ликвидации в Астраханской обл. и включении в состав других 4 р-нов, ранее входивших в КАССР	
		29	УПВС РСФСР о переименованиях в бывших балкарских р-нах	
		29	ПСНК № 627-176сс «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпоселенцам-карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам, калмыкам в обмен на принятые от них скот и зерно в местах выселения»	(Бугай, Гонов, 1998, с. 254)
		29	ПГКО № 1828сс о выселении крымских татар и греков из Краснодарского края и Ростовской обл.	(Бугай, 1995, с. 150–151)
	06	22	Пр. НКВД № 0078/42 о выселении украинцев из Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и Донецкой областей УССР	Алиева, 1993, т. 3, с. 140–141, со ссылкой на: ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 70, спр. 997, арк. 91
		24	ПГКО № 6100сс «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта»	(Бугай, 1995, с. 198)

Приложение 2

1944	07	02	ПГКО № 5984сс о выселении из Крыма греков, армян и болгар	ГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 26, л. 64–68 (Бугай, 1995, с. 197)
		11	ПСНК № 854–224сс «О частичном переселении бывших польских граждан» (из вост. р-нов СССР)	ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1, д. 178, л. 287 (Бугай, 1995, с. 196)
		14	Пр. НКВД № 2863-1/12933 о переселении «Истинно-православных христиан»	(Бугай, 1995, с. 217)
		25	РСНК № 15238рс о направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую обл. и Якутскую АССР	(Павлова, 1992)
		26	Расп. СНК № 15372 о переселении 213 чехов из Джамбульской обл. в УССР	(Бугай, 1995, с. 217)
		31	ПГКО № 6279сс «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов турок, курдов и хемшинов»	(Бугай, 1995, с. 169, 1972)
		08	09	Совм. ПСНК и ЦК КП Грузии о выселении из пограничных районов Аджарской АССР 113 хозяйств
Пр. НКВД № 001036 «О выселении из городов Кавминводгруппы курортов семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами»	(Бугай, 1995, с. 202–204)			
09	20	Приказ НКВД «О переселении из пограничных районов Грузинской АССР турок, курдов и хемшинов»	(Бугай, 1995, с. 171–174)	
10	20?	Пост. Крымского обкома ВКП(б) о переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения	(Бугай, 1995, с. 202–204)	
11	06	ПСНК о порядке заселения бывшей Карачаевской АО		
		14	УПВС РСФСР № 621/8 о переименовании 11 районов и 11 райцентров Крымской области	(Червоная, 1997, с. 164)
		н.д.	УПВС Грузинской ССР о переименовании 5 населенных пунктов в Земо-Сванетском районе, образованном на землях, переданных из КБ АССР	
12	29	Пр. НКВД №274 о взятии на учет как спецпереселенцев граждан финской национальности	(Бугай, 1995, с. 192)	
		н.д.	УПВС Груз.ССР о переименовании балкарских названий	
1945	01	06	Пр. НКВД № 008 «О выселении из г. Ставрополя, Черкесской АО, районов Ставропольского края семей коллаборационистов и добровольно ушедших с немцами»	ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 5, л. 51–91
		08	ПСНК № 34-14с «Положение о спецкомендатурах НКВД»	(Зайцев, 1993, с. 114)
		08	ПСНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев»	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 213, л. 1 (Neues Leben. 14.08.1991; Земсков, 1992; Бугай, 1992а, с. 123–124; Зайцев, 1993, с. 113)

Приложение 2

1945	03	05	ПСНК № 399-110сс «О порядке расчета с переселенцами из Грузии за принятое от них имущество»	<i>Бугай, Гонов, 1998, с. 220</i>
	06	30	УПВС «О преобразовании КрАССР в Крымскую обл. ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 349, л. 206 в составе РСФСР»	
	07	18	ПГКО № 9526 «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта»	н.д.
		28	ПСНК № 1927 «О льготах спецпереселенцам»	РГАНИ, ф. 3, оп. 58, д. 179, л. 17 <i>(Бугай, Гонов, 1998, с. 233)</i>
	08	18	ПГКО № 9871 о выселении «власовцев»	<i>(Бугай, 1995, с. 221)</i>
		21	УПВС № 619/3 о переименовании 327 татарских селений в Крыму	<i>(Червоная, 1997, с. 164)</i>
		22	Дир. НКВД № 140 «О направлении прибывших с фронта представителей переселенных народов на места проживания основной группы»	<i>(Бугай, Гонов, 1998, с. 171)</i>
1946	11	28	Расп. СНК № 17074рс о направлении «власовцев» в Свердловскую обл.	<i>(Бугай, 1995, с. 221)</i>
	12	22	ПСНК № 3141-950сс о направлении «власовцев» в Кемеровскую обл.	<i>(Бугай, 1995, с. 221)</i>
	01	05	Пр. НКВД № 3/0-39 о ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности	ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 148, л. 162 <i>(Бугай, 1995, с. 55)</i>
		07	Расп. СМ о направлении «власовцев» в Кемеровскую обл.	<i>(Бугай, 1995, с. 222)</i>
	03	29	ПСМ № 691-271сс «О закреплении за предприятиями Министерства черной металлургии спецконтингентов, подлежащих переселению в северные районы СССР»	
	04	16	Расп. СМ о направлении «власовцев» в К.-Ф. АССР	<i>(Бугай, 1995, с. 222)</i>
		20	Дир. МВД № 97 о направлении легионеров, власовцев и полицейских на спецпоселение сроком на 6 лет	<i>(Зайцев, 1993, с. 114–116)</i>
	06	25	Закон ВС РСФСР об упразднении Ч.-И. АССР и преобразовании КрАССР в Крымскую обл.	
		29	Расп. СМ о направлении «власовцев» в Башкирскую АССР, Каз. и Туркм.ССР, в Молотовскую, Кировскую и Сахалинскую обл.	<i>(Бугай, 1995, с. 222)</i>
	08	05	Расп. СМ № 10297сс о направлении «власовцев» в Горьковскую обл.	<i>(Бугай, 1995, с. 222)</i>
1947		13	ПСМ № 1767-796сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края»	<i>(Бугай, Гонов, 1998 с. 273)</i>
		28	Расп. СМ № 10382сс о направлении «власовцев» в Тадж. ССР	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 17 <i>(Бугай, 1995, с. 222)</i>
	05	07	Расп. СМ «О запрете поселяться финнам в местах прежнего проживания в Ленинграде и области»	<i>(Киуру, 1992)</i>

Приложение 2

1947	08	13	ПСМ о выселении семей осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении активных националистов и бандитов с территории западных областей Украины	
	09	29	ПСМ № 3387-1107сс о выселении за пределы Литовской ССР семей бандитов и бандпособников, кулаков	
	11	26	УПВС «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»	
1948	02	21	ПСМ № 417-160сс о выселении с территории Литовской ССР на спецпоселение семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, а также пособников бандитов, кулаков и их семей	(Бугай, 1995, с. 226)
		21	ПСМ № 418-161сс «О ссылке, высылке и спецпоселениях»	(Иванова, 1997, с. 66–67; см. также: Бугай, 1995, с. 223)
		21	УПВС «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»	(Зайцев, 1993, с. 46)
		21	Пр. НКВД №00544 «О мероприятиях по удалению из г. Ленинграда и Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев, репатриированных из Финляндии»	
		21	ПСМ №417-160сс	(Бугай, 1995, с. 226)
		22	ПСМ № 413-162 о переселении депортированных из Европ. части в Сибирь и Казахстан	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 371, л. 4 (Бугай, 1995, с. 224)
	03	16	Инструкция МГБ к ПСМ № 417-160сс	ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 7351, л. 56–64 (Бугай, 1995, с. 226)
	05	19	УПВС № 745/3 о переименовании 1062 татарских селений в Крыму	(Червоная, 1997, с. 164)
	06	02	ПСМ № 1841-730сс «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущим антиобщественный паразитический образ жизни»	ЦАОДМ, ф. 203.оп. 1, д. 116, л. 10 (Зайцев, 1993, с. 123–124; Иванова, 1997, с. 63, со ссылкой на ЦАОДМ)
	08	09	ПСМ № 2943-210сс о переселении из Азербайджана в УзбССР курдов из отряда М. Барзани	(Бугай, 1995, с. 233)
	10	04	ПСМ СССР N 3728-1524сс о разрешении МГБ СССР выселять на спецпоселение по решению Особого совещания при МГБ СССР семей бандитов, погромщиков, проживающих на территории западных областей УССР	
		06	ПСМ № 3785.1538 о выселении кулаков из Измаильской обл.	(Бугай, 1995, с. 236)
	11	24	ПСМ № 4367-1726сс «О высленцах»	(Бугай, Гонов, 1998, с. 234)
		26	УПВС «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 36, д. 450, л. 87 (Neues Leben. 14.08.1991; Киуру, 1992; Зайцев, 1993, с. 124)

Приложение 2

1948	12	29	ПСМ № 4722 о выселении кулаков и обвиненных в бандитизме с семьями с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области	(Бугай, 1992. с. 46)	
1949	01	29	ПСМ № 390-138сс о выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов	(Пассат, 1994, с. 41)	
	02	28	Приказ МГБ № 0068 об операции «Прибой» на территории Прибалтики	РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 408 (Стродс, 1999, с. 130)	
	04	06	ПСМ № 1290-467сс о выселении с территории Молдавской ССР кулаков, пособников белогвардейцев, участников нелегальных организаций, а также их семей	(Бугай, 1995, с. 238–239)	
	05	17	Реш. ЦК ВКП(б) «О выселении греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство»	(Коцонис, 1997, с. 87, факсимиле)	
		29	ПСМ № 2214-856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства высленцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря»	(Бугай, 1995, с. 239)	
	06	11	Приказ МВД о порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, высленных из Молдавии		
		12	29	ПСМ № 5881-2201сс о выселении с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской обл. семей кулаков, бандитов и осужденных за антисоветскую деятельность	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1 д. 641, л. 368 об. и д. 607, л. 201 (Бугай, 1995, с. 243–244)
1950	01	11	ПСМ № 135-26сс о выселении бывших участников басмаческих банд и членов их семей, проживающих на территории Тадж.ССР	ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 382 (Бугай, 1995, с. 244–245)	
	02	21	ПСМ № 727-269сс о выселении иранцев	(Бугай, 1995, с. 244)	
1951	01	23	ПСМ № 189-88сс о выселении с территории западных областей УССР и БССР семей кулаков	(Бугай, 1995, с. 245)	
	02	13	ПСМ № 377-190сс о переселении бывших военнослужащих армии Андерса	(Бугай, 1995, с. 245)	
	03	03	ПСМ № 667-339сс о выселении активных участников антисоветской секты иеговистов с семьями из УССР, БССР, Молд., Латв., Лит. и Эст.ССР	(Бугай, 1995, с. 245)	
		24	Пост. СМ Молд.ССР «О конфискации и реализации имущества высяляемых с территории Молдавской ССР»	(Пассат, 1994, с. 53)	
	09	05	ПСМ № 3309-1568сс о выселении кулаков и членов их семей, враждебно настроенных против колхозов	ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 641, л. 103 (Бугай, 1995, с. 234, 245)	
		18	Решение ЦК и СМ о выселении с территории западных обл. БССР кулаков с семьями		
	10	09	УПВС об оставлении на спецпоселении навечно 7 наказанных народов, а также греков		

Приложение 2

1951	10	24	Пр. МГБ № 00776 об объявлении под расписку УПВС от 9.10.1951 и об отмене директивы МВД № 97 от 20.04.1946	(Зайцев, 1993, с. 125)	
		11	29	ПСМ СССР N 4893-2113сс о выселении с территории Грузинской ССР антисоветских элементов	
		12	12	Решение ЦК и СМ о выселении из пределов Литовской ССР кулаков и членов их семей, уклонившихся от выселения в октябре 1951 г.	
1952	?	?		ПСМ «Об оставлении на спецпоселении лиц, высланных в период Отечественной войны»	ГАРФ, ф. 9179, оп. 2, д. 611, л. 287–288
	01	14		УПВС о переименовании железнодорожных станций на территории Крымской области	
	03	11		УПВС «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на поселении»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 56, д. 588, л. 1 (Neues Leben. 14.08.1991)
		25		Расп. СМ № 6435рс о выселении кулаков с семьями из БССР навечно	
	04	07		Пост.СМ БССР № 436 о выселении кулаков и членов их семей из Гродненской, Молодеченской, Брестской, Пинской и Полоцкой обл.	(Бугай, 1995, с. 249)
1954	02	19		Указ ПВС о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР	
	07	05		ПСМ № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»	(Павлова, 1992; Бугай, 1995, с. 260)
		16		Пр. Генпрокурора СССР, МВД и КГБ № 127с/0391/078 об освобождении из ссылки на поселение	
		20		Указание Генпрокурора СССР № 12/132с в связи с ПСМ от 5.07.1954	(Зайцев, 1993, с. 126–127)
	08	13		ПСМ № 1738-789сс «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались»	(Зайцев, 1993, с. 127–128; Бугай, 1995, с. 260)
1555	03	10		ПСМ «О выдаче спецпоселенцам паспортов»	(Павлова, 1992)
	05	09		Реш. ЦК КПСС о снятии ограничений по спецпоселению с немцев — членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей	(Бугай, 1995, с. 260)
	08	23		Расп. СМ № 2708рс о призыве детей немцев-спецпоселенцев на военную службу	(Бугай, 1995, с. 260)
	09	17		УПВС «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»	(Полян, 1996, с. 328–329)
	11	24		ПСМ № 1963-1052 «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев»	(Павлова, 1992)
	12	13		УПВС № 129/23 «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 576, л. 79 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 177)

Приложение 2

- 1956 01 17 ПСМ № 62-41сс о снятии ограничений с лиц польской национальности, выселенных в 1936 г. из приграничных с Польшей районов УССР
- 03 10 УПВС «Об отмене УПВС от 31.02.1948 «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»
- 17 УПВС № 134/33 «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 606, л. 66
- 27 УПВС № 139/47 «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении»
- 04 28 УПВС № 0-134/42 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР [турок-месхетинцев], курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»
- 07 16 УПВС № 139/19/20 «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» ГАРФ, ф. 7523, оп. 4, д. 629, л. 201 (Naimark, 1998, p.52)
- 09 22 УПВС № 144/29 «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство»
- 11 09 УПВС УССР о запрещении бывшим руководителям украинского национального подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области УССР
- 12 25 Пост. ЦК КПСС «О территории Ч.-И. АССР» РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 56, л. 103–104 (Naimark, 1998, p.52)
- 1957 01 09 УПВС № 149/11 «Об образовании Калмыцкой АО в составе РСФСР» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 64–67
- 09 УПВС № 149/12 «О преобразовании Черкесской АО в К.-Ч. АО» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 68–69
- 09 УПВС № 149/13 «О преобразовании Кабардинской АССР в К.-Б. АССР» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 70
- 09 УПВС № 149/14 «О восстановлении Ч.-И. АССР в составе РСФСР» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 72–73
- 11 УПВС № 149/22 «О передаче части территории Душетского и Казбегского районов из Грузинской ССР в состав РСФСР» ГАРФ, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 119
- 25 Пр. МВД № 055 «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» ГАРФ, ф. 207, том 14, раздел 15, л. 1–3 (Бугай, Гонов, 1998, с. 283)
- 02 11 Закон «Об утверждении Указов ПВС о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» ГАРФ, ф. 7523, оп. 71, д. 154, л. 27

Приложение 2

1957	02	22	УПВС БССР о запрещении бывшим руководителям и активным участникам белорусских национальных подпольных групп, осужденных, возвращаться в Брестскую, Гродненскую и Молодечненскую обл.	
	10	31	УПВС № 161/29 «О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР»	
1958	07	29	УПВС № 108/1 «О преобразовании Калмыцкой АО в КАССР»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 77, д. 20, л. 8
1959	03	27	ПрМВД №097 «О ликвидации отдела спецпоселений...»	(Лавлова, 1992)
1963	01	07	УПВС «О снятии ограничений со спецпоселенцев, находившихся ранее в националистическом подполье, бывших торговцев, помещиков, фабрикантов, высланных из Западной Украины, Молд. ССР, Лит. СССР, Латв. ССР, Эст. ССР»	
1964	12	06	УПВС «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев»	
	08	29	УПВС «О внесении изменений в УПВС от 28.08.1941 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 82, д. 146, л. 184–185 (Вед.ВС. 1964, № 52, ст. 592)
1967	09	05	УПВС № 1361 «О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму»	ГАРФ, ф. 7523, оп. 92, д. 134, л. 65–66 (Вед.ВС. 1967, № 36, ст. 493)
		05	ППВС «О порядке применения статьи 2 УПВС от 28.04.1956»	(Вед.ВС. 1967, № 36, ст. 494)
1968	05	30	ППВС «О порядке применения в отношении граждан СССР — турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 УПВС от 28.04.1956 и статьи 2 Указа ПВС СССР от 31.12.1957»	(Вед.ВС. 1968, № 23, ст. 188)
1972	11	03	Постановление ПВС СССР N 3521-VIII «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» [немцы, греки, болгары, армяне, бывшие иноподанные греки, турки и иранцы]	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 179)
	12	27	УПВС «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»	
1974	01	09	УПВС «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с Указом ПВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»	
	04	16	Пост. Бюро ЦК КП Казахстана «Об усилении идейно-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 180–183)
1977	06	28	Пост. Бюро ЦК КП Казахстана № Б32-2 «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 185–190)

Приложение 2

1978	04	25	Указание МВД Узб.ССР о запрете органам милиции Узб.ССР выписывать крымских татар, не имеющих справки с будущего места жительства о наличии работы и жилья	(Алексеева, 1992, с. 107)	
	10	15	ПСМ № 700 «О дополнительных мерах по управлению паспортным режимом в Крымской области» (по др. данным — 15.08.1978)	(Алексеева, 1992, с. 107);
(см.: Бугай, 1995, с. 289)	
1979	05	31	Пост. ПБ ЦК № 153/ХІ «Об образовании Немецкой автономной обл.»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 195)	
1986	03	18	Пост. Бюро ЦК КП Казахстана «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности, проживающих в Казахстане»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 216–219)	
1987	12	08	Пост. СМ Грузинской ССР № 600 по проблемам турок-мехетинцев		
		24	ПСМ об ограничении прописки граждан в некоторых населенных пунктах Крымской обл. и Краснодарского края	(Бугай, 1995, с. 289)	
1988	06	24	Пост. СМ Грузинской ССР N 600 по проблемам турок-мехетинцев		
1989	01	16	УПВС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»	Вед. ВС. 1989, № 3, ст. 19	
		11	14	Декларация ВС «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»	(Вед. Съезда народных депутатов и ВС СССР. 1989, № 23, с. 449)
			28	ПВС «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа»	(Вед. ВС. 1989, № 25, с. 495)
		12	21	ПСМ № 1117 «Об образовании Комиссии по организации выполнения ПВС «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 279–280)
1990	01	29	ПСМ № 90 «Об образовании комиссии по проблемам советских немцев»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 287–292)	
		04	06	Реш. Исполнительного Комитета Ульяновского областного Совета Народных Депутатов № 135 «Об организации работы по расселению в Ульяновской обл. советских немцев»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 299–300)
		08	13	Указ През. СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов»	(Советская Россия. 14.08.1990)
		11	24	ПСМ № 1184 «О подготовке и проведении съезда советских немцев»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 349–350)
1991	03	07	УПВС 2031-1 «Об отмене законодательных актов в связи с декларацией ВС от 14.11.1989 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»	(Вед. Съезда народных депутатов СССР и ВС, 1991, № 11, ст. 302)	

Приложение 2

- 1991 03 11 Пост. ВС Украины о преобразовании Крымской области в Крымскую АССР
- 26 Расп. Кабинета Министров СССР № 225р об исполнении ПВС от 07.03.1991 (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 359)
- 04 22 Пост. През. ВС РСФСР «О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 361–362)
- 26 Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 362–363)
- 06 06 Пост. Кабинета Министров СССР № 336 «Об отмене постановлений быв.ГКО и решений правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 382–385)
- 18 Реш. Исполкома Алтайского краевого Совета народных депутатов № 258 «О восстановлении на территории Алтайского края Немецкого национального района» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 386)
- 21 Указ През. СССР «О награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 386–387)
- 07 12 Пост. Кабинета Министров Азерб.ССР № 214 «Об отмене постановлений бывшего ГКО СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся насильственному переселению» (Бугай, Гонов, 1988, с. 18)
- 08 02 Пост. Кабинета Министров СССР № 565 «О комитете по проблемам советских немцев» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 389–391)
- 10 11 3-н РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»
- 15 Пост. Кабинета Министров РСФСР № 546 «Об образовании в составе Государственного комитета РСФСР по делам национальностей Управления по делам народов, не имеющих национально-государственных образований» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 394)
- 18 Закон РСФСР № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» (Вед. Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1428)
- 18 Пост. ВС РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (Вед. Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1429)
- 11 01 Провозглашение ВС Ч.-И. АССР суверенной Чеченской Республики
- 12 06 Пост. През. ВС Груз.ССР № 321 об образовании Комиссии по взаимодействию с Советом общества спасения грузин (месхов) (Бугай, Гонов, 1988, с. 18)
- 1992 01 23 Указ През. Украины № 51 «О создании Украинско-немецкого фонда» (Ауман, Чеботарева, 1993, с. 402–403)

Приложение 2

1992	01	29	Указ През. Республики Кыргызстан «Об образовании в Республике Кыргызстан немецких национальных культурных округов и национальных производственно-коммерческих структур»	(Газета немцев Кыргызстана. 1992, № 1–2)
	02	11	Пост. Кабинета Министров Республики Кыргызстан «О создании в г.Бишкеке Кыргызско-немецкого торгового дома»	(Газета немцев Кыргызстана. 1992, № 1–2)
		21	Указ През. РФ № 231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев»	(Российская газета. 05.03.1992)
04	09		Расп. Правительства РФ № 681.р о создании Комиссии по проблемам российских немцев	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 412–413)
		14	Закон ВС Республики Казахстан «О реабилитации жертв политических репрессий»	(Бугай, 1995, с. 302)
05	21		Указ През. РФ № 514 «О создании в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе агрокомплексов и гарантиях их социально-экономического развития»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 414)
		18	Реш. сессии Большого Совета Энгельсского района Саратовской обл. об отказе в согласии на создание немецкого национального образования	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 415)
		26	Пост. ВС РФ № 3131-I «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории РФ»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 415–416)
1992	06	01	Пост. ВС РФ «О реабилитации казачества»	(Бугай, Гонов, 1988, с. 17)
		15	Указ През. РФ «О реабилитации казачества»	(Бугай, Гонов, 1988, с. 17)
		23	Указ През.РФ «О снятии ограничительных гриффов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»	(Зайцев, 1993, с. 5–6)
		26	Пост. ВС РФ «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории РФ»	(Российская газета. 4.07.1992)
07	04		Закон РФ «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в РФ»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 416–417)
		09	Пост. Правительства РФ № 475 «О подписании протокола о сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством ФРГ с целью поэтапного восстановления государственности советских немцев»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 417–423)
11	02		Указ През. РФ о введении чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта	
12	15		Указ През. РФ № 1562 «О создании фонда «Российские немцы»	(Ауман, Чеботарева, 1993, с. 427)
		22	Закон РФ № 4185.I «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О реабилитации жертв политических репрессий“»	(Российская газета. 06.01.1993)
1993	05	18	Расп. главы Грузинской республики № 106 «Об урегулировании некоторых социальных проблем депортированных месхов»	(Бугай, 1995, с. 302)

Приложение 2

1993	06	29	ПВС РФ о признании российских финнов репрессированным народом	
	07	23	ПВС РФ № 5503-1»О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»	(Вед. Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР, 1993. № 1, ст. 21)
1994	04	14	Указ Президента Украины «О мероприятиях по ознаменованию памяти жертв депортации из Крыма»	(Червонная, 1997, с. 164)
	05	03	Пост. Правительства РФ № 419 «Об утверждении Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий»	
	05	25	Пост. ВС Республики Армения № 1062-1 «О принятии законопроекта «О репрессированных лицах»	
	06	01	Пост. Правительства РФ № 616 «О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства»	
	08	23	Пост. Кабинета Министров Республики Грузия № 589 «О репатриации лиц, депортированных в 1944 году из Самцхве-Джавахе́тии»	(Бугай, Гонов, 1988, с. 19)
1996	06	06	Указ През. РФ «О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев»	

ПРИЛОЖЕНИЕ } }

*Начальник УНКВД по Курской области капитан гб т. Боечин —
Заместителю наркома внутренних дел СССР старшему майору гб т. Жуковскому*

Докладная записка № 800 от 20 марта 1938 года «О плановом переселении из Курской области»

Прошлая практика работы за 1936-1937 гг. по переселению из Курской области показала, что благодаря нечеткому руководству со стороны переселенческого отдела НКВД СССР, легкомысленному отношению к выполнению указаний здесь — на месте, — в ряде случаев имели место факты дискредитации мероприятий по переселению среди населения, что вызывало недовольство со стороны тех, которые должны были быть переселены.

Переселенческий Отдел НКВД СССР спускал директивы по переселению, до утверждения планов переселения Совнаркомом. На основании этих директив здесь приступали к подготовительной работе, а впоследствии по каким-то соображениям эти директивы отменялись, и в результате в районах создавали только шумиху и, по сути говоря, вводили колхозников в заблуждение.

Вот пара конкретных фактов:

1) Переселенческий отдел центра дал ориентировку о том, что в 1937 и 1938 годах из Курской области будет переселено 14 тысяч хозяйств, с предложением обсудить возможность переселения 9 тысяч хозяйств весной 1937 года и 5 тысяч хозяйств весной 1938 года.

Этот вопрос на месте был разработан, возможность переселения указанного количества хозяйств была подтверждена высылкой решения Облисполкома 5 октября 1936 года. После этого была развернута большая разъяснительная работа среди колхозников и началась запись желающих переселиться.

На 7 января 1937 года подавших заявление о желании переселиться было уже 1455 хозяйств. Проходили все сроки, но переселения не было. Лица, подавшие заявления, стали волноваться, осаждали переселенческое отделение десятками, так как часть из

подавших заявления считала, что они уже завербованы, продали дома, выключились из колхозного производства и проедали имевшиеся запасы в ожидании переселения.

В силу создавшегося положения, не имея конкретных указаний Переселенческого отдела центра, Облуправление вынуждено было прекратить работу по вербовке переселенцев и категорически запретить продажу имущества и производство расчетов с колхозами.

В отношении успешных распродаться были приняты меры к отправке их через Облплан, по промышленному переселению.

2) Аналогичное явление произошло с переселением 500 хозяйств в Азово-Черноморский край. Переселенческим отделом центра были даны сроки отправки эшелонов с переселенцами, в связи с этим была проведена вербовка. До 200 хозяйств продали дома. С соответствующими областными организациями были заключены договоры по медико-санаторному и ветеринарному обслуживанию переселенцев и их скота, сделана заявка на вагоны и накануне погрузки переселенцев поступило распоряжение об отмене этого переселения и отзыва уполномоченных мест вселения, прибывших в Курскую область для принятия и сопровождения эшелонов с переселенцами.

Лишь категорическим настоянием удалось отправить 232 хозяйства из общей массы завербованных, которые распродали свои дома (письмо Переселенческого отдела № П-0/1016243 от 20/IV-1937 г. и телеграмма № 0206228).

Я эти факты сообщаю Вам для сведения, во избежание повторения их в будущем».

Источник: РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, ед. хр. 196, л. 23–25 (зарегистрировано в Переселенческом отделе НКВД 28 марта 1938 г. за № 1814).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Декларации ВС СССР

«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забывать нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

Верховный Совет СССР гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране.

Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР
Москва, Кремль, 14 ноября 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА¹

Книги и сборники документов

Азаматов К. Г., Темиржанов М. О., Темукуев Б. Б., Тетуев А. И., Чеченов И. М.

Черекская трагедия. — Нальчик: Эльбрус, 1994. — 201 с.

Алексеева Л. М.

История инакомыслия в СССР. Новейший период. — М.: Весть, 1992. — 352 с.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.

История населения СССР. 1920–1959 гг // Экспресс-информация. Сер. История статистики. Выпуск 3–5 (часть I). — М.: Госкомстат СССР, 1990. — 200 с.

Алиева С. У. (сост.)

Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы: Худож.-док. сб. / В 3 т. — М.: Инсан, 1993. — Т. 1. 337 с.; Т. 2. 336 с.; Т. 3. 352 с.

Аникеев А. А.

Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского Университета, 1990. — 208 с.

Ауман В. А., Чеботарева В. Г. (сост.)

История российских немцев в документах. Том I.: (1763–1992 гг.). — М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993. — 448 с.

Ауман В. А., Чеботарева В. Г. (сост.)

История российских немцев в документах. Том II: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). — М.: Российский экономический журнал, 1994. — 510 с.

Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-е годы. Кн. 1. — М., 1992. — 204 с.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.): Сб. документов / МИД СССР.

Гл. ред. комис.: А. А. Громыко (гл. ред.), И. Н. Земсков и др. — М.: Политиздат, 1984. —

¹ В библиографию включены не все, а лишь основные источники, использованные в настоящем исследовании. Ссылки на однократно встречающиеся публикации даются непосредственно в примечаниях и в общий список не выносятся.

511 с. — (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; Т. VI).

Битва за Берлин. (Красная армия в поверженной Германии): Документы и материалы / Русский архив: Великая Отечественная. — М.: Терра, 1995. — Т. 15 (4–5). — 616 с.

Бугай Н. Ф.

Операция «Улусы». Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. — 88 с.

Бугай Н. Ф. (сост.)

Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. — М.: Дружба народов, 1992. — 286 с.

Бугай Н. Ф.

«По сведениям НКВД были переселены...». — Киев, 1992. — 48 с.

Бугай Н. Ф.

Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). — М.: Изд. дом «РОСС», 1994. — 162 с.

Бугай Н. Ф.

Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М.: АИРО-XX, 1995. — 320 с.

Бугай Н. Ф.

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). — М.: Готика, 1998. — 350 с.

Бугай Н. Ф.

Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России) / Под ред. М. Н. Губогло. — М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1998. — 340 с.

Бугай Н. Ф., Броев Т. М., Броев Р. М.

Советские курды: время перемен. — М.: Капъ, 1993. — 192 с.

Бугай Н. Ф., Гонов А. М.

Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). — М.: Инсан, 1998. — 368 с.

Вербицкий Г. Г.

Почта остарбайтеров Второй мировой войны. Документы и переписка. — Tenafly: Hermitage, 1996. — 232 р. — (На русск. и англ. яз.).

Вермель С. С.

Московское изгнание (1891–1892 гг.): (Впечатления, воспоминания). — М., 1924. — 45 с.

Вишневский А. Г.

Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: О.Г.И., 1998. — 429 с.

Гакаев Д.

Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 частях. — М: Чеченский культурный центр, 1997. — 474 с.

Герман А. А.

История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах / Сер.: История и этнография российских немцев. — М.: Готика, 1996. — 270 с., илл.

Гонов А. М.

Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы XX века). — Нальчик, 1998. — 106 с.

Гроссман В., Эренбург И. (сост.)

Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. — Вильнюс: Иад, 1993. — 608 с.

Дугас И. А., Черон Ф. Я.

Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным / Исследования новейшей русской истории. — Париж: YMCA-Press, 1994. — Т. 11. — 433 с.

Дугин А. Н.

Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. — М.: Наука, 1999. — 103 с.

Зайцев Е. А. (сост.)

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М.: Республика, 1993. — 224 с.

Здравомыслов А. Г.

Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. — М.: Аспект-Пресс, 1997. — 286 с.

Здравомыслов А. Г.

Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. — М.: Росспэн, 1998. — 128 с.

Иванова Г. М.

Гулаг в системе тоталитарного государства. — М.: Московский общественный научный фонд, 1997. — 228 с.

Ивницкий Н. А.

Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. — М.: Магист, 1997. — 288 с.

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. — 491 с.

Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931. — Петрозаводск, 1991. — 295 с.

История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. — М.: 1993. — 447 с. (сокращенно: ИРНД-1)

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб. — М.: Межгосударств. стат. комитет Содружества Независимых Государств, 1995. — 128 с.

Кабузан В. М.

Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. — СПб.: Блиц, 1996. — 352 с.

Ким Г. Н.

Социально-культурное развитие корейцев Казахстана / Научно-аналитический обзор. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1989. — 60 с.

Кнышевский П.

Добыча. Тайны германских репараций. — М.: Соратник, 1994. — 144 с.

Кокурин А. И., Петров Н. В. (сост.)

Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. Справочник / Сер.: Россия. XX век. Документы. — М.: Международный фонд «Демократия», 1997. — 350 с.

Красильников С. А., Кузнецова В. Л., Осташко Т. Н., Павлова Т. Ф., Пащенко Л. С., Суханова Р. К. (сост.)

Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 — весна 1931 года. — Новосибирск: Экор, 1992. — 286 с.

Красильников С. А., Кузнецова В. Л., Осташко Т. Н., Павлова Т. Ф., Пащенко Л. С., Суханова Р. К. (сост.)

Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 — начало 1933 года. — Новосибирск: Экор, 1993. — 342 с.

Красильников С. А., Кузнецова В. Л., Осташко Т. Н., Павлова Т. Ф., Пащенко Л. С., Суханова Р. К. (сост.)

Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933 — 1938. — Новосибирск: Экор, 1994. — 310 с.

Красильников С. А., Нохотович Д. Н., Осташко Т. Н., Павлова Т. Ф., Пащенко Л. С., Сомонова С. В., Суханова Р. К. (сост.)

Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1939–1945. — Новосибирск: Экор, 1996. — 234 с.

Кривошеина Н. А.

Четыре трети нашей жизни / Всероссийская мемуарная библиотека. Т. 2. — Париж: YMCA-Press, 1984. — 282 с. — (Сер.: Наше недавнее).

[Критчлоу Д.]

Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций / Отчет хельсинкской группы по правам человека. — [Место изд. не указано]: Helsinki Watch, а Committee of Human Rights Watch. — 1991. — 98 с.

Крым многонациональный: вопросы и ответы. — Симферополь: Таврия, 1988. — Вып. 1. 143 с.

Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г.: Сб. документов / МИД СССР. Гл. ред. комис.: А. А. Громыко (гл. ред.), И. Н. Земсков и др. — Т. IV. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Политиздат, 1984. — 302 с.

Курбанова Ш. И.

Переселение: как это было. — Душанбе: Ирфон, 1993. — 86 с.

Лугин И. А.

Поллотка свободы / Всерос. мемуарная б-ка. — Париж: YMCA-Press, 1987. Т. 6. — С. 159–294. — (Сер.: Наше недавнее).

Милова О. Л. (сост.)

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 1. Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. — Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII. Предисл. О. Л. Миловой. — М.: 1992. — 353 с.

Милова О. Л. (сост.)

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 — февраль 1942 гг.). — 300 экз. — Материалы к сер.: Народы и культуры. Часть 2. — М.: 1995. — 248 с.

Макшеев В. Н. (сост.)

Нарымская хроника. — М.: Русский путь. 1997. Т. 3. — 256 с. — (Сер.: Исследования новейшей русской истории).

Материалы по истории русского освободительного движения: Статьи, документы, воспоминания / Под общей ред. А. В. О कोरोкова. — М.: Архив РОА, 1999. — Вып. 4. — 568 с.

Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В. А. Тишков. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. — 238 с.

Мукомель В. И.

Депортированные народы в Средней Азии: проблемы и перспективы социально-демографического развития. — Ашхабад, 1991.

Народонаселение. Энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с.

Народы России. Энциклопедия / Отв. ред. В. А. Тишков. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 479 с.

Народы России: проблемы депортации и реабилитации. — Майкоп: Меоты, 1997. — 197 с.

Некрич А.

Наказанные народы. — Нью-Йорк: Хроника, 1978. — 170 с.

Осипов А. Г.

Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. — М.: Звенья. — 1999. — 224 с.

Осипов А. Г., Черепова О. И.

Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае (Положение месхетинских турок). — М.: Мемориал, 1996. — 112 с.

«Особая папка» Берии. Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1946–1949 гг. Каталог документов / Отв. ред. М. А. Колеров. Сост.: Е. Д. Гринько, Е. А. Данилина, О. К. Локтева, К. Г. Лященко. — М., Серия «Каталоги», 1996. — 681 с. — (Сер.: Архив новейшей истории России. Том. IV).

Палибин Н. В.

Записки советского адвоката. 20–30-е годы / Всероссийская мемуарная библиотека. — Париж: YMCA-Press, 1988. Т. 9. — 203 с. — Сер.: Наше недавнее.

Парсаданова В. С.

Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — М.: Наука, 1982. — 280 с.

Пассат В. И.

Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950. — М.: Терра, 1994. — 800 с.

Полян П. М.

Жертвы двух диктатур. Военнопленные и остарбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация. — М.: ЦИРЗ «Ваш выбор», 1996. — 440 с.

Полян П. М.

География принудительных миграций в СССР: Автореф. дисс. докт. геогр. наук. — М.: Институт географии РАН, 1998. — 40 с.

Полян П. М.

«Вестарбайтеры»: интернированные немцы в СССР (предыстория, история, география) / Учебное пособие для спецкурса. — Ставрополь—Москва: Изд-во СГУ, 1999. — 48 с.

Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. — М.: Звенья, 1997. — 256 с.

Репрессии против советских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. Щербакова И. Л. — М.: Звенья, 1999. — 288 с. — (По материалам конференции «Репрессии против советских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», проведенной Немецким культурным центром им. Гете в Москве совместно с обществом «Мемориал» 18–20 ноября 1998 года).

Славко Т. И.

Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936. — М.: Мосгорархив, 1995. — 175 с. — (Сер.: Десять новых учебников по историческим дисциплинам).

Смирнов М. Б. (сост.)

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. — М.: Звенья, 1998. — 600 с.

Советские немцы: история и современность / Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М.: 1990. — 382 с.

Солженицын А. И.

Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. В 3 т. и 7 частях. — Париж: YMCA-Press, 1973–1975.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. / Сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. — М.: Междунар. отношения, 1996. — 784 с.

Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. — Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. — 264 с.

Толстой Н.

Жертвы Ялты / Пер. с англ. Е. С. Гессен / Исследования новейшей русской истории. — Париж: YMCA-Press, 1988. Т. 7. — 530 с.

Убушаев В.

Калмыки. Выселение и возвращение. — Элиста: Санан, 1991. — 96 с.

Хребтович-Бутенева О. А.

Перелом (1939–1942) / Всероссийская мемуарная библиотека. Париж: YMCA-Press, 1984.
Т. 3. — 229 с. — (Сер.: Наше недавнее).

Червонная С. М.

Крымскотатарское национальное движение (1991–1993 гг.). — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. — 24 с. — (Сер.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 57).

Шабает Д. В.

Правда о выселении балкарцев. Изд-е 2-е, доп. — Нальчик: Эльбрус, 1994. — 288 с.

Ширер У.

Взлет и падение Третьего Рейха / Пер. с англ. Предис. и ред. О. А. Ржешевского. В 2 т. — М.: Воениздат, 1991. — Т. 1. 653 с.; Т. 2. 528 с.)

Цуцьев А. А.

Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития / Историко-социологический очерк. — М.: Росспэн, 1998. — 200 с.

Aly G.

«Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord der europäischen Juden. — Frankfurt-am-Main, 1995. — 446 s.

Beer S.

Judenburg 1945 — im Spiegel britischer Besatzungsakten / Judenburger Museumschriften. — Judenburg, 1990. — Bd. X. — S. 1–67.

Conquest R.

Soviet deportations of nationalities — London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960. — 204 p.

Dahlman D., Hirschfeld G. (Hg.)

Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945 / Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte — Neue Folge. Hg. von G. Hirschfeld, Bd. 10. — Essen: Klartextverlag, 1999. — 600 s.

Dallin A. J.

Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. — Düsseldorf: Droste Verlag, 1958.

Didier F.

Europa arbeitet in Deutschland. Sauckel mobilisiert die Leistungsreserven. — Berlin: Zentralverlag der NSDAP Franz Eher Nachf. G.M.B.H., 1943.

Dokumentation der Vertreibung der deutschen aus Ost-Mittleuropa / Bearb. von T. Schieder. Bd. 1–5. Wolfenbüttel, 1953–1961.

Die deutschen Vertreibungsverluste. Bevölkerungsbilanzen für die deutschen Vertreibungsgebiete 1939/50. Wiesbaden, 1958.

Eisfeld A., Herdt V. (Hrsg.)

Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 / Der Göttinger Arbeitskreis: Veröffentlichung Nr. 453. — Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. — 555 s.

Gatterbauer R. H.

Arbeitseinsatz und Behandlung der Kriegsgefangenen in der Ostmark während des Zweiten Weltkrieges (Dissertation). — Salzburg, 1975. — 399 s.

Gilbert M.

Atlas of Russian History. — Dorset Press, 1985. — 148 p.

Gross J.

Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 1988. — XXII, 334 p.

Herbert U.

Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. — Berlin; Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf., 1986. — 494 s.

The Holdings of the Berlin document center. A Guide to the Collection. — Berlin: The Berlin Documentation Center, 1994. — 224 p.

Homse Ed. L.

Foreign Labor in Nazi Germany. — Princeton University Press. Princeton, New Jersey. — 1967. — 350 p.

Jacobmeyer W.

Vom Zwangsarbeiter zum Heimatlosen Ausländer. Die Displaced Persons in Deutschland. 1941–1945 / Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. — Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht in Göttingen, 1985. Bd. 65. — 324 s.

Jakobson M.

Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917–1934. — Louisville: University Press of Kentucky, 1993.

Karner S.

Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956 / Kriegsfolgen-Forschung. — Wien; München: R.Oldenbourg Verlag, 1995. Bd. 1. — 269 s.

Lewin M.

Russia, USSR, Russia: The Drive and Drift of a Superstate. — New York: New Press, 1995. — XIV, 368 p.

Lohr E.

Enemy Allien Policies Within the Russian Empire During World War I / Dissertation. — Harvard University, 1999.

Magocsi P. R.

Historical Atlas of East Central Europe. Seattle, London: University of Washington Press, 1993. — XIII, 218 p.

Malcolm J.

Proudfoot. European Refugees. — London, 1957.

Mitzka H.

Zur Geschichte der Massendeportationen von Ostdeutschen in die Sowjetunion im Jahre 1945: ein historisch-politischer Beitrag. — Einhausen: Atelier Huber, 1987. — 53 s.

Naimark N.

Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. — Berlin: Propyläen, 1997. — 719 s.

Naimark N. M.

Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe / The Donald W. Treagold Papers in Russian East European and Central Asian Studies. — The Henry M. Jackson Scholl of International Studies. The University of Washington. — October 1998. — No. 19. — 54 p.

Nekrich A.

The Punished Peoples. The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York: W. W. Norton, 1979. — 170 p.

Ostdeutschland und die deutschen Siedlungsgebiete in Ost- und Südosteuropa in Karte, Bild und Wort / Bearbeitet von F. Dörf, W. Kerl und Osmipreß GmbH. — München: Südwestverlag, 1991. — 65 s.

Pfahmann H.

Fremdarbeiter und Kriegsgefangenen in der Deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945 / Beiträge zur Wehrforschung. — Darmstadt: Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft GMBH, [1968]. — Bd. XVI–XVII. — 238 s.

Pohl J. O.

The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930–1953. — Jefferson, North Carolina and London: McFarland & Company, Inc., Publishes, 1997. — 165 p.

Der Prozess gegen die Hauptverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg. 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. — Nürnberg, 1948.

Rhode G.

Phasen und Formen der Massenzwangswanderungen in Europa / Die Vertriebenen in Westdeutschland. Bd. 1. — Kiel, 1959.

Sobczak J.

Hitlerowskie przesiedlenia ludności niemieckiej w dobie II wojny Światowej. — Poznań, 1966. — 372 p.

Speer A.

Erinnerungen. — Augsburg: Weltbild Verlag GmbH, 1993. — 611 s.

Streibel R. (Hg.)

Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. — Wien, Picus-Verlag, 1994. — 296 s.

Streit C.

Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. — 2. Auflage. — Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf, 1991 — 448 S.

Stuhlpfarrer K.

Umsiedlung Südtirol 1939–1940. — Wien, 1985.

These Names Accuse: Nominal list of Latvians deported to Soviet Russia un 1940–41.

2nd edition with supplementary list. — Stockholm: 1982. — 678 p.

Ther, P.

Deutsche und polnische Vertriebene: Gesellschaft und Vertriebenenpolitik in der SBZ/DDR und in Polen 1945–1956, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft 127).

UNRRA in Europe 1945–1947. UNRRA European Office / Operational Analysis Paper. — London, 1947. — June. — No 49.

Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1978. Bericht des Bundesarchivs vom 28.05.1974. Archivalien und ausgewählte Erlebnisberichte / Red., Spieler S. — Bonn: Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1989. — 335 p.

Weber G., Weber-Schlenther R., Sill O., Kneer G.

Die Deportation von Siebenbürger Sachsen in die Sowjetunion 1945-1949. Köln — Weimar: Böhlau Verlag, 1996. — Bd. 1–3. (2452 S.).

Weischer H.

Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Heessen (Hamm) 1942–1945 / Vorwort von L. Kopelew. — Essen: Klartext Verlag, 1992 — 320 s.

Wysocki G.

Arbeit für den Krieg. Herrschaftsmechanismen in der Rüstungsindustrie des «Dritten Reiches». Arbeitseinsatz, Sozialpolitik und staatspolizeiliche Repression bei den Reichswerken «Hermann Göring» im Salzgitter-Gebiet 1937/38 bis 1945. — Braunschweig: Steinweg-Verlag, 1992.

Статьи и публикации

Абылхожаев Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.

Казахстанская трагедия // ВИ. 1989. № 7. С. 53–71.

Адибеков Г. М.

Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации» // ИА. 1994. № 4. С. 145–180.

Ауман В. А., Чеботарева В. Г.

Гордиев узел немецких национальных проблем // Ауман, Чеботарева, 1993. С. 3–10.

Бараташвили А., Бараташвили К.

Мы — месхи // Литературная Грузия. 1988. № 9.

Белковец Л.

Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 158–179.

Белицер Н., Бодрук О.

Крым как регион потенциального конфликта // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 2: Россия, Украина, Белоруссия. М., 1997. С. 83–113.

Боков Х.

Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. № 1. С. 160–167.

Бройдо Я. Б., Прохоров В. Ю.

Турки-месхетинцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 342–343.

Бугай Н. Ф.

К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // ВИ. 1989. № 6. С. 135–143.

Бугай Н. Ф.

О депортации калмыцкого народа // Теачин Герл (Элиста). 1990. № 3. С. 20–30.

Бугай Н. Ф.

Депортация // Политический собеседник (Минск). 1990а. № 6. С. 39–41.

Бугай Н. Ф.

Правда о депортации чеченского и ингушского народов // ВИ. 1990б. № 7. С. 32–44.

Бугай Н. Ф.

Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал (Киев). 1990в. № 10. С. 32–45.

Бугай Н. Ф.

Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал (Киев). 1990г. № 11. С. 20–25.

Бугай Н. Ф.

Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений // История СССР. 1991а. № 1. С. 143–160.

Бугай Н. Ф.

«Выселение произвести по приказу тов. Берии...» // Исторические науки в Молдове. 1991б. № 1. С. 64–68.

Бугай Н. Ф.

40-е годы: «Автономии немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991в. № 2. С. 172–180.

Бугай Н. Ф.

Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991г. № 3. С. 123–128.

Бугай Н. Ф.

Север в политике переселения народов // Север (Петрозаводск). 1991д. № 4. С. 92–98.

Бугай Н. Ф.

Шли поезда на восток // Политический собеседник (Минск). 1991е. № 5. С. 33, 61–63.

Бугай Н. Ф.

Депортационные и миграционные процессы в Центральном Черноземье: 40-е годы // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Воронеж, 1991ж. С. 17–20.

Бугай Н. Ф.

Конец 30-х–40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Труды ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра АН СССР. Сыктывкар, 1991з. Вып. 52. С. 84–97.

Бугай Н. Ф.

«Настоящим докладываем, на основе указаний депортируются...» (О переселении народов в Башкирию в 40–50-е годы // Страницы истории башкирской истории: новые факты, взгляды, оценки. Уфа, 1991и. С. 69–77.

Бугай Н. Ф.

40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД—МВД СССР) // История СССР. 1992а. № 1. С. 122–143.

Бугай Н. Ф.

Депортация крымских татар в 1944 г // Украинский исторический журнал (Киев). 1992б. № 16. С. 29–44.

Бугай Н. Ф.

Ингерманландцы под грифом «секретно» // Север (Петрозаводск). 1992в. № 3. С. 123–128.

Бугай Н. Ф.

«Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1992г. № 4. С. 152–161.

Бугай Н. Ф.

20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // ОИ. 1992д. № 4. С. 37–49.

Бугай Н. Ф.

Харуки Вада. Из истории депортации «русских корейцев» // Дружба народов. 1992е. № 7. С. 218–224.

Бугай Н. Ф.

О выселении корейцев из Дальневосточного края // ОИ. 1992ж. № 6. С. 141–168.

Бугай Н. Ф.

Из истории депортаций и трудоустройства корейцев в Казахстане и Узбекистане // Информационный вестник Евразийской Ассоциации корейцев «Корен». Вып. 2. М., 1992з. С. 54–94.

Бугай Н. Ф.

40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 1993а. № 2. С. 172–177.

Бугай Н. Ф.

О переселении и депортациях еврейского населения в СССР // ОИ. 1993б. № 2. С. 175–185.

Бугай Н. Ф.

Власть сатаны. О депортациях народов из Прибалтики в 40–50-е годы // Молодая Гвардия. 1993г. № 4. С. 40–48.

Бугай Н. Ф.

20–50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. 1993д. № 11. С. 122–127.

Бугай Н. Ф.

Репрессированные народы: казаки // Шпион. 1994а. № 1. С. 38–68.

Бугай Н. Ф.

Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // ВИ. 1994б. № 5. С. 141–148.

Бугай Н. Ф.

О депортациях иранцев из Азербайджана и Казахстана // Восток. 1994в. № 6. С. 146–154.

Бугай Н. Ф.

Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 84–94.

Бруль В.

Депортированные народы в Сибири (1935–1965) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 95–118.

Букалов Д.

Остарбайтеры Донбасса // Корни травы. Сб. статей молодых историков. М.: Мемориал, 1996. С. 155–159.

Бургарт Л.

Судьба человека — судьба народа. Личные дела немцев-спецпереселенцев как источник по проблеме депортации и режима спецпоселения // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 180–187.

Веригин С. Г., Суни Л. В.

Переселение ингерманландцев в Карелию в конце 1940-х годов // Материалы серии «Народы и культура». Вып. XVI. Карелы. Финны. М., 1992. С. 200–216.

Вормсбехер Г.

Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.

Вылцан М. А.

Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44.

Генис В. Л.

Расказачивание в Советской России // ВИ. 1994. № 1. С. 42–56.

Генис В. Л.

Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // ВИ. 1998. № 1. С. 44–58.

Глезер О. Б., Полян П. М.

Карта депортаций народов в СССР 30–50-х годов // Московские новости. 1991. № 26. 30 июня. С. 6.

Гурьянов А. Э.

Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М.: Звенья, 1997. С. 114–136.

Гурьянов А. Э.

Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М.: Звенья, 1997. С. 137–175.

Данилов В. П., Ивницкий Н. А.

О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 9–50.

Данилов В. П., Красильников С. А. Предисловие // Красильников С. А., В. Л. Кузнецова и др.

Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 — начало 1933 года. Новосибирск: Экор, 1993. С. 3–9.

Дугин А.

Сталинизм (Легенды и факты) // Слово. 1990. № 7. С. 23–26.

Дугин А. Н.

Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90–101.

Дугин А. Н., Малыгин А. Я.

Солженицын, Рыбаков: технология лжи // ВИЖ. 1991. № 7. С. 68–73.

Зайончковская Ж. А., Полян П. М.

Остарбайтеры: в Германии и дома (По материалам анкетного обследования) // In Memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. Санкт-Петербург, 1995. С. 396–413.

Зеленин И. Е.

О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.

Земсков В. Н.

К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990а. № 4. С. 26–41.

Земсков В. Н.

«Черные дыры» истории // Радуга. 1990б. № 9. С. 56–62.

Земсков В. Н.

«Кулацкая ссылка» в 30-е годы // СИ. 1990в. № 10. С. 3–21.

Земсков В. Н.

Спецпоселенцы (по документам НКВД—МВД СССР) // СИ. 1990г. № 11. С. 3–17.

Земсков В. Н.

Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) // СИ. 1991а. № 1. С. 5–26.

Земсков В. Н.

Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // СИ. 1991б. № 2. С. 74–75.

Земсков В. Н.

Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // СИ. 1991в. № 5. С. 151–165.

Земсков В. Н.

«Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // СИ. 1992. № 2. С. 3–26.

Земсков В.

Репатриация советских граждан в 1945–1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI. 1993. № 5. С. 74–81.

Земсков В. Н.

Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. — М., 1994а. — С. 145–194.

Земсков В. Н.

Судьба «кулацкой ссылки» (1930 — 1954 гг.) // ОИ. 1994б. № 1. С. 118–147.

Земсков В. Н.

Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // СИ. 1995а. № 5. С. 3–13.

Земсков В.

Некоторые проблемы репатриации советских перемещенных лиц // Россия XXI. 1995б. № 5–6. С. 183–192.

Земсков В. Н.

Заклученные в 30-е годы (демографический аспект) // СИ. 1996. № 7 С. 3–14.

Ибрагимбейли Х. М.

Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4. С. 58–63.

Иванов В. А.

Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.) // Новый часовой. Русский военно-политический журнал. № 6–7. СПб., 1998. С. 118–130.

Илларионова Т.

Реабилитация: трудный путь из тупика. Проблемы российских немцев в советско-западногерманских переговорах 1957–1958 гг // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 237–252.

Ионцев В. А.

Депортация народов // Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 124–125.

Исупов В. А.

Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 180–201.

Ким С.

Исповедь сорен-сарам-советского человека // Дружба народов. 1989. № 4. С. 168–195.

Кириллов В.

Советские немцы в Тагиллаге // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 146–148.

Киуру Э.

Российские финны до сих пор не реабилитированы // Известия. 1992. 25 февраля.

Кичихин А. Н.

Советские немцы: откуда, куда и почему? // ВИЖ. 1990. № 9. С. 26–28.

Кнышевский П. Н.

Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // ВИ. 1994. № 2. С. 53–65.

Кокурин А. И.

Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 98–111.

Кокурин А. И.

ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина. Август 1944 г. // ИА. 1995. № 3. С. 60–86.

Конасов В. Б., Терещук А. В.

«Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337.

Кондаков Г. И.

Остров Олдерни (Великобритания) и Франция // Комолова Н. П. (отв. ред.). Советские люди в Европейском сопротивлении. (Воспоминания и документы). Часть II. М., 1991. С. 256–361. (Публ. Г. А. Чернаковой).

Коцонис А. Н.

Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 80–89.

Красильников С. А.

«...Свободный труд свободно собравшихся людей» // ЭКО. Новосибирск, 1991. № 8. С. 183–196.

Кригер В.

В начале пути. Часть 3: Демографические и миграционные процессы среди немецкого населения СССР (СНГ) // Восточный экспресс (Ален).— 1997. № 8. С. 5.

Крупник И. И., Куповецкий М. С.

«Лаклухи»: курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. 1988. № 2. С. 102–111.

Куповецкий М. С.

Евреи из Мешхеда и Герата в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 54–63.

Куркчи А.

Крымские татары // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1991. Альманах № 1. С. 184–196.

Курцев А. Н.

Беженцы первой мировой войны в России в 1914–1917 гг. // ВИ. 1998. № 8. С.

Маламуд Г.

Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 128–145.

Мудуев Ш. С.

Влияние принудительной миграции на расселение лакцев (на примере Лакского, Кулинского и Новолакского районов) // Новолуние (Махачкала). 1993. № 2. С. 36–59.

Мукомель В.

Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 298–324.

Нелипович С. Г.

Репрессии против подданных «центральных держав» // ВИЖ. 1996. № 6. С. 32–42.

Оккупация: I. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных

материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. // Публ. В. Козлова, С. Сомоновой и Н. Тепцова; II. Документы штаб-квартиры фюрера и немецкого командования о положении в оккупированных восточных областях // Публ. А. Пономарева // *Неизвестная Россия*. XX век. М.: Мосгорархив, 1993. Вып. IV. С. 231–365.

Осипов А.

Официальные идеологемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект) // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. М., 1997. С. 250–297.

Осокина Е. А.

Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 18–26.

Охотин Н., Рогинский А.

Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // *Репрессии против советских немцев. Наказанный народ*. М., 1999. С. 35–74.

Павлова Т. Ф.

Документы ЦГАОР СССР по истории депортации народов в 40–50-е годы // *ДНС-1*, с. 7–28.

Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б.

Месхетинские турки // *ВИ*. 1991. № 9–10. С. 212–217.

Парсаданова В. С.

Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // *НИИ*. 1989. № 2. С. 26–44.

Пашков А., Дударец Г.

Депортации на Сахалине // *Карта* (Рязань). 1994. № 5. С. 14–17.

Полян П. М.

К вопросу о плановом переселении с гор на равнину // *Проблемы социально-экономического развития горных территорий Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону, 1989. С. 58–60.

Полян П. М.

Человек и большой террор // *Знамя*, 1990а. № 1. С. 230–234.

Полян П. М. (предисл.)

Победа над деревней: цель и результат // С. Максудов. *Начало 37 года: перепись* // *Сельская молодежь*. 1990б. № 9. С. 46–51.

Полян П. М.

Не по своей воле // *Гражданское достоинство*. 1990в. № 16. Апрель. С. 5.

Полян П. М.

Принудительные миграции в СССР // *PM* 1990г. 18 мая.

Полян П. М.

Спецконтингент // *Миграция населения*. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения. 1992. С. 48–60.

Полян П. М.

Великое переселение немцев // *Европа-Центр* (Берлин). 1997а. № 14. 18 июня. С. 6.

Полян П. М.

«Репарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудоустройства «интернированных и мобилизованных» немецких гражданских лиц в СССР // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г., г. Вологда. Часть 2. Вологда, 1997б. С. 59–67.

Полян П. М.

Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СССР, 1999а. С. 265–276.

Полян П. М.

Остарбайтеры и вестарбайтеры // Русская мысль. 1999б. № 4285. 23–29 сентября. С. 18.

Полян П. М.

Депортации евреев в России // Форвард (Нью-Йорк). 1999в. № 206. 5–11 ноября. С. 9.

Полян П. М.

География принудительных миграций в СССР // Изв. Академии наук. Сер. геогр. 1999г. № 6. С. 55–62.

Полян П. М.

География насильственных миграций в СССР // Население и общество. Информационный бюллетень Центра по демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 37. Июнь 1999д. 4 с.

Полян П. М.

Вестарбайтеры. Интернированные немцы на советских стройках // Родина. 1999е. № 9. С. 21–25.

Полян П. М.

Не по своей воле // Природа. 2000. № 2. С. 3–12.

Прокуменщиков М.

«Националистические элементы постоянно провоцировали выступления». Как накалялась обстановка в Чечено-Ингушетии // Источник. 1997. № 4. С. 48–64.

Семиряга М.

Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. 1994. № 15. С. 56–57.

Сидоренко В.П.

«Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943–1944 // Исторический архив. 2000. № 3. С. 66–89.

Силаева О.

Из истории без вины виноватых // Аргументы и факты. 1991. 7 февраля. С. 2.

Стрелецкий В.

Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 225–249.

Стродс Х. П.

Депортация населения Прибалтийских стран // ВИ. 1999. № 9. С. 130–136.

Филиппов С. Г.

Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М.: Звенья, 1997. С. 44–76.

Хольквист П.

Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте. Тотальная мобилизация и «политика населения» // *Rossia*. 1998. Vol. XXI. No.11/12. С. 26–54.

Цаплин В. В.

Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // *ВИ*. 1989. № 4. С. 175–181.

Чебриков В.

О выселении в 40–50 годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР // *Источник*. 1996. № 1. С.

Чебыкина Т.

Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 118–127.

Червонная С. М.

Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы // *Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение*. М., 1997. С. 145–182.

Чернова Т.

Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной литературы) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ М., 1999. С. 261–278.

Шевяков А. А.

Гитлеровский геноцид на территориях СССР // *СИ*. 1991. № 12. С. 3–11.

Шевяков А. А.

Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. трудов*. М., 1994. С. 195–222.

Эркенов Э.

Чеченцы и ингуши: Пакет документов № 1 // *Шпион*. 1993. № 1. С. 16–33.

Эркенов Э.

Чеченцы и ингуши: Пакет документов № 2 // *Шпион*. 1993. № 2. С. 53–72.

Bierschenk Th.

Zahlen über die während des Zweiten Weltkrieges umgesiedelten deutschen Volksgruppzugehörigen // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1954. Vol. 3. Nr. 1. S. 80–83.

Browning C. R.

Deportations // *Encyclopedia of the Holocaust*. Vol. 1. New York. 1995. P. 365–369.

Djordzevic D.

Migrations during the 1912–1913 Balkan Wars and World War One // *Migrations in Balkan History*. Beograd, 1989. P. 115–130.

Gelb M.

An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*. Vol. 54. July 1885. P. 389–412.

Gelb M.

The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities Papers*. Vol. 24. No. 2. 1896. P. 237–267.

Gerlach C.

The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All European Jews // *The Journal of Modern History*. Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 759–812.

Gestwa K.

«Es lebe Stalin» Sowjetischer Zwangsarbeiter nach Ende des Zweiten Weltkrieges. Das Beispiel der Stadt Hamm in Westfalen // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1993. Nr 2. S. 71–86.

Gleser O., Poljan P.

Ethnische Deportationen im Raum der ehemaligen UdSSR // *Geographica Slovenica*. Vol. 24. Geografija in narodnosti. Geography and Ethnicity. Institut of Geography of the University of Ljubljana. Ljubljana, 1993. P. 139–152.

Dahlmann D.

«Operation erfolgreich durchgeführt». Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941 // *Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdraengung*. Wien, Picus-Verlag, 1994. S. 201–226.

Heidemeyer H.

Flucht und Zuwanderung aus der SBZ//DDR: Flüchtlingspolitik der Bundesrepublik Deutschland bis zum Bau der Mauer. Düsseldorf, 1993.

Holquist P.

'Conduct merciless mass terror': decosackization on the Don, 1919 // *Cahiers du Monde russe*. 1997. Vol. 28. No. 1–2. P. 127–162.

Lemberg H.

Ethnische Säuberung: ein Mittel zur Lösung von Nationalitätenproblemen? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1992. Nr. 46. S. 27–38.

Martin T.

The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History*. Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 812–861.

Merl S.

Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1995. Jg. 46. Heft 5/6. S. 277–301.

Müller R.-D.

Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter fuer die deutsche Kriegswirtschaft // U. Herbert (Hg.). *Europa und der «Reicheinsatz»*. Auslaendische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938–1945. Essen, 1991. S. 234–250.

Münz R., Ohliger R.

Deutsche Minderheiten in Ostmittel- und Osteuropa, Aussiedler in Deutschland. Eine Analyse eth-nisch privilegierter Migration // *Demographie aktuell*. Vorträge Aufsätze Forschungsberichte. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 1998. 43 s.

Литература

Münz R., Ohliger R.

Vergessene Deutsche Erinnernte Deutsche. Flüchtlinge, Vertriebene, Aussiedler // Transit. Heft 15. Herbst 1998. S. 141–157.

Overmans R.

Personelle Verluste der deutschen Bevölkerung durch Flucht und Vertreibung // Dziejе Najnowesye. 1994. No. 2. P. 51–66.

Polian P.

Westarbeiter: Reparationen durch Arbeitskraft. Deutsche Häftlinge in der UdSSR // Lager, Zwangsarbeiter, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945 // Hrsg. von D. Dahmann und G. Hirschfeld. Essen: Klartext-Verl., 1999. S. 337–367.

Poljan P.

Ethnische Deportation im Raum der ehemaligen Sowjetunion // Robert Streibel (Hg.). Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. Wien, Picus-Verlag, 1994. S. 227–236.

Poljan P.

Die Deportation der Ostarbeiter im Zweiten Weltkrieg. In: A. Gestrich, G. Hirschfeld, H. Sonnabend (Hrsg.). Ausweisung und Deportation. Formen der Zwangsmigration in der Geschichte // Stuttgarter Beiträge zur historische Migrationforschung. Band 2. Franz Steiner Verlag Stuttgart, 1995. S. 115–140.

Sundhausen H.

Bevölkerungsverschiebungen in Südosteuropa seit der Nationalstaatswerdung (19/20 Jahrhundert) // Zwabgsmigrationen in Mittel- und Südosteuropa, Comparativ: Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsgeschichte. 1996. Bd. 6. Nr. 1. S. 25–40.

Ther P.

The integration of Expellers in Germany and Poland after World War II: A Historical Reassessment // Slavic Review. Vol. 55. 1996. No. 4. P. 779–805.

Ther P.

Die Vertriebenenproblematic in Brandenburg und im Oppelner Schlesien 1945 1952. Ausgewalte Aspekte einer vergleichenden Landesgesvhichte // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. Bd. 46. 1997. Heft 4. S. 513–534.

Wheatcoft S.

German and Soviet Repressions and Mass Death // Europa-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 8.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аз.ССР —	Азербайджанская ССР
амер. —	американский
АО —	автономная область
АПРФ —	Архив Президента Российской Федерации
Арм.ССР —	Армянская ССР
АССР —	Автономная Советская Социалистическая Республика
АССР НП —	АССР Немцев Поволжья
быв. —	бывший
БССР —	Белорусская Советская Социалистическая Республика
Вед. ВС —	журнал «Ведомости Верховного Совета СССР»
ВИ —	журнал «Вопросы истории», Москва
ВИЖ —	журнал «Военно-исторический журнал», Москва
ВЛКСМ —	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи
ВКП(б) —	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
Вост. —	Восточный
ВПК —	Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР
Вр. и. о. —	Временно исполняющий обязанности
ВС —	Верховный Совет СССР
ВСНХ —	Высший Совет народного хозяйства СССР
ВЦИК —	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК —	Всероссийская чрезвычайная комиссия
г —	грамм
г. —	год или город
га —	гектар
гб —	госбезопасность
ГАО —	Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ —	Государственный архив Российской Федерации, Москва (быв. ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства)
ГАСПИ —	Государственный архив социально-политической истории (быв. РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории; ранее — ЦПА ИМЭЛ — Центральный партийный архив Института Маркса- Энгельса-Ленина)

Принятые сокращения

ГДР —	Германская Демократическая Республика
ГКО —	Государственный комитет обороны СССР
гл. —	глава
ГП —	Генеральная прокуратура СССР
Груз.ССР —	Грузинская ССР
ГУЛАГ —	Главное управление лагерей НКВД СССР
ГУПВИ —	Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР (до 1945 г. — УПВИ)
д. —	дело, единица хранения (при описании архивных источников)
ДАССР —	Дагестанская АССР
дир. —	директива
д-р —	доктор
зам. —	заместитель
Зап. —	Западный
ИА —	журнал «Исторический архив», Москва
и. о. —	исполняющий обязанности
КА —	Красная Армия
Каз.ССР —	Казахская ССР
Калм. АО —	Калмыцкая автономная область
КАССР —	Калмыцкая АССР
К.-Б. АССР —	Кабардино-Балкарская АССР
КГБ —	Комитет государственной безопасности СССР
Кирг.ССР —	Киргизская ССР
КП —	Коммунистическая партия
КПСС —	Коммунистическая партия Советского Союза
Кр. АССР —	Крымская АССР
К.-Ф. АССР —	Карело-Финская АССР
К.-Ф. ССР —	Карело-Финская ССР
К.-Ч. АО —	Карачаево-Черкесская АО
л. —	лист (при описании архивных источников)
Л. —	Ленинград
Латв. ССР —	Латвийская ССР
Лит. ССР —	Литовская ССР
М. —	Москва
МВД —	Министерство внутренних дел СССР
МГБ —	Министерство государственной безопасности СССР
МИД —	Министерство иностранных дел СССР (до 1946 г. — НКВД)
МКК —	Международный Красный Крест (Internationales Rotes Kreuz)
Молд. ССР —	Молдавская ССР

Принятые сокращения

- н. д. — нет данных
- Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения СССР
- Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения СССР
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
- НКЗем
(Наркомзем) — Народный комиссариат землеустройства СССР
- НКИД — Народный комиссариат иностранных дел СССР (с 1946 г. — МИД)
- НКО — Народный комиссариат обороны СССР
- НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР
- НИИ — журнал «Новая и новейшая история», Москва
- НТС — Национально-Трудовой Союз
- о. — отец (православный священник)
- об. — оборот листа (при описании архивных источников)
- ОГПУ — Объединенное Главное политическое управление СССР
- оп. — опись (при описании архивных источников)
- ОИ — журнал «Отечественная история», Москва
- ОУН — Организация украинских националистов
- п. — папка (при описании архивных источников)
- п. — пункт (при описании указов, постановлений)
- ПБ — Политбюро
- ПВС — Президиум Верховного Совета
- ПГКО — Постановление Государственного Комитета Обороны
- ПМ — принудительные миграции
- Пост. — Постановление
- Пр. — Приказ
- през. — президент
- ПСМ — Постановление Совета министров СССР
- ПСНК — постановление Совета Народных Комиссаров СССР
- ПСНК и ЦК — постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б)
- ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь
- ПФП — проверочно-фильтрационный пункт
- р-н — район
- РАН — Российская Академия наук
- Расп. — Распоряжение
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории, Москва
(быв. ЦХСД — Центр хранения современной документации)
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики, Москва
(быв. ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР)
- РГВА — Российский государственный военный архив, Москва (быв. ЦХИДК —
Центр хранения историко-документальных коллекций, Москва;
ранее — ЦГОА — Центральный государственный особый архив)

Принятые сокращения

Реш. —	Решение
РМ —	газета «Русская мысль», Париж
РОА —	Русская Освободительная Армия
РСНК —	Распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР
РСФСР —	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ —	Российская Федерация
с. —	страница
СВГ —	Ставка Верховного Главнокомандующего
СВАГ —	Советская Военная Администрация в Германии
Сев. —	Северный
СИ —	журнал «Социологические исследования», Москва
СМЕРШ	
(ГУКР/СМЕРШ) —	Главное управление военной контрразведки (от «Смерть шпионам!»)
СМИД —	Совет министров иностранных дел (союзных государств)
СМ —	Совет министров СССР
сн. —	снимок (при описании архивных источников)
СНК —	Совет Народных Комиссаров (Совнарком) СССР
С.-О. АССР —	Северо-Осетинская АССР
сов. —	советский
СССР —	Союз Советских Социалистических Республик
СЭМРПК —	«Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень», Москва (Международный проект «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах»)
т. —	том
тов. —	товарищ
Тадж. ССР —	Таджикская ССР
Узб. ССР —	Узбекская ССР
УК —	Уголовный кодекс
Указ ПРФ —	Указ Президента Российской Федерации
УПА —	Украинская повстанческая армия
УПВС —	Указ Президиума Верховного Совета СССР
УССР —	Украинская Советская Социалистическая Республика
ф. —	фонд (при описании архивных источников)
ФРГ —	Федеративная Республика Германия
ЦАМО —	Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск
ЦАОДМ —	Центральный архив общественных движений г. Москвы.
ЦГАКФ —	Центральный государственный архив кинофотодокументов РФ
ЦДНИ ТО —	Центр документации новейшей истории Томской области, Томск
ЦК —	Центральный Комитет

Принятые сокращения

ЦХДМО —	Центр хранения документов молодежных организаций, Москва (быв. Архив ЦК ВЛКСМ)
ЦЧО —	Центрально-Черноземная область
ч. —	часть
Ч.-И. АССР —	Чечено-Ингушская АССР
ЧГК —	Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба при СНК СССР
чел. —	человек
Эст. ССР —	Эстонская ССР
BDC —	Berlin Document Center (Берлинский Центр документации), Берлин
DDR —	Deutsche Demokratische Republik (ГДР, или Германская Демократическая Республика)
EWZ —	Einwanderungszentralstelle (Центральное бюро по иммиграции), Берлин
SBZ —	Sowjetische Besatzungszone (Советская оккупационная зона в Германии)

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ

(Послесловие)

КНИГА ПАВЛА ПОЛЯНА «Не по своей воле» — первое систематическое исследование массовых принудительных миграций в СССР.

Многочисленные перемещения людей по территории СССР были неотъемлемой частью семидесятилетней истории — экономической, социальной, политической. Конечно, не все они были принудительными, но были ли они полностью свободными? Перемещения людей «по своей воле» даже внутри страны — о выезде за рубеж и говорить нечего — в советское время всегда были, мягко выражаясь, затруднены. Уже 30-е годы стали временем массовых крестьянских переселений в города (городское население СССР между 1926 и 1939 годами выросло с 26 до 56 миллионов человек), но кто скажет, насколько они были добровольными, а насколько — вынужденным бегством от разорения деревни, от голода, нищеты, принудительной коллективизации, колхозного беспорядка, угрозы политических репрессий?

В конце 30-х годов Сталин заявил во всеуслышание: «...безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода... давно уже нет в нашей стране... Теперь речь может идти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпускать нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы полтора миллиона молодых колхозников»¹. При всем желании нельзя увидеть в этих словах, произнесенных в излюбленной Сталиным манере лицемерного крокодила, намек на «свою волю». Уедешь, если «отпустят». Тащить или не пущать — вот и вся пришибевская премудрость «миграционной политики» многих советских десятилетий с ее плано-во-добровольными переселениями, с ее паспортами у одних и отсутствием у других, с «паспортным режимом», с ограничениями на прописку, с закрытыми городами, с выездными визами и т. д.

Но даже на этом вполне средневековом фоне, увы, не вполне исчезнувшем и сейчас, резко выделяются две исторические трагедии, постигшие миллионы граждан СССР в первой половине XX в., — наиболее массовые репрессии по социальному и этническому признаку: раскулачивание и тотальная депортация целых народов. Их и исследует в своей книге П. Полян, не упуская из виду и нередкие «комбинированные» варианты — репрессии одновременно по социальному и этническому признаку (например, против литовской, латышской и эстонской «буржуазии») или мало известное российскому читателю интернирование гражданских немцев и представителей других национальностей.

¹ Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. Вопросы ленинизма, изд. 11, М., 1952, с. 625–626.

тей в конце Второй мировой войны, равно как и другие, когда более, когда менее масштабные принудительные миграции.

Хотя о названных трагических событиях сегодня знают решительно все, их серьезные исследования по-прежнему наперечет. Иногда создается впечатление, что эта тема полностью исчерпана и закрыта А. Солженицыным. На самом деле это далеко не так. И хотя подняться до масштабов «Архипелага ГУЛАГ» уже вряд ли кому-нибудь удастся, работа со ставшими доступными архивными данными открывает возможности серьезного углубления и знаний, и понимания того, что происходило в Советском Союзе в 20–50-е годы.

К числу немногих, к сожалению, авторов, которые настаивают своим творчеством на том, что закрывать страницы истории тех не столь уж далеких лет еще рано, относится Павел Полян. Следует, пожалуй, отметить, что он — не профессиональный историк, а классический экономико-географ с очень широким кругом географических интересов, отраженных в десятке книг и почти трех сотнях статей. Но в последние годы обозначилась его явная склонность к историческому или, точнее, историко-географическому анализу крупных и, как правило, малоизученных событий и явлений XX века. Читателю известна его вышедшая в 1996 году монография «Жертвы двух диктатур» — историко-географическое полотно о военнопленных и остовцах, детально раскрывающая трагедию насильственного пребывания советских военнопленных и гражданских рабочих в Третьем Рейхе и их насильственной же репатриации в СССР (в сокращенном варианте и под заглавием «Депортированные домой» она выходит в 2001 году на немецком языке в венско-мюнхенском издательстве «Ольденбург»).

Многолетняя верность П. Поляна теме принудительных миграций, его кропотливая работа с самыми различными источниками (примечательно, что в книге «Не по своей воле» он опирается, в первую очередь, на уже опубликованные, но недостаточно систематизированные и осмысленные документы) и видимое стремление избежать скороспелых выводов позволили ему написать книгу, которая сочетает в себе два очень важных достоинства.

Первое — это огромный хорошо систематизированный фактический материал, придающий книге дополнительную ценность справочника по проблемам принудительных миграций в сталинском СССР (особо отмечу хронологически выстроенные сводные таблицы, приводимые в Приложениях). Критически переработав огромный массив литературной и архивной информации, П. Полян предлагает читателю экстракт сведений и данных, без обращения к которому не обойтись ни одному исследователю советской истории.

Второе — это интерпретация фактов в контексте объективной социальной реальности тех лет. Человеческий ужас и гражданское возмущение, несомненно испытываемые автором по поводу исследуемых им событий, остаются в его книге все же на втором плане: его главное внимание приковано к осмыслению той логики, которой явно или неявно руководствовалась власть, сросшаяся с репрессивным аппаратом и демонстрировавшая редко встречающиеся в истории масштабы войны против собственного народа.

Книга П. Поляна являет собой интересный и не столь уж частый синтез исторического и географического подходов, хронологического и пространственного углов зрения. Намного полнее, чем кто бы то ни было до него, П. Полян показывает именно «географическое» лицо репрессий. Анализу подвергаются как «географический замысел» власти, так и «географический результат» осуществления этого замысла, — результат, который ощущается и сегодня во всей своей болезненности. «Некоторые современные очаги напряженности, — отмечает автор, — например, осетино-ингушский конфликт и некоторые другие, имеют свои корни именно в депортационной политике советского государства».

Работа проникнута духом понимания того непреложного (но, увы, так часто упускаемого большинством исследователей) обстоятельства, что без географии, без показа региональной структуры и региональных особенностей никакое советское или российское явление не может быть адекватно описано, понято и проанализировано.

Массовые репрессии против невинных людей, часто без различия пола и возраста, происходили в стране с самой большой в мире территорией, которую она на протяжении столетий изо всех сил, тщательно, но тщетно пыталась освоить. Какие бы мотивы ни стояли у истоков массовых репрессий, довольно скоро они, по своей форме, вписались в вековую традицию территориальной экспансии и стали работать на нее — разумеется с той эффективностью, на которую обречен рабский труд в XX веке.

Автор справедливо указывает на то, что депортационная политика в СССР, многое позаимствовав из «копыта» Российской империи, была необычайно тесно связана с практикой принудительного трудоустройства и может быть понята только в системном единстве с ГУЛАГ и планово-добровольными переселениями.

Сама тема книги П. Поляна и сегодня далеко не остыла и не окаменела. Кровавые конфликты между посоренными этими депортациями народами, к сожалению, нередки. Каждый день газетные сообщения могут привнести в нее что-то новое, и такой мониторинг ведется автором с похвальной тщательностью.

Мне кажется, что в конце концов П. Полян удалось написать именно «книгу» — не академическую «монографию», пусть и ценную, но рассчитанную на относительно узкий круг специалистов, а книгу для широкого чтения. Строгий академизм и научный аппарат сочетаются в ней с живым языком и хорошей публицистичностью, а сам материал книги вопиет и не может оставить равнодушным никого, кто возьмет ее в руки и кому безразлична судьба его бывшей или нынешней страны.

Анатолий Вишневский

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН¹

- Абакумов В. С. — 141, 211, 230
Абылхожаев Ж. Б. — 79, 284
Авксентьев А. В. — 25
Авксентьев В. А. — 25
Агапов Н. А. — 80
Агранов Я. С. — 78
Адибеков Г. М. — 71–73, 251–252, 284
Азаматов К. Г. — 104, 159, 274
Айсфельд А. (Eisfeld A.) — 17, 21, 88, 90,
110–111, 113, 157, 252, 281
Аксенов С. — 186–187
Александр III — 26
Алексеев В. — 28
Алексеева Л. М. — 104, 167, 170–172,
175–176, 267, 274
Алиева С. У. — 16, 54, 117, 188, 259, 274
Анастасенко — 84
Андерс В. — 98, 141
Андреев А. А. — 71, 73, 77
Андреев Е. М. — 264
Андропов Ю. Н. — 170–171
Аникеев А. А. — 274
Аносов Д. — 55
Аношин — 43
Антипин — 229
Аполлонов А. Н. — 200, 203–204, 206,
209
Аркадьева Г. П. — 195
Астафьев — 206
Ауман В. А. — 16, 28, 104, 111, 113–114, 132,
163–165, 255–257, 264, 266–269, 284
Аушев Р. — 186–187
Ахалкаци Е. — 180
Бабарин К. П. — 195
Баграмян И. Х. — 212
Байер Х. (Baier H.) — 192
Бараташвили А. — 284
Бараташвили К. — 284
Барон Н. — 21
Бауэр В. — 169
Бауэр Л. — 167
Белицер Н. — 284
Белковец Л. — 284
Белоусов И. — 105–106
Бергвинов С. А. — 63–64, 68
Берензон П. И. — 224
Берия Л. П. — 17, 93, 96, 99, 102, 105–106,
116–117, 121–131, 135, 137, 193, 200–201,
209, 211–213, 215–216, 230, 275
Берман М. Д. — 78
Бзиава К. П. — 124
Бирюзов С. С. — 201, 204
Бодрук О. — 284
Боечин А. Ф. — 81, 271
Боков Х. — 284
Борш И. — 207
Брежнев Л. И. — 140
Броев Р. М. — 275
Броев Т. М. — 275
Бройдо Я. Б. — 104, 178, 284
Бруль В. — 87, 88, 287
Брэй — 42
Брюханов А. И. — 42
Бугай Н. Ф. — 16–17, 20–21, 25, 40, 54, 82,
87–91, 93, 95–98, 103, 108, 111, 113–118,
120–133, 138–141, 143–147, 156, 162,
252–265, 267–270, 275, 284–287

¹ Составлен Н. Поболем.

- Букалов Д. — 287
Булганин Н. А. — 193
Бургарт Л. — 287
Бурмак П. — 139
Бурхинов Д. — 156
- Ванников Б. Л. — 231
Варга Е. С. — 195
Варги–Антал Ч. — 206
Варес И. — 99
Васюков — 34
Ваффеншмидт — 168
Вахрушев В. В. — 202
Вебер А. — 229
Вебер Г. (Weber G.) — 18, 191, 192, 199, 210, 284
Вебер Э. — см. Кляйн Э.
Вейнер А. — 130
Величко В. А. — 82
Вепринцев В. Б. — 126
Вербицкий Г. Г. — 275
Веригин С. Г. — 287
Вермель С. С. — 25–26, 29, 275
Ветров — 126
Виноградов В. П. — 201, 206
Вишневский А. Г. — 21, 275
Власов С. — 174
Вознесенский Н. А. — 193, 203
Вормсбехер Г. Г. — 164, 287
Воронков Ю. — 229
Ворошилов К. Е. — 193
Вылцан М. А. — 16, 114, 122, 287
Вышинский А. Я. — 99
- Гаврилов С. — 186
Гакаев Д. — 104, 276
Галазов А. — 186–187
Гетрелл П. — 21
Гвишиани М. М. — 122–123
Гейдрих Р. — 36
Гекман А. — 108
Гелб М. (Gelb M.) — 17, 294–295
- Гелер М. — 55
Генис В. Л. 55, 287
Геншер Г. –Д. — 166
Георгадзе М. П. — 171
Гердт В. (Herdt V.) — 17, 88, 90, 113, 252, 281
Герман А. А. — 105, 255, 276
Гертрупп — 229
Гессен Е. С. — 280
Гильберт М. (Gilbert M.) — 15, 281
Гиммлер Г. — 32, 36, 210
Гитлер А. (Hitler A.) — 14, 35–36, 41, 276
Глезер О. Б. (Glezer O.) — 287, 295
Гоглидзе С. А. — 100
Голиков Ф. И. — 202, 233
Головко — 126
Гонов А. М. — 25, 54, 90, 117–123, 129, 133, 144–145, 156, 258–259, 261, 265, 268–270, 275–276
Горбатюк И. М. — 200–201, 203–204, 209
Горбачев М. С. — 164–165
Горкин А. Ф. — 119
Горшенин К. — 228, 237
фон Готберг К. — 37
Гофман К. — 108
Григоренко П. — 163
Гринберг — 81
Григас В. — 167
Гринько Е. Д. — 279
Громыко А. А. — 164, 173, 275, 278
Гроссман В. — 276
Гротеволь О. — 229
Гроут Г. Г. — 164
Губогло М. Н. — 275
Гурьянов А. Е. — 16, 21, 95–98, 100, 253–254, 287
Гусев В. — 165
- Дальман Д. (Dahlman D.) — 176 281, 295
Данилина Е. А. — 279
Данилов В. П. — 16, 21, 72, 76, 77, 287
Дарский Л. Е. — 274
Дебский С. — 21, 33
Деканозов В. — 99

- Денисов И. — 233
Джемилев М. — 171
Джонс Р. — 15
Джугарьянц С. Н. — 16
Дзадзиев А. — 185, 187
Дзугаев Л. — 185
Дзукаев А. Х. — 16
Дитц Б. — 169
Друк А. — 229
Дугас И. А. — 276
Дугин А. Н. — 16, 276, 287
Дударец — 91–92, 292
Дудоров Н. П. — 162
- Евдокимов Е. — 72
Евтух В. — 87
Едунов — 229
Ежов Н. И. — 78, 88
Ельцин Б. Н. — 165, 185
Ермолов Л. Б. — 175, 179, 292
- Заборовский Д. — 38
Зайончковская Ж. А. (Zayonchkovskaya Z.) — 21, 180, 288
Зайцев Е. А. — 55, 102, 145–147, 250, 252, 254, 260–262, 264, 269, 276
Заковский Л. М. — 72
Запевалин — 204
Запорожец — 105
Захаров С. — 21
Здравомыслов А. Г. — 17, 158, 185, 187, 276
Зеленин И. Е. — 16, 78–79, 288
Земсков В. Н. — 16–17, 21, 73–74, 82–84, 97, 99, 114, 116, 141, 145, 148, 150, 181, 253–254, 260, 275, 278, 288–289
Зен Сук Хан (Chen Ching–Chin) — 39
Золотарев В. А. — 27
Зрелов В. — 229
Зусманович — 206
- Жданов А. А. — 80, 99, 111, 135
Жегаров В. С. — 33
- Жуков Г. К. — 211
Жуков М. — 187
Жуковский — 81, 271
- Ибрагимбейли Х. М. — 16, 289
Иванов В. А. — 86, 289
Иванов И. В. — 82, 106
Иванова Г. М. — 74, 138, 148, 262, 276
Ивницкий Н. А. — 16–17, 20–21, 63–66, 68–69, 73, 77–78, 250–252, 276, 289
Игнатъев — 230
Иден Э. — 196–198
Илларионова Т. — 289
Ионцев В. А. — 289
Исраилов Х. — 121
Исупов В. А. — 13, 19–20, 289
- Кабаяев — 78
Кабузан В. М. — 277
Каганович Л. М. — 64, 80, 193
Калинин М. И. — 59, 119
Калнберзин Я. Э. — 137
Каранадзе — 129
Кардашов — 140
Каримов И. — 176
Карнер С. (Karner S.) — 18, 192, 282
Келер Й. — 238
Керзон Д. — 57
Ким Г. Н. — 16, 277
Ким С. — 290
Кириенко С. В. — 169
Кириллов В. — 290
Киров С. М. — 86
Кирхенштейн А. — 99
Киуру Э. — 87, 251, 256–257, 261–262, 290
Кичинов М. Л. — 16
Кичихин А. Н. — 290
Клименко — 65
Кляйн Г. (Klein G.) — 21, 192, 193
Кляйн (урожденная Вебер) Э. — 207, 222, 226
Кнышевский П. Н. — 18, 192–194, 201, 211, 220, 277, 290

- Кобулов А. З. — 231
Кобулов Б. З. — 122, 124–127, 129, 215, 229
Ковалев И. В. — 202, 220
Ковальчук — 228
Козлов В. — 291
Козыбаев М. К. — 79, 284
Кожевников — 208
Кокурин А. И. — 16, 82, 106, 115, 276, 290
Колеров М. А. — 279
Коль Г. — 168
Комолов Н. П. — 290
Конасов В. Б. — 18, 192–193, 203, 206–207, 209, 221, 226, 232, 237, 290
Кондаков Г. И. — 290
Конев И. С. — 211
Конквест Р. (Conquest R.) — 15, 281
Коновалов Б. — 229
Корбмахер Г. — 108
Косыгин А. Н. — 111
Коцонис А. Н. — 116, 141, 254, 257, 263, 290
Красильников С. А. — 16, 20, 61, 71–72, 76–77, 251–252, 277, 288, 290
Кривенко — 215–216, 232
Кривошеина Н. А. — 277
Кригер В. — 105, 167, 168, 290
Критчлоу Д. — 40, 277
Круглов С. Н. — 93, 135, 137, 212, 228, 230–231, 233, 237
Крупник И. И. — 291
Крынин И. С. — 80
Кувшинов С. — 229
Кугультинов Д. Н. — 121
Кузнецов В. В. — 195
Кузнецов А. А. — 129, 206, 228
Кузнецова В. Л. — 72, 277, 288
Кузнецов М. — 237
Кулаев Ч. С. — 16
Кулиев Р. — 159
Кумехов З. Д. — 124–125
Куповецкий М. С. — 26, 291
Курбанова Ш. И. — 60, 78, 252, 278
Куркчи А. — 291
Курлов В. — 28
Курлов П. Г. — 29
Куропцева Н. — 116
Курочкин — 227
Куртэн Ф. — 23
Курцев А. Н. — 291
Кынин Г. П. — 195–196, 280
Лауфер Й. — 280
Лацис В. — 137
Левитан И. — 26
Левиц К. И. — 82, 84
Леонов — 81
Литвинов М. М. — 195
Лобов С. С. — 66
Локтева О. К. — 279
Ломако П. Ф. — 217
Лор Э. (Lohr E.) — 27–28, 282
Лугин И. А. — 278
Любимов — 220
Люшков Г. С. — 91
Лященко К. Г. — 279
Майский И. М. — 195–197
Максудов С. — 292
Макшеев А. — 27
Макшеев В. Н. — 16, 20, 65, 77, 82, 84, 99, 252, 278
Маламуд Г. — 114, 291
Малашенко А. — 276
Маленков Г. М. — 111, 128, 193, 230
Малик Я. А. — 230
Малинин М. — 80
Малиновский Р. Я. — 201–202
Малкин В. — 195
Малов С. — 108
Малыгин А. Я. — 288
Мальков — 228
Мамулов С. С. — 122, 125
Мамут М. — 172
Мандельштам О. Э. — 9, 81
Марианьский А. — 34

- Маркеев — 120
Мартин Т. (Martin T.) — 17, 30, 37, 39, 55–57, 61–62, 78, 86–87, 91, 295
Медынский А. И. — 37
Меркулов В. Н. — 210
Мессинг С. А. — 66
Мешик П. Я. — 211–212
Мжаванадзе — 176
Миклоши — 206
Микоян А. И. — 163, 193
Милова О. Л. — 16, 254–255, 278
Мироненко С. В. (Mironenko S.) — 228
Митерев Г. А. — 203
Михайлов В. — 165
Михельс Ю. — 229
Михоэлс С. М. — 211
Молотов В. М. — 33–34, 95, 98, 105, 111, 128, 137, 193, 195–198, 210, 230–231, 233
Моралев — 176
Мочалин И. А. — 126
Мудуев Ш. С. — 21, 133–134, 291
Музафаров Р. И. — 16, 171
Мукомель В. И. — 186, 278, 291
Муралов А. И. — 66
Мухин — 116
- Наймарк Н. (Naimark N.) — 17, 41, 265, 282
Наминов — 15
Нансен Ф. — 31
Наседкин В. Г. — 290
Некрич А. М. (Nekrich A.) — 16, 126–127, 132, 163, 171, 278, 282
Нелипович С. Г. — 28, 291
Нельдеке В. — 34
Никишкин К. С. — 238
Николай II — 28
Никольский А. — 21
Ниязов М. — 176
Нодинаханов Д–Ц. Д. — 16
Нохотович Д. Н. — 21
Нусинов — 65
- Обручев Н. Н. — 27
Оверманс Р. (Overmans R.) — 41, 296
Огольцов С. И. — 228
Одабашев Э. — 175–176
Окороков А. В. — 37, 278
Олкотт М. Б. — 276
Ольденбург Л. — 167
Орджоникидзе Г. К. — 53
Осипов А. Г. — 17, 178–179, 183, 278–279, 291
Осколков Е. Н. — 78
Осокин В. В. — 206
Осокина Е. А. — 79, 291
Осташко Т. Н. — 177
Охотин Н. Г. — 21, 88, 211, 291
- Павлова Т. Ф. — 13, 16, 260, 264, 266, 269, 277, 292
Паин Э. И. — 173
Палецкис Ю. — 99
Палибин Н. В. — 78, 279
Панеш Э. Х. — 175, 179, 292
Папчинский А. А. — 91
Парсаданова В. С. — 16, 102, 279, 292
Пассат В. И. — 16, 34, 100, 102, 140, 143, 263, 279
Пашков А. — 91–92, 292
Пащенко Л. С. — 277
Петров Н. В. — 21, 82, 106, 169, 277
Петров И. Е. — 202, 233
Пик В. — 229
Пияшев И. И. — 124
Платонов А. — 9
Плинер И. И. — 78, 81–82, 88
Плохотник Т. Н. — 21, 109, 111
Поболь Н. Л. — 21
Поль Й. О. (Pohl J. O.) — 17, 283
Полян П. М. (Polian P. , Poljan P.) — 192, 264, 279, 287–288, 292–293, 295–296, 300–302
Пономарев А. — 291
Пономаренко П. К. — 96
Постышев П. П. — 71
Поули — 199

- Пришвин М. — 9
Прозуменщиков М. — 135, 161, 183, 293
Прохоров В. Ю. — 104, 178, 284
Пулин — 87
Пушкин — 237
- Радеску Н. — 204, 206
Рапава А. Н. — 129
Ратушный — 216, 224, 226
Решиков — 65
Ржевский О. А. — 280
Риббентроп И. — 33, 95, 98
Рогинский А. Б. — 21, 84, 88, 291
Розенберг А. 48
Рокоссовский К. К. — 211
Романов — 105
Руденко Р. А. — 171, 237
Рудзутак Я. Э. — 71
Рудь П. Г. — 80
Рузвельт Ф. — 195
Руппель Ф. — 167
Рыжков Н. И. — 164
- Сабуров М. З. — 195
Санатеску — 204
Сафаров Г. И. — 54, 287
Сафонов — 230
Сахаров А. Д. — 163
Семиряга М. И. — 18, 192, 293
Серов И. А. — 99, 106, 108, 117, 122, 124, 126, 211–212, 227, 230, 233
Сидоренко В. П. — 121–123, 293
Силаева О. — 132, 135, 293
Силуянов Н. М. — 195
Синчин Я. Н. — 33
Скоринков — 81
Славко Т. И. — 279
Сладкевич М. И. — 124, 203–204, 209
Слюсаренко — 81
Смидович П. С. — 59
Смирнов М. Б. — 279
Собчак Я. (Sobczak J.) — 34, 283
- Соколов — 229
Соколовский В. Д. — 227, 231
Солженицын А. И. — 15, 279, 301
Сольц А. — 61
Сомонова С. В. — 291
Сорокин П. — 13
Сорокин — 81
Сталин И. В. (Stalin I.) — 9, 14, 17, 23, 30–31, 33, 41, 46, 54, 63, 73–74, 80, 82, 84, 96, 99–100, 103, 105, 108, 109, 111, 113, 117, 127–129, 135, 141, 143, 192–193, 195, 198–199, 203, 212, 214, 225, 227, 230–231, 233, 276, 293
Стеттиниус Э. — 197–198
Страфилов Н. П. — 80
Стрелецкий В. Н. — 183–184
Стродс Х. П. — 139, 293
Суни Л. В. — 287
Суокас — 116
Суперфин Г. — 21
Суслов М. А. — 230
Суханова Р. К. — 277
Сырцов С. И. — 53
- Табакон — 126
Таиров С. — 172
Татимов М. Б. — 79, 284
Тевосян И. Ф. — 202
Темиржанов М. О. — 104, 159, 274
Темукуев Б. Б. — 274
Тепцов Н. — 291
Тер Ф. (Ther P.) — 21, 35, 39–41, 43–45, 283, 296
Терещук А. В. — 18, 192–193, 203, 206–207, 209, 221, 227, 232, 237, 290
Терлоев — 121
Тетуев А. И. — 274
Тито И. Б. — 203
Тишков В. А. — 276
Ткаченко — 212
Толбухин Ф. И. — 201–204
Толмачев В. Н. — 61, 66
Толстикон — 156

- Толстой Н. — 280
Топоровский Я. — 143
Тосторф Р. — 31
Троицкий С. Н. — 33
Тумшис М. А. — 91
Тутушкин Ф. Я. — 140
Тюленев — 105
Тян В. — 183
- Убушаев В. — 280
Ульбрихт В. — 229
Умаев М. — 104
- Филатов Г. — 185
Филатов Н. А. — 233
Филатов С. И. — 124
Филиппов С. Г. — 95, 97, 293
Филиппов Т. Ф. — 232–233
Филькин В. И. — 16
Франко — 31
Фридеричи — 36
- Хаммершельд Д. — 156
Харькова Т. Л. — 274
Хижа Г. — 185
Хольквист П. (Holquist P.) — 21, 27, 293, 295
Хольцман — 223
Хоружий С. С. — 55
Хофмайер — 33
Хребтович–Бутеневич О. А. — 97, 280
Хрулев А. В. — 202
Хрущев Н. С. — 15, 220
Хунагов А. С. — 118
Хутуев Х. И. — 16
- Цанава Л. Ф. — 211–212
Цаплин В. В. — 294
Цин Шихуаньди — 23
Цинев — 43
Цуциев А. А. — 17, 53–54, 123, 161, 162, 183–185, 280
- Чадаев — 225
Чарквиани — 137
Чаушеску Н. — 192
Чеботарева В. Г. — 16, 28, 113–114, 132, 163–165, 255–257, 264, 266–269, 274, 284
Чебриков В. М. — 139, 294
Чебыкина Т. — 111, 114, 294
Чеплаков — 132
Червоная С. М. — 127, 163, 171, 173–175, 260, 262, 270, 280, 294
Черепова — 179, 183
Чернакова Г. А. — 290
Чернова Т. — 294
Черномырдин В. С. — 169
Чернышов В. В. — 127, 129, 212, 215
Черняховский И. Д. — 211
Черчилль У. — 195, 198–199
Чеченов И. М. — 274
Чирко В. — 87
Чойновская — 44
Чухин И. И. — 192, 215, 223–224
- Шабает Д. В. — 16, 124, 280
Шавер — 228
Шадунц О. — 80
Шамиль — 15
Шапошников Б. — 103, 165
Шеварнадзе Э. А. — 176
Шевяков А. А. — 294
Шемена — 210
Шендерюк М. Г. — 136
Шередега И. С. — 126
Ширер У. — 280
Шитиков — 215
Шмидт А. — 36
Шмидт В. В. — 66
Шрайман Т. — 143
Шуленберг — 34
- Щелоков — 171
Щербакова И. Л. — 279

- Эйхе Р. И. — 65, 82
Энтин — 224
Эренбург И. Г. — 276
Эркенов Э. — 294
- Ягода Г. Я. — 68, 71–74, 77, 82, 89
Яковлев А. Н. — 164
Якушевский А. С. — 41
Янков Д. Н. — 81
Янсон Н. М. — 61, 84
Янушкевич Н. Н. — 28
Ярошенко — 224
- Abramsky Ch. — 59
Akhalkatsi E. — 180
Aly G. — 280
- Baier H. — см. Байер Х.
Beer S. — 280
Bierschenk Th. — 35, 294
Browning C. R. — 294
Bullock A. — 41
- Chen Ching-Chin — см. Зен Сук Хан
Chojnowska A. — 44
Conquest R. — см. Конквест Р.
- Dahlman D. — см. Дальман Д.
Dallin A. J. — 281
Didjer F. — 281
Djordzevic D. — 30, 294
- Eisfeld A. — см. Айсфельд А.
- Gatterbauer R. H. — 281
Gelb M. — см. Гелб М.
Gerlach C. — 295
Gestwa K. — 295
Gilbert M. — см. Гильберт М.
Glezer O. — см. Глезер О. Б.
Gross J. — 281
- Heidemeyer H. — 43, 295
Heinkel R. — 168
Herbert U. — 281
Herdt V. — см. Гердт В.
Hirschfeld G. — 281
Hitler A. — см. Гитлер А.
Holguist P. — см. Хольквист П.
Homse Ed. L. 281
- Jakobmeyer W. — 282
Jakobson M. — 282
Jones R. — 15
- Karner S. — см. Карнер С.
Klein G. — см. Кляйн Г.
Kneer G. — 192, 284
Kochan L. — 59
Kopelew L. — 284
- Ladas S. P. — 30
Lavski H. — 45
Lemberg H. — 295
Levin M. — 282
Lohr E. — см. Лор Э.
- Magocsi P. R. — 41, 45, 282
Malcolm J. — 282
Martin T. — см. Мартин Т.
McFarland — 283
McMillan — 281
Mejer J. — 23–24
Menzel U. — 39
Meri S. — 295
Mironenko S. — см. Мироненко С. В.
Mitzka H. — 191, 282
Mols M. — 39
Muller R. —D. — 295
Munz R. — 296
Myers R. — 39
- Naimark N. — см. Наймарк Н.
Nassehi A. — 192

Указатель личных имен

Nekrich A. — см. Некрич А.

Niethhammer L. — 228

Nohlem D. — 39

Ohliger R. — 296

Overmans R. — см. Оверманс Р.

Pak Sung-Jo — 39

Peattle M. — 39

Pfahlmann H. — 283

von Plato A. — 228

Pohl J. O. — см. Поль Й. О.

Polian P. — см. Полян П. М.

Reichling G. — 43

Rhode G. — 191, 283

Schieder T. — 41

Sill O. — 192, 284

Snyder T. — 40, 191

Sobczak J. — см. Собчак Я.

Speer A. — 283

Stalin I. — см. Сталин И. В.

Streibel R. — 283

Streit C. — 283

Stühlpfarrer K. — 36, 283

Sundhaussen H. — 30, 296

Sutaj S. 45

Tae-Woon Moon — 39

Ther P. — см. Тер Ф.

Waldmann P. — 39

Weber G. — см. Вебер Г.

Weber-Schlenther R. — 192, 210,
284

Weber U. — 195

Weischer H. — 284

Wheatcoft S. — 296

Wontroba G. — 39

Wysocki G. — 284

Zack C. — 192

Zack K. — 192

Zayonchkovskaya Z. — см. Зайончков-
ская Ж. А.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Абинский район — 179
Абрене — 140
Австрия — 32, 37, 38, 42, 43, 45, 150, 225, 227, 230, 235
Австро-Венгрия — 27, 28
АССР Немцев Поволжья — 104–108, 111, 132, 163–164, 166, 180, 183, 246, 254–255, 267
Аджария — 130, 248, 260
Аджуд-Нау — 205, 210
Адигенский район — 129, 260
Адигюль — 179
Адыгя — 25
Азербайджан (в том числе Азербайджанская ССР) — 30, 55, 90, 93, 94, 104, 113, 137, 141, 175–176, 178–180, 187, 246–248, 253, 256, 262–263, 268, 287
Азиатская часть СССР — 74
Азия Центральная — см. Центральная Азия
Азовский национальный район — 165
Азово-Черноморский край — 80, 81, 272
Ай-Петри — 127 (см. Петровская, гора)
Акдарьинский район — 71
Аккерманский район — 34
Акки-юрт — 54, 161
Акмолинская область — 97, 124, 152
Акмолинский округ — 71
Акнада — 134
Актюбинск — 97
Актюбинская область — 88, 97, 100, 113, 137, 152, 217
Акушинский район — 134
Аланский район — 123
Алдан — 76
Ален — 168
Алеутские острова — 40
Алма-Ата — 123, 124
Алма-Атинская область — 88, 90, 93, 94, 124, 137, 141, 152
Алтай (в том числе Алтайский край) — 96, 99–100, 108, 111, 113, 120–121, 140, 152, 154, 165–166, 246–248, 257, 258, 268
Алушта — 173
Алхан-Юрт — 54
Алхасте — 54
Альто Адидже — 35
Америка (Новый свет) — 23, 26, 35
Аму-Дарья — 92
Амур — 59
Амурская область — 139, 151, 248
Анапа — 116
Англия — 24, 42, 45, 141 (см. Великобритания)
Ангола — 24
Ангушт — 54, 161
Андалалский район — 133, 134
Андалалы — 133
Андижанская область — 126
Анжеро-Судженские копи — 72
Антропшино — 209
Апшеронский район — 179
Арад — 207
Аральское море — 92
Аргизский район — 69
Ардонский округ — 54
Армавир — 116
Армения (в том числе Армянская ССР) — 30, 90, 93, 113, 137, 187, 246, 247, 256, 263, 270

¹ Составлен Н. Поболем.

- Армхи — 161
Архангельская область — 54, 96, 98, 138, 151
Архангельский округ — 64
Арысский район — 71
Асланбек — 54
Аспиндзский район — 129, 260
Ассинская долина — 123
Астрахань — 93
Астраханская область — 113, 120, 160, 247, 258, 259
Ась-Надькун — 204
Атбасар — 164
Аугсбург (Augsburg) — 356 283
Ауховский район — 133, 134, 258
(см. Новолакский район)
Афганистан — 57, 79, 245
Африка — 19, 23–24
Ахалкалакский район — 129, 260
Ахалцихский район — 129, 182, 260
Ахвахский район — 134
Ачалукский район — 123, 161
Ашхабадский район — 71
- Бадахшан — 187
Бад-Ворисхофен — 35
Баден — 38
Базоркино — 161
Бакальский завод — 115
Баксинский район — 71
Баку — 28
Балканы — 19, 209
Балмаз-Уиварош — 208
Балта — 161
Балтийское море — 28, 33
Балтия — 19 (см. Прибалтика)
Балхаш — 71
Баренцево море — 115
Басра — 24
Баутцен — 230
Башкирия — 71–74, 128, 138, 152, 286, 360
Бежта — 134
Бекеш — 204
- Белгородская область — 178
Белград (Beograd) — 204, 294
Белое море — 115
Беломорканал — 77
Белореченск — 179
Белоруссия (в том числе Белорусская ССР) — 29, 31, 34, 44, 58–59, 62, 64–67, 70, 72, 76, 80, 87, 95, 96, 136, 151, 211, 217, 220, 230, 245, 253–254, 263–264, 266, 281, 293
Белоруссия Западная — см. Западная Белоруссия
Бельский район — 73
Бендерский район — 34
Бендеры — 209
Берег Слоновой Кости — 24
Берлин (Berlin) — 21, 40, 43, 228, 275, 281–282, 296
Берлин Западный — см. Западный Берлин
Бескиды — 36
Бессарабия — 34–35, 98–99
Беш-Терек — 172
Биджан — 59
Бира — 59
Биробиджан — 91, 246
Бихор — 204
Бишкек (б. Фрунзе) — 269
Бланкенбург — 229
Ближний Восток — 25
Богдановский район — 129, 360
Богдашкино — 166
Богословский завод — 115
Болгария — 30, 35, 38–39, 200–201, 204, 210, 235
Большой Кавказ — 125
Борчалинский район — 128, 247
Босния — 35
Ботлихский район — 133–134
Брашов — 208
Бремен — 21
Брест-Литовск — 226, 227, 230
Брестская область — 264, 266
Брянская область — 136
Бстинский улус — 120
Буг — 38, 102

- Будапешт — 38, 209
Буджак — 25
Буковина Северная — см. Северная Буковина
Буйнакский район — 134
Бурят-Монгольская АССР — 80, 91, 139–140, 151, 247, 249
Бутеч — 204, 208
Бухарест — 192, 204, 208
Бухенвальд — 230
- Вавилон — 23
Ваннзее — 37
Вартегау (Вартеланд) — 36, 41
Варшава — 26, 29, 36, 226
Варшавская губерния — 29
Васюганье — 65, 77
Вах — 65
Вахш — 60, 78, 252
Вахшская долина — 60
Ведено — 133
Веденский район — 123, 133–134
Веймар — 192
Великобритания — 195–198, 275, 278, 290 (см. Англия)
Великолукская область — 136
Вена — 37–38, 192, 282–283, 295–296
Венгрия — 18, 38–39, 41–42, 45, 200–202, 204, 206, 208–210, 216, 225, 227, 235
Верхнее Поволжье — 80
Верхний Черек — 159
Верхняя Силезия — 40–41, 216
Верхнекамский округ — 65
Ветка — 222
Вильден — 43
Вильно — 95
Вильнюс — 139
Винницкая область — 80, 87, 117, 245, 259
Висбаден (Wiesbaden) — 39, 191, 235, 281
Висла — 38, 44
Владивосток — 55, 90–91, 246
Владикавказ (б. Орджоникидзе) — 122, 158, 161, 184–186, 247
Владимирская область — 136
- Воеводина — 45
Волга — 72, 108, 120, 163, 166
Волга Нижняя — см. Нижняя Волга
Волга Средняя — см. Средняя Волга
Волгоградская область — 155, 164, 165, 178 (см. Сталинградская область)
Вологда — 192
Вологодская область — 28, 87, 96, 98, 138, 151, 245
Вологодский округ — 65
Волынская губерния — 29
Волынь — 28, 34, 35, 87
Воронежская губерния — 28, 53
Воронежская область — 81, 113, 132–133, 136, 178, 247–248, 256
Воронцово-Дашковская — 53–54
Ворошиловградская (б. Луганская) область — 113, 150, 218, 220, 247, 255, 256
Восточная Германия — 43, 235 (см. ГДР)
Восточная Грузия — 128
Восточная Европа — 84, 167, 192, 200, 243
Восточная Македония — 39
Восточная Пруссия — 41, 135, 216 (см. Калининградская область)
Восточная Сибирь — 68, 72, 80, 83, 102, 124, 143, 148, 150, 152, 243
Восточно-Сибирский край — 74
Восточно-Казахстанская область — 124, 137, 152
Высокое — 54
Вятская область — 28 (см. Кировская область)
Вятский округ — 69
- Гадаборшево — 161
Галай-юрт — 161
Галанчжойский район — 122, 161
Галац — 205–206, 208
Галашинский район — 123
Галиция — 34, 35
Галкинская комендатура — 76
Галле — 228
Гармский вилайат — 60

- ГДР — 43, 230 (см. Восточная Германия)
Гелбманнштадт — 42
Герат — 26, 291
Герга 134
Германия (Deutschland) — 18, 26–28, 30–35, 37–43, 45, 55, 94, 95–97, 99, 103, 150, 165–168, 179, 191–193, 195–198, 211–212, 217, 225–331, 235–237, 240–241, 245, 274–275, 281–282, 288, 295–296 (см. Восточная Германия, ГДР, Западная Германия, Третий Рейх, ФРГ)
Германия Восточная — см. Восточная Германия
Германия Западная — см. Западная Германия
Геттинген (Göttingen) — 21, 110, 157, 282
Гиждуванский район — 71
Голландия — 24
Голодная степь — 175
Городомля — 229
Горская республика — 54
Горьковская область — 81, 127, 136, 138, 152, 259, 261
Горьковский край — 77 (см. Нижегородский край)
Готенхафенс — 33
Готшее — 35
Грац — 43
Греция (Greece) — 30, 35, 39
Гродеково — 91, 246
Гродзиска — 29
Гродненская губерния — 29
Гродненская область — 264, 266
Грозненская область — 123, 218
Грозненский округ — 123
Грозный — 124, 132, 183
Грузия (в том числе Грузинская ССР; Georgia) — 93, 104, 113, 118, 123–125, 128–130, 132–134, 137, 141, 159–161, 174–180, 182–183, 218, 246–248, 256, 259–261, 263–270 (см. Восточная Грузия, Южная Грузия)
Грузия Восточная — см. Восточная Грузия
Грузия Южная — см. Южная Грузия
Грюнефельд — 236
Гудермесский район — 123
Гумбетовский район — 134
Гунибский район — 134
Гурьевская область — 124, 128, 137, 152, 154, 228
Гырбово — 206
Дагестан — 30, 55, 64, 78, 113, 122–123, 133–135, 161–162, 246–247, 256, 258
Дальний Восток — 50, 55–59, 67–71, 74, 80, 83, 90–92, 115, 118, 124, 148, 182, 228, 243, 245, 252–253, 256, 286, 287
Дарьяльское ущелье — 161
Дахадаевский район — 134
Дачное (Дачный) — 161, 184, 186
Дейнауцкий район — 71
Дербент — 30, 55
Дессау — 228
Джамбульская область — 118, 120, 125, 141, 152, 247–248, 260
Джезказганская область — 172
Джейран-Чой — 178
Джераховская долина — 123
Джераховское ущелье — 161
Джиликульский вилайат — 60
Дивенский район — 69
Длинная долина — 161
Днепропетровская область — 80, 113, 218, 220, 247
Днестр — 105
Добруджа — 35, 39
Докшукино (совр. Нарткала) — 125
Дон (Don) — 37, 53, 295
Донбасс — 54, 69, 200, 202, 209, 217, 287
Донгарон — 161, 186
Донецк — 222 (см. Сталино)
Донецкая область — 53, 80 (см. Сталинская область)
Донецкий округ — 69
Донское — 172
Дубна — 229
Думала — 159
Дунай — 209

- Душанбе — 278
Душетский район — 265
Дьюла — 208
Дьюльский округ — 206
- Еврейская Автономная область — 59, 80
Европа (Еurope) — 24, 31–32, 35, 37–38, 41, 282–283, 191 (см. Восточная Европа и Юго-Восточная Европа)
Европа Восточная — см. Восточная Европа
Европа Юго-Восточная — см. Юго-Восточная Европа
Европейский центр [СССР] — 148, 152, 154
Европейская часть СССР — 58, 74, 76, 127, 248, 262, 286 (см. Европейский центр и Север Европейской части)
Египет — 23, 24
Екатеринославская губерния — 29
Елек — 208
Енисей — 65
Енисейская область — 28
Ермоловская — 53–54
Ерокко — 176
- Закавказье — 57, 63–64, 66–67, 71, 76, 93, 113, 117, 143, 158, 187, 243
Закан-Юрт — 54
Закаспийская область — 26
Заксенхаузен — 230
Занзибар — 24
Западная Белоруссия — 35, 37, 97, 100, 130, 141, 143, 146, 246, 249, 254, 292
Западная Германия — 43 (см. ФРГ)
Западная область — 63, 79, 245
Западная Пруссия — 36, 41
Западная Сибирь — 50, 59, 72, 74, 76–77, 83, 87, 100, 102, 148, 152, 154, 243, 245, 277, 284, 288, 294
Западная Украина — 100, 130, 139, 141, 143, 146, 180, 187, 246, 253, 262–263, 265–266, 292
Западная Фракия — 39
Западно-Сибирский край — 65, 71–72
- Западный Берлин — 229
Западный улус — 120
Запорожская область — 113, 150, 218, 247, 255–256
Зауралье — 148, 150
Збашин — 37
Звенигород — 136
Зеленая Роща — 109
Зеленчукский район — 118
Зеленчукский округ — 54
Земо-Сванетский район — 125, 260
Зырянский район — 71
- Жедвернек — 208
- Иалбузи (Эльбрус) — 124
Иваново-Вознесенская область — 63, 72 (см. Ивановская область)
Ивановская область — 71, 76, 96, 98, 120, 124, 152, 200, 259 (см. Иваново-Вознесенская область)
Иваньково — 228
Иерусалим — 143
Измаильская область — 100, 140, 246, 248, 262
Израиль — 45, 241
Ингушетия — 184–187
Ингушская автономная область — 121, 123
Иран — 57, 79, 93, 98, 245 (см. Персия)
Ирбитский округ — 65
Иркутская область — 116, 118, 139, 141, 143, 144, 151, 230, 247–249, 259, 260
Испания — 24, 26, 31
Истрия — 45
Итака — 21
Италия — 35, 45, 56
Итумкалинский район — 161
- Кабарда (Кабардинская АССР) — 125, 159, 248, 259, 265
Кабардино-Балкарская АССР — 113, 123, 124–125, 159, 175–176, 178, 180, 247, 255, 258–260, 265

- Кавказ — 11, 16, 21, 25, 27, 59, 116, 118, 124, 126, 128, 154, 175, 181, 246, 275 (см. Большой Кавказ, Северный Кавказ и Северо-Западный Кавказ)
- Кавказ Большой — см. Большой Кавказ
- Кавказ Северный — см. Северный Кавказ
- Кавказ Северо-Западный — см. Северо-Западный Кавказ
- Кавминводы (Кавказские Минеральные Воды) — 248, 260
- Кагульский район — 34
- Казанская губерния — 28
- Казань — 55, 245
- Казахстан (в том числе Казахская ССР) — 15, 50, 54, 64–65, 67, 71–74, 76–79, 83, 87–88, 90, 92–94, 96–98, 100, 102, 104–105, 108, 111, 113, 118, 121–122, 124–125, 128–129, 137–138, 141, 143, 147–148, 150–152, 154–155, 163–164, 167–168, 170, 178, 181, 220, 228, 230, 243, 245–249, 252, 253–256, 258, 262, 264, 266–267, 277, 284, 286–287 (см. Северный Казахстан)
- Казахстан Северный — см. Северный Казахстан
- Казачий округ — 54
- Казбегский район — 265
- Казбековский район — 133, 134, 161
- Кайзервальд — 43
- Кайтагский район — 134
- Калининградская область — 135, 136 (см. Восточная Пруссия)
- Калининская область — 113, 136, 228, 247
- Калмыкия (Калмыцкая АССР) — 73, 113, 120–121, 154, 160, 247, 256, 259, 265, 280, 285
- Калмыцкий район — 120, 258
- Калужская губерния — 28, 55
- Калужская область — 136
- Камбилеевское — 161
- Каменноостское — 125
- Камчатская область — 151
- Каново — 109
- Кантышево — 123
- Капустин Яр — 165
- Карабах — 187
- Караганда — 76, 228
- Карагандинская область — 88, 90, 100, 102, 124, 152, 246
- Карагандинский лагерь — 124
- Кара-Кал — 208
- Каракалпакия (Кара-Калпакская АССР) — 152, 154
- Карачаево-Черкесская Автономная область — 159, 247, 257
- Карачаевская Автономная область — 117, 118, 119, 125, 132, 158–159, 257–258, 260
- Караязовский район — 128, 247
- Каргалинский район — 160
- Каргасовский район — 71
- Каркалинский округ — 71
- Карей — 208
- Карелия — 56, 58, 87, 252, 276 (см. Карело-Финская АССР)
- Карело-Мурманский край — 58, 115, 151
- Карело-Финская АССР — 99, 138, 217, 246, 261 (см. Карелия)
- Карлсфельд — 109
- Карцма — 161, 184–185
- Каспийский улус — 120
- Катовицы — 38
- Каунас — 38, 139
- Хахибский район — 134
- Качановский район — 140, 263
- Кашкатау — 125
- Кварельский район — 134
- Келецкий уезд — 29
- Кельн (Köln) — 192, 281
- Кемеровская область — 128, 138, 140, 150, 152, 217, 248, 261
- Керчь — 116, 126
- Кетченеровский улус — 120
- Кеть — 65
- Кзыл-Ординская область — 100
- Кидири — 134
- Киев — 226
- Киевская область — 80, 87, 117, 245
- Кизел — 228

- Кизляр — 132
Кизлярский округ — 123
Киргизия (в том числе Киргизская ССР) — 78, 93, 118, 121–122, 124–125, 129, 141, 152, 154–155, 168, 170, 178, 243, 246–248, 258 (см. Кыргызстан)
Киров-Аул — 134
Кировская область — 96, 100, 128, 136, 138, 151, 246, 260 (см. Вятская область)
Кисловодск — 186
Кисловодский район — 118
Китай — 23, 79, 154, 245
Кишинев — 209
Кишиневский район — 34
Клухори — 118 (см. Микоян-Шахар)
Клухорский район — 125, 132, 247
Кобанья-Ольше — 209
Ковенская губерния — 29
Козельщанский лагерь — 100
Кокандский район — 71
Кокчетавская область — 90, 141, 212
Коломыя — 230
Колпашевский район — 71
Колыма — 50, 57, 137
Кольский полуостров — 243
Комгарон — 161
Коми Автономная область — 64
Коми АССР — 96, 100, 102, 131, 151, 218, 230, 246, 285
Коми-Пермяцкий округ — 65
Комплот — 208
Комсомольск-на-Амуре — 244
Конго — 24
Корейский полуостров — 91
Корея (Korea) — 39, 57, 93, 182
Корфорд — 42
Косово — 25
Коста-Хетагуровский район — 123
Костромская область — 127, 136, 138, 152, 259
Кохановская — 53
Кочубеевское — 109
Краина — 43
Краков — 21, 33
Красноармейск — 134
Красноармейск (Ялта) — 127
Красноармейская — 78, 245
Красноармейский совхоз — 90
Краснодар — 126
Краснодарский край — 104, 113, 116, 118, 124, 126, 137, 159, 172, 175, 178, 180, 247–248, 255, 257, 259, 267, 279
Краснокутский район — 166
Красноярский край — 96, 98, 100, 102, 111, 113, 116, 120–121, 130, 139, 143–145, 150, 152, 154, 246–249, 257–258
Красный Рай — 174
Кривовошеинский район — 71
Крым — 15–16, 25, 59, 76, 104, 111, 116, 126, 128, 135, 145, 150, 170–175, 197–198, 240, 243, 247, 256, 259–261, 266, 270, 280, 284, 286, 294
Крымская Автономная область — 173
Крымская АССР — 127, 171, 174, 247, 258–259, 261, 268
Крымская область — 113, 126–127, 135, 241, 260–261, 264, 267–268
Крымский район — 172, 179
Крым, Республика — см. Республика Крым
Крымская республика — 63
Куба — 30, 55
Кубань — 25, 37, 49, 70, 79, 245
Кузбасс — 69, 72, 77, 228, 244
Кузнецкстрой — 77
Куйбышевская область — 83, 113, 136, 152
Куйвазовский район — 87
Кулинский район — 134
Кунюм — 159
Курганская область — 140, 151, 218
Курган-Тюбинский вилайат — 60
Куртат — 161, 186
Курляндская губерния — 29
Курпский район — 123
Курская область — 81, 133, 136, 271–272
Курчалоевский район — 123
Кустанай — 92
Кустанайская область — 97, 100, 113, 152
Кыргызстан — 269 (см. Киргизия)

- Лайбах — 35
Лакский район — 134, 291
Латвия (в том числе Латвийская ССР) — 34–35, 99–100, 102, 137, 139–140, 167, 246, 248, 253–254, 263, 266
Лбищенский район — 71
Левашинский район — 134
Лейбниц — 43
Лейпциг — 238
Лена — 116
Ленинград — 82, 86–87, 116, 256–257, 262, 289 (см. Петроград, Петербург)
Ленинградская область — 63, 71–72, 76, 111, 115–116, 166, 220, 245–247, 251–252, 255–256, 261–262
Лескенский район — 125
Летовочный совхоз — 90
Лиманский район — 160
Литва (в том числе Литовская ССР) — 24, 29, 34–35, 44, 59, 86, 99, 100, 102, 130–131, 137, 139–141, 146, 193, 246, 248, 253, 255, 262–264, 266
Лодзь — 26, 35
Лондон (London) — 41, 195, 281–283
Лотарингия — 38
Львов — 95
Любек — 42
Люблин — 38
Люблинская губерния — 29
- Магас — 186
Магаданская область — 152
Магнитка — 69, 244
Мадагаскар — 38
Майкоп — 116
Майское (Майский) — 161, 185
Македония Восточная — см. Восточная Македония
Малгобек — 121
Малка — 117
Мало-Карачаевский район — 118
Манчестер — 21
Манчжурия — 93
Маре — 204
- Марийская АССР — 127, 128, 136, 138, 152
Марковский район — 166
Мархлевский национальный район — 87
Марьинская губерния — 30
Марьинская область — 93, 246, 259
Медведковская — 78, 245
Мезе-Берень — 208
Мелитополь — 172
Мемельская область — 35
Мерв — 26
Месхетия — 128, 175, 275
Месхет-Джавахети — 129
Мецхальский — 161
Мешхед — 26, 291
Микояни — 118 (см. Микоян-Шахар)
Микояновский район — 118, 132
Микоян-Шахар — 117–118 (совр. Черкесск; см. также Микояни и Клухори)
Минская область — 218, 237
Минский район — 130
Мирзачульский район — 71
Михайловская — 53–54
Мишкольц — 209
Мниев — 29
Моздок — 123
Моздокский коридор — 184
Моздокский район — 161, 185
Молдавия (в том числе Молдавская ССР) — 34, 56, 99, 100, 102, 137, 140–141, 143, 146, 151, 246, 248–249, 254, 263, 266, 279 (см. Молдавия Правобережная)
Молдавия Правобережная — см. Правобережная Молдавия
Молодербетовский улус — 120
Молодеченская область — 264, 266
Молотовская область — 98, 127–128, 131, 218, 259, 261 (см. Пермская область)
Монголия — 79, 245
Моравия — 36
Моравская Острова — 38
Мордовия (Мордовская АССР) — 66, 136
Мосбасс (Московский угольный бассейн) — 93, 151

- Москва — 21, 25–28, 34, 55, 72, 82, 86, 105, 111, 118, 132, 151, 163, 175, 182, 187, 192, 195, 197, 199, 228, 244–246, 255
- Московская область — 26, 63, 71–72, 76, 80, 111, 127, 136, 138, 151–152, 217–218, 246, 255
- Мугабская степь — 175
- Мулебки — 134
- Муреш — 204, 208
- Мурманск — 99, 254
- Мурманская область — 58, 93, 99, 151, 217, 246, 254
- Мышенец — 29
- Мюльхайм-на-Руре — 192
- Мюнстер — 191
- Мюнхен (München) — 39, 169, 192–193, 282–283
- Нагорный район — 125
- Назрановский округ — 54
- Назрановский район — 123, 161
- Назина, река — 82
- Назино, остров — 82
- Нальчик — 274
- Нарев — 35
- Нариманский район — 160
- Нарткала — см. Докшукино
- Нартовский район — 123
- Нартовское — 123
- Нарым — 71, 76, 243, 278
- Нарымский край — 65, 77, 82, 84
- Наурский район — 160
- Немцев Поволжья Автономная область — см. Автономная область Немцев Поволжья
- Немецкий национальный район — 165, 268
- Нечерноземье Центральное — 182
- Нивстрой — 71–72
- Нигерия — 24
- Нижегородский край — 63, 69, 71, 73, 76, 245 (см. Горьковский край)
- Нижеволжский край — 74, 245
- Нижнее Поволжье — 78–79
- Нижнетагильский округ — 65
- Нижний Дунай — 204
- Нижний Чегем — 125
- Нижняя Волга — 64–67, 76, 151, 156
- Нижняя Саксония — 43
- Николаевская область — 172
- Ницца — 56
- Новая Александрия — 29
- Новгородская область — 136
- Новоалексеевка — 172
- Ново-Куловский район — 71
- Новолакский район — 133, 161, 291 (см. Ауховский район)
- Новолакское — 133
- Ново-Малороссийская — 80
- Новороссийск — 28, 116, 172
- Новосибирск — 82
- Новосибирская область — 20, 83, 98, 100, 102, 108, 111, 113, 120–121, 137, 139, 152, 154, 246, 247, 248, 257–258
- Нойштадт-Орла — 226
- Нюрнберг (Nürnberg) — 120, 283
- Няндомский округ — 65
- Обь — 65, 82
- Одер — 40–41
- Одесса — 26, 28
- Одесская область — 80, 113, 247
- Октябрьское — 161
- Олонецкая губерния — 28, 53
- Олт — 204, 208
- Оман — 24
- Омская область — 96, 104, 108, 111, 120–121, 139, 152, 154, 165, 246–248, 257–258
- Орджоникидзевский край — 104, 111, 113, 117, 247, 255
- Оренбургская область — 28
- Орловская область — 132–133, 136, 248
- Ошская область — 124
- Павлодарская область — 97, 124, 152
- Падоозеро — 192
- Палестина — 25, 45, 59
- Памир — 60

- Парабельский район — 71
Парбигская комендатура — 76
Париж — 38, 55
Пелт-Пилиш — 204
Пензенская область — 132
Первомайск — 134
Пермская губерния — 28
Пермская железная дорога — 209
Пермская область — 96 (см. Молотовская область)
Персия — 26 (см. Иран)
Петроград — 55, 245 (см. Ленинград, Петербург)
Петербург — 28 (см. Ленинград, Петроград)
Петровская, гора — 127 (см. Ай-Петри)
Петрозаводск — 192, 223, 252
Печорский район — 140, 263
Пинская область — 264
Пирл-Харбор — 40
Плоешти — 208
Поволжье — 58, 65, 78–79, 83, 106–109, 111, 132, 148, 150, 152, 164–165, 166, 242–243, 255, 266, 269, 276, 285, 287
Поволжье Верхнее — см. Верхнее Поволжье
Поволжье Нижнее — см. Нижнее Поволжье
Поволжье Среднее — см. Среднее Поволжье
Подберезье — 228
Подольская губерния — 29
Познань (б. Позен; Poznan) — 33, 226, 283
Полоцкая область — 264
Полста — 208
Полтавская губерния — 29
Полтавская область — 117
Полтавская, станция — 78, 245, 259
Польша (Poland) — 18, 24, 29–32, 36–38, 40–45, 86, 88, 95–96, 98, 195, 199, 227, 232, 235, 237, 246, 265, 276, 279, 281, 296 (см. Царство Польское)
Померания — 41
Попов Хутор — 161
Парабельский район — 65, 71
Португалия — 24
Посьет — 91, 246
Посьетский район — 90
Потсдам — 42, 198–199
Правобережная Молдавия — 143
Преградненский район — 118
Приамурье — 59, 90
Приангарский район — 65
Прибалтика — 28, 31, 33–35, 95, 98–99, 130–131, 140–141, 143, 145, 151, 168, 249, 263, 286, 293 (см. Балтия)
Прибылова остров — 40
Приволжский улус — 120
Пригородный район (Ленинградская область) — 71
Пригородный район (Северо-Осетинская АССР) — 123, 158, 161–162, 183–187
Прикубанье — 71
Прикумский район — 69
Приморский край — 92, 151
Приморье — 28, 57, 90
Приуссурье — 90
Причерноморье — 25, 79
Приэльбрусье — 15, 124
Приютненский район — 120, 259
Приютненский улус — 120
Пруссия Восточная — см. Восточная Пруссия
Пруссия Западная — см. Западная Пруссия
Прут — 204
Пседахский район — 123, 161
Псковская область — 136, 140, 249, 263
Псыход — 176
Пулин, национальный район — 87
Путивльский лагерь — 100
Пьемонт — 56–57
Пыталово — 140
Пыталовский район — 140, 263
Пясечна — 29
Пятигорск — 126
Радомская губерния — 28
Радошиц — 29
Ратлуп — 134
Редант (Редант 1, Редант 2) — 161, 184
Республика Крым — 174

- Решица — 207
Рига — 38
Ритляб — 133
Ритлябский район — 133–134
Ровенская область — 117, 259
Ровненский район — 166
Романовская — 53–54
Россия (Russia; Rußland) — 12–14, 16–21, 55–59, 61, 63–64, 79–80, 90, 104, 129, 135, 147, 151, 154–156, 160, 166–169, 170, 174, 178, 181–184, 186–188, 192, 241–243, 259, 261, 264–265, 268–270, 274–275, 281–284, 291, 293
Ростов-на-Дону — 25, 78, 274, 278
Ростовская область — 111, 116–117, 120–121, 126, 132, 150, 218, 220, 246, 247, 255, 257–259
Румыния — 18, 34–35, 38–39, 41, 56, 95, 99, 192, 197, 199–201, 204–208, 210, 216, 225–227, 231–232, 235
Рыки посад — 28
Рязанская губерния — 28
Рязанская область — 136, 151, 248
- Саалты — 176
Саалтинский район — 176, 179
Саар-Пфальц — 38
Савелово — 228
Саксония Нижняя — см. Нижняя Саксония
Сальский район — 70, 245
Самаркандская область — 54, 126
Самашки (Самашкинская), станция — 53–54
Самбор — 204
Сан — 38
Санислэу — 208
Саратов — 165
Саратовская область — 106–108, 111, 135, 150, 155, 164–166, 241, 246, 248, 255, 269
Сармаково — 125
Сарпинский улус — 120
Сарыассийский район — 71
Сату-Маре — 204, 208
Сату-Марская область — 208
- Сауту — 158
Сахалин — 39, 58, 91, 261, 292
Сахалин Северный — см. Северный Сахалин
Саясановский район — 123
Саятский район — 71
Свердловская (ныне Екатеринбургская) область — 83, 96, 98, 121, 127–128, 131, 152, 218, 220, 236–237, 248, 259, 261
Севастополь — 126
Север Европейской части — 54, 68, 83, 102, 148, 245–246, 285 (см. Европейский центр и Европейская часть СССР)
Северная Буковина — 34–35, 98–99
Северная Осетия — 123, 133, 184–187, 220, 247, 259 (см. Северо-Осетинская АССР)
Северная Трансильвания — 208, 210
Северный Кавказ — 49–50, 53–54, 58, 64–70, 72, 74, 76, 78–80, 83, 113, 116, 122, 126, 145, 148, 151, 154, 156, 175, 178, 187, 217, 242–243, 245–247, 258, 276, 292
Северный Казахстан — 8, 154
Северный край — 63–65, 68–69, 71–74, 76–77, 245, 251
Северный Сахалин — 91, 152, 154, 182
Северо-Двинский округ — 65
Северо-Западный Кавказ — 150
Северо-Кавказский край — 245
Северо-Казахстанская область — 90, 97, 124, 152
Северо-Осетинская АССР — 113, 161, 162, 218, 247, 255 (см. Северная Осетия)
Селигер — 229
Семипалатинская область — 97, 124, 137, 152
Семиреченская область — 54
Семиречье — 27, 54
Сенегал — 24
Сербия — 35
Сергокалинский район — 134
Серенче — 209
Сибирь — 28, 48, 58, 62, 64–65, 67, 70, 72, 82, 96, 113, 115, 137–138, 154, 245–246, 248, 262, 287, 290, 294 (см. Восточная Сибирь и Западная Сибирь)

- Сибирь Восточная — см. Восточная Сибирь
Сибирь Западная — см. Западная Сибирь
Сибу — 208
Сиблаг — 76
Сигет — 227, 233
Силезия — 41 (см. Верхняя Силезия)
Силезия Верхняя — см. Верхняя Силезия
Симферополь — 128
Симферопольский район — 172
Синегорский район — 69
Синявинские торфоразработки — 71
Сквернивец — 29
Славянский район — 78
Словакия — 35, 41, 45
Словения — 35, 43, 295
Советский район (Карачаево-Черкессия) — 125
Советский район (Красноярский край) — 130
Советское — 125
Сокола — 205
Сокола-Голац — 210
Сольнок — 204
Сомеш — 204
Сохачев — 29
Спасск — 91, 246
Средне-Волжский край — 73, 245
Среднее Поволжье — 79
Средняя Волга — 64–67, 74
Средняя Азия — 11, 27, 50, 59, 63–64, 66–67, 71–73, 76–77, 79, 83, 98, 130, 147–148, 150–151, 168, 170–172, 175, 180–181, 187, 243, 291
Ставрополь — 25, 109, 260
Ставропольский край — 70, 83, 111, 117–118, 120, 123, 133, 160–161, 175, 178–179, 258, 260
Ставропольский район — 70, 245
Сталинградская область — 80, 92–93, 106–108, 111, 120–121, 150, 246, 248, 255 (см. Волгоградская область)
Сталино — 223 (см. Донецк)
Сталинская область — 113, 150, 218, 220, 247, 255 (см. Донецкая область)
Стамбул — 30
Старо-Полтавский кантон — 105–106
Старый Черек — 125
Степной — 120
Стокгольм (Stockholm) — 102, 283
Сувалкская губерния (область) — 29, 35
Судетская область — 32, 35
Суйфунский район — 90
Сулевкент — 134
Сунжа — 161
Сунженская, станица — 53–54
Сунженский округ — 54
Сунженский район — 123, 183
Сучанский район — 90
США — 17, 25, 32, 40, 42, 45, 103, 195–197, 199, 204, 275, 278
Сыр-Дарьинская область — 54
Таврическая губерния — 29
Тагиллаг — 290
Таджикистан (в том числе Таджикская ССР) — 60, 78, 87, 93, 118, 141, 152, 168, 181, 220, 245–246, 248–249, 252, 261, 263
Талды-Курганская область — 90, 152
Таллин — 130
Таманский полуостров — 116
Тамань — 172
Тамбовская губерния — 28
Тамбовская область — 132, 136
Тарангульский совхоз — 90
Тарская — 53
Тарский хутор — 54
Тарское — 161, 186
Татария (в том числе Татарская АССР) — 66, 67, 73, 76, 81, 151, 251
Таузен-юрт — 54, 161
Ташкент — 170–171, 211
Ташкентская область — 126, 175
Тбилиси — 128, 175–176, 247
Тверская губерния — 53
Тегеран — 195

- Тельц — 36
Темиргоевская — 78
Темрюк — 116
Терк — 161, 184
Терская линия — 245
Терская область — 53
Тимиш — 204, 207
Тимишоара — 207
Тироль Южный — см. Южный Тироль
Тифлис — 55 (см. Тбилиси)
Тихий океан — 39
Тихорецкий район — 80
Тляратинский район — 134
Тобольск — 121
Тобольский округ — 65
Тоинская комендатура — 76
Токрау — 71
Томск — 82
Томская область — 20, 139–140, 143, 150, 152, 154, 248–249
Томско-Енисейская железная дорога — 65
Трансильвания — 204
Трансильвания Северная — см. Северная Трансильвания
Транснистрия — 33
Транссиб — 137
Третий Рейх — 13, 21, 23, 191, 210, 280
Троицкая — 183
Троицкий улус — 120
Тульская область — 113, 138, 151–152, 247, 255
Тургайская область — 28
Туркестан — 54–55, 287
Туркмения (в том числе Туркменская ССР) — 30, 71, 93–94, 151, 168, 246, 261
Турция (Turkey) — 24–25, 28, 30, 57, 79, 93, 128, 176, 179–180, 183, 245
Тушино — 228
Тым — 65
Тыргу-Жиу — 208
Тюменская область — 140, 143, 154, 248–249
Тюрингия — 226
Удмуртская АССР — 127, 138, 151–152
Узбекистан (в том числе Узбекская ССР) — 60, 71, 92–93, 96–97, 126, 128–130, 138, 141, 143, 152, 154–155, 162, 168, 172, 174–175, 178, 180, 220, 243, 246–247, 258, 262, 267, 286
Украина (в том числе Украинская ССР) — 31, 34, 44, 57, 59, 62, 64–68, 70, 72, 74, 76, 78–80, 83–84, 86–88, 95–96, 104, 117, 133, 135, 141, 148, 150–151, 166, 168, 170, 172–174, 178, 211, 217, 220, 242, 245–246, 248, 252–254, 259–260, 263–265, 268, 270, 285, 293 (см. Западная Украина)
Украина Западная — см. Западная Украина
Ульяновская область — 136, 151, 166, 267
Уманская — 78
Унгены — 231
Унцукульский район — 134
Урал — 50, 54, 58, 65, 67–70, 72, 74, 76–77, 83, 96, 102, 138, 148, 150, 152, 217, 220, 245–246, 248, 279, 291
Урал Южный — см. Южный Урал
Уральская область — 68, 151
Урванский район — 125
Урупская — 78, 245
Уссурийский край — 55
Усть-Джегутинский район — 118
Учкуланский район — 117, 118, 132
Фарабский район — 71
Фегереш — 206
Фельдмаршальская — 53–54
Феодосия — 128
Ферганская долина — 154, 173, 178, 183
Ферганская область — 54, 126, 128
Фокшаны — 205, 227
Финляндия — 182, 197, 263
Фрайбург — 21
Фракия — 30
Фракия Западная — см. Западная Фракия
Франкфурт-на-Одере — 226–227, 233, 236
Франция — 24, 31, 35, 38, 42, 56, 290
ФРГ — 17, 43, 166–168, 180, 269 (см. Западная Германия)
Фрунзенская область — 118, 124

- Хабаровский край — 55, 91–92, 140, 150–151, 237, 248–249
Хайбах — 122
Ханты-Мансийский Национальный округ — 121
Харьковская область — 80, 113, 218, 247
Хасавюртовский район — 161
Хварши — 134
Хевеш — 204
Хелм — 33
Херсонская область — 150–151, 172
Хибины — 72, 76
Ходонь — 207
Хойду — 204
Хорватия — 35, 39
Хуламо-Безенгиевский район — 125
Хунзахский район — 134
Хушет — 134
- Цалкинский район — 128, 247
Царство Польское — 26
Цегледберцел — 208, 209
Целиноград (совр. Акмола) — 164
Центральная Азия (см. Азия Центральная) — 93, 242, 282
Цумадинский район — 133–134
Цунтинский район — 134–135
Цурююрт — 161
Центрально-Черноземная область — 64, 66, 68–69, 72, 76, 79, 245
- Чае-Парабельское пространство — 65
Чаинский район — 71
Чарджоуский район — 71
Чародинский район — 134
Чеберлоевский район — 123
Чебоксары — 209
Чегем-1 — 125
Чегемский район — 125
Челябинская область — 98, 151
Черек Верхний — см. Верхний Черек
Черекский район — 125
Черекское ущелье — 159
- Череповецкая губерния — 53
Черкесск — см. Микоян-Шахар
Черкесская Автономная область — 265
Чермен — 161, 185
Черниговская область — 80
Черновицкая область — 100, 246
Черногорский спецлагерь — 150, 258
Черноземельский улус — 120
Черноморское побережье — 70, 141, 248, 263
Чернореченское — 161
Чехия — 36, 38
Чехословакия — 18, 41, 42, 45, 200–205, 210, 231–232, 235 (см. Чехия и Словакия)
Чечено-Ингушетия (Чечено-Ингушская АССР) — 78, 113, 121, 123, 132–134, 160, 162, 178, 184, 246–247, 252, 257–259, 261, 265, 268, 293
Чеченская Автономная область — 121
Чеченская Республика — 178, 268, 276
Чеченский округ — 54
Чимкентская область — 152, 154
Чимкентский уезд — 54
Читинская область — 81, 91, 113, 151, 246, 257
Чкаловская (совр. Оренбургская) область — 138, 218
Чонград — 204
Чувашская АССР — 136, 152, 218
Чулым — 76
- Шавли — 29
Шапих — 134
Шароевский район — 123, 161
Шахтинский округ — 69
Шегарская комендатура — 76
Шелковской район — 160
Шлезвиг-Гольштейн — 43
Шлиссельбург — 71
Шолт-Кишкун — 204
Шолхи — 54, 161
Штеттин — 42, 245
Штирия — 43
Шурагат — 133
Шурагатский район — 133–134

Указатель географических названий

- Эзми — 161
Элиста — 120
Эльбрус (Иалбузи) — 124
Эльзас — 38
Энгельс — 105, 108
Энгельсский район — 269
Энгельсовский район — 166
Эстония (в том числе Эстонская ССР) — 34–35, 99–100, 102, 130, 137, 139, 140, 167, 246, 248, 253–254, 263, 266
- Юго-Восточная Европа — 199, 207, 215, 221
Югославия — 12, 18, 35, 41, 43, 45, 200–201, 203–204, 209, 210, 216, 232, 235
Южная Грузия — 130
Южная Корея — 181, 182
Южноказахстанская область — 88, 90, 93–94, 100, 118, 125, 137, 246–248
Южный — 161
Южный Тироль — 35–36
Южный Урал — 151
- Якутская АССР — 116, 139, 143–145, 152, 247, 249, 259–260
Якутская область — 28
Ялта — 46, 127, 280
Ямало-Ненецкий Национальный округ — 121
Янгиюльский район — 71
Яндиево — 161
Яновец — 29
Япония (Жарап) — 32, 39–40, 91, 93, 235, 237
Ярослав — 33
Ярославская губерния — 28
Ярославская область — 96, 124, 136
Яхимовские рудники — 231
Яшалтинский улус — 120
- Augsburg — см. Аугсбург
- Belorussia — см. Белоруссия
Beograd — см. Белград
- Berlin — см. Берлин
Bonn — 41, 43, 191, 281, 283
Bratislava — 45
Braunschweig — 284
Bulgaria — см. Болгария
- Carolina North — 283
Central Asia — см. Центральная Азия
- Darmstadt — 283
Deutschland — см. Германия
Don — см. Дон
Düsseldorf — 281, 295
- Einhausen — 282
Essen — 281, 283–284, 296
Europe — см. Европа
- Frankfurt-am-Main — 280
- Georgia — см. Грузия
Göttingen — см. Геттинген
Greece — см. Греция
- Helsinki — 277
- Japan — см. Япония
Jefferson — 283
Judenburg — 281
- Kaukasus — 180
Kentucky — 282
Köln — см. Кельн
Korea — см. Корея
- Ljubljana — 295
London — см. Лондон
Louisville — 282
- Mainz — 168
München — см. Мюнхен

Указатель географических названий

New-Jersey — 282

New-York — 30, 281–282, 294

Nürnberg — см. Нюрнберг

Oder-Neisse — см. Одер

Oxford — 59

Poland — см. Польша

Poznan — см. Познань

Princeton — 39, 281–282

Russia — см. Россия

Rußland — см. Россия

Salzburg — 281

Seattle — 41, 282

Seoul — 39

Slovenica — см. Словения

Stockholm — см. Стокгольм

Turkey — см. Турция

Washington — 282

Weimar — 192

Westfalen — 295

Wien — см. Вена

Wiesbaden — см. Висбаден

Художник: *С. В. Митурич*

Редактор: *Т. В. Левичева*

Изготовление оригинал-макета: *Т. А. Донскова*

Корректор: *Е. Г. Вагина*

Производство: *Е. Е. Свердлова*

Объединенное гуманитарное издательство,

Москва, Средний Кисловский пер., д. 3, строение 3

Тел.: 229-55-48; факс: 229-05-43; e-mail: perm@zhurnal.ru

Главный редактор издательства: *Е. В. Пермяков*

Директор издательства: *Д. С. Ицкович*

*Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, код 953000*

ЛР № 065416 от 22.09.97.

Сдано в набор 5.03.2000. Подписано в печать 25.11.2000

Формат 70x100/16. Объем 26,45 усл. печ. л.

Гарнитура OfficіnaSans. Бумага офсетная. Печать офсетная

Заказ №